

Аркадий Харюшин

*Дорогами
жизни*

Москва
2026

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Х 23

Харюшин А.А.

Х 23 Дорогами жизни. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2026. – 448 с.

ISBN 978-5-00246-600-9

В словосочетании «Дорогами жизни» ключевым является слово «жизнь». Великий знаток русского языка Владимир Иванович Даль применительно к человеку истолковывал это слово как «существование отдельной личности». В трудах более поздних лексикографов данное слово уже трактовалось как «деятельное духовное и физическое существование личности в определённых пространственных и временных пределах». Сами эти пределы считались подвижными и могли расширяться для пространственных – от текущего местоположения человека до всепланетных масштабов; для временных – от сроков человеческой жизни до вечности.

Возникновению суждения о вечности человеческой жизни мы обязаны идеалистическим верованиям ряда восточных и европейских народов, допускающих мысль о бессмертии человеческой души и возможности воскрешения человеческого тела. На подобных позициях стоят и некоторые материалистически мыслящие представители отдельных социальных групп из числа научной и творческой интеллигенции, которые, не веруя в божественные чудеса, считают, что жизнь человека и человеческого рода в целом может быть вечной вследствие, во-первых, постоянного прирастания потомством и, во-вторых, в результате земных, никогда не теряющих своей ценности, дел. Эта позиция определяется словами: «Человек вечен своим потомством и своими земными достижениями».

В книге «Дорогами жизни» сделана попытка доказать справедливость вышеуказанных суждений на примере жизни отдельно взятого человека. По словам Ф.М. Достоевского: «Человек – это целый мир», поэтому его жизнь не может быть неинтересной.

ISBN 978-5-00246-600-9

© Харюшин А.А., 2026
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2026

От автора

Содержание литературных произведений всех больших русских писателей и поэтов всегда автобиографично. Это свойственно прозе и стихам Пушкина, Баратынского, Вяземского, Лермонтова, Тютчева, Льва Толстого, Есенина, Цветаевой, Ахматовой, Симонова, Рубцова и многих других представителей русского литературного творчества. Все они создавали свои труды как на базе собственного жизненного опыта, так и на основе наблюдений событий окружающей жизни. Вымысел допускался, но он не был главенствующим и основополагающим.

Моя новая книга «Дорогами жизни» в этом смысле полностью автобиографична, построена на пережитых мною событиях и реальных фактах. Толчком к её написанию послужило повторное прочтение замечательной трилогии Льва Николаевича Толстого «Детство, отрочество и юность». Обратил внимание на изложение автором этапов его молодой жизни, на то как он описывает процесс становления своей личности, формирование характера и главных мировоззренческих принципов.

Подумалось: «Почему бы и мне не прибегнуть к подобному опыту и вслед за гениальным писателем не попытаться изложить основные этапы моей, насыщенной самыми различными событиями, жизни». При этом в центр такого изложения непременно поставить те личностные свойства человека, которые по мере своего развития определяют смысл и содержание его сознательной взрослой созидательной или разрушительной деятельности. Это важно потому, что каждый из нас рано или поздно задаётся вопросом: «Зачем и для чего я жил?» Такой вопрос возникает прежде всего в силу того, что наша жизнь ко-

нечна и потому может показаться бессмысленной. Ответ конкретного индивида на этот вопрос порождает две возможные формы поведения: абсолютный пессимизм и паразитарный образ жизни или – глубоко осознанное, проникнутое благой целью, целенаправленное служение человеческому сообществу и своей Родине.

Судя по высказываниям и письменному наследию многих русских философов, учёных, писателей и поэтов, все они так или иначе сталкивались с этим вопросом и у всех у них мысль о созидательной трудовой деятельности во имя блага человеческого рода брала верх над упадническими соображениями. А такие соображения были. Так, известный русский философ и писатель Василий Розанов однажды чувственно восклицал: «Я кончен. Зачем я жил?» Подобные вопросы возникали у Фета. Вяземского, Баратынского, Батюшкова, почти у всех поэтов-символистов и даже у Александра Сергеевича Пушкина. Они чётко проявились в его знаменитом стихотворении «Дар напрасный...»:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Он и все вышеперечисленные поэты пережили и почувствовали разящую силу этого вечного, страшного по своей сути, вопроса. Однако, к счастью, после некоторого периода сомнений, вернулись на благодатный путь прославления жизни, как средства служения человечеству, постоянно саморазвивающемуся и вечному. Труд и труженичество с этого момента становились для всех их главной жизненной ценностью, содержанием и целью собственного бытия. Отсюда свойственные всем им бесконечная любовь к окружающему миру, природе, людям, своей стране, её прошлому, настоящему и будущему. Отсюда – великая ценность их гениальных литературных трудов.

В этом отношении показательны собранные нашим современником, большим тружеником, автором серии энциклопедических антологий под рубриками «В поисках смысла» и «Мудрость тысячелетий» Александром Мачехиным высказывания великих русских писателей и поэтов, отражающие видение ими смысла человеческой жизни. Так, Лев Николаевич Толстой считал, что: «Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как служение». Вторя ему, писатель Николай Семёнович Лесков утверждал: «Жизнь, пройденная без служения широким интересам и задачам общества, не имеет оправдания». Ещё более категоричным был Антон Павлович Чехов, который заявлял: «Человек должен работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается и смысл и цель его жизни».

На этих же позициях стоял большой русский поэт Валерий Яковлевич Брюсов. Он многократно в своих статьях и полемических заметках отмечал, что труд для него всегда был смыслом и содержанием всей его разносторонней и очень интересной жизни. В труде он реализовал себя как поэт, учёный, педагог, редактор литературного журнала, председатель Всероссийского союза поэтов и, наконец, как организатор и создатель первого в мире учебного заведения по подготовке профессиональных литераторов – Высшего литературно-художественного института, который стал предшественником Литературного института имени А.М. Горького.

Пример Брюсова, его великое труженичество, поднятие человеческой сознательной деятельности до уровня главной жизненной ценности были для меня всегда особо заразительными. Поражало то, что даже на смертном одре его мозг продолжал размышлять о поэзии. Последними прижизненными словами поэта были: «Мои стихи...» Верность Брюсова своему жизненному делу поразительна. Следуя его примеру, я и сам проработал и прослужил до 75 лет. Выйдя на пенсию, погрузился в литературную работу. До сего момента заинтересованно занимаюсь ею. Нахо-

жу в литературном труде не только предмет приложения своих знаний и способностей, но и огромную спасительную силу, которая ограждает меня от социальных неурядиц и бытовой скуки. Того же желаю всем русским писателям и поэтам, моим современникам и коллегам.

*С уважением,
Аркадий Харюшин*

Моя Малая родина и её историческое прошлое

Все мы начинаем свою жизнь с момента рождения в определённом месте и в определённое время. Мне повезло родиться 8 октября 1942 года в сибирском селе Большое Сорокино, которое в ту пору входило в состав огромнейшей по своим размерам Омской области. Это село, как и другие местные населённые пункты, возникло в результате земельных реформ Петра I по улучшению административно-управленческой системы Западной и Восточной Сибири.

Согласно его указу от 18 декабря 1708 года, вся Сибирь была поделена на восемь крупных губерний. Важнейшей из них стала Тобольская губерния с административным центром в городе Тобольске. Её возглавил назначенный царём военный губернатор. Губерния делилась на уезды, каждый из которых управлялся местным воеводой. Крупнейшим уездом Тобольской губернии стал Ишимский уезд с административным центром в Коркинской слободе. В его состав вошло несколько местных поселений, среди которых было и село Большое Сорокино. В этот момент в нём уже проживала большая община переселенцев из городов и сёл Центральной России, Украины и Белоруссии. Основателем села считался отслуживший полный срок царской военной службы строевой казак Сорокин. Ему приглянулись раздольные, богатые лесом, рыбными и охотничьими ресурсами места на берегах шумливой и тогда ещё достаточно полноводной речки Ик. Здесь и возвели село, названное позднее именем его создателя казака Сорокина.

Официальной датой возникновения села считается 1747 год, так как именно с этого момента оно стало упоми-

наться в государственных деловых и церковно-метрических документах, ведущих учёт численности и хозяйственной деятельности местного населения. В 1782 году, в соответствии с указом императрицы Екатерины II, центр Ишимского уезда – Коркинская слобода – была переименована по названию реки, на берегах которой она стояла, в уездный город Ишим. Все прилегающие к этому городу земли стали делиться на волости. Процесс формирования таких волостей затянулся на долгие годы. В 1783-1784 годах была сформирована Готопутовская волость в составе села Готопутово и приданных ему шестнадцати более мелких сёл и деревень, в том числе и села Большое Сорокино, которое вследствие последующих территориальных преобразований вскоре также стало волостным.

В годы Советской власти село Большое Сорокино, как отдельный районный центр, входило в состав Уральской (1924-1931) и Омской (1935-1944) областей. В 1944 году в связи с образованием на территории Западной Сибири Тюменской области перешло в её состав в качестве самостоятельного крупного районного центра. С тех пор оно стало именоваться селом Большое Сорокино Сорокинского района Тюменской области.

Советская власть в Ишимском уезде и его волостях устанавливалась крайне трудно. Начиная с января 1918 года существующие здесь управленческие органы павшего в октябре 1917 года Временного правительства А.Ф. Керенского начали постепенно и почти бескровно сдавать свои полномочия представителям рабоче-крестьянских губернских комитетов. Повсеместно формировались новые государственные органы управления. В Тюмени был создан губернский городской Совет рабочих и крестьянских депутатов, который активно осуществлял все эти мероприятия. Подобная работа велась и в Большесорокинской волости, но завершить её не удалось из-за неожиданно вспыхнувшего в поволжских городах Пензе и Самаре вооружённого мятежа 40-тысячного Чехословацкого армейского корпуса.

Через несколько дней при поддержке командного состава этого корпуса в Самаре было сформировано местное буржуазное правительство, получившее название Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Его верхушка состояла из правых эсеров и меньшевиков, которые тут же объединились в руководящий орган этого правительства – Совет Комуча. Его возглавил эсер В.К. Вольский. Он, как и его ближайшие соратники, придерживался политического курса свергнутого большевиками Временного правительства Керенского и выступал за созыв общенародного Учредительного собрания, которое бы своим решением утвердило новую форму государственного строя России.

Вскоре совету Комуча при помощи чехов удалось создать свою компактную, но вполне боеспособную Народную армию. В неё влились бежавшие из Советской России бывшие царские офицеры, 15-тысячный отряд оренбургских и уральских казаков, а также сводная группа рабочих государственных Ижевского и Воткинского оружейных заводов, оставшихся верными российскому самодержавному строю. Общая численность Народной армии на момент её создания насчитывала 25 тысяч неплохо вооружённых солдат и офицеров.

Подразделения этой армии совместно с продвигающимися по Транссибирской железной дороге в сторону Владивостока частями Чехословацкого корпуса начали планомерно и последовательно сметать на своём пути только что созданные на Урале и в Сибири органы Советской власти и её малочисленные военные гарнизоны. К июню 1918 года один за другим пали Пермь, Челябинск, Уфа, Екатеринбург и Казань. Открылся путь на Тюмень, Ишим и Омск.

Обеспокоенное этими событиями, Советское руководство попыталось перехватить Чехословацкий корпус и примкнувшие к нему белогвардейские части Комуча под Омском. По приказу ВЦИК и лично его председателя Якова Свердлова Омскому военному гарнизону, отряду омской народной милиции и особой группе омского ВЧК была поставлена задача остановить противника под Марьяновкой.

Силы, однако, оказались неравными. Красные отряды бой проиграли. Затем было сражение на подступах к Омску, у железнодорожной станции Куломзино. Результаты сражения вновь были не в пользу красноармейских частей. 7 июня 1918 года Омск пал. Ещё несколькими днями ранее пали Тюмень и Ишим. Красноармейцы понесли большие потери в живой силе и технике. В бою был убит начальник Омской милиции большевик Пётр Успенский.

После захвата чехами и белогвардейцами Омска, здесь 23 июня 1918 года было сформировано Временное Сибирское правительство. Этому правительству в короткие сроки удалось ликвидировать все остатки советских военных и гражданских органов власти и провести крупные мобилизационные мероприятия. В результате этого в течение последующих трёх месяцев у Омского правительства появилась своя достаточно боеспособная Сибирская армия. Её костяк составили части и подразделения сибирских казачьих войск.

На данном историческом этапе основные западные страны Антанты (США, Англия и Франция) всё ещё продолжали надеяться на возможное возвращение России в коалиционный союз. Но для этого нужно было нанести полное поражение большевистской Советской Республике. Это можно было сделать только одним способом – абсолютным разгромом частей Красной армии. Возникла потребность в сплочении всех белых сил под руководством единого всероссийского правительства, которое могло бы справиться с этой сложной стратегической задачей. По мнению западных аналитиков, из всех находящихся на территории бывшей Российской империи временных правительств, а их было в общей сложности на тот момент семнадцать (Архангельское, Оренбургское, Хабаровское, Екатеринбургское, Кубанское, Башкирское, Калмыкское и др.), особое внимание следовало уделить Самарскому (Комучевскому) и Омскому (Сибирскому) правительствам, потому что они имели регулярные, вовлечённые в борьбу с Красной армией собственные вооружённые силы.

Южная группировка белогвардейских войск под командованием генерала Антона Деникина в расчёт не бралась потому, что она, во-первых, почти всецело была подчинена западным союзникам и не возражала против формирования с их помощью единого всероссийского правительства и, во-вторых, её фронты всё ещё были существенно удалены от территории стратегических действий Народной и Сибирской армий.

Единое правительство нужно было создать в самые кратчайшие сроки. Поэтому западная дипломатия начала оказывать на самарцев и омичей сильный политический нажим. Переговоры между Комучем и Омским правительством протекали крайне сложно. Каждое из них стремилось сохранить верховную власть за собой.

Между тем, обстановка на Западном фронте в очередной раз существенно изменилась. Усиленная притоком новых боевых рабочих отрядов, Красная армия в конце сентября 1918 года перешла в наступление и вплотную подошла к Самаре. Комучевское руководство и комучевское военное командование были вынуждены срочно перебраться в Уфу, а затем в Омск. Их переговорные позиции существенно ослабли и они были вынуждены согласиться на объединение с Омским сибирским правительством. В результате этого 23 сентября 1918 года наконец было провозглашено Временное Всероссийское правительство.

Руководящим органом этого правительства стала Директория в составе пяти наделённых особыми властными полномочиями лиц. От Комуча в Директорию вошло три человека, от Омского правительства – два. Объединению подверглись и армии обеих договаривающихся сторон. Они слились в единую вооружённую силу, которую возглавил генерал Болдырев.

Случилось, однако, так, что единое Временное Всероссийское правительство просуществовало всего два месяца (с 23 сентября по 18 ноября 1918 года). Неудовлетворённые действиями комучевцев, ратующих за проведение всенародного демократического референдума и тем са-

мым усложняющих процесс формирования в Сибири сил, способных в короткие сроки покончить с большевизмом центральных районов России, военно-политические круги США, Англии и Франции при содействии недовольных деятельностью Директории местных казачьих командиров совершили в Омске военный переворот в пользу доставленного сюда 20 октября 1918 года под охраной английского конвойного отряда адмирала А.В. Колчака.

На следующий день состоялось экстренное заседание Совета министров объединённого Омского правительства, на котором западным кругам с помощью своих конфидентов в лице членов Омского правительства и сибирской фракции партии Конституционных демократов Виктора Пепеляева, Георгия Гинса и др. удалось протолкнуть на пост военного диктатора России кандидатуру Колчака. Он тут же был провозглашён Верховным правителем, а чуть позднее, с уходом с поста Главнокомандующего сибирскими вооружёнными силами генерала Болдырева и Верховным Главнокомандующим всеми российскими сухопутными войсками и всеми российскими военно-морскими формированиями.

В этом качестве, получив мощную поддержку со стороны западных государств поставками оружия и боевой техники, по их настойчивым рекомендациям приступил к формированию обновлённой, усиленной новыми боевыми частями, объединённой сибирской армии. В короткий зимне-весенний период 1918-1919 годов её нужно было увеличить с имеющихся 180 до 450 тысяч человек. Благодаря активным мобилизационным мероприятиям эту задачу удалось решить. К марту 1919 года численность армии была доведена до требуемых показателей. В сухопутные войска были призваны мужчины в возрасте от 18 до 45 лет.

Уже в ходе этой мобилизационной кампании со стороны колчаковского военного командования были проявлены многочисленные насильственные действия. Нежелающих служить в армии подвергали лишению имущества, тюремному заключению и даже расстрелу. Всё это вызвало в ряде

районов Западной Сибири, в частности в Ишимском уезде и его волостях, волну протестов и даже очагов активного вооружённого сопротивления. Но размах этого сопротивления был пока ещё невелик и с ним удалось быстро справиться.

Под нажимом сидевших в Омске английских и французских военных советников начался процесс подготовки усилившихся колчаковских войск к броску на Запад с целью захвата Казани и других поволжских городов с последующим выходом на Москву. В срочном порядке была сформирована группа ударных армий, общее руководство которыми было возложено на участника Брусиловского прорыва царского генерала М.В. Ханжина.

Наступление началось в марте 1919 года. Его первоначальный успех был подлинно триумфален. Вслед за захваченной ещё при Болдыреве Пермью от красных войск были освобождены Уфа и Чистополь. 30 апреля 1919 года белогвардейские части находились уже в ста километрах от Казани. На этом их движение вперёд было остановлено. Оторвавшиеся от своих тылов передовые отряды группировки войск генерала Ханжина увязли в весенней грязи и, не имея поддержки, в начале мая 1919 года потерпели ряд крупных поражений от существенно усилившихся войск Красной армии.

Начался фатальный для колчаковских военных формирований обратный процесс. Вскоре ими были оставлены Уфа, Пермь и Челябинск. Военные действия перешли на территорию Зауралья и Западной Сибири. Красная армия начала наступление на Тюмень, Курган, Тобольск, Ишим и Омск. Военный каток вновь покатился по сибирским землям, в том числе и по Ишимскому уезду, а следовательно, и по Большесорокинской волости. В ходе боевых действий колчаковцы понесли огромные потери в живой силе и технике. Потребовалось срочное пополнение армии личным составом и материальными ресурсами.

В этих условиях в июле 1919 года Колчаком была провозглашена Программа второй волны мобилизационных

мероприятий. На всех подконтрольных его режиму территориях Западной и Восточной Сибири начался жесточайший тотальный призыв в армию местного населения теперь уже в возрасте от 18 до 60 лет включительно. Такими же жесточайшими методами проводились и реквизиционные мероприятия по изъятию у местного населения пищевых продуктов, домашнего скота, лошадей и повозок. Началось поголовное ограбление сибирского крестьянства, сопровождающееся побоями, расстрелами и даже артиллерийскими обстрелами отдельных сёл и деревень.

Вторая волна мобилизации вызвала вторую, теперь уже более широкую, волну вооружённого сопротивления. На территории Тюменской, Тобольской и Омской губерний, в том числе и в Ишимском уезде, начали действовать сотни партизанских отрядов, вставших на борьбу со своими обидчиками. Ответная реакция была жесточайшей. Пленных партизан расстреливали без суда и следствия большими в несколько сот и даже тысяч группами. Сёла и деревни, оказывающие хотя бы какое-то сопротивление, сжигались дотла или сносились артиллерийским огнём.

В складывающихся условиях восставшее сибирское крестьянство связывало свои надежды с наступающей Красной армией. Командиры партизанских отрядов согласовывали свои действия с действиями красноармейских частей, а иногда даже вливались в них своим составом. Это способствовало успехам Красной армии и ускорило разгром колчаковских войск. 8 ноября 1919 года пала столица колчаковского режима город Омск. Началось повсеместное восстановление Советской власти. В Тюменской губернии, в Ишимском уезде и его волостях, в том числе и в Больше-сорокинской, вновь заработали Советы рабочих и крестьянских депутатов, возникли органы местного самоуправления в виде исполнительных комитетов. Крестьянство Западной Сибири вздохнуло свободней и стало связывать своё будущее с новой властью.

К сожалению, надеждам на лучшее будущее не суждено было сбыться. В центральных районах Советской

России, продолжающей войну с белогвардейскими армиями генералов Деникина, Миллера и Юденича, весной 1920 года вспыхнул повсеместный, вызванный очередным неурожаем, голод. Останавливались заводы, не работал транспорт, нарушились экономические связи внутри страны. Над Советской республикой нависла смертельная опасность.

В этих условиях 20 июля 1920 года, по инициативе Ленина, Советом народных комиссаров Республики было принято постановление «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». На основании этого постановления был разработан и введён в действие план государственной продовольственной развёрстки. Всего к началу 1921 года на территории Тюменской губернии действовало 35 видов таких развёрсток. У населения, как и в самые худшие колчаковские времена, начали изымать всё производимое им продовольствие, скот и фураж. Наступило полное обнищание. Продразвёрсточные мероприятия осуществлялись малограмотными, озлобленными на сибирское крестьянство, прибывшими из Центральной России красноармейцами, милиционерами и чекистами. Во многих случаях они сопровождались насилием, грабежами и убийствами. История колчаковских насильственных реквизиционных мероприятий не только повторилась, но приобрела в целом ряде случаев более зловещие формы.

Вследствие этого, в феврале 1921 года на территории Тюменской губернии вспыхнуло массовое крестьянское вооружённое восстание. Оно началось в Ишимском уезде и перекинулось на территории Омской, Челябинской и Екатеринбургской губерний. По подсчётам историков, в этом восстании могло участвовать до ста тысяч вооружённых повстанцев. Одним из центров этого восстания стали Ишимский уезд, его Готопутовская и Большесорокинская волости. Борьба с продотрядами здесь приобрела особую жестокость. Её жертвами со стороны крестьянства стали тысячи убитых, изувеченных и брошенных в застенки преданных России, но обиженных ею, людей.

С крестьянским восстанием было покончено лишь в декабре 1921 года, но отдельные вооружённые вспышки сопротивления Советской власти наблюдались ещё в 1923 и даже в 1926 году. Население центральных районов России удалось кое-как накормить, но ценой этому стали почти полное разорение экономики обширных сельскохозяйственных территорий Сибири; массовый уход из села в наём в близлежащие города ранее преданных земле хлебопашцев; почти повсеместное сознательное сокращение посевных работ и неудержимый процесс раскрестьянствования русской деревни, этой терпеливой и верной кормилицы России.

В сложившихся очень непростых условиях сталинское руководство страны (Ленина уже не было в живых) вынуждено было срочно исправлять возникшее положение посредством коренного пересмотра внутренней политики по отношению сибирского да и всего остального крестьянства. Продразвёрстка была заменена более лёгким и поддающимся регулированию продналогом. Вину за её варварское проведение списали на группу троцкистов и бухаринцев. Во избежание новых крестьянских волнений начали ускоренными темпами укреплять управленческие губернские, уездные и волостные органы Советской власти. На село в качестве руководящего состава было направлено большое количество опытных партийцев из рабочей среды, которые стали выполнять функции председателей сельских советов или их заместителей. Усилилась механизация сельского труда. К началу 1932 года почти полностью был завершён процесс коллективизации сельского хозяйства. Всё это способствовало поднятию авторитета Советской власти, усилило и стабилизировало положение крестьян на земле.

Многие из них стали добровольно записываться в недавно созданные, но уже неплохо работающие колхозы. В распоряжение таких колхозов всё чаще стали направляться специалисты-аграрники с высшим и средним сельскохозяйственным образованием. Всё это коснулось бывших

волостей Ишимского уезда, в том числе и Большесорокинской волости, которая к этому моменту уже именовалась районным центром. Сюда, в этот центр, где ещё совсем недавно бушевало пламя крестьянского восстания, по госраспределению в начале 1938 года, после окончания агроэкономического факультета Омского сельскохозяйственного института имени С.М. Кирова, прибыл на должность агронома Сорокинского районного земельного отдела (Райзо) мой отец Харюшин Ананий Семёнович.

Мои родители и ближайшие родственники

Мой отец Харюшин Ананий Семёнович родился 15 сентября 1913 года в городе Омске в православной семье переселенцев из Вятской губернии Семёна Михайловича и Матроны Михайловны Харюшиных. По существующим в ту пору обычаям на седьмой день жизни новорождённый был крещён в Омской Крестовоздвиженской церкви. Имя Ананий (Прозорливец) получил по Святкам в честь святого Русской православной церкви страстотерпца Анания, память о котором отмечается в сентябре месяце.

Семён Михайлович, как и прибывший вместе с ним в Омск его вдовый отец – Михаил Егорович, несмотря на своё крестьянское происхождение, были людьми грамотными и имели опыт торговых работников. Перебравшись в Омск, вначале прадед, а затем и дед устроились приказчиками (продавцами) в магазин богатой омской купчихи Марии Александровны Шаниной. Скопили нужное количество денег и через четыре года приобрели собственный на кирпичном фундаменте дом в районе современных омских Ремесленных улиц.

Состав семьи деда за этот период существенно расширился. Появились первенец сын Ананий, затем дочери Тамара и Надежда, и наконец – младший сын Николай. К сожалению, спустя три года, от неизвестной болезни

скончалась мать семейства, моя бабушка по отцовской линии Матрона Михайловна Харюшина. Оставшись вдовцом, дед повторно не женился и после завершения трудовой деятельности, не желая жить с уже повзрослевшими и имеющими свои собственные семьи детьми, переехал на жительство к своему брату в город Семипалатинск. Там и скончался. Место захоронения мне неизвестно.

Между тем, мой отец Харюшин Ананий Семёнович к этому моменту уже закончил восьмилетнюю школу и два года отработал разнорабочим на одном из омских промышленных предприятий. Получив необходимый рабочий стаж, в 1931 году в возрасте 18 лет, стал посещать специализированные курсы Рабфака (Рабочего факультета) для подготовки к поступлению в Омский сельскохозяйственный институт. Этот институт был создан в 1919 году на базе существующего в его учебных корпусах ещё с царских времён Омского сельскохозяйственного училища.

По окончании Рабфака, в июне 1933 года, успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом агроэкономического факультета Омского сельхозинститута, получившего вскоре имя трагически погибшего Первого секретаря Ленинградского обкома партии Сергея Мироновича Кирова. Проучившись пять лет, получил диплом агроэкономиста и по госраспределению был направлен на работу в село Большое Сорокино Сорокинского района Омской области.

Судя по письмам этого периода, обращённых к моей матери, испытывал на начальном этапе своей самостоятельной деятельности значительные трудности в планировании и организации посевных и уборочных работ. Затем в новые обязанности втянулся и уже через восемь месяцев занял должность старшего агронома Сорокинского Райзо. В этом качестве трудился до 1 октября 1941 года. К этому моменту уже три года был женат на моей матери Бычковой Антонине Павловне – студентке выпускного курса плодОВОЩНОГО факультета того же Сельскохозяйственного института. Их знакомство могло состояться как в институте, так

и на рабфаковских курсах, где она, так же как и отец, некоторое время училась. В январе 1938 года мои родители связали себя узами супружества и начали совместную жизнь. Надеялись, что эта жизнь будет долгой и счастливой.

Этого, однако, не случилось. Мать закончила институт в конце июня 1941 года, когда уже шла Великая Отечественная война. Получив диплом, по собственному желанию была направлена на работу в село Большое Сорокино в качестве агронома-плодоовощника. На этой должности проработала всего четыре месяца, так как с уходом отца в армию была переведена на занимаемую им ранее должность старшего агронома. На этом труднейшем и ответственной участке трудилась всю войну.

Отец, как отмечалось выше, был призван на военную службу в начале октября 1941 года. Первоначально он, как лейтенант запаса, исполнял обязанности инструктора, а затем начальника 2-го отдела Сорокинского районного военкомата. По роду своих обязанностей совместно с другими сотрудниками этого учреждения занимался призывом и начальным военным обучением уходящих на фронт жителей Сорокинского района.

В июне 1942 года был направлен на учёбу в Пулемётную школу города Ленинск-Кузнецк Новосибирской области. По её окончании служил в составе 19-й Гвардейской Сибирской дивизии в качестве командира пулемётного взвода. Принимал участие в ряде крупных сражений. Судя по сохранившимся письмам, был дважды ранен. Лечился во фронтовых госпиталях. В декабре 1943 года в ходе Белорусской стратегической операции в боях под Витебском пропал без вести. Выписка из приказа Главного Управления кадров НКО СССР по этому поводу поступила на имя моей матери лишь в феврале 1944 года. До этого момента она, несмотря на ряд сделанных ею запросов, ничего не знала о судьбе своего мужа. Много лет спустя, обращаясь к памяти отца, но изменив его фамилию, я написал о нём и его боевых товарищах небольшое четырёхстрочное стихотворение «Пропавшим без вести»:

Под Витебском идёт неравный бой,
Пехота немцев брошена в атаку,
Комвзвод наш – лейтенант Береговой
Сказал в сердцах: «Опять ввязались в драку!»

Мы залегли у стыка двух дорог,
У каждого бойца: винтовка, штык, граната,
Ну, а ещё – потёртый вещмешок;
Бойцов же всех – три молодых солдата.

Мы приняли тот скоротечный бой,
Тот смертный бой во мгле подслеповой,
И вот убит комвзвод Береговой,
Убиты мы – безусые солдаты.

Теперь в местах тех дремлет тишина,
Да солнца луч пронизывает дали;
Для всех давно закончилась война,
Но не для нас – мы без вести пропали.

Между тем продолжалась война и продолжалась очень непростая работа моей матери на бескрайних сорокинских хлебных просторах. В июне 1991 года, по запросу сорокинской районной газеты «Знамя труда», об этой работе она писала следующее: «После ухода мужа в октябре 1941 года в армию я была назначена на его место. Ничего толком не знала и за всё ужасно переживала. Первоначально совершенно не верила в свои силы.

В наших колхозах не хватало людей, техники и даже тягловой лошадиной силы. Приходилось вместо неё использовать быков и коров. Женщины впрягали их в бороны и ими рыхлили почву.

Не хватало посевного зерна. Поэтому урожаи были низкими. Десять центнеров с гектара уже считалось большим достижением. Обычно получали не больше шести-семи. Химические удобрения в почву не вносили потому, что их не было. Пользовались только навозом. Но и его было

крайне мало, так как колхозное стадо в районе было почти полностью порезано на мясо для отправки на фронт. Посевы зерновых проводили в основном по зяби.

Автомобилей на селе также почти не было. Старший агроном, пользуясь служебным приоритетом, ездил по местному бездорожью верхом на лошади. Младшие агрономы и техники ходили по полям пешком. В Сорокинском Райзо не было никаких резервных средств. Посевное зерно часто доставляли из других районов, но расходы на его перевозку нередко оказывались неподъёмными для скудного местного бюджета. Тем не менее, люди (в основном женщины и подростки) трудились на земле самоотверженно, порою не получая за свою работу положенных им трудовней. Во многих семьях не хватало хлеба. Это были подлинны герои трудового фронта, подлинны патриоты своей страны».

В годы войны сорокинцы действительно проявили себя наилучшим образом. Из сёл и деревень Сорокинского района в воюющую армию было направлено 3343 человека. Из них 817 человек не вернулись. Все они погибли, пропали без вести или умерли от ран в военных госпиталях. Их имена высечены на мраморных плитах мемориального комплекса, что размещён на центральной площади села Большое Сорокино. Есть на этих плитах и имя моего отца Харюшина Анания Семёновича. Краткие данные о нём имеются также и в электронных файлах мемориального комплекса Вооружённых сил Российской Федерации «Патриот» в подмосковном Одинцовском районе.

К героям минувшей войны я отношу и свою мать Бычкову Антонину Павловну, а также её замечательных подруг, в частности – начальника Сорокинской контрольно-семенной лаборатории Гугель Таисию Ивановну и младшего агронома Степанову Марию Александровну. С ними она поддерживала систематическую многолетнюю телефонную и письменную связь, неоднократно встречалась в Сорокино и Омске. Дружба их была искренней, прочной,

испытанной тяжёлыми событиями войны и непростого послевоенного восстановительного периода.

Моя мать родилась 20 сентября 1917 года в селе Саргатское Саргатского района Омской области в семье служащего Омской коммерческой конторы Павла Артамоновича и его жены домохозяйки Елизаветы Харитоновны Бычковых. Павел Артамонович помимо своих прямых служебных обязанностей часто помогал своему отцу, моему прадеду по материнской линии Артамону Яковлевичу Бычкову в его делах по закупке пушнины у зверодобытчиков родного для него Саргатского и других районов Омской области. По этой причине часто бывал в Саргатском, где и познакомился со своей будущей женой Елизаветой, дочерью местного ветеринара Щепёткина Харитона Фомича, унтер-офицера царской армии, отслужившего полный срок воинской службы в кавалерийских драгунских частях Туркестанского военного округа и потому приобретшего навыки лечения лошадей и других домашних животных.

При увольнении из армии за примерную службу был жалован справкой на право ветеринарной практики и молодым строевым конём. На этом коне через всю огромную Россию добирался затем более года до своих родных мест. Здесь занялся ветеринарным делом. Потребность в его услугах была огромной и Харитон Фомич довольно быстро обогатился. Выстроил добротный дом и завёлся семьёй. Вскоре у него и его жены Татьяны Щепёткиной появились две дочери – Елизавета и Анна.

Шло время. Повзрослел мой будущий дед Павел, повзрослели и дочери Харитона Фомича. Наконец наступил момент когда старшая из них – Елизавета – приглянулась моему деду. Затеялось сватовство. Им занимался прадед Артамон Яковлевич Бычков тоже уроженец села Саргатское и тоже бывший, правда, не кавалерийский, а пехотный, унтер-офицер. В сватовстве ему, однако, было отказано. Причиной тому было то, что Артамон Яковлевич, уехав из Саргатского в Омск продал родительский дом, но на новом месте своего жилья не приобрёл, а проживал

на съёмных квартирах. Это не нравилось хозяйственному Харитону Фомичу и он решил процесс сватовства прервать.

Возникшая проблема разрешилась просто. Елизавета своего отца не послушалась, ушла к Павлу и тайно обвенчалась с ним. Молодая чета перебралась в Омск и здесь начала жить вместе с семьёй Артамона Яковлевича. Харитон Фомич с этим положением был вынужден смириться, свою дочь простил и стал её охотно принимать у себя в Саргатском. Всё это происходило в 1915-1916 годах, когда в Европе уже полыхала Первая мировая война. В 1915 году мой дед, спустя 10 лет после Русско-японской войны, был вторично призван в армию. Службу проходил в Сибирском военном округе в городах Иркутске и Уссурийске, где находились штабы крупных соединений сибирской группировки сухопутных сил. Почти два года входил в состав их охранных частей.

В марте 1918 года большевистское правительство подписало с Германией Брест-Литовский мирный договор. Согласно положениям этого договора, Россия прекратила боевые действия на всех своих фронтах и распустила царскую армию. Павел Артамонович был демобилизован и вернулся в Омск. Здесь стал свидетелем начала Гражданской войны в Сибири. Не желая участвовать в ней, во время второй волны насильственных колчаковских мобилизационных мероприятий решил с женой и двумя детьми (моей матерью двухлетней Антониной и её сестрой полугодовалой Надеждой) уехать в Саргатское. Намеревался пробыть здесь до трёх месяцев, так как считал, что за этот срок режим Колчака падёт.

Однако случилось так, что в августе 1919 года в Саргатское нагрянули колчаковские «вербовщики». От их предложения записаться в колчаковскую армию отказался и как «отказник» вместе с другими подобными людьми был арестован и доставлен на железнодорожную станцию Любино. Здесь все они были брошены в арестантский вагон, в котором ранее перевозили тифозных больных. Через несколько дней в вагоне вспыхнула эпидемия. Заболевшими

никто не занимался и многие из них умерли. Среди них был и мой дед Павел Артамонович Бычков. Потеряв мужа, моя бабушка – Елизавета Харитоновна – осталась жить в Саргатском у своих родителей.

Между тем, здесь, как и во многих других районах Омской области, против колчаковского режима развернулось мощное партизанское движение. Одним из активных отрядов этого движения командовал житель села Саргатское, член партии большевиков с 1905 года Михей Данилович Рудаев. За неоднократный срыв поставок в армию Колчака военных и продовольственных грузов он уже давно разыскивался отрядами колчаковской военной контрразведки. За сведения о нём была назначена значительная денежная премия. Охотников на неё не оказалось. Тогда было решено подвергнуть аресту жену Михея Даниловича, имеющую к тому моменту двух детей – сына Ивана и дочь Варю. В застенках женщину подвергли телесным пыткам, но мужа она не выдала. Озверевшие колчаковцы забили её до смерти.

После освобождения Западной Сибири от колчаковских войск Михей Данилович Рудаев был назначен председателем Саргатского поселкового совета и сделал на этом посту очень многое для организации нормальной жизни своих односельчан. За это благодарные земляки в 1983 году приняли решение о переименовании улицы, на которой он жил, в улицу его имени. На одном из начальных домов этой улицы в честь этого события установлена памятная доска.

В 1921 году осколки семей партизанского вожака Михея Радаева и моей бабушки Елизаветы Бычковой слились в единую дружную семью. Вскоре в ней появились ещё две дочери – мои тётки Раиса и Валентина, достойные дети достойных родителей. В годы Великой Отечественной войны Валентина ушла на фронт и около трёх лет служила в войсках связи. Раиса всю войну работала старшим сотрудником, а затем заместителем начальника одного из отделов Омского Облпотребсоюза, отвечающего за отправку на фронт для сражающихся частей Красной армии произво-

димых на омских предприятиях продуктов питания, обуви и военной одежды.

После смерти Михея Даниловича Елизавета Харитоновна ещё длительное время проживала в Саргатском. В середине 1960-х годов по состоянию здоровья перебралась в Омск к дочери Раисе. Постоянно тосковала по деревенской жизни и дважды пыталась вновь вернуться в своё родное село. Прожила 83 года. Похоронена вместе со своей младшей сестрой Анной на Омском Северо-восточном кладбище. Своего первого мужа, моего деда по материнской линии Павла Артамоновича Бычкова пережила более чем на 60 лет. Приблизительно на такой же срок пережила и своего свёкра, моего прадеда Артамона Яковлевича Бычкова, человека православной веры, солдата и труженика. Он умер в 1916 году на 58-м году жизни. Похоронен на Омском Казачьем кладбище. Этого кладбища теперь нет. В начале 1960-х годов его ликвидировали и на его месте возвели жилой городок для работников близлежащих омских промышленных предприятий. Этот городок размещён справа от улицы Лермонтова, если следовать по ней в сторону загородной рощи, где ныне находится Омский олимпийский спортивный комплекс.

Супругой Артамона Яковлевича была моя прабабушка Прасковия Ивановна Бычкова (Устюгова). Её он встретил во время своих деловых поездок по северным районам Омской области в сибирском селе Серебряное, стоящем на высоком живописном берегу Иртыша. Ей в ту пору было 23 года и она являла собой истинную русскую красавицу высокого роста, крепкотелую с пылающим во всю щёку румянцем на лице. Несмотря на большую разницу в возрасте и щупловатую фигуру жениха, она охотно вышла за него замуж и после венчания в церкви села Серебряное уехала с ним в Омск. В феврале 1887 года у них родился первенец сын Иван, очень талантливый мальчик, преуспевающий по всем предметам курса школьного образования, в том числе и по искусствоведению. К сожалению, в десятилетнем возрасте он скончался от воспаления лёгких.

В отличие от своего мужа, человека грамотного, сметливого и деятельного, Прасковия Ивановна какого-либо значительного образования не имела и потому в семье выполняла роль домохозяйки. Иногда нанималась на временную черновую работу: клеила обои, мыла окна, стирала бельё. В браке с Артамоном Яковлевичем имела ещё трёх детей: сыновей Павла и Петра и дочь Александру. Помимо этого в семье воспитывались приёмные девочки Груша и Лена – осиротевшие племянницы Артамона Яковлевича от его двоюродного брата Михаила.

После смерти мужа Прасковия Ивановна, в конце 1921 года, устроилась на работу сторожем в Омскую женскую профессиональную школу. Сюда же поступила на работу хозяйственником (завхозом) и её дочь Александра. При школе им выделили для проживания отдельную комнату и маленькую кухню, в которых разместились они сами и их приёмные дети, в том числе и моя будущая мать Антонина. С трёхлетнего возраста она, по договорённости с Елизаветой Харитоновной из-за многодетства её собственной сводной семьи, была передана на воспитание в семью Бычковых, в Омск. О школе, в которой моя будущая мать проживала, а затем и училась, у неё сохранились самые лучшие воспоминания. Её учительницей была прекрасная русская женщина, добрейшей души человек, выпускница Омского педагогического училища ещё царских времён, Мария Николаевна Сутормина. Волею судеб, много лет спустя, она стала и моей первой учительницей. Память о ней храню всю свою жизнь.

Глава семейства – Прасковия Ивановна Бычкова прожила почти 93 года. В Октябрьскую революцию и Гражданскую войну потеряла обоих сыновей. Судьба моего деда Павла Артамоновича читателю известна. Что же касается младшего сына Петра Артамоновича, то он в годы Первой мировой войны был призван в армию в распоряжение командира запасного батальона Лейб-гвардии Литовского полка, дислоцирующегося в Петрограде. Здесь стал свидетелем двух революций, Февральской и Октябрьской. В ходе

Октябрьской революции, когда в стране устанавливалась большевистская власть, видимо был вовлечён во внутренние столкновения, в которых, по предположению моих родственников, погиб.

Последняя поздравительная открытка от него на их имя по случаю предстоящих Рождественских праздников поступила в декабре 1917 года. На этом связь прервалась и более не возобновлялась. Все попытки что-нибудь узнать о его судьбе не увенчались успехом. Такое было время. Жизнь отдельного человека в сумятице революционных событий ничего не стоила. Революционные и последующие за ними постреволюционные годы были очень тяжёлыми. В этот период, согласно подсчётам историков, Россия потеряла более 15 миллионов убитыми, замученными в тюрьмах и бежавшими за рубеж своих граждан. Но даже в этих, почти невыносимых условиях, мои прабабушка и двоюродная бабушка не озлобились и не потеряли веру в людей. Жили, как и миллионы их современниц, надеждами на лучшее будущее. Несли свой крест молча и достойно. Трудились по дому, помогали приёмным детям, воспитывали внуков, в затем и правнуков.

Прасковия Ивановна до последнего вздоха сохраняла здравый рассудок и была на ногах. Вечером 17 января 1956 года заявила своей дочери, что в предстоящую ночь умрёт (окочурится, как она выразилась) и действительно в эту ночь её не стало. Похоронена на Омском городском Северном кладбище. Такова судьба и таков жизненный путь моих ближайших родственников, которые прямо или опосредованно повлияли на мою судьбу, на моё становление взрослым человеком.

Ранние детские годы

Первые три с половиной года своей младенческой жизни я провёл с моей матерью Антониной Павловной, прабабушкой Прасковией Ивановной и родной тёткой матери

Александрой Артамоновной в селе Большое Сорокино Сорокинского района Омской, а с 1944 года – Тюменской области.

Прасковия Ивановна и Александра Артамоновна приехали в Сорокино по просьбе матери, так как она, исполняя обязанности старшего агронома Сорокинского Райзо, находилась на работе по 12-14 часов в сутки и потому домашними делами в полной мере заниматься не могла. Отец мой оказать ей помощи также не мог, так как уже несколько месяцев находился на фронте. В сложившихся обстоятельствах моя мать вынуждена была прибегнуть к поддержке своих ближайших родственников, и они эту поддержку, не считаясь с собственными проблемами, оказали.

Проживали в небольшом, видимо выданном местным колхозом семье старшего агронома, доме на улице Базарной (ныне улица Мира). Рядом с домом, по рассказам матери, находились ремонтная база местной машинно-тракторной станции (МТС) и два-три жилых дома других специалистов Сорокинского Райзо. Место это с тех пор существенно изменилось. Теперь здесь находится одна из торговых сельских площадей. Старых же, довоенной постройки домов, не осталось. На их месте стоят новые дома современных жителей села Большое Сорокино.

Здесь в младенчестве, как уже отмечалось, я прожил всего три с половиной года и потому каких-либо чётких воспоминаний ни о селе, ни о его жителях не сохранил. Весьма смутно припоминаю жилую комнату нашего дома, кровать с никелированными спинками, стоящую в правом от входа в неё углу, отцовский велосипед между спинкой кровати и ближайшей к ней стеной, два больших окна и пятиполочную этажерку между этими окнами.

Из рассказов матери знал, что начиная с двухлетнего возраста, был очень подвижным ребёнком. Однажды меня заинтересовала стоящая на верхней полке этажерки банка с вареньем. Вкус варенья мне уже был знаком и потому я потянулся за ним, упираясь ногами в нижнюю часть этажерки. Под моим весом она наклонилась, банка упала

на меня и затем – на пол. Разбившись, одним из острых осколков поранила мне правую руку. Шрам от раны до сих пор напоминает мне о тех далёких и, должно быть, хлопотливых для моих родственников днях моей молодой жизни.

Из рассказов матери также следовало, что в это же время меня дважды теряли. В первый раз в ходе длительных поисков обнаружили на плоской, покрытой дёрном, крыше хозяйственной пристройки, куда я забрался самостоятельно по приставной деревянной лестнице. Во второй раз нашли в придорожной канаве, где я внимательно рассматривал пышноцветущие одуванчики. Поиску помогло то обстоятельство, что в раннем возрасте я был светловолос и меня одевали в белую полотняную рубашку. Я был приметен и это помогло ищущим людям меня относительно быстро обнаружить.

Отличился я тогда ещё и тем, что, несмотря на малолетство, сумел забраться под кровать и отвернуть от отцовского велосипеда какие-то гайки. Эти гайки потом долго искали и долго возвращали на место. В доме хранилось совсем небольшое количество отцовских вещей. Мать мне их в более зрелом возрасте показывала. Это были: светло-серый лёгкий летний костюм, белая рубашка-косоворотка и пара полуботинок. Был также маленький перочинный нож, но его от меня тщательно прятали. Мать долго хранила эти вещи у себя, но затем раздала каким-то своим знакомым.

Так случилось, что со своим отцом я не виделся и никогда не встречался. Судьба разлучила нас. Он, конечно же, находясь на фронте, знал о моём рождении и в письмах к матери постоянно просил её беречь меня. По рассказам родственников и хороших знакомых нашей семьи, мой отец был внешне симпатичным человеком. Обладал спокойным и выдержанным характером, пользовался авторитетом грамотного и ответственного специалиста как у своих сослуживцев, так и у простых колхозников, работающих вместе с ним на земле.

Помимо упомянутых мною событий, очень смутно припоминаю также живущую в нашем подворье пятнистую чёрно-белую корову Бурёнку. Она давала хорошие надои и всю войну кормила членов нашей семьи парным молоком. Наличие таких коров у жителей села спасло их от хронической нехватки пищевых продуктов, в том числе и хлеба. Покидая в январе 1946 года село Большое Сорокино, моя мать подыскала Бурёнке новую заботливую хозяйку и затем длительное время переписывалась с ней, чтобы узнать о состоянии здоровья этого замечательного животного.

По необычности произведённого впечатления мне из моего раннего детства вспоминаются, но опять-таки очень смутно, ещё два неординарных события. Первое связано с отъездом нашей семьи железнодорожным транспортом из Ишима в Тюмень. Испускал отработанный пар паровоз, гремели колёса, за окнами постоянно и быстро менялись картины внешнего мира. Детские чувства и память были особо обострены. Поэтому в сознание вошли внутренний интерьер плацкартного вагона, многочисленные пассажиры со своими вещами, а также какой-то мужчина в военной форме, обращающийся ко мне и моей матери с каким-то вопросом.

Второе событие из этой серии также связано с абсолютно необычной ситуацией. Мы с моей прабабушкой Прасковией Ивановной стоим на берегу Ишима или Иртыша и наблюдаем бурное весеннее половодье. По воде, посредине русла реки, вместе с остатками льда плывёт снесённый водой большой бревенчатый дом. Картина для меня была совершенно неправдоподобной, так как всякий дом я рассматривал в ту пору как символ абсолютной прочности и абсолютной безопасности.

Как упоминалось выше, в январе 1946 года, оттрудившись тяжелейшие пять лет Великой Отечественной войны в селе Большое Сорокино, моя мать была переведена с повышением по должности в областной, тогда ещё очень небогатый город Тюмень. Сначала заняла должность начальника плодовоовощной секции Управления Тюмен-

ского Областного земельного отдела (Облзо), затем, спустя четыре месяца, – управляющего Тюменской конторы «Сортсемеовощ». В августе 1947 года получила разрешение вернуться на работу в родной для неё город Омск. Здесь была назначена на должность старшего инспектора Омского Территориального управления Министерства государственных продовольственных резервов. Многие годы занималась формированием стратегических запасов зерна на элеваторах и зернохранилищах Омской области. За работу в годы войны награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

В 1973 году по возрасту вышла на заслуженную пенсию. Умерла в 1992 году в возрасте 75 лет. Похоронена на Кировском кладбище города Омска. Вся её жизнь была связана с жизнью Советского государства. Она родилась в 1917 году накануне Октябрьской революции, когда это государство только возникло и ушла из жизни в 1992 году, когда это государство по преступной вине Горбачёва, Ельцина и их многочисленных приспешников перестало существовать. Удар, нанесённый кликой государственных предателей по представителям её поколения, был настолько изувёрским, что многие из них не выдержали его и не смогли дальше жить.

Всё это, однако, случится много позже, почти через 45 лет. Сейчас же, в августе 1947 года, моя мать, а вместе с ней я и мои бабушки наконец перебрались в Омск. Временно поселились на частной квартире по улице Чапаева, недалеко от здания бывшего Омского Городского центрального суда. Спустя четыре месяца моя мать, как сотрудник Управления продовольственных резервов, получила небольшую служебную квартиру в доме барачного типа, расположенном на улице Осводовской (ныне Яковлева) в одном квартале от учебных корпусов Омского ветеринарного института.

Мы с матерью сразу же переехали на эту квартиру, а Прасковия Ивановна и Александра Артамоновна, занявшись покупкой одной трети дома по улице Красногвар-

дейская № 23, ещё какое-то время проживали на прежней частной жилплощади. В 1948 году они эту треть дома, состоящую из маленькой комнатки и маленькой кухоньки, купили на ранее скопленные и частично взятые в заём у хороших знакомых деньги.

Наша жилплощадь по улице Освободительской, где мы поселились вместе с моей матерью, представляла собой одну комнату и примыкающую к ней кухню. На кухне стояла печь с плитой и лежанкой, которая отапливалась хранимыми в сарае дровами. Наш сарай, подобно сараям других жильцов, находился во дворе, в сорока метрах от центрального входа в наш дом. Квартира была уютной и светлой. Два окна комнаты выходили в сторону фуражного склада Омской гужевой транспортной конторы, занимавшейся по запросам горожан перевозкой различных грузов (дров, угля, мебели и т.п.).

Третье окно комнаты и окно кухни смотрели в сторону глухого забора, отделяющего наш дом от корпусов Омской городской больницы. Между домом и забором тянулась полоса земли шириной до 30 метров, которая использовалась жителями дома под огороды. У нас, как и у всех остальных жильцов, тоже был небольшой участок земли, на котором моя мать выращивала капусту, редис, баклажаны, кабачки и разную зелень. Особо ей удавалось выращивание тыкв. Из этого продукта она готовила какие-то каши, которых мне пришлось съесть так много, что в зрелые годы я уже совершенно не терпел никаких тыквенных блюд.

В жаркие дни летнего времени огород требовал полива. Воду носили мать и я. Для этого мне, шестилетнему мальчугану, были куплены небольшие жестяные вёдра. Воду брали из городской колонки, которая размещалась в сотне метрах от нашего дома, рядом с угловым учебным корпусом Ветинститута, актовый зал которого венчало огромное окно, за стёклами которого стояло чучело белой верховой лошади. Её вид был завораживающим и я всегда, стоя в очереди за водой, с удовольствием засматривался на него.

Полив нашего участка требовал, как правило, до пяти-шести ходок к колонке. Однажды, возвращаясь с водой домой, я наткнулся босой ногой, на торчащую из земли в виде петли проволоку. Она разорвала мне кожу на верхней части стопы. Несмотря на образовавшуюся рану, воду я до дома донёс. Удивительно, но мать моя мною не занялась и даже не пожалела, а напротив надавала мне за ротозейство тумачков. Лечением моей ноги занялась соседка из первой квартиры, молодая женщина, потерявшая на фронте мужа и не имевшая своих детей. Помню, что все её звали Татьяной. Она по природе своей была очень добрым человеком и с какой-то особой заботой и теплотой относилась к окружающим её чужим детям.

Мне даже казалось, что из всех этих детей, она выделяла особо меня: подкармливала домашними пирожками и конфетами-подушечками. Иногда приглашала меня к себе в свою квартиру, где кроме неё проживала её больная мать, и пила чаем. Чаще всего это случалось в зимнее время, когда, возвратившись из школы, я по каким-то причинам не мог попасть в свою квартиру. За доброту ко мне я помню эту женщину до сих пор. Благодарен ей и сожалею, что уже никогда не смогу увидеть её.

В нашем общем дворе помимо нашего четырёхквартирного дома-барака было ещё два отдельно стоящих дома. Первый из них – большой бревенчатый дом-пятистенник стоял у общих въездных ворот. В нём проживали семьи каких-то омских чиновников. Второй дом – небольшой флигелёк с остроконечной башенкой был размещён справа от нашего дома-барака, в срединной части общего двора. В нём проживали семьи вернувшихся с фронта офицеров Красной армии.

Флигелёк был поделён на две небольшие однокомнатные квартирки. В одной из них размещалась семья из четырёх человек – родители и двое мальчишек в возрасте семи-восьми лет. Во второй – муж, жена и их девятилетний сын. Разделяла квартиры общий коридор, где в холодный осенне-зимний период устанавливалась небольшая

чугунная печь. По вечерам эта печь протапливалась дровами и вокруг неё собирались как жители флигеля, так и мы – детвора нашего общего двора. Кто-либо из взрослых заводил какой-либо разговор. Все остальные внимательно слушали его. Иногда для детей читались детские книги. Особо часто звучали захватывающие воображение рассказы и повести Аркадия Гайдара. Содержание этих рассказов и повестей становились затем сценарием наших дворовых игр.

Одновременно с чтением книг в поддувале печки, в горячей золе, запекался картофель. Все дети любили его несказанно. Достав с помощью кочерёжки, обжигаясь и пачкаясь в саже, мы с аппетитом поедали его. Незабываемые, чудные, неповторимые сцены давно минувшего детства. Флигелёк, между тем, запомнился мне и ещё одной свойственной ему особенностью. Стены его жилых комнаток были увешаны трофейными образцами немецкого холодного оружия. Это были кортики, эсэсовские тяжёлые кинжалы и изящные офицерские шпаги. Поражали их отделка и нанесённые на них фашистские кресты.

Позднее это оружие у их владельцев, по приказу Наркомата обороны СССР, было изъято. Но в первые послевоенные годы его в семьях бывших фронтовиков насчитывалось десятками тысяч экземпляров, и они им, добытым в боях, искренне гордились. К этому моменту, однако, наши мальчишеские интересы стали выходить за пределы наших квартир и нашего общего двора. Нас особо привлекали редко заезжающие в наш несколько удалённый от центра города район автомобили. Весь автотранспорт был государственным и потому концентрировался в гаражах омских промышленных предприятий, на автобазах воинских частей и городских хозяйственных служб. В наш район изредка заезжали только солидно потрёпанные полуторки и огромные, как нам тогда казалось, американские ленд-лизовские «Студебекеры». Их мы внимательно рассматривали и иногда, с разрешения водителей, забирались в кабины, чтобы несколько минут посидеть у руля.

Особый интерес у нас вызывали и наши знаменитые трёхтонки. Казалось невероятным, но они могли двигаться за счёт сжигания в стоящих по обе стороны от кабины водителя газогенераторах, простых берёзовых дров. Для нас это было подлинным чудом, но автомашины двигались, хотя и не так быстро, как на бензиновом топливе. Интересовали нас и иные сцены окружающей городской жизни. Мы стремились, например, незаметно проникнуть на территорию хозяйственных дворов Ветеринарного института, где содержались необходимые для обучения студентов лошади и другой домашний скот. Было очень интересно наблюдать за поведением этих милых, хорошо ухоженных животных.

Предметом нашего пристального внимания оставалась и так называемая «стеклодувка» – специальный цех ёлочной игрушки и медицинского оборудования, расположенный недалеко от нашего дома на улице Орджоникидзе. Игрушки выдували на втором этаже, и мы по кирпичному забору поднимались к его почти всегда открытым окнам. Добравшись до них, начинали выпрашивать у работниц цеха готовые и уже раскрашенные, но по какой-то причине выбракованные игрушечные изделия. Эти изделия затем использовали для украшения собственных новогодних ёлок.

Ёлками у нас в Омске, как правило, называли молодые сосенки, которые завозились в предновогодние дни на продажу из местных лесопитомников. Ёлку в нашем доме всегда наряжала моя мать. Искусная рисовальщица, она из плотной ватманской бумаги вырезала изящных балерин, снегурочек, лошадок и других животных, раскрашивала их акварельными красками и обращала в прелестные ёлочные украшения. Были у нас и настоящие игрушки, в том числе добытые в «стеклодувке», которые мы с матерью аккуратно с особой любовью развешивали на нашей новогодней красавице. Для меня эта процедура всегда ассоциировалась с большим зимним народным праздником. В раннем возрасте я любил забираться под нижние ветви праздничного

деревя и с удовольствием наблюдать за мерцанием ёлочных бус и цветного стекла. Нравился мне и особый, чуть горьковатый запах сосновой смолы.

После новогодних праздников «ёлки-сосенки» выносили во двор и втыкали нижней частью стволов в снег. В таком виде они сохраняли свою первоначальную свежесть до самой весны. Это радовало глаз и долго напоминало о пережитом зимой новогоднем веселье. Общей забавой для нас, но не в зимнее, а в летнее время, было также тайное лазание на чердаки находящихся рядом с нашим домом фуражных складов. Здесь хранилось ароматно пахнущее сено, на котором можно было с удовольствием полежать и понежиться. Помимо этого, через щели в потолке можно было дотянуться до сложенных штабелями больших плетёных корзин с прессованными брикетами жмыха. Он в качестве пищевой добавки производился на Омском маслозаводе для кормления лошадей гужевых контор города. После войны лошади всё ещё использовались как транспортное средство. Это продолжалось до середины 1950-х годов. Жмых изготовлялся из остатков отжима и выбракованных семян различных масленичных культур, в том числе – из подсолнечника и привозимого из Казахстана – арахиса. Он был ароматен и вкусен, и мы, подобно лошадкам, его с удовольствием поедали.

Нашими излюбленными играми в это время были: прятки, догонялки, погони казаков за разбойниками, оборона крепостей. В летнее время гоняли футбольный мяч. Его, как правило, изготовляли сами из кусков солдатского шинельного сукна. Этот мешкообразный предмет набивали сухой травой и затем какое-то время использовали по прямому назначению. В футбол играли все, в том числе и девочки, проживающие в бревенчатом пятистенном доме.

Мальчишки с шести-семи лет увлекались игрой в войну. Гонялись за мнимым врагом, брали его в плен, затевали условные бои друг с другом. Любили ходить строем и распевать военные песни. Одна из них была особо любима нами, может быть потому, что содержала слова: «штыком и

гранатой и пулею бей». Однажды, несколько припозднившись и тем нарушив данное родителям обещание возвратиться домой вовремя, шли с этой песней строем в сторону крыльца нашего дома-барака. А там уже стояла, поджидая меня, моя мать с ремнём. В него она мысленно вложила и штык, и гранату, и пулю. Пришлось все их испытать на себе. Правда, в этот раз она била меня не особенно сильно, так как предшествующая экзекуции сценка нашего бравого возвращения с боевой песней её немало позабавила и смягчила первоначальный наказательный гнев.

В зимнее время наши игры приобретали иной характер. Появлялись снежки, лепка снежных баб, возведение снежных крепостей, прыгание с крыш сараев в снежные сугробы, высота которых доходила до полутора и более метров. Став взрослее, подобные прыжки совершали с покатых крыш жилых домов. Конечно, всё это делали скрытно от родительского глаза. Детство наше, несмотря на общую бедность, было бесконечно интересным, живым и потому надолго запоминающимся. Помимо этого, оно было физически здоровым. Мы много двигались, находились по многу часов на свежем воздухе, и нас не баловали изысканностями. Пища была простой и, как нам казалось, всегда отменно вкусной.

Как раз в этот период, в возрасте пяти с половиной лет я стараниями матери был определён в детский сад, который почему-то именовался «детсадом водников». Он действительно административно принадлежал Управлению Омского иртышского пароходства, но в него ходили дети не только речников, но и всех иных групп городского населения. Он размещался на втором этаже трёхэтажного серого кирпичного здания, которое стояло (и стоит поныне) на пересечении улиц Орджоникидзе и Красногвардейская. В нём было всё необходимое для качественного содержания и воспитания детей старшей и младшей возрастных групп. Коллектив педагогов и воспитателей был тщательно подобран и относился к своим обязанностям ответственно. С детьми много занимались: читали книги

лучших русских и советских писателей, учили декламации, пению и танцам. Давали уроки русского языка и математического счёта. У меня сохранилось несколько фотографий этого периода, на которых я и другие детсадовцы занимаются этими видами подготовительной деятельности. На прогулку нас выводили в зимнее время во двор детсада, в тёплое весеннее, летнее и осеннее время – в близлежащие зелёные зоны – в Сад имени В.В. Куйбышева и в Сад Пионеров. Ныне эти сады существенно преобразились. В Куйбышевском построен современный кинотеатр имени В.В. Маяковского, в Саду Пионеров заново возведён, разрушенный в 1930-е годы, величественный Успенский, ныне – Христорождественский кафедральный собор. Территория обоих садов засажена новыми деревьями и декоративными кустарниками. При этом важно то, что эти уголки города остаются хорошо узнаваемыми. Это радует приезжающих сюда бывших жителей Омска, в том числе и меня, покинувшего этот город вот уже более шестидесяти лет тому назад. Что же касается детсадовского периода, то я вспоминаю о нём с большой благодарностью. В то далёкое время умели беречь и правильно воспитывать детей. В наши дни к этому опыту было бы неплохо возвратиться вновь.

В 1949 году, на седьмом году жизни, я был направлен на учёбу в Омскую начальную школу № 4. Эта школа имеет богатую предысторию. Первоначально в её помещениях размещалась подведомственная Омскому епископату Покровская приходская женская школа. С 1896 года – Омская женская профессиональная школа. В первые десятилетия Советской власти – начальная женская школа имени Розы Люксембург. С 1930 года – Омская начальная смешанного состава школа № 4 имени Н.К. Крупской. С 1945 года – просто школа № 4.

Здание школы сохранилось в первоначальном виде. Оно представляет собой большое бревенчатое изящной архитектуры одноэтажное сооружение. Размещено на пересечении улиц Тарская и Рабиновича, в ряду других аналогичных строений, внесённых в наше время в книгу

уникальных памятников омского городского деревянного зодчества.

Начальные школьные годы

Итак, в 1949 году в возрасте неполных семи лет я стал учеником первого класса Омской начальной школы № 4, в которой в детские годы училась и моя мать Антонина Павловна Бычкова. Именно она, учитывая то, что школа располагалась недалеко от нашего дома, сделала так, чтобы я в неё поступил и попал бы в класс к тому учителю, у которого она в своё время училась сама. Этой учительницей, как уже говорилось выше, была немолодая замечательная русская женщина Мария Николаевна Сутормина.

Преданная своему делу, она отдавала всю себя обучению и воспитанию детей, в том числе и из неблагополучных бедных семей. Одевалась всегда очень скромно. Как правило, это было простого покроя серое платье с большим белым накладным воротом. Иногда в зимнее время, сидя за учительским столом, набрасывала на себя лёгкую, опять-таки серого цвета шаль. Жила в небольшой однокомнатной квартирке в двухэтажном доме, на левом берегу Оми. Каких-либо транспортных средств прямого сообщения со школой не имела и потому в любую погоду со своим небольшим учительским портфелем ходила на работу пешком.

Несмотря на простоту своей одежды, выглядела благородно. Волосы гладко зачёсывала на обе стороны и сзади скрепляла небольшой с зелёным камнем брошью. Иных украшений никогда не носила. Её особенностью были также небольшие с чёрными гибкими дужками круглые очки. Чтобы удержаться от баловства в тот момент, когда, повернувшись к доске, что-либо на ней писала, предупреждала, что за спиной в стёклах очков видит всех нас. К этому предупреждению мы вынуждены были прислушиваться, хотя и в этом случае нередко допускали всякого рода озор-

ство: дёрпали впереди сидящих девочек за косы, бросали друг в друга скомканную в плотные шарики бумагу, переговаривались, строили гримасы и т.п.

Рассматривая классную фотографию тех, теперь уже очень далёких, лет, я насчитал на ней 35 учеников. Класс был очень большой, и наша учительница должна была им умело управлять. И она это с величайшим достоинством и терпением делала.

На фотографии помимо учительницы я выделил ряд мальчишек, с которыми затем длительное время вместе шагал по жизни. Это были Володя Новиков, Боря Калмыков, Петя Хотькин, Валя Литвинов и Валера Шустовский. Позднее все они, за исключением Пети Хотькина, закончили омские техникумы и институты и работали на ответственных, нужных нашему городу постах.

Володя Новиков пошёл по стопам своего отца, фронтовика, офицера Омского управления НКВД. Окончил специальную школу и затем длительное служил в различных оперативных отделах этого Управления.

Боря Калмыков, рано потерявший своих родителей, окончил при поддержке своего старшего брата Валентина вначале Омское медицинское училище, а затем Омский медицинский институт и стал врачом.

Валя Литвинов – сын сотрудницы Омского управления внутренних дел – получил военное образование и долгие годы служил лётчиком истребительной авиации на одном из аэродромов Дальневосточного военного округа.

Валера Шустовский – сын преподавателей Омского педагогического института – тоже стал педагогом. Работал учителем, а затем директором одной из омских среднеобразовательных школ.

Не повезло Пете Хотькину. Он закончил 10 классов 19-й Омской средней школы. Не поступив в иные учебные заведения, был призван на срочную военную службу, которую проходил в Казахстане. Здесь пристрастился к наркотикам. Несмотря на усилия матери и двух взрослых сестёр, выпускниц Омского педагогического института, от порочной

привычки отказаться не смог. Умер в очень молодом возрасте.

В нашем классе было немало детей из очень бедных семей. Один из них – Гена Скрипкин был сыном безграмотной цыганки – уборщицы одного из омских продуктовых магазинов. Но и он закончил семилетнюю школу, а затем ремесленное училище. Стал хорошим специалистом одного из омских промышленных предприятий.

Приблизительно в такой же небогатой семье воспитывалась Катя Устинова. Она также преодолела трудности небогатой семейной жизни, закончила торговый техникум и долгие годы работала продавцом женской одежды в одном из торговых центров Омска. Её старшая сестра окончила Омский педагогический институт. Почти каждый день забирала Катю из школы, общалась с нами и запомнила многих из нас. Много лет позднее, когда я учился в Омской школе рабочей молодёжи № 2, была у нас учителем химии. Ставила мне по своему предмету, как я тогда считал, незаслуженно высокие баллы. Помнила и, наверное, таким образом пыталась помочь мне.

Во втором и третьем классах мы мальчишки десятилетнего возраста уже вовсю интересовались нашими соученицами. Моим кумиром на этом этапе была скромная, миловидная, русоволосая и кареглазая Ира Киреева. Дочь сотрудника Омского управления НКВД, она проживала недалеко от нашей школы в большом деревянном двухэтажном доме. Я нередко провожал её после уроков до дома. Подносил её портфель и сатиновый мешочек со съёмной обувью. В те времена наличие таких мешочков было характерным и обыденным явлением. Позднее один из них сыграет со мной весьма неприятную шутку. Но это будет потом. Пока же мы продолжали учиться и благополучно перешли в четвёртый выпускной класс. Именно в четвёртом классе у меня появился соперник – мой соученик Генка Антонов. Он также влюбился в Иру. Из-за неё, нашу общую избранницу, мы с ним однажды серьёзно подрались. Драка проходила в узком проходе между партами. Генка толкнул

меня, и я, падая, ударился правым надбровьем о крышку парты. Бровь была рассечена и сильно кровила. Всё, однако, закончилось без каких-либо серьёзных разбирательств. Когда Мария Николаевна расспрашивала меня о том, как это случилось, я ответил, что Генка толкнул меня нечаянно. У мальчишек нашей поры не было привычки жаловаться друг на друга. Инцидент был исчерпан, но наши отношения с Генкой до конца учёбы в 4-й школе оставались враждебными. Впоследствии мы разошлись с ним по разным школам и больше не общались. Что же касается нашей общей избранницы, то она после окончания «четырёхлетки», уехала с родителями в какой-то другой город. Дальнейшую судьбу её я не знаю, но историю, связанную с ней, до сих пор хорошо помню.

Выпускной класс Омской 4-й школы мне запомнился ещё и тем, что нас, успешно учившихся детей, именно в этом классе торжественно приняли во Всесоюзную пионерскую организацию имени В.И. Ленина. Церемония по этому поводу состоялась в актовом зале школы. Нас построили в два ряда у большого стола, за которым сидели директор школы, наши учителя и воспитатели. После поздравительной речи директора школы нам вручили красные галстуки и значки, на которых, на фоне красной звёздочки, пылало яркое пламя пионерского костра. Мероприятие было волнительным и потому надолго запоминающимся.

Припоминается и ряд иных чисто житейских бытовых картин того времени. От места расположения нашей школы мы с матерью жили совсем недалеко, в каких-то трёх кварталах обычных городских, преимущественно деревянных, застроек. Домой я ходил по улице Тарской мимо величественного, никогда не закрывавшегося Крестовоздвиженского храма. Заглядывался на золотые купола и поддерживающие их круглые каменные «барабаны». На барабанах размещались небольшие ажурные оконца. Мне всегда казалось, что за этими оконцами живут какие-то неведомые нам добрые существа. Хотелось проникнуть

за стены барабанов и с высоты колокольни посмотреть на окружающий храм город.

В этом возрасте моя прабабушка Прасковья Ивановна часто водила меня в данный храм, и я отстаивал вместе с ней довольно долгие службы. Она почему-то никогда не проходила к алтарной части, а останавливалась слева при входе у высокой опорной колонны с изображением на ней сурово смотрящего на всех нас архангела Михаила. Он был одет в доспехи римского легионера и держал в руках источающий огненное пламя меч. Вид архангела всегда завораживал и страшил меня. Много лет спустя, приезжая в отпуск в Омск, я всегда заходил в Крестовоздвиженский храм и останавливался у той же колонны. На меня, как и тогда, в раннем детстве, смотрел всё тот же архангел, ведущий вечную войну с сатаной и всеми иными падшими ангелами. Как-то много позднее, знакомясь с поэтическим творчеством Ивана Бунина, я обнаружил у него стихотворение «Архангел в сияющих латах», посвящённое этому святому воину. Видимо, великий русский поэт при взоре на его воинственную внешность испытывал те же чувства, что и я. Эти чувства созвучны моим и, как мне кажется, точно передают их:

Архангел в сияющих латах
С красным мечом из огня
Стоял в облаках синеватых
И дивно глядел на меня.

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косою –
И снова народу являлся,
Большой, по колено босой.

Ребёнок, я думал о Боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч...

Не знаю был ли я в детстве крещён, скорее всего, что нет. Иначе бы мне в той или иной степени стало бы об этом известно. Мои родственники никогда не заводили об этом каких-либо разговоров. Крестился я уже много лет спустя взрослым человеком в Москве. Исповедую Русское православие. Иные вероисповедания уважаю, но душой не приемлю. Верование в коммунизм и другие подобные фантастические теории, как показала практика моей жизни и практика советского периода, временны и крайне ненадёжны. Веровать можно лишь в то, что лежит за гранями нашего земного бытия, в самых глубоких тайниках нашего сердца. Только они постоянны и жизненны. Только они формируют наш дух и нашу душу. Говоря об этом, допускаю, что кто-то в этом со мной не согласится.

Вспоминая раннее детство, хочу воскресить и некоторые иные, свойственные ему забавные события. Для этого вновь возвращаюсь к своей первой школе. Она, как уже известно читателю, стояла и продолжает стоять на перекрёстке двух омских улиц Тарской и Рабиновича. Первая из них превращена в наше время в омский Арбат. Здесь сохранились уникальные деревянные дома и усадьбы, которые ныне занесены в списки музейных экземпляров омского деревянного зодчества.

Во время моей учёбы эти улицы не были мощёными и потому в весенний и осенний периоды покрывались огромными лужами. Особенно большая лужа появлялась на избитом колёсами повозок и телег перекрёстке. Выйдя из ворот школы и видя катящуюся по улице Тарской телегу, я, да и многие другие мальчишки, соблазнились мыслью переехать эту лужу прицепившись за торчащую позади телеги «слегу». Эта слега (длинная гладкая жердь) служила средством крепления с помощью верёвки перевозимых на телеге грузов: сена, дров и им подобных вещей.

Подцепившись снизу за слегу мы начинали преодолевать лужу. Возчик, конечно же, замечал нашу проказу и когда телега оказывалась на середине перекрёстка неожиданно замахивался на нас кнутом. Не помню случая, чтобы

он действительно ударял нас им. Но страх попасть под него был реальным. Руки разжимались и мы спиной бухались во взбаламученную колёсами телеги воду. Домой идти в таком виде было боязно. Поэтому шли к сердобольным соседкам, которые чистили и сушили нашу намокшую одежду. Меня в таких случаях часто выручали две женщины, жившие рядом с нами по улице Осводовской. Одна из них Елена Николаевна Ястребова, имевшая двух сыновей в возрасте шести и семи лет, и Кравцова Александра Михайловна, проживавшая на той же улице, но в следующем, ближе к улице Гусарова, квартале. Она какое-то время работала вместе с моей тёткой Раисой в Омском торговом управлении, хорошо знала нашу семью и как-то по-особому с женской теплотой относилась ко мне. В её комнате на втором этаже бревенчатого дома стояла печь «голландка», обшитая серебристой жстью. В верхней части печи торчала «вьюшка» для перекрытия дымохода. К петле этой вьюшки она подвешивала уже почищенное ею моё пальтишко, и оно от горячей печной стенки быстро просыхало. Теперь можно было безбоязненно отправляться домой.

Александра Михайловна была сталинисткой и считала действия Хрущёва по разоблачению культа Сталина большой политической ошибкой. Уже будучи курсантом второго, а затем и третьего курсов Тихоокеанского высшего военно-морского училища я, находясь в отпуске в Омске, посещал её. Она живо интересовалась моей учёбой. Приветствовала вступление в члены КПСС, требовала верно и ответственно служить Родине.

Показательно, что ни Александра Михайловна, ни Елена Николаевна никогда не рассказывали моей матери о тех происшествиях, которые случались со мной. Хранили всё это в выгодной для всех сторон тайне.

Скажу откровенно, что, вспоминая то, теперь уже очень далёкое послевоенное время, я не перестаю удивляться человеческим качествам окружающих нас взрослых людей. Они не гнали нас от себя, терпели наши проказы и где могли помогали нам. Это было повсеместным явлением.

Помню появление в Омске первых малоэкранных телевизоров, изображение на которых увеличивалось специальными водяными линзами. Владельцы таких телевизоров, несмотря на тесноту своих квартир, пускали нас мальчишек на просмотр телепередач. То же наблюдалось и в государственных учреждениях. Так, Омское управление внутренних дел имело в своём распоряжении клуб в большом окрашенном в светло-зелёный цвет здании, стоящем за Садам пионеров. Несмотря на строгость пропускного режима, нам уличным мальчишкам и девчонкам позволялось проходить в актовЫй зал этого клуба и смотреть дневные детские телевизионные передачи. Взрослые люди военного поколения бережно относились к детям, помогали им и жалели их. Это не могло не оставить следа в наших детских душах. Помним и благодарим их за это.

Из этого времени всплывают в памяти и некоторые необычные явления. В начале 1950-х в нашем районе проживали два «блаженных», как их называли омичи, человека. Первый из них – глухонемой Коля. Он внешне не был похож на умалишённого, но отличался тем, что даже в сильные зимние морозы ходил в лёгкой стёганой фуфайке с непокрытой абсолютно лысой головой. Как его кожа выдерживала жгучие омские холода, для меня навсегда осталось неразрешимой тайной. Коля по большей части обитал вблизи Крестовоздвиженского храма. Здесь, видимо, кормился и имел какой-то приют.

Вторым блаженным человеком считалась относительно молодая, лет тридцати, женщина по имени Вера. Про неё говорили, что в девичестве она была обманута своим женихом и на этой почве тронулась умом. Вела себя спокойно, видимо была из состоятельной семьи, одевалась скромно, но всегда очень аккуратно. Её часто можно было встретить на пешеходной дорожке в районе Сада имени Куйбышева. Особенностью её поведения было то, что поверх пальто или куртки она носила муфту или неброской расцветки платок. При подходе к ней встречных мужчин или даже нас мальчишек прикрывала муфтой или платком нижнюю

часть живота, разворачивалась на 360 градусов и только затем продолжала дальнейшее движение. Если встречных мужчин было больше, то таких разворотов могло быть также больше.

Нужно сказать, что омичи не обижали своих блаженных. Вере женщины нередко дарили цветные ленты, а Коле постоянно вручали продукты. Часто пытались вручить ему и какой-либо головной убор, но он, если и брал его, никогда потом не носил.

Вспоминается и ещё один неординарный эпизод жизни нашего города. В 1953-1954 годах на территории Куйбышевского сада велось строительство современного по тем временам кинотеатра имени В.В. Маяковского. Мы, мальчишки проживающие в непосредственной близости от этого места, были прямыми свидетелями всех этапов этого строительства. Куйбышевский сад – это бывшее при бывшем Омском кафедральном соборе Успенское прицерковное кладбище. В начале 1930-х годов оно было скрыто, а его могильные памятники убраны. В Омске ходили упорные слухи о том, что наиболее прочные из них – гранитные – легли в основу фундамента так называемого «Серого дома», где ныне размещены Областные управления ФСБ и МВД. На месте кладбища в те воинственно-атеистические годы соорудили эстрадную и танцевальную площадки. Бывший прицерковный погост на долгие годы стал местом увеселения горожан. «Серый же дом», возведённый в 1935 году в стиле сталинского ампира, продолжает свою, несомненно нужную государству, деятельность. Он, как и прежде, красив и величественен.

Следует сказать, что превращение бывших кладбищ в стадионы и увеселительные площадки характерны для всех регионов нашей страны. В середине 1920-х годов этот процесс был особенно заметным. Его следы мы можем наблюдать практически повсеместно. Это прямое следствие воинственного атеизма В.И. Ленина и его ближайших сторонников. В результате этого несколько поколений россиян, порою даже не зная того, втаптывали в землю своими

ногами память о своих предках, плясали, как говорится, «на их костях». А ведь согласно архивным документам, на Омском Успенском кладбище были захоронения достойнейших людей: родственников местных губернаторов, офицеров Омского военного гарнизона, представителей местной интеллигенции, купеческих и промышленных семейств, которые своими трудами возвели и обустроили Омск. От Успенского кладбища не изрытой осталась только его северная, прилегающая к улице Красногвардейской, небольшая территория. Здесь Омская православная община установила большой деревянный крест. Поминальной таблички на нём нет. Видимо, запрещена городскими властями.

Между тем, к 1953-му году Территориальное управление, в котором продолжала работать моя мать, претерпело ряд реорганизационных изменений. Оно было уменьшено в кадровом составе и переведено из центральной части города на улицу 2-я Северная, в район, где размещались цеха Куйбышевского агрегатного завода и Омской суконной фабрики. Эти изменения привели к тому, что в 1954 году барачное здание по улице Осводовской, в котором мы всё ещё продолжали жить, было снято с прежнего финансового баланса. Это заставило нас срочно перебраться в маленькую квартиру наших бабушек, в дом по улице Красногвардейская № 23. Спустя месяц, по договорённости с соседкой Марией Фёдоровной и её мужем Осипом Ивановичем Русаковыми, сняли отдельную небольшую комнату в принадлежащей им части того же самого дома. Мария Фёдоровна уже была на пенсии, а Осип Иванович всё ещё продолжал работать старшим бухгалтером одного из омских торговых учреждений. Спокойный и выдержанный, он сохранял в своей семье определённую независимость, одевался в костюмы светлых тонов, носил светлые шляпы. За ним водился свойственный многим моим землякам грешок – любовь к винопитию. Мария Фёдоровна поругивала его за эту слабость, но чаще, во избежание семейных ссор, прощала его.

Осип Иванович мне был интересен тем, что имел во дворе просторный сарай, в котором помимо дров хранились его столярный верстак и кое-какие столярные инструменты. Он любил столярничать и в свободное от работы время нередко ремонтировал нехитрую домашнюю мебель. Для меня, не имеющего отца и других родственников-мужчин, Осип Иванович был несомненным авторитетом. Наблюдая за его работой, я очень многому у него научился. Важным было то, что он поощрял мой интерес к своему ремеслу. Позволял пользоваться ножовкой, рубанком и некоторыми видами стамесок. Учил правильно держать молоток и закреплять заготовки в зажимном устройстве верстака. Под его контролем я в восемь лет починил с помощью его инструмента изрядно истёртый порог входной двери в квартире Александры Артамоновны. Выпил и вырубил широкой подрезной стамеской истёршуюся часть, а на её место заложил точно подогнанный брусок. Порог получился что надо. Его потом покрасили и новая вставка сделалась совершенно незаметной. Хочу сказать, что нам детям военного и послевоенного времени нравились многие виды мужских работ и мы стремились ими овладеть.

С окончанием четырёх классов начальной школы и с переездом на новое место жительства для меня начался новый, быть может, самый ответственный и интересный этап отроческой, а затем и ранней юношеской жизни. Я был определён на учёбу в 5-й класс школы № 10, что находилась на той же Красногвардейской улице в одном квартале от нашего дома. Это было довольно солидное двухэтажное деревянное здание с широким входным крыльцом и маршевой лестницей, ведущей на второй этаж, где размещались администрация и старшие седьмые и восьмые классы. 10-я школа была восьмилетней. Наш пятый класс располагался на первом этаже и выходил окнами на близлежащую улицу, по которой то и дело разъезжали телеги, везущие дрова с территории прииртышской товарной пристани. Здесь мне предстояло проучиться следующие два года.

Это были переломные для страны, связанные со смертью И.В. Сталина, 1953-1955 годы.

Продолжение школьной учёбы

Омская школа № 10 отличалась тем, что почти весь её педагогический персонал состоял из женщин. Ими были директор школы, завуч и все учителя основных предметов. В школе было лишь трое мужчин: учителя труда и физкультуры, а также завхоз Иван Петрович Зуев, которые и поддерживали необходимый школьный порядок. Во всех классах было много переростков. Так, например, в моём пятом классе были дети 13 и даже 14 лет. Именно они диктовали школьные порядки. Вне рамок учебного процесса имели место мелкое карманное воровство, отбирание «буфетных» денег у детей младшего возраста, случались драки.

Среди учеников старших классов процветало сквернословие и курение. Директор, завуч и все учителя боролись с этими явлениями, но искоренить их не могли, так как их питала внешняя неблагополучная послевоенная среда. Много было безотцовщины, много было неблагополучных семей, неспособных организовать должный присмотр за своими детьми.

Главным событием 1953 года стала смерть вождя Советского государства Иосифа Виссарионовича Сталина. Это случилось на седьмом месяце моего обучения в новой школе. По моим личным воспоминаниям, горе по этому поводу было всенародным и подлинно искренним. Весь Омск погрузился в траур. Центральные площади были заполнены людьми всех возрастов. Многие стояли в оцепенении, многие плакали. У всех имя Сталина ассоциировалось с Гражданской войной, с построением в СССР под его руководством первого социалистического государства, с индустриализацией страны и её научными успехами, с неимоверно трудной победой над фашистской Германией.

Перед каждым советским человеком возникли законные, волнующие душу вопросы: «Что будет дальше?», «Каким курсом пойдёт страна?», «Кто её на этом этапе возглавит?», «Не возникнет ли новый виток борьбы внутренних политических группировок за власть?». Всё в СССР в одночасье сделалось проблематичным и зыбким. К сожалению, многие опасения оправдались. Уже спустя несколько месяцев после смерти Сталина началась открытая борьба партийных элит за право управления погружённой в траур страной. В результате этой борьбы главой государства и руководителем КПСС стал мастер внутривластных заговоров и интриг Никита Хрущёв. Он при поддержке военной верхушки СССР сумел одержать победу над рвавшимся к власти всесильным руководителем органов безопасности СССР Лаврентием Берией.

Свою деятельность на посту главы государства Хрущёв начал с развенчания культа личности Сталина. Поползли упорные слухи о причастности бывшего «вождя» и «отца народов» к массовым репрессиям и уничтожению миллионов невинных советских людей. Хрущёв действовал напористо и мстительно, хотя сам был активнейшим сторонником подобных репрессий и, будучи в 1934-1938 годах на крупных партийных должностях, в том числе и на посту Первого секретаря КПСС Украины, отличался особым рвением по составлению списков так называемых «врагов народа». Сталина стремился уничтожить не столько для коррекции внутривластного курса партии, сколько для возмещения на нём личных обид и ущемлённых чувств за то, что на протяжении многих лет исполнял при нём роль холопа. Не последним обстоятельством в этом процессе была и месть за старшего сына – военного лётчика, который на офицерской вечеринке непреднамеренно в импровизированной дуэльной перестрелке застрелил своего товарища. Дело сына было передано в военную прокуратуру, и он был приговорён к расстрелу. Хрущёв лично просил Сталина о помиловании провинившегося, но тот не сделал этого, посчитав приговор справедливым. С этого

момента Хрущёв возненавидел своего вчерашнего кумира и все последующие годы вынашивал мысль о его свержении. Со смертью Сталина для него открылась возможность очернить авторитет вождя, и он начал это делать со всей присущей ему природной энергией. В результате этого, несмотря на протесты некоторых членов Политбюро, в том числе и старейшего члена партии – Вячеслава Молотова, ему уже в течение 1954-1955 годов удалось добиться того, что прежний образ Сталина действительно стал постепенно тускнеть. К тому же в это время в стране была проведена массовая амнистия политзаключённых. Они в процесс развенчивания авторитета Сталина внесли свой, не всегда справедливый, вклад.

Именно к этому моменту я был учеником пятого класса, и именно тогда со мной случилось весьма неприятное событие, связанное как с именем Сталина, так и с девичьим обувным мешком, о прототипе которого я уже упоминал в одном из прежних разделов этой книги. В данном случае мешок принадлежал уже совсем другой девочке, которая мне, как и моя первая любовь Ира Киреева, очень нравилась. Для того, чтобы привлечь к себе её внимание, я, как это часто бывает с мальчишками 11-12 лет, пытался причинить этому ангельскому существу мелкие неприятности. Для этого в перерыве между уроками, когда другие ученики покинули класс, я взял обувной мешок моей избранницы, забрался на учительский стол и затолкнул его за висевший на стене портрет Сталина.

В конце уроков жертва моей проказы наконец обнаружила пропажу. Начались поиски. В них принимал участие весь класс во главе с классным руководителем – молоденькой учительницей географии Ольгой Ильиничной Рындиной. Задерживать своих учеников после уроков она не могла, и я был вынужден признаться в своём проступке. Мешок из тайника извлекли и вернули пострадавшей. Мне, по детской наивности, казалось, что возникший инцидент на этом будет исчерпан. Но случилось по-иному. Ольга Ильинична обо всём доложила директору школы. Нача-

лось обстоятельное разбирательство. Мою мать и бабушку Александру Артамонову несколько раз вызывали в школу. В конечном итоге никаких злостных намерений в моём поступке не обнаружили и сочли его за детское баловство. Но сама процедура разбирательства и попытка дать этому поступку некий политический смысл, безусловно, оставили в душах моих взрослых родственников далеко не самый приятный след. Тем более, что совсем ещё недавно за подобное прегрешение могли бы быть наложены более серьёзные меры наказания.

Особенно мне было жаль бабушку Александру Артамонову, этого замечательного, столь много сделавшего для меня, человека. Не оканчивая даже средней общеобразовательной школы, она посредством систематической работы сделала из себя грамотную, просвещённую, хорошо разбирающуюся в жизненных проблемах, женщину. Обучаясь на специальных курсах, приобрела профессии счетовода, а затем мастера швейного дела. Первая профессия позволила ей успешно выполнять обязанности учётчицы в одном из крупных омских торговых учреждений. Вторая профессия закройщика и специалиста пошива дамского платья дала возможность работать портнихой высокой квалификации в ряде омских пошивочных мастерских, а затем – и инструктором в школе по обучению жён офицеров 73-го артиллерийского полка швейному делу. В этом качестве проработала три года до момента передислокации полка из Омска в другой город.

Своим профессиональным знаниям и профессиональному мастерству придавала самое серьёзное внимание. Столь же серьёзное внимание придавала приобретению общеобразовательных знаний. С самых молодых лет в поле её зрения всегда находились русская и иностранная литература, живопись, песенное искусство и театр. Она кропотливо и последовательно изучала труды всех русских писателей и поэтов. Многие стихи знала наизусть. Всю сознательную жизнь была заядлой театралкой. В нашем семейном архиве до сих пор хранятся десятки теа-

тральных программ, самые ранние из которых датированы 1912-1914 годами. Это говорит о том, что свой интерес к театральному искусству она проявляла ещё в девичестве, в возрасте 18-19 лет. Театр и хорошая книга всю жизнь сопровождали её. Она была также активной участницей женского певческого хора. Много лет числилась членом певческого коллектива Омского клуба железнодорожников. За это награждена множеством благодарственных грамот и даже учебником «Краткая история ВКП(б)». Он до сих пор, как семейная реликвия, хранится в нашей домашней библиотеке.

Была она и активной общественницей. Участвовала в работе профсоюзной организации и даже, выйдя в 1956 году на пенсию, добровольно работала при Омской районной библиотеке имени Н.А. Некрасова разносчицей книг по домам и квартирам инвалидов Великой Отечественной войны. Вознаграждениями для неё в этом случае служили любовь и уважение обслуживаемых ею людей.

Обладая доброжелательностью, отзывчивостью и большой житейской мудростью, Александра Артамоновна не могла не оказывать и на меня самого благотворного воспитательного воздействия. То же старалась делать и моя мать, но её возможности в этом вопросе были гораздо уже. Это было связано с тем обстоятельством, что рабочий график людей в нашей стране до середины 1950-х годов длился до 10-12 часов. На работу мать уходила ранним утром и возвращалась в потёмках. Естественно, что при таких служебных нагрузках времени на меня ей не хватало. Тем не менее, и она, как могла, формировала во мне интерес к литературе и иным видам искусства. Водила в кино и музеи. Покупала и выписывала по почте книги русских писателей и поэтов. Томиками купленных ею собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева и Некрасова я продолжаю пользоваться до сих пор. Будучи хорошей рисовальщицей, учила меня некоторым приёмам этого увлекательного мастерства. Систематически покупала наборы кистей, масляных красок и растворителей. Под её

контролем я пытался рисовать небольшие пейзажи, в том числе и с натуры. Сохранилось несколько из них, но не у меня, а у моих тёток, которым я эти пейзажи дарил по случаю их дней рождения.

Возвращаясь к Александре Артамоновне, хочу ещё раз вернуться к её увлечению театром. Делаю это прежде всего потому, что «жертвой» этого увлечения нередко становился и я. Она постоянно, не менее одного-двух раз в месяц, водила меня на постановки Омского драматического театра. Её излюбленными драматургами были: А.П. Чехов («Три сестры», «Вишнёвый сад», «Дядя Ваня»), А.С. Грибоедов («Горе от ума»), М. Горький («На дне», «Жизнь Клима Самгина», «Мещане») и особенно – Н.В. Гоголь («Ревизор», «Мёртвые души»).

Часть из этих постановок помню до сих пор. В театре сидели не в партере, а в более дешёвых верхних ложах. С этих мест хорошо просматривалась сцена и хорошо прослушивались голоса актёров. Особенно впечатляли гоголевские пьесы. Поражал своей ловкостью и хитростью главный герой «Ревизора». Увлекало необычное поведение персонажей «Мёртвых душ».

Любила Александра Артамоновна и музыкальные произведения, то есть певческие концерты, оперные и опереточные постановки в Омском музыкальном летнем театре (иных музыкальных театров до начала 1970-х годов в городе не было). Предпочитала работы русских композиторов: М.И. Глинки («Иван Сусанин», «Руслан и Людмила»); П.И. Чайковского («Евгений Онегин», «Мазепа», «Орлеанская дева»); Н.А. Римского-Корсакова («Садко», «Майская ночь», «Сказание о невидимом граде Китеже»). На некоторых из этих опер бывал и я. Запомнились на всю жизнь опера «Евгений Онегин», в которой до боли было жалко хорошо поющего и очень милого Ленского; «Иван Сусанин» с мрачной героиней смутного времени; «Руслан и Людмила» с дремлющей головой богатыря и бородатым похитителем Людмилы; «Град Китеж» с извечной борьбой русского народа за свою независимость.

Нужно сказать, что оперные постановки я переносил хуже, чем обычные театральные. Во-первых, они были длинными. Во-вторых, хоровое пение часто звучало глухо и неразборчиво, многие слова не доходили до слуха. Это утомляло и до определённой степени раздражало. Лучше воспринималось сольное пение, особенно в тех операх, содержание которых я знал по книгам. Арии певцов из опер «Евгений Онегин», «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила» я воспринимал не только с интересом, но даже и с некоторым удовольствием. Всё остальное, уважая Александру Артамоновну, только терпел. Очень хотелось на воздух, на пляж, на простор, на активные ребячьи игры.

Всё что я здесь описываю кратко и сжато длилось на самом деле на протяжении многих лет. Поэтому входило в меня постепенно в самых различных вариациях и пропорциях надолго и прочно. То же самое можно сказать о привитии мне Александрой Артамоновной интереса к образцам прекрасной омской архитектуры и редчайшим музейным ценностям. Гуляя со мной по городу, она обращала моё внимание на серию изящных зданий на Ленинском (Любинском) проспекте, на оригинальное двухэтажное здание Губернаторского дворца, на строения бывшего Кадетского корпуса и Батюшкинский особняк, в котором в 1919-1920 годах находилась резиденция Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Не оставлялись ей без внимания здания Управления железной дороги и Иртышского речного пароходства, изящное здание Омского музыкального училища, а также ряд совершенно оригинальных зданий на улице Ю.А. Гагарина.

Особо часто посещались нами Музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля и старейший в Сибири Омский краеведческий музей. В музее Врубеля меня с детских лет поражали своим изяществом бронзовые изваяния конного Наполеона; Императора Петра I, склонённого над военной картой; Нестора-летописца, занятого фиксацией каких-то исторических фактов и юной «Купальщицы», опробывающей узенькой стопой струи бегущего перед нею ручья.

Привлекали внимание беломраморные фигуры Венеры, Артемиды, Геры и Вакханки с чётко прорисованными чертами лиц, живой пластикой рук и всех остальных частей красивых женских тел. Особо поражали размещённые в соседних залах великолепные картины известных русских живописцев. До сих пор перед глазами стоят полотна И.К. Айвазовского «Берег Ялты» и «Ялтинские горы ночью»; Г.И. Семирадского «Рим. Деревня»; В.М. Васнецова «Снятие с креста»; И.Е. Репина «Портрет Леонида Андреева»; И.И. Крамского «Портрет виолончелиста Морозова»; В.А. Серова «Портрет неизвестной». Весь набор демонстрируемых в этом музее предметов культурного наследия великолепен по своей редкой духовной ценности и по их роли в пропаганде творчества лучших мастеров русского изобразительного искусства.

Не менее замечателен и старейший в Сибири (открыт в 1878 году) Омский краеведческий музей. Он имеет богатейшую коллекцию музеефицированных местных животных. Чучела оленя, бурого медведя, волков, лисиц и зайцев выполнены настолько натурально, что они кажутся живыми и двигающимися. Посещая этот музей, всегда задерживались у мемориального комплекса, размещённого рядом с Краеведческим музеем. Он венчался и венчается до сих пор замечательным памятником жертвам колчаковского режима. На пьедестале памятника возвышается фигура женщины со знаменем в правой руке.левой рукой она поддерживает смертельно раненного бойца революции. На лицевой стороне пьедестала, на горячей бронзе, светятся бессмертные слова М. Горького: «Безумству смелых поём мы славу».

За тыльной стороной памятника тянутся обрамлённая гранитным камнем единая братская могила, шесть скульптурных изваяний и четыре надгробные плиты с именами расстрелянных в 1918-1919 годах колчаковскими карательными отрядами членов Сибирского и Омского обкомов РКП(б). Среди них Ф.В. Гусаров, М.М. Рабинович и А.А. Масленников, именами которых названы центральные улицы Омска.

До 1991 года на этом памятном месте выставлялся почётный караул из старшекласников близлежащих омских школ. С приходом к власти в Омске сторонников Ельцина в лице губернатора Омской области Л. Полежаева и мэра Омска В. Рощупкина почётный караул был снят. По их же распоряжению в омском «Сквере на Стрелке» был снесён замечательный памятник венгру Карою Лигети, одному из руководителей сибирской коммунистической интернациональной бригады. Почему и зачем бывшие советские партийцы это сделали до конца неизвестно. Можно предположить, что они, формально служа Советской власти, эту власть, подобно Ельцину, Собчаку, Гайдару и прочим героям смутных 1990-х годов, мягко говоря, не долюбливали. А историю, какой-бы она ни была, нужно уважать. Она не терпит произвола торопливых рук временщиков. Очень жаль, но очередное кощунственное действие совершилось. Сделана попытка вычеркнуть из истории ещё один её реальный эпизод.

От Александры Артамоновны я многое узнал и о судьбе некоторых культовых зданий Омска, в частности, о снесённом большевиками (как оказалось такими же временщиками) в 1930-х годах кафедральном соборе Успения Божией матери, в закладке фундамента которого принимал участие будущий император России Николай Александрович Романов. В 1891 году, возвращаясь из поездки в Японию, он речным путём посетил ряд сибирских городов, в том числе и Омск. Здесь осмотрел губернаторский дворец, ряд церквей и военную крепость. Увиденным, как сообщалось в местных газетах, остался доволен. Что касается собора, то он в 2000 году был восстановлен, но уже под иным названием. Теперь это Христорождественский кафедральный собор. Здание собора повторило все черты своего предшественника. Это одно из самых красивых культовых строений Омска.

Говорила мне она и о наличии в прошлом рядом с Никольской Казачьей церковью польского католического храма и мусульманской мечети. Католический храм в

1930-е годы был полностью разрушен, а мечеть закрыли. До конца 1970-х годов её руинированные останки можно было увидеть на проспекте К. Маркса за стенами профессионально-технического училища № 21. От неё мне была известна и судьба первого в Омске каменного военного Воскресенского храма, фундаменты и подвалы которого можно обнаружить на улице Спартаковской, рядом с Домом офицеров, сразу же за памятником Ф.М. Достоевскому. В усыпальнице этого храма была похоронена умершая от туберкулёза в 1852 году 23-летняя супруга генерал-губернатора Омска Г.Х. Гасфорта Любовь Фёдоровна Гасфорт. После смерти её именем были названы главный проспект города, городская берёзовая роща и одна из ближайших к городу железнодорожных станций.

Известно мне и местонахождение укрытого слоем земли фундамента омского храма Святого пророка Ильи (Ильинской церкви). Он находится на естественной возвышенности рядом со старым мостом через реку Омь, там, где ныне размещён памятник Ленину. В 2013 году, посещая Омск в очередной раз, я побывал на местах бывшего размещения как Воскресенского, так и Ильинского храмов. Ведётся речь о проведении восстановительных работ. Но пока, как я знаю, ничего конкретного в этом отношении не сделано.

Что же касается памятника Ленину, то в конце 1980-х годов с ним произошла весьма грустная метаморфоза. В городе сложилось тяжёлое положение с мясными продуктами. В этих условиях омское партийное руководство осмелилось выложить на прилавки продуктовых магазинов обескоженные бараньи головы в качестве сырья для приготовления якобы вкусных суповых бульонов. Это решение многими омичами было воспринято как оскорбление. Какая-то группа горожан скупил часть этих голов, связала их в гирлянду и в ночное время подвесила на вытянутую руку вождя. После этого бараньи головы из магазинов исчезли. Снабжение же города мясными продуктами было постепенно налажено.

Водила меня Александра Артамоновна и в омские кинотеатры. Правда, с 11-летнего возраста я стал их посещать либо самостоятельно, либо со своими уличными или школьными друзьями. Это были кинотеатры: «Хроника» (находился на пересечении улиц Музейная и Ленина, неподалёку от Омского драмтеатра); деревянный, но достаточно вместительный кинотеатр «Луч» на улице А.И. Герцена; кинотеатр «Экран» в здании бывшего Никольского Казачьего собора; кинотеатры «Гигант» и «Художественный» в начале Партизанской улицы, по соседству со «Сквером на Стрелке».

Обширный бревенчатый, пользующийся дурной славой кинотеатр «Гигант», под настилом входной лестницы которого однажды обнаружили труп убитого местными ворами человека, в конце 1940-х годов разобрали. На его месте затем, у стены городской ТЭЦ-1, длительное время стоял городской тир. Кинолюбителей же перенаправили в соседний, стоящий через дорогу, кинотеатр «Художественный». Он представлял и продолжает представлять собой подлинный архитектурный шедевр. Его фойе украшено изящной лепниной и прекраснейшими бронзовыми светильниками. В верхней части фойе, на специальных мостках, размещался духовой оркестр в составе 6-8 человек, которые перед каждым очередным сеансом исполняли музыкальные произведения как отечественных, так и иностранных композиторов. Звучала прекрасная музыка! А какие были фильмы! Билеты на утренние и дневные сеансы почти ничего не стоили, и когда позволяли обстоятельства, особенно в летние и зимние каникулы, мы дети той поры их постоянно посещали. Позднее к числу перечисленных кинотеатров добавился построенный в 1954 году, уже упомянутый мною ранее, кинотеатр имени В.В. Маяковского. Он находился рядом с местом нашего жительства и потому стал для нас наиболее привлекательным.

Следует отметить, что в те, теперь уже далёкие годы, вопросам нравственности и духовности населения руководство страны уделяло самое пристальное внимание. На

эту цель были направлены не только кино и театр, но и хорошо продуманная и умело организованная система радиопередач. Эти передачи включали в себя прекрасные литературные чтения и великолепные музыкальные постановки. Из эфира не уходили голоса выдающихся певцов того времени. Наш слух завораживали оперные арии, романсы и песни в исполнении Козловского, Лемешева, Неждановой, Архиповой, Шульженко и других мастеров певческого искусства. Это было время величайшего расцвета советской культуры, которая действительно служила насущным интересам народа. Её влияние мы ощущаем на себе до сих пор и искренне сожалеем о её исчезновении в смутные 1990-е годы.

Воздействие на меня средств массовой информации усиливалось воздействием терпеливого влияния всё той же Александры Артамоновны – моей любимой бабушки. Делала это она с помощью доверительных бесед, чтения вслух хороших детских книг и стихов русских поэтов. Особенно часто звучали стихотворения Пушкина, Лермонтова, Фета и Некрасова. До сих пор помню в её исполнении пушкинские строки о ненастной зимней ночи:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Сибирские вечера и ночи были такими же ненастными и такими же вьюжными, поэтому эти строки и эти слова свободно входили в душу, рисуя передо мной картины реального окружающего нас мира. Остро и с некоторым страхом воспринимались пушкинский «Анчар» и некрасовское «Меж высоких хлебов затерялося...» Стихи Фета почему-то всегда хотелось напевать. Они мне казались лёгкими, сердечно близкими и живыми. С внутренним протестом воспринимал затем слова учителя русского языка и литературы, относившего согласно школьной

программе творчество Фета и Тютчева к «искусству ради искусства». До сих пор продолжаю повторять, что в русской поэзии нет ничего лучше, чем лирика Афанасия Фета и Фёдора Тютчева.

И окружающая меня советская культура и воздействие воспитательного влияния бабушки формировали во мне потребность правильного отношения к жизни. Но было и иное, а именно уличное воздействие. На нас детей военного и послевоенного времени оно оказывало огромное, к сожалению, не всегда благотворное влияние. В Омске, как и в соседнем Казахстане, было много людей высланных из центральных районов СССР за различного рода преступления. Они тоже в какой-то мере формировали моральный климат в нашем городе. Было немало воровства и разбоев. Милиция активно боролась с этими явлениями, но ей нередко оказывалось самое дерзкое сопротивление. Так, на нашей Красногвардейской улице зимой 1950 года был убит участковый милиционер. Его бандиты оглушили ударом по голове, связали и опустили в коммуникационный колодезь вниз головой. Здесь его и обнаружили через несколько дней замёрзшим с изуродованным от побоев лицом. Такие случаи не были частыми. Но омская воровская среда существовала, и она втягивала в себя подростков. Некоторые из моих уличных друзей попали под её влияние и позднее были судимы за совершённые преступления, главным образом за воровство и уличное хулиганство. С некоторыми из них я был близко знаком и даже посещал места их жительства. В ту пору я входил в переходный отроческий возраст. Мне было двенадцать лет.

Отрочество. Увлечения и игры отроческих лет. Родная улица

Наши отроческие годы отличались значительной личной свободой. Я и мои ближайшие друзья могли в летний период с утра до вечера пребывать на Иртыше, ловить

рыбу, загорать и купаться. Могли также с разрешения родителей уезжать в ближайшие пригородные районы для сбора грибов и ягод. Это было обыденным делом, и наши родственники, зная, где мы можем находиться, относились к подобным явлениям спокойно.

В зимнее время наша свобода ограничивалась школьной учёбой. Но и в этих условиях всё имеющееся у нас внеурочное время мы стремились проводить вне дома, на постоянно влекущей нас к себе улице: катались на санях с ледяных гор, бегали на лыжах, увлекались коньками. «Снегурки» крепили к валенкам верёвочными шнурами и деревянными закрутками. Устойчивость на таких импровизированных «коньках» была идеальной. Позднее стали пользоваться услугами пункта выдачи спортивного инвентаря стадиона «Динамо», где выдавались коньки на прокат. Эта услуга почти ничего не стоила, и мы охотно ею пользовались на протяжении всего зимнего периода.

При такой внешней свободе у каждого из нас были, конечно же, свои постоянные домашние обязанности. Я, например, с семи лет должен был ходить в магазин за хлебом и иными продуктами; носить вёдрами воду из ближайшей уличной водонапорной колонки; таскать в дом из сарая суточную порцию дров; раз в две недели бегать в лавку за керосином. Для всех этих дел приходилось выкраивать определённое, как правило, послеобеденное время. И только исполнив все эти дела, мы получали право на свободное времяпровождение.

Домашние обязанности входили в привычку, и мы исполняли их без ропота и даже с некоторой охотой. Они приближали нас к взрослой жизни и расценивались нами как посильная помощь взрослым членам семьи. И домашние, и школьные, и уличные занятия развивали и укрепляли наш характер, расширяли кругозор, приучали к самостоятельности и смекалке. Вполне естественно, что улица, наряду с положительным, оказывала на нас и отрицательное воздействие. Мы вовлекались в неизбежные для детского и отроческого возраста проказы и даже опас-

ные авантюры. Нашей постоянной игровой средой была не только родная Красногвардейская улица, но и огромное пространство вдоль береговой линии Иртыша. Оно тянулось от железнодорожного моста и Омского речного грузового порта до Зелёного острова. От него, вдоль магистральной улицы Красный Путь – до территории Сельскохозяйственного института и полей загородной деревни Захламино, где находились охраняемые конным объездчиком огороды омичей. Теперь этих огородов и этой деревни давно нет. На их месте построен городок Нефтяников с его производственными и жилыми зонами, с его разветвлённой системой транспортных и иных коммуникаций.

Хорошо нами были освоены также районы Северных, Ремесленных и Дачных улиц, жилая территория вблизи бывшего судоремонтного завода имени И.В. Сталина. Расположенную же рядом с ним Загородную рощу мы знали наизусть, так как с раннего детства проводили в ней много времени, наслаждаясь её красотой, простором и чистым лесным воздухом.

Реже бывали на территориях левого берега Оми и Кировского (Куломзинского) района. Здесь у нас не было постоянных друзей. Но и сюда мы нередко наведывались и могли свободно ориентироваться в сложной застройке этой специфической части города.

На захламинских полях промышляли морковь, репой и сладким стручковым горохом. При этом почти ничем не рисковали, так как всегда знали, где находится объездчик. Заранее могли предупредить все его действия против нас. Да и сам он не особо ретиво исполнял свои охранные обязанности. Большую часть времени проводил под брезентовым навесом, прячась от жаркого сибирского солнца. Мы пользовались моментом, когда он на лошади отъезжал к деревенскому колодцу за водой. Отметив это, отправлялись за добычей. Особо не жадничали, брали только то, что могли затолкнуть за пазуху.

На опытных полях Сельскохозяйственного института приворывывали всё тот же овощной набор, добавляя к

нему сочную редьку и бобы. К этим полям добирались трамваем, одноколейная линия которого тянулась вдоль Красного Пути от городка Водников до территории института. Добравшись до нужного места, через известные нам лазы в заборе проникали на овощные участки. Набрав нужное количество ароматной и вкусной снеди, через те же лазы незаметно исчезали. Но главным призом для нас здесь были не овощи, а крупный и сладкий, выращиваемый омскими селекционерами, ранет. Его посадки находились чуть в стороне, в специальном питомнике.

Охота за ним носила более опасный характер, так как питомник охранялся сторожами. Но и в этом случае мы находили изъяны в охране и ухитрялись безнаказанно пользоваться результатами труда омских садоводов. Правда, один раз мы чуть было не попались. Выручили смекалка и ловкость. От гнавших за нами сторожей убежали не в сторону им известных лазов, а в сторону находящихся рядом обкомовских дач. Перемахнули через деревянный забор и по обкомовским владениям выбежали на примыкающую к ним улицу Берёзовая и далее – в загородный лесопарк с его обширными цветочными теплицами. В нём нас поймать было уже невозможно. Мы знали каждый уголок этого парка и могли легко найти в нём надёжное укрытие.

Наши набеги на питомник и сельскохозяйственные огороды не носили, конечно же, постоянного характера. Просто возникала потребность в очередной, сопряжённой с азартом и риском, авантюре, и мы, преодолевая естественный страх, на неё пускались. За летне-осенний период проводили не более трёх-четырёх подобных операций.

Что же касается территории Сельскохозяйственного института, то мы посещали её в этот период почти постоянно. Играли в футбол на студенческом стадионе или наблюдали за проводимыми на нём студенческими соревнованиями. Я же вообще в эти места был влюблён. Здесь в предвоенные годы учились мои родители, и это роднило меня с ними. Любил бывать у главного, очень красивого, административного здания института и на расположенной

перед ним обширной площадке отдыха с действующим на ней фонтаном и зелёными каменными крокодилами по его периметру. Присев на стоящую рядом с фонтаном лавочку, любил наслаждаться пением многочисленных перелётных птиц и царящим вокруг благодатным загородным покоем.

Любил также спускаться в находящиеся за площадкой отдыха глубокие, огороженные металлическими оградками учебные колодцы. Их использовали преподаватели астрономии института для показа студентам участков звёздного неба в дневное время. Даже в солнечный день со дна этих колодцев на враз потемневшем небосводе возникали плеяды ярко сияющих звёзд. Эффект был поразительным и, как мне казалось, невозможным. Но он был и производил на меня огромное впечатление. Боюсь, что в наше время эти колодцы уже засыпаны землёй и новый посетитель не сможет насладиться красотами дневного, усыпанного яркими звёздами, неба.

Сразу за колодцами начиналась тянущаяся до улицы Красный Путь «студенческая роща». Она была высажена преподавателями и студентами института накануне Великой Отечественной войны. В посадке деревьев этой рощи принимала участие и моя мать. Два посаженных ею канадских клёна она мне неоднократно показывала. Теперь это большие и очень красивые деревья. Всякий раз, приезжая в Омск и бродя по «студенческой роще», я подхожу к ним, обнимаю их и разговариваю с ними.

Не обхожу стороной и институтский продовольственный магазин, где в отроческие годы покупал свежие ванильные булочки и бесконечно вкусные конфеты-подушечки с ягодным повидлом. Оставив магазин, направляюсь в сторону студенческих общежитий, в которых в годы учёбы проживали мои родители. Отец, по рассказам матери, жил в общежитии, где располагалась студенческая столовая. Мать проживала в двухэтажном краснокирпичном двухподъездном здании с круглым замурованным торцевым окном на улице Физкультурная № 7. Оба общежития со-

хранились и используются по своему служебному назначению. В обоих звучат голоса новых студентов.

И институтский городок, и прилегающие к нему территории за прошедшие 60 лет существенно изменились. Построены новые учебные корпуса. Появился крытый спортивный зал и большой многоэтажный дом для преподавательского и технического состава института. Да и сам институт в очередной раз поменял свой статус и наименование. Теперь это Омский аграрный университет имени П.А. Столыпина. Почему Столыпина? Потому, что он в 1910 году на очень короткий срок приезжал в Омск. Имел деловые встречи с омским губернатором и омскими промышленниками. Сельскохозяйственного института (в ту пору училища) не посещал и потому не мог оказать на него какого-либо воздействия. Тем не менее, бывший институт, ставший неожиданно университетом, получил имя этого выдающегося человека. Но на эту роль были и другие достойные претенденты. Это прежде всего местный талантливый агроном и учёный, разработчик безотвального, очень эффективного для мелкодисперсных западносибирских почв, пахотного метода, профессор Вячеслав Павлович Балиев. Но о нём забыли, как считают многие омичи, в угоду всё тому же, любящему всё дореволюционное и частнособственническое, омскому губернатору Л. Полежаеву.

Реальная же история Омского аграрного университета такова. В своей начальной училищной форме он существовал до 1918 года. В советское время, получив из центральных регионов России хороший преподавательский состав, стал Омским сельскохозяйственным институтом. В 1921 году, просуществовав в этом виде три года, был преобразован в Омскую сельскохозяйственную академию. Но и она просуществовала всего два года. В 1923 году вновь была названа Сельскохозяйственным институтом, которому в 1935 году присвоили имя трагически погибшего Сергея Мироновича Кирова. Он, как и Столыпин, к этому институту никакого отношения не имел. Но за 60 с лишним лет его имя прижилось и стало для всех привычным. Менять

его, как и сносить памятник венгру Карою Лигети, было совсем не обязательно. Пусть бы они и дальше напоминали людям о минувших исторических событиях, о лицах, которые в этих событиях принимали непосредственное участие. Искажая и подгоняя под себя историю, мы лишаем себя возможности учиться у неё и потому систематически повторяем собственные, в том числе и роковые, ошибки. А их у россиян, как и у всех других народов, великое множество.

Отметив роль Омского сельскохозяйственного института в нашей подростковой жизни, возвратимся к родной для меня улице Красногвардейской. Длина этой улицы, центра нашего огромного игрового пространства, была не более двух километров. Она тянулась от берега Иртыша, от некогда размещённых на нём Товарной пристани и примыкающего к ней дровяного склада до Омского центрального рынка, который в 1960-х годах был ликвидирован и на его месте возник современный крытый Торговый центр с хорошо оборудованными торговыми отделами и секциями.

Улицу Красногвардейскую под прямым углом пересекало несколько небольших, а затем и крупных городских улиц, деля её на шесть равновеликих кварталов. К крупным улицам относились Красный Путь, Орджоникидзе и Тарская. Последний квартал Красногвардейской улицы упирался в магистральную улицу Герцена и стоящий на её противоположной стороне Центральный рынок. Все кварталы нашей улочки были застроены деревянными домами. Каменных было мало, но зато они сохранились до сих пор. К ним относятся: красивое трёхэтажное здание на перекрёстке улицы Красногвардейской с Красным Путём, в котором когда-то размещалась детская городская поликлиника; два кирпичных трёхэтажных здания на перекрёстке с улицей Орджоникидзе, в одном из которых находился детский «Сад водников», а в другом – Омское городское управление связных коммуникаций. Рядом с ним во второй половине 1950-х годов омскими инженерами была возведена первая в городе телевизионная вышка. С этого момента Омск обрёл свою телевизионную сеть. Позднее

более мощная вышка была построена в районе Сельскохозяйственного института, за его «студенческой рощей».

На пересечении улицы Красногвардейской с улицей Тарской сохранилось трёхэтажное общежитие работников близлежащей Омской обувной фабрики и крупный бревенчатый особняк на высокой каменной подклети, в котором длительное время размещался Центральный районный военкомат. Именно в нём в 1963 году я оформлял необходимые документы для поступления в Высшее военно-морское училище. Сейчас этот особняк передан в частные руки. В нём открыт хорошо известный омичам магазин сувениров. Здесь продаются картины, гравюры, настенные и настольные часы, женские украшения из янтаря и других полудрагоценных камней, различные антикварные изделия.

На левой стороне последнего квартала улицы Красногвардейской, в его центре, сохранилось двухэтажное краснокирпичное здание, во дворе которого до конца 1960-х годов возвышалась высокая радиомачта. В этом здании в годы Великой Отечественной войны находился радиопередающий центр. Считается, что в нём в 1943-1944 годах мог работать известный советский диктор Юрий Левитан. Многие свои радиопередачи он вёл не из Москвы, а из периферийных городов, потому что был объявлен Гитлером личным врагом и за ним на протяжении длительного времени велась охота немецких диверсантов.

Выходящая на улицу Герцена левая сторона последнего квартала улицы Красногвардейской оканчивалась большим жилым домом, на первом этаже которого располагался и располагается один из лучших продуктовых магазинов города. Правая сторона квартала завершалась популярным в городе книжным магазином. В нём в 1961 году я на свою первую заводскую получку приобрёл прекрасно оформленную книгу великого Данте «Божественная комедия». С неё началась моя личная, теперь уже достаточно обширная, домашняя библиотека. Эта книга и сейчас продолжает украшать её.

В пору моего детства и раннего отрочества Красногвардейская улица, как, впрочем, и все соседние улицы, была заселена представителями служебного сословия: творческой интеллигенцией, преподавателями местных вузов, техникумов и школ, специалистами промышленных предприятий, семьями военнослужащих и работников органов госбезопасности. Проживали здесь и семьи рабочих, служащих Омского речного пароходства и даже люди с судимостями и отбытыми сроками тюремного заключения. Так, в двухэтажном доме на восемь семей одновременно жили семьи моего школьного товарища Володи Новикова, чей отец был офицером НКВД, и вышедшего из тюрьмы уголовника, за которым тянулся шлейф судимостей за различные воровские преступления. Его сын Валентин Мочалин был участником нашего дворового детского сообщества. Он был старше многих из нас, обладал волевым характером и потому имел влияние на всех членов нашей ребяческой компании. Но Бог миловал, и большинство из нас под это влияние не попали. Валентин же пошёл по стопам своего отца и с 18 лет несколько раз был судим и попадал в тюрьму. Мне позднее было искренне жаль его. Он был умным и способным юношей, но окружающая его среда отрицательно сказалась на нём. Находясь он в других условиях, его жизнь могла бы сложиться совсем иначе.

К счастью, мои симпатии в этот период распространялись на ребят, проживающих в доме, стоящем через дорогу. Ими были мальчики 14 и 15 лет братья Сергей и Мирон Суворины. Оба были сиротами и находились на попечении своих деда и бабушки. Оба были крепышами и могли постоять за себя. В отличие от Сергея, Мирон с детства был глухонемым и это затрудняло общение с ним. С Сергеем, который был старше меня на два года, мы сошлись и стали хорошими друзьями. И Сергей и Мирон принадлежали к старообрядческой семье, были трудолюбивы и дисциплинированы. Постоянно помогали своим опекунам. Был у них ещё и родной дядя – слесарь одного из омских военных заводов. Он приносил своим племянникам выточенные

на токарном станке небольшие металлические игрушки в виде башен Кремля или церковных колоколен. Игрушки были изящны и красивы и своим видом восхищали нас. Дед моих друзей занимался пошивом и ремонтом обуви, бабушка отвечала за домашнее хозяйство. С разрешения деда, Сергей и Мирон имели голубятню, в которой разводили породистых белоснежных голубей. Своих питомцев любили и холили. Кормили специальными крупами, часто прямо изо рта. Голуби отвечали им такой же любовью. Завидя своих благодетелей, подлетали к ним, садились на их головы и плечи. Я часто бывал у своих друзей в их голубятне и до некоторой степени приобщился к процессу кормления и содержания этих замечательных птиц.

Сергей и Мирон запомнились мне своими положительными качествами. Они были верны и надёжны. Я многому от них научился. Обязан им и тем, что они уберегли меня от опасных контактов и помогли пройти переходный этап отрочества и взросления, стояли у истоков формирования моих собственных взглядов на подлинные ценности жизни.

Особенностью Красногвардейской улицы было и то, что на ней проживало немалое число инвалидов Великой Отечественной войны. Один из них – бывший офицер-сапёр от взрыва немецкой противопехотной мины потерял обе руки. Со своей семьёй он жил недалеко от Иртыша. У него было два сына в возрасте 13-14 лет. С ними он часто проходил по нашей улице в зелёной гимнастёрке, стянутой по поясу широким офицерским ремнём. Под ремень были подвёрнуты манжеты пустых рукавов. Ходил всегда с гордо поднятой головой. Таким и запомнился на всю мою жизнь. Ему в зрелые годы я посвятил стихотворение «Картины послевоенного детства»:

Как много, как много вокруг инвалидов,
Как много израненных в битвах солдат,
Они, как мираж, пред зрачком объектива
Толпой молчаливой в сторонке стоят.

А вот по тропинке, спускаясь с пригорка,
Идёт нам навстречу искусный сапёр,
В обычной солдатской простой гимнастёрке,
Вихрастый мальчишка, безрукий майор.

Всего-то лет тридцать, ручаюсь, не больше,
Но сколько оцупано вражеских мин.
Спасавший дворцы в Братиславе и Польше,
С боями вошедший в фашистский Берлин.

Как много, как много вокруг инвалидов,
Как много крещёных боями калек,
Несущих свой крест, как Христос, молчаливо,
Прославивших мужеством огненный век.

Эти калеки, эти инвалиды были особенными людьми. Они, как могли, сохраняли человеческое достоинство и честь. Никогда не стремились разжалобить кого-либо своими увечьями. Всегда пытались чем-либо заработать себе на хлеб. Некоторые играли на музыкальных инструментах, другие занимались каким-либо ремеслом, третьи торговали бытовыми мелочами. Один из них с изуродованной правой рукой длительное время работал продавцом в керосиновой лавке, что стояла на правом берегу Оми, в том месте, где ныне начинается мост, соединяющий улицы Фрунзе и Маршала Жукова. В этой руке он ухитрялся держать мерную кружку с длинной алюминиевой ручкой, черпая керосин из вкопанного в землю большого металлического бака. Этот керосин он затем виртуозно разливал по нашим жестяным бачкам. Эти бачки мы, мальчишки 7-8 лет, разносили затем по своим домам на довольно большие расстояния. Многие фронтовики-инвалиды работали починщиками обуви и парикмахерами. Попрошайничества стыдились и всячески его избегали. Я не припоминаю ни одного фронтовика-инвалида, кто бы занимался подобным делом. Таково было время и таковы были люди.

Что же касается моей улицы, то она за последние десятилетия существенно изменилась. Её начальной части вплоть до улицы Красный Путь уже не существует. На месте небольших улочек и деревянных строений построено огромное здание городской библиотеки имени А.С. Пушкина и серия кирпичных стандартных общежитий Омского педагогического института. Убраны Товарная пристань и дровяной склад. Здесь пролегла благоустроенная набережная имени маршала Тухачевского. И Красный Путь и Набережная Тухачевского призваны напоминать жителям Омска события ноября 1919 года, когда с севера по улице Капцевича, будущему Красному Пути, к центру города шли войска 3-й советской армии Сергея Меженинова, а с запада по ледяному покрову Иртыша прорывалась 5-я советская армия Михаила Тухачевского. В результате согласованных действий этих армий город Омск пал в течение суток. Колчаковские войска были вынуждены в срочном порядке отступить на восток. Началось их медленное и верное уничтожение, которое завершилось во Владивостоке.

На всей улице Красногвардейской не осталось старых деревянных домов. Их убрали и на их месте возвели новые красивые каменные здания. Нет Лесопильного завода, нет завода имени И.В. Сталина и Сибирского завода, выпускавших в годы войны военную продукцию. Из-за обмеления Иртыша почти полностью ликвидирован речной флот Обь-Иртышского речного бассейна. Большинство его судов в конце 1960-х годов перенаправлены морским путём в Финляндию на утилизацию и металлолом. Главная улица моего детства и отрочества, как и прилегающие к ней улицы Косарева, Чапаева, Певцова, Банная, Интернациональная, Волочаевская либо перестали существовать, либо изменились до неузнаваемости. Очень жаль, ибо все эти улочки формировали мой характер и закладывали основы отношения к жизни, к её подлинным ценностям. Они же научили меня уважительному отношению к человеческому труду, приобщали к практической деятельности в составе

трудовых, а затем и воинских коллективов. Однако всё в мире меняется, изменился и внешний облик мест моего детства и отрочества. Законы жизни непреложны и с этим ничего не поделаешь.

Старшие школьные годы. Очередная смена места жительства

Не могу похвастаться тем, что в школе я блистал какими-либо заметными успехами. Имел устойчиво средние показатели, не отставал по основным предметам. Это вполне удовлетворяло моих учителей, и они к майским победным праздничным дням 1954 года уже почти полностью забыли историю с девичьим обувным мешком и портретом И.В. Сталина. При всём этом был удивлён, когда накануне завершения пятого класса мне предложили войти в состав туристической группы, которая должна была отправиться в Москву. Поездка была возможна только с согласия родителей. Моя мать не возражала и сделала всё возможное, чтобы я в эту поездку попал.

В группу вошло десять учеников – шесть девочек и четыре мальчика. Её возглавила наш классный руководитель – Ольга Ильинична Рындина. В помощь ей было выделено два воспитателя, которые руководили в школе работой пионерской и комсомольской организаций. Ехали поездом в плацкартном вагоне через всю страну. Эта поездка с её многочисленными остановками в крупных городах Сибири и Центральной России вызывала у нас восторг и острый интерес. В Москве остановились в популярной в те годы гостинице «Золотой колос» по соседству с территорией ВДНХ. Мальчики были размещены в двух небольших комнатах. Девочки – в трёх соседних. Педагоги заняли отдельный, находящийся ближе ко входу на наш этаж, номер. Сразу же были оговорены правила поведения. Бесконтрольный выход кого-либо из нас в город не допускался.

Москва поразила нас своим архитектурным разнообразием, наличием большого числа культурно-развлекательных учреждений, а также своеобразными погодными условиями. Стояло летнее благодатное тепло. Днём светило яркое солнце, но при этом часто проливались кратковременные обильные дожди. На улицах появлялись тёплые лужи. Мы на прогулках сбрасывали обувь и с удовольствием босыми ногами бродили по ним. Было необыкновенно приятно. Теперь в Москве таких дождей не бывает. Изменился климат.

По намеченной экскурсионной программе посетили Красную площадь, Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького, Третьяковскую галерею и ряд кинотеатров. На ВДНХ бывали почти ежедневно. Обошли все его павильоны и дворцы. Особо нравилось бывать на ипподроме, где проводились конные скачки, и у вольеров с племенным скотом. Животные поражали нас своим здоровьем, размерами и идеальной ухоженностью. Пользовались услугами многочисленных местных кафе и ларьков с отменно вкусным столичным мороженым. Посещая Парк культуры, в его пляжной, прилегающей к Воробьёвым горам зоне, сумели раза три искупаться в тёплой и чистой воде Москвы-реки. Ныряли в неё со ступеней береговых гранитных маршевых лестниц. Удовольствию не было предела. Здесь же, в Парке Горького, посещали многочисленные аттракционы. Особенно впечатляли огромное колесо обозрения и комнаты кривых зеркал. Два-три раза пользовались услугами местной лодочной станции. Где только было возможно, катались на обычных подъёмных лифтах. В Омске этого удобства ещё не вводилось, и оно для нас до некоторой степени было новым.

К сожалению, отведённое нам на туристическую поездку время быстро истекло. Наступил момент сборов. Два последних дня употребили на походы по московским магазинам. Посетили ГУМ, ЦУМ и Пассаж. На оставшиеся у нас небольшие деньги приобрели какие-то сувениры для ожидающих нас в Омске родственников. Все эти сувениры

по своей тематике были связаны с Москвой. Радовало то, что наша поездка завершилась без каких-либо досадных происшествий и мы выполнили данные нашим педагогам обещания вести себя пристойно.

Через два дня вернулись в Омск. Каникулярное летнее время продолжалось и мы вновь занялись своими обычными мальчишечьими делами. А дела эти по-прежнему оставались проказливыми, а порой и авантюрными. Нам в ту пору было по 12 лет, и мы мало чего боялись. В Иртыше плавали и купались до изнеможения. На пассажирских пристанях подсаживались на катера и, отплыв на них на глубину, ныряли с кормы в прохладную бодрящую воду. Делали это до конца сентября, а иногда и до первой декады октября, если погода оставалась тёплой. Всё это происходило в прибрежной полосе, где швартовались и становились на якорь грузовые суда и где размещалось тянувшееся от дровяного склада до Зелёного острова, огороженное бревенчатыми бонами, сплаваемое по Иртышу поле строевого леса. Этот завозимый на баржах или подтягиваемый в плотках за буксирами лес в заузленном бонами месте представлял собой сплошной плавучий покров, который медленно сносился течением Иртыша к приёмнику Лесопильного завода. Здесь бригадой рабочих он разбирался на отдельные брёвна и по транспортёру направлялся в заводские цеха на переработку.

Бревенчатый покров был настолько плотен, что по нему можно было свободно перебежать с одного места на другое. Мы так и делали, хотя существовала опасность, что при неудачном прыжке с одного бревна на другое, можно было поскользнуться и упасть в воду. В воде же в это время могло перемещаться одно или несколько брёвен второго, но уже подводного слоя именуемых «топляками». Они, насытившись влагой, не поднимались на поверхность и не тонули, но могли легко затянуть находящегося в воде человека под плотный слой поверхностных брёвен. Подобное летом 1955 года мне пришлось испытать на себе. Перебегая с бревна на бревно, я поскользнулся и

упал, но сумел ухватиться за ближайшее бревно. Тут же почувствовал, как подо мной стал медленно продвигаться тот самый невидимый «топляк». Его натиск я сумел выдержать, но ценой сплошь ободранной и пораненной занозами кожи спины.

Не менее рискованным было и то, что мы со стоящих у дровяного склада на якорях барж систематически ныряли в воду, получая от этого особое, ни с чем не сравнимое, удовольствие. Шкиперы барж сгоняли нас с палуб, но мы упорно взбирались на них и вновь устремлялись в прохладную воду. Забава эта так же несла в себе определённую опасность, в том числе и от тех же самых «топляков», которые могли появиться в районе стоянки барж. Но в детстве, в возрасте 10-13 лет, мы почему-то мало думали об этом, всецело покоряясь безумному азарту и ребяческой удали. А жертвы такого безрассудства были. За три года подобных игрищ только в этом, описанном мною месте, погибло несколько хорошо знакомых мне ребят.

До некоторой степени опасным было, навеянное русской маринистикой и романтическими рассказами Джека Лондона, увлечение речными прогулками и связанным с ними угоном принадлежащих омичам лодок. Их в начале 1950-х годов в Омске было великое множество. Они использовались для рыболовства и для переправы на левый берег Иртыша, так как автомобильного и пешеходного моста через него в ту пору ещё не было. Он был построен лишь в 1956 году. Лодки размещались по всей прибрежной полосе. Они крепились цепями либо к металлическим столбикам, вбитым в грунт, либо к общему тросу, протянутому вдоль береговой черты. Цепь замыкалась на висячий замок. Сбить такой замок не представляло для нас большого труда. И мы обуреваемые романтическим желанием путешествия по бурным водам реки, это нередко делали. Сталкивали лодку в воду и с помощью самодельных вёсел или узких досок начинали свой вояж вниз по Иртышу. В лодку обычно набивалось до четырёх-пяти «путешественников».

Угон осуществляли либо от дачного посёлка, лежащего за Омским грузовым портом, либо от территории Омского Общевоинского училища. В последнем случае прикрывались корпусом лежащего здесь на берегу с времён Гражданской войны речного буксира колчаковской Обь-Иртышской боевой флотилии. В конце 1950-х годов этот буксир, наконец, был порезан на металлолом. На его месте разместился береговой пост станции спасательных и парусных судов.

Угон лодок мы осуществляли исключительно из озорства. Никаких иных целей не преследовали и преследовать не могли. Руководствовались только романтическими соображениями. Воображали себя мореходами, преодолевающими сложный водный рубеж. Следует признать, что этот рубеж до некоторой степени был действительно и сложным и опасным. Во-первых, не имея штатного вёсельного оборудования, мы с явным риском пускались в плавание по достаточно быстрой и мощной реке. В районе Омска скорость её течения достигает семи километров в час. Во-вторых, русло Иртыша в описываемые мною годы было перенасыщено судоходством. Буксиры, пассажирские пароходы и катера сновали безостановочно, и был риск неумышленного столкновения с ними. Но и с этой опасностью по присущей нам молодой глупости мы мало считались.

По течению доплывали до южной оконечности Зелёного острова и здесь ссаживались. Угнанную лодку вытаскивали на берег с надеждой, что она вскоре будет найдена своим незадачливым хозяином. Так оно всегда почти и происходило.

Угон лодок, как и промысел овощами в местных садах и огородах среди омичей никогда не считались серьёзным преступлением. Традиционно их относили к шалостям, за которые почти никого и никогда не наказывали. Рубеж пролегал там, где наносился урон государственной собственности. Её порча или воровство грозили серьёзными последствиями. Мы хорошо знали об этом и стремились этой запретной границы не переходить. А соблазны были.

Таковыми в нашем районе выступали склады временно-го хранения промышленных и продуктовых товаров на территории Омской товарной пристани и перевозимая грузовым автотранспортом продукция Омского винного завода, прежде всего – пиво и водка. И то и другое нередко становилось объектом особого интереса местных воровских групп. Случались ночные ограбления продуктовых складов. Осуществлялись нападения на грузовой транспорт винного завода. В тесных переулках прииртышской, удалённой от центра города, зоны можно было достаточно легко вскрыть брезентовое покрытие кузова автомобиля и похитить из него до нескольких ящичков алкогольной продукции. При этом сидящие в кабине автомобиля шофёр и экспедитор могли и не заметить факта свершившегося ограбления. Валентин Мочалин имел первую судимость и срок двухлетнего тюремного заключения именно за такой осуществлённый им вид грабежа. Вместе с ним по этому делу привлекались ещё два подростка, которые были нам знакомы по нашим совместным играм. Оба они проживали на соседней улице Чапаева. Моя бабушка хорошо знала мать одного из них.

Следует сказать, что Иртыш помимо естественной игровой зоны служил нам и местом стихийного пищевого промысла. В весенне-летний и осенний периоды мы в его водах систематически ловили замечательную речную рыбу. Её в те годы в Иртыше было предостаточно. Даже на простую удочку ловились увесистые щука, язь, окунь, лещ, плотва и другие разновидности рыбы. Рыбаки, имеющие лицензию на сетевой лов, могли свободно поймать и царицу иртышских вод – вкуснейшую стерлядь. Рядом с нами по улице Красногвардейской жил пенсионер, у которого такая лицензия была. Я неоднократно наблюдал, как он после удачного лова на небольшой двухколёсной тележке подвозил к своему дому две-три таких рыбины длиной до полутора метров и более.

Что же касается наших уловов, то и они были немалыми. Их мы частично доставляли домой. Другую же часть,

ввиду того, что на реке находились по многу часов, могли употребить на приготовление вкуснейшей наваристой ухи или не менее вкусного рыбного жарения.

Иногда для общего застолья использовали не рыбу, а голубиные яйца. Их добычу осуществляли на левом берегу Иртыша в районе Элеваторного причала. К нему добирались пассажирским маршрутным катером и далее следовали к приённым одноэтажным кирпичным зернохранилищам, которые, в отличие от основных зернохранилищ, охранялись не так строго и мы знали как в них можно было проникнуть. Использовали отверстия между стеной и крышей. Попадали внутрь и по деревянным перекрытиям перемещались из одной части хранилища в другую, собирая по пути из голубиных гнёзд небольшие рябоватые яйца. Каждый набирал до двух десятков штук. Упрятав их в заранее приготовленные сумки, незаметно исчезали, возвращались в свой район и здесь устраивали желанное пиршество. Делали это не часто, в начале лета, в разгар голубиных свадеб. Я в последний раз в подобной операции участвовал в 1955 году будучи учеником шестого класса. Этого класса 10-й восьмилетней школы не окончил, так как мы с матерью в очередной раз сменили место жительства. Формальной причиной этому стало намерение нашей хозяйки Марии Фёдоровны прописать у себя свою единственную наследницу племянницу Варю. Для этого потребовалась наша временная выписка из её квартиры. Реальной же причиной, как я считаю, были опасения моей матери за меня: как раз в это время началось следственное дело над Валентином Мочалиным и его сообщниками. Вся местная округа была посвящена в эти события и, как могла, стремилась оградить своих взрослеющих детей от них. Видимо, и моя мать решила сделать то же самое и переместиться на жительство в более отдалённый район Омска – район Северных улиц. Поселились на улице 12-я Северная в небольшом отдельном домике со столь же небольшим огородом. Дом находился в ста метрах от двухэтажного здания средней школы № 21. Я стал учеником её

шестого класса. Вошёл в новый коллектив безболезненно и быстро, приобретя в нём верных друзей, с которыми затем на протяжении всей своей жизни поддерживал хорошие отношения. Между тем, именно в шестом классе я начал ощущать некий внутренний переход к новому восприятию окружающего мира. Наступил естественный для тринадцатилетнего подростка возрастной перелом. Я стал замечать значительные изменения в своих внешних интересах. Прежние бесшабашные увлечения ещё сохранялись, но постепенно стали отходить на второй план.

Все эти процессы были, конечно же, результатом не одного дня воздействия на меня и на всех нас окружающей жизни и окружающих людей, в первую очередь родственников и замечательных советских учителей. В новой школе их оказалось немало. К их числу отношу учителя математики, бывшего фронтовика-артиллериста Николая Фёдоровича Паршина, историка Марию Исаевну Блюм, преподавателя русского языка и литературы Зою Леонтьевну Латышеву. Все они оставили о себе в наших душах добрую память. Были к нам доброжелательны, внимательны и справедливы.

По окончании шестого класса с некоторыми из этих учителей совершили в рамках школьной краеведческой программы многодневный пеший поход по ближайшему Прииртышью. Поход был исключительно интересным. Двигались на север вдоль левого, а затем правого высокого берега Иртыша по определённому, хорошо спланированному маршруту от деревни к деревне.

Пищу готовили под присмотром взрослых на кострах во время дневных привалов. Ночевали в классах пустующих в летнее время местных школ или в помещениях деревенских клубов. Всё делалось по предварительной договорённости с местной администрацией. Она же оказывала нам помощь в приобретении суточного запаса продуктов и питьевой воды.

Погода на всём пути нашего путешествия стояла великолепная. Пользовались плодами природы. Лакомились зем-

ляникой, ежевикой и дикой малиной. Знакомились с растительным миром, миром птиц, животных и насекомых. Много видели впервые. В ночное время засматривались на светящиеся живыми огнями гниющие пни. Эти огни напоминали собой чьи-то постоянно следящие за нами глаза. Было до некоторой степени жутковато. С рассветом все наши страхи моментально исчезали. О них не было принято говорить, каждый переживал их поодиночке.

Поход подарил нам множество незабываемых впечатлений. Он закалил нас. Если в начале путешествия мы переносили ночлег на жёстком полу и лёгких подстилках с большим трудом, то уже через несколько дней почитали его за удовольствие. Утомившись за дневной переход, вечером засыпали моментально и безмятежно. Приучили себя к природной питьевой воде. Пили её и употребляли для приготовления пищи из ручейков и родников. Ею же с удовольствием умывались по утрам. Находили в этом удовольствие и пользу. Никаких проблем по этому поводу за весь период нашего путешествия у нас не возникало. К врачу обращались всего один раз и только по поводу одной девочки, которая подвернула ногу и ей потребовалась крепящая стопу повязка. Но и она стойко перенесла выпавшее на неё испытание и вскоре вернулась в строй.

Маршрут похода увёл нас вниз по Иртышу на довольно большое расстояние. Возвращались домой на посланном за нами из школы грузовике. Он был оборудован деревянными скамьями, и покрыт прочным армейским брезентом. Нас поместили внутрь. Педагоги заняли места у заднего борта автомашины. Через несколько часов по местным просёлочным дорогам, а затем и Тарскому тракту добрались до Омска и въехали во двор нашей школы. Здесь нас уже ждали наши родители. Короткая и радостная встреча – и вот мы уже все разведены по домам. Замечательный поход завершился. Он, как и многое другое, послужил процессу нашего взросления, обретению опыта совместного участия в общем интересном деле.

Летние каникулы завершились, и все мы были переведены в седьмой класс. Он был для меня и моих ближайших школьных товарищей особенным потому, что все мы как-то враз повзрослели. Наступил период критической переоценки самих себя, поиска новых жизненных ценностей и ориентиров. Толчком к этому в немалой степени послужила окружающая нас послевоенная жизнь страны, читаемая нами романтическая литература и общая направленность советской культуры, особенно – киноискусства, пронизанного идеями жертвенного служения народу и Отечеству. В них мы искали и находили людей достойных подражания. Для меня таковыми на многие годы стали Рахметов, Павка Корчагин, Мартин Иден, Овод и ряд других подобных героев. Эти герои раскрывали перед нами величайшие возможности внутренних сил человека и побуждали следовать их жизненному примеру.

Важным являлось то, что эти герои на некоторое время завладевали нами, становились частицей нас, жили в наших душах и реально формировали наше мировоззрение. На этот процесс счастливым образом наложилась и внутренняя обстановка в стране. Она была на подъёме. Народ приветствовал успехи в космосе и социалистическом строительстве. Наконец был пройден этап «военного коммунизма» и связанные с ним репрессии. Большое внимание стало уделяться молодёжи. Всюду утверждался здоровый образ жизни и развивался «народный спорт». В Омске со времён Великой Отечественной войны действовало несколько крупных военных заводов. Все они имели в своём распоряжении прекрасные, оснащённые спортивным инвентарём, спортивные площадки, стадионы и клубы. На международных аренах гремели имена выдающихся советских спортсменов: Власова, Куца, Минаева, Воробьёва, Стрельцова и других. Все они, как и многие книжные герои, стали для нас объектами подражания. Под их влиянием многие из нас потянулись к спорту.

Я и мой ближайший школьный товарищ – Александр Баландин записались в секцию тяжёлой атлетики спортив-

ного клуба «Металлист» завода имени Куйбышева. Занятия в секции проводились три раза в неделю под руководством тренера и его помощника. Они учили нас правильному и безопасному обращению со спортивными снарядами. Помогали освоить основные приёмы подъёма тяжестей. Учитывая наш возраст, стремились нас этими тяжестями не перегружать. Позднее мы себя опробовали в велосипедной и лыжной секциях местного Дома пионеров. В них мы занимались около двух лет. Нас полностью обеспечивали спортивным инвентарём. За исправностью велосипедов и лыж следили опытные мастера. Спортивную работу вели хорошо подготовленные тренеры – выпускники Омского физкультурного института. Спортивные занятия укрепляли нас физически и закаляли духовно.

За этими занятиями незаметно завершился ещё один год школьной учёбы. Мы перешли в восьмой класс, считавшийся промежуточно-выпускным. Уйдя на летние каникулы, несмотря на своё очевидное взросление, отличились ещё в одной, но теперь, как нам казалось, благой затее. Все мы, вчерашние семиклассники, и мальчишки и солидная часть девчонок, решили без согласования со школьной администрацией уехать в один из ближайших колхозов Омской области с целью участия в уборке колхозных полей в обмен не на деньги, а на трёхразовое полноценное питание. Собрались группой в 16 человек и попутным транспортом на следующий день действительно уехали в такой колхоз. Его порекомендовал нам один из наших школьных товарищей потому, что в нём проживали его дед и бабушка. Приехали и были удивлены тем, что нас приняли охотно и без промедления поручили обработку капустного и картофельного полей. В обмен на труд на этих полях обязались разместить нас по домам колхозников и обеспечить сытным и здоровым питанием. Сговорились быстро и уже на следующий день приступили к работе. Она длилась не более пяти часов в день и была для нас не особо обременительной. За нашими делами наблюдал колхозный бригадир. Он же назначал

нам рабочие участки и устанавливал нормативы дневного труда. Собираемые капуста и картофель сносились нами на отведённые для этого площадки, а с них автотранспортом отвозились на склады.

Кормёжка была организована в столовой колхозной школы. Кормили сытными супами, кашами и различными молочными продуктами. Всё было отменно вкусно. Между тем, наше незапланированное исчезновение из Омска не осталось незамеченным. Взволновались родители, особенно родители девочек. К разбору случившегося подключилась и школа. На четвёртый день нашего пребывания в колхозе к нам неожиданно приехала наш классный руководитель учитель русского языка и литературы Зоя Леонтьевна Латышева. Она пообщалась с администрацией колхоза, всё уточнила, навела справки о наших делах и нашем поведении и, не найдя в них ничего предосудительного, решила ничего кардинального не предпринимать. Более того, из разговора с ней стало ясно, что она была готова остаться с нами. И она действительно это сделала, пробив вместе с нами в колхозе все последующие 12 дней.

Деревенская жизнь была для многих из нас явлением новым и непривычным, и мы приглядывались к ней с неподдельным интересом. Для нас был непонятен её режим. Привлекали внимание все виды крестьянского труда, его направленность и неторопливая размеренность. С интересом наблюдали работу птичников и животноводов. Особенно влекли к себе колхозные лошади, спокойные и послушные, пасущиеся в дневное время на местном лужке. Их даже не треножили. Снимали сёдла, но уздечки оставляли на месте. Пользуясь этим, некоторые из нас забирались на спины лошадей и малопомалу отправлялись в путь. Сёдел и стремян не было, следовательно, не было должной опоры нашим телам. При переходе лошади на рысь или, не дай Бог, – на галоп, начиналось медленное сползание вбок. Как правило, оно заканчивалось падением под ноги лошади. Но будучи

опытной и внимательной, она старалась не ударить упавшего седока копытом. Проскакав ещё несколько десятков метров, останавливалась и терпеливо дожидалась подхода своего незадачливого наездника. Эту участь несколько раз испытал на себе и я. Всё обошлось, к счастью, благополучно.

Благополучно завершилось и наше путешествие в колхоз. Все остались друг другом довольны. Мы – условиями колхозной жизни, колхозники – реальной и честной помощью, которую мы им оказали. В Омск вернулись маршрутным автобусом без каких-либо происшествий и потерь. Здесь нас ожидали важные для многих из нас перемены. Велось хрущёвское сокращение численности советских вооружённых сил. Увольнению подлежали десятки тысяч не отслуживших полный срок службы офицеров и прапорщиков. Встал вопрос об их трудоустройстве. Многие офицеры с высшим техническим образованием становились преподавателями средних школ и техникумов. В нашу школу № 21 в качестве завуча и учителя физики пришёл бывший подполковник ВВС Евгений Павлович Козлухин. Ему на стол тотчас же лёг доклад о нашей несанкционированной поездке в колхоз. Её инициаторами были признаны несколько человек, в том числе я и мой товарищ Саша Баландин. Пользуясь этим обстоятельством, а также начавшейся в Омске кампанией по стандартизации классовых структур школ с восьмилетним и десятилетним циклом образования, новый завуч добился перевода нас с Сашей в школу № 6, что располагалась по улице 5-я Армия, недалеко от Омского ветеринарного института. Мы попали в восьмой класс этой школы. Саша в этой школе остался и успешно её закончил. Я же пошёл иным путём.

Вынашивая давнишнюю мечту о приобретении мужской специальности, связанной с физическим трудом, я предъявил своей матери ультиматум. Заявил, что продолжу обучение только в профессионально-техническом училище по профилю полюбившегося мне столярного

дела. Обычную же учёбу возобновлю в школе рабочей молодёжи и, как многие мои сверстники, закончу её. Всё это происходило в сентябре 1958 года, когда учебный процесс в учебных заведениях Омска уже начался. Но в профессионально-техническое училище я всё-таки был принят. Зачисление состоялось 1 октября 1958 года. Моим училищем оказалось подведомственное Омскому военному предприятию «Почтовый ящик № 7» замечательное профессионально-техническое училище № 21. Его штатный педагогический состав представлял собой бывших производственников, как правило, инженеров-технологов, трудившихся на указанном предприятии в тяжёлые годы Великой Отечественной войны. Это были великие практики. Поэтому их преподавательская работа представляла для нас огромный интерес. Под её воздействием мы постигали не только основы новой профессии, но кардинально менялись внутренне. Реально испытывали потребность перехода на путь сознательного служения добрым и нужным стране делам.

Параллельно с учёбой в профессионально-техническом училище я вскоре поступил на учёбу и в Омскую среднюю школу рабочей молодёжи № 2. Эта школа принадлежала Омскому военному заводу имени Козицкого и находилась рядом с его цехами на перекрёстке улиц Фрунзе и Гусарова. Теперь этой школы нет. Её разобрали при строительстве нового автомобильного моста через реку Омь. Этот мост соединил правобережную улицу Фрунзе с левобережной улицей Маршала Жукова, существенно разрядив транспортное движение по другим магистральным улицам Омска. Радуясь этому важному событию, сожалею лишь о том, что оно стало причиной сноса моей родной школы, педагогический персонал которой сделал очень многое для обретения мною среднего образования. Школы нет, и это вызывает грустное чувство расставания с чем-то особо близким. Нет ещё одного места, куда можно было бы прийти и вспомнить свои молодые, теперь уже невозвратные, годы.

**Учёба в Омском
профессионально-техническом
училище № 21 и Омской школе
рабочей молодёжи № 2.
Работа на военном заводе
«Почтовый ящик № 7»**

Профессионально-техническое училище № 21, как было сказано ранее, размещалось в центре города рядом с величественным зданием Управления Омского речного пароходства. Оно было трёхэтажным и по своей фронтальной части, с правой стороны, имело одноэтажную кирпичную пристройку, в которой находилась училищная столовая. На первом этаже училища располагались хорошо оборудованные учебные цеха. На втором этаже размещались администрация, кабинеты преподавателей и основные учебные аудитории. Третий этаж представлял собой обширный спортивный зал с примыкающими к нему душевыми комнатами.

При входе в училище располагалось парадное крыльцо и вестибюль, за которыми следовала широкая маршевая лестница, ведущая на верхние этажи учебного корпуса. Всякий раз в утренние предурочные часы на этой лестнице нас встречала музыка замечательных советских композиторов. Особенно часто звучали песни Родиона Щедрина «Марш высотников» и Эдуарда Колмановского «Я люблю тебя, жизнь». Слышу слова этих песен до сих пор.

Первой:

Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет, как нет!
А мы монтажники-высотники
И с высоты вам шлём привет!

Трепал нам кудри ветер высоты
И целовали облака слегка.
На высоту такую, милая,
Уж не посмотришь свысока!

Второй:

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Под бодрящие звуки этих песен мы охотно шли в свои учебные классы для получения нужных нам профессиональных знаний. Училище готовило две группы специалистов – слесарей и столяров-краснодеревщиков. Учебное дело было поставлено превосходно. Поэтому мы учились охотно и заинтересованно.

Все лекционные занятия проводились в основном училищными преподавателями. Иногда к этой работе привлекались инженеры-технологи предприятия «Почтовый ящик № 7». И в том и другом случае лекционная работа велась на очень высоком профессиональном уровне.

Практическое обучение вели только штатные училищные педагоги. В нашей группе таковым был искуснейший мастер столярного дела Владимир Николаевич Щеглов. Худощавый, энергичный, обладающий необычной моторикой рук, он сразу же привлек к себе наше внимание. По-особому, с каким-то только ему свойственным артистизмом, пояснял нам как нужно правильно держать в руках столярный инструмент, как его беречь от повреждений, как им обрабатывать различные сорта древесины. Именно

этот замечательный, необычайно талантливый человек обучил нас всем приёмам столярного дела, привил опыт безопасной работы на механических средствах обработки древесины. Он же научил нас изготовлению столярного инструмента. Уже после окончания училища, пользуясь полученными от него знаниями, я самостоятельно изготовил для себя почти весь набор такого инструмента. Изготовил я и столярный верстак, по снятому мною чертежу верстаков, которыми мы пользовались в учебном цехе нашего училища.

Курс обучения был исключительно обширен и интересен. Нас учили разметочным работам; конструированию столярных изделий; всем видам столярных соединений и их запилке; клеям и процессу склеивания; основам покрасочных и лакировочных работ; гравировке и металлизации готовых изделий (золочению, серебрению и бронзированию); резьбе плоской, рельефной и скульптурной; организации общего заводского производства и индивидуального трудового процесса. Мы были обучены также приёмам эффективной и безопасной работы на всех видах деревообрабатывающих станков: распилочных, фуганочных, рейсмусовых, токарных и фрезерных.

Обучение в профессионально-техническом училище было глубоким и основательным. Мне оно нравилось, и я с удовольствием постигал преподаваемый нам учебный курс. Окончил училище в июле 1961 года. Аттестован по пяти предметам: производственное обучение, столярное дело, конструирование, черчение и история КПСС. По первым четырём предметам получил оценку «отлично», по истории КПСС – «хорошо». Выпускные квалификационные экзамены сдал также с оценкой «отлично». Своему училищу за переданные им профессиональные знания и умения был благодарен всю жизнь. Очень жаль, что в 1990-е годы система подобных училищ была разрушена пришедшими к власти реформаторами, которым был не нужен хорошо образованный, преданный своей Родине, рабочий класс.

Профессионально-техническое училище № 21 дало мне прекрасное специальное образование. Учась в нём, я одновременно учился и в школе рабочей молодёжи. Представлял себя одновременно Рахметовым и Мартином Иденем. Подобно им стремился справиться со всеми текущими трудностями. При этом ухитрялся заниматься ещё и спортом, а также возложенными на меня матерью домашними делами. Это было прекрасное, молодое, формирующее нас время. К сожалению, оно быстро прошло. Романтизм тех дней был во всех отношениях особенным. Особенной была и моя учёба в школе рабочей молодёжи № 2. Её педагогический состав состоял из пожилых, уже вышедших на пенсию, преподавателей и молодых, только что окончивших Омский педагогический институт, учителей. Занятия проходили в вечернее время. Количество учеников в нашем классе составляло 26 человек. Это были юноши и девушки, так же как и я, работающие на различных омских предприятиях. Отношения между нами были дружескими. Руководствовались принципами взаимоподдержки и взаимопомощи. Выручали друг друга, если кто-либо из нас по каким-либо причинам не мог прийти на занятия.

Обучение в последнем, десятом классе школы совпало уже с моей работой на предприятии «Почтовый ящик № 7». Работал в огромном столярном цехе. Занимались оборудованием военных трёхосных автомобильных аэродромных мастерских: устанавливали в них рабочие столы и малогабаритные станки, обеспечивали крепления всего внутреннего оборудования, доводя его до требований военной приёмки. Изготавливали и некоторое количество гражданской продукции. В неё входили шкафы, книжные полки, стулья и иная мебель. Вся она затем поступала на продажу в омские мебельные магазины.

Цех располагался в бывшем самолётном ангаре, был велик по размерам. В нём одновременно работало до 500 человек. Работа была организована в две смены. Цех был очень шумным потому, что в нём действовало одно-

временно множество механизмов: приводимые в действие сжатым воздухом дрели, циркулярные и ленточные пилы, сверлильные, фрезерные и рейсмусовые станки. Со временем этот шум становился родным, к нему привыкали и почти не замечали его.

Цех был на хорошем счету у руководства завода и мы по праву гордились им. Вместе с цехом осенью 1962 года пережили драматический Карибский кризис. Мир реально стоял на пороге третьей мировой войны. Сложившаяся обстановка оказывала на омичей гнетущее воздействие. Все понимали, что Омск, как крупнейший промышленный центр СССР, непременно подвергнется со стороны США ядерной бомбардировке. Все с нетерпением ждали развязки этого кризиса. В цехе, как и по всему заводу, проводились митинги и собрания, на которых обсуждалась складывающаяся в мире обстановка. К счастью, через некоторое время, благодаря интенсивным переговорам советской правительственной делегации с представителями высшего американского руководства, опасный кризис удалось преодолеть. Советские люди, в том числе и омичи, вздохнули спокойней.

По завершении Карибского кризиса вынуждены были перетерпеть и затеянную Никитой Хрущёвым массовую демобилизацию советских войск. Она прямо сказалась на режиме работы нашего завода и нашего цеха. В него одновременно поступило более двух десятков уволенных из армии офицеров в званиях от лейтенанта до капитана. Их приняли на завод по указанию Омского обкома КПСС сверх установленных штатных норм. Вследствие этого новые работники стали составлять естественную конкуренцию имеющимся. Шатким оказалось положение молодых бессемейных работников, к которым принадлежал и я. И действительно, в связи со сложившимися обстоятельствами из нашего цеха было вынуждено уйти несколько его бывших работников. Мне удалось избежать этой участи по двум основным причинам. Во-первых, ещё не истёк срок моей рабочей брони. И во-вторых, наше предприятие не могло

отказаться от взятых на себя обязательств по обеспечению льготных условий работы своих сотрудников – участников системы среднего и высшего вечернего образования. В число таких условий входили: работа только в первую смену; сокращённый на полтора часа рабочий день и неучастие в аварийных работах. Все эти условия продолжали действовать, что позволило мне в июне 1962 года благополучно выпуститься из вечерней школы рабочей молодёжи № 2. Закончил её с неплохими результатами. Имел всего одну тройку по иностранному языку. По остальным пятнадцати предметам было восемь пятёрок и семь четвёрок. О школе и её учителях, добросердечных, понимающих наше положение, очень внимательных и чутких, у меня остались самые лучшие воспоминания. Бесконечно им благодарен. Учиться было трудно, но молодость всесильна, и она преодолела всё.

К этому моменту мы с матерью уже жили в своей собственной небольшой однокомнатной квартире по адресу: г. Омск, улица 2-я Челюскинцев, дом № 3. Этот одноэтажный пятиквартирный дом строился распространённым в начале 1960-х годов «хозяйственным способом». Жильцы дома были обязаны принимать непосредственное участие в его строительстве. Это участие заключалось в выполнении ряда вспомогательных работ: в разгрузке транспорта; штабелёвке досок, строительных блоков и кирпичей; в подаче строительных материалов к местам их установки и укладки; в расчистке строительной площадки и уборке мусора. От членов нашей семьи всем перечнем этих работ занимался только я. Для этого использовал субботние выходные и праздничные дни. Через полтора года дом был построен и, к нашей общей радости, без помех принят приёмной комиссией. Завершился долгий период наших скитаний по чужим жилищам. Место, где находился наш новый дом, было тихим и удобным для проживания. К нему подходила трамвайная линия и несколько автобусных маршрутов. Район считался рабочим, так как был заселён персоналом близлежащих Кислородного, имени

Куйбышева и имени Козицкого заводов. В этом доме я прожил до июня 1963 года, то есть до получения мною повестки о призыве в армию. Повестка поступила из Омского центрального районного военкомата. Придя сюда, я имел обстоятельную беседу с местным военкомом, подполковником, сильно прихрамывающим на левую ногу, видимо бывшим фронтовиком. Он кратко обрисовал мои перспективы и предложил на выбор обучение в нескольких высших военных училищах, в том числе и в Тихоокеанском высшем военно-морском. Выросший на берегах Иртыша и любивший с детства водную стихию, я без колебаний дал согласие. Все мои последующие действия уже направлялись Омским областным военкоматом, который размещался в прилегающем к Омской военной крепости городке, в двухэтажном старинном здании. Недалеко от него по сей день располагаются: генеральский дом бывшего командира Сибирского корпуса и дом бывшего коменданта Омской крепости. В последнем уже много лет находятся залы Омского литературного музея имени Ф.М. Достоевского. В этом доме писатель бывал неоднократно по приглашению сочувствующего ему военного коменданта, участника войны 1812 года, генерала де Граве. Этот генерал не только защитил Достоевского от произвола осторожного надзирателя плац-майора Кравцова, но и ходатайствовал перед высшими властями о позволении перевести Достоевского в категорию «исправившихся» и досрочно снять с него кандалы.

В областном военкомате мне выдали извещение о призыве в армию. С этим извещением я прибыл в отдел кадров своего завода. Состоялась краткая процедура увольнения. В своём родном цехе я рассчитался с профсоюзной и комсомольской организациями, сдал выданные мне заводом инструмент и пропуск. Получил трудовую книжку, в которой значилась лаконичная отметка о том, что такой-то работник организации «Почтовый ящик № 7», принятый на должность столяра в июле 1961 года, 6 июля 1963 года уволен с работы в связи с уходом в Советскую армию. С этого

момента вся моя дальнейшая судьба была связана с воинской флотской, а затем специальной службой.

Но прежде чем перейти к описанию этого периода моей жизни, хотелось бы ещё раз обратиться к памяти о моём, много для меня значимом, заводе. Этот завод, как и многие другие военные предприятия нашего города, был построен в годы Великой Отечественной войны на пустыре в виде огромного неправильного четырёхугольника, прилегающего к современным городским улицам 10-го Октября и Космическому проспекту. До этого момента подобных заводов в Омске не было. Он был создан на базе переведённых из Москвы, Ленинграда, Смоленска и Севастополя относительно небольших авиационных предприятий. Общую работу по его созданию возглавил только что освобождённый из Бутырской тюрьмы выдающийся авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. Перед отправкой в Омск И.В. Сталин поставил перед ним задачу в течение полугода возвести основные производственные цеха и начать выпуск самолётов-бомбардировщиков ТУ-2. Первая партия таких самолётов должна была быть выпущена уже к концу 1942 года.

Туполев прибыл в Омск со своей семьёй и поселился в доме по улице К. Маркса № 33. Его конструкторское бюро было размещено недалеко от этого дома, на третьем этаже построенного перед войной здания Управления Иртышского речного пароходства. Вскоре в состав бюро и в руководство строящегося авиационного завода, получившего название «Завод № 166», вошёл и освобождённый из магаданских лагерей будущий гениальный советский конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королёв. На заводе он занял пост заместителя начальника фюзеляжного цеха.

Работали по 16-18 часов в сутки. Питались и спали прямо в заводских цехах, стены которых возводила многочисленная армия местных заключённых. Первый пикирующий бомбардировщик ТУ-2 был собран на заводе 9 декабря 1942 года. К концу декабря он успешно прошёл лётные

испытания. Уже в сентябре 1943 года из Омска на фронт был отправлен первый лётный полк таких самолётов. Жёсткие указания Сталина были выполнены полностью. Всего за годы войны на различных авиационных заводах страны было выпущено 2,5 тысячи самолётов Ту-2. Этот самолёт ведущими специалистами был признан одним из лучших пикирующих бомбардировщиков Второй мировой войны.

После войны «Завод № 166» переключился на выпуск космической техники – ракетных двигателей, спутников и других космических аппаратов. Его наименование в этот период менялось дважды. В 1950-х он получил название «Почтовый ящик № 7», а затем, приобретя мировую известность, стал именоваться заводом «Полёт». Работой на таком заводе нельзя было не гордиться. К сожалению, дальнейшая судьба этого завода, как впрочем и многих других военных заводов Омска (Маркса, Баранова, Попова, Куйбышева, Козицкого и др.) оказалась печальной. Почти все они в 1990-е годы подверглись разграблению. Часть выжила, а часть полностью прекратила своё существование.

О печальной судьбе своего завода я узнал в 2009 году, находясь в поездке в Омск, где традиционно проводил отпускное время. В одном купе со мной ехал интересный человек, бывший инженер-ракетчик, проработавший на заводе «Почтовый ящик № 7», а затем и на «Полёте» около сорока лет. Он начал трудиться на нём в 1961 году, то есть в то же время, что и я. Мы разговорились, и он поведал мне весьма грустную историю. Уникальное предприятие, в создании которого участвовали выдающиеся люди нашего Отечества, было распродано. Многие виды станочного оборудования демонтированы и сданы на металлолом.

Завод строился как оборонное предприятие, способное работать в условиях войны, и потому располагал почти полной автономностью. Под заводом находились огромные цистерны из нержавеющей стали, в которых хранилась питьевая и техническая вода. Этой воды могло хватить на

несколько месяцев работы всех цехов завода. Не пощадили и эти цистерны. Их изыяли из земли, порезали и также пустили на металлолом. Слушать всё это было невыносимо. Но жуткая реальность была именно таковой. По словам моего собеседника, на заводе оставались работающими всего два цеха. Оба принадлежат ЦКБ имени М.В. Хруничева. Оба работают по заказам американцев, выпуская для них лучшие в мире ракетные двигатели. К этому привели нас непрощенные реформаторы 1990-х годов: Горбачёв, Ельцин и их многочисленные вороватые друзья и коллеги. Потребовалось без малого 35 лет, чтобы это положение как-то было в наше время частично исправлено.

Учёба в Тихоокеанском высшем военно-морском училище имени С.О. Макарова (ТОВВМУ)

В Омском областном военкомате я и ещё два кандидата на поступление в ТОВВМУ – омич Николай Юрьев и житель Омской области Владимир Суворов – успешно прошли медицинскую комиссию и были признаны годными для службы на кораблях ВМФ СССР. Нам были выданы предписания и проездные документы для следования из Омска во Владивосток. Ехали в общем плацкартном заполненном пассажирами вагоне. За окнами стоял июль. Было жарко и душно. К исходу четвёртых суток добрались до Хабаровска. Здесь впервые за весь долгий путь поезд сделал длительную остановку. Менялись тяга, вагонный состав и поездная бригада. Вокзальная площадь находилась на небольшом удалении от Амура и мы, пользуясь открывшейся возможностью, устремились к нему. С жадностью искупались, смыв с себя накопившиеся за дорожку грязь и пот.

Вечером продолжили движение на Владивосток. Прибыли сюда утром. Город предстал перед нами во всей своей первозданной красе. В утренних солнечных лучах он был окрашен зеленовато-оранжевым светом. Таковым его

делала, отражающая солнце, постоянно колеблющаяся, морская вода. Были поражены огромными корпусами стоящих на рейде Золотого Рога океанских судов. У городских причалов заметили несколько надводных кораблей и подводных лодок и только тогда почувствовали, что находимся на героической дальневосточной земле, с которой будут связаны последующие пять лет нашей молодой жизни.

Сойдя с поезда, местным трамваем добрались до района Первой речки. Здесь, у здания Владивостокского медицинского института, поднялись по нагорной тропе на ближайшую сопку и по ней зашагали к виднеющимся вдали красивым белокаменным корпусам нашего училища. Добрались до проходной, где нас встретил дежурный офицер. Он ознакомился с нашими документами и направил нас в жилой корпус Штурманского факультета. В нём каждому из нас отвели место временного размещения с небольшим платяным шкафом, заправленной суконным одеялом кроватью и прикроватной тумбочкой. Предоставив некоторое время на приведение себя в порядок, собрали в актовом зале, где изложили программу последующих действий, в том числе – график сдачи вступительных экзаменов. К сдаче приступили через два дня. Сдавали русский и иностранный языки, математику и физику. Бывали случаи, когда некоторые из кандидатов эти экзамены проваливали. С ними проводилась беседа, на которой предлагалась очередная попытка поступления, но уже на следующий год.

Омской группе повезло. Все мы вступительные экзамены сдали хорошо и были зачислены курсантами 1-го курса ТОВВМУ. Факультет не выбирали. Его нам назначала приёмная комиссия. Сложилось впечатление, что гуманитариев зачисляли на Штурманский факультет, а ребят имевших опыт работы с техникой – на Минно-торпедный. Мы попали именно на этот факультет и были этому бесконечно рады.

Тихоокеанское военно-морское училище на момент нашего поступления в него было самым молодым из всех подобных училищ Вооружённых сил СССР. Оно было

создано в 1937 году по прямому указанию И.В. Сталина и являло собой образец специализированного закрытого военного учебного заведения. Учебный процесс и бытовые условия курсантов были организованы на самом высоком уровне. Курсант был здоров, опрятен и жизнерадостен. Его обслуживала целая армия высококлассных педагогов, медицинских и хозяйственных работников. Возглавлял училище участник войны с милитаристской Японией, кавалер многих боевых орденов, интеллигентный и любимый курсантами вице-адмирал П.И. Плотников. Начальником Минно-торпедного факультета был бывший командир соединения подводных лодок Тихоокеанского флота, сдержанный, но не лишённый юмора, капитан 1 ранга Н.И. Король. Должность его заместителя по строевой части все пять лет нашей учёбы в училище занимал волевой и энергичный капитан 1 ранга А.И. Пархоменко. Хороший гимнаст и волейболист, он сделал очень много для развития спорта на нашем факультете. Благодаря ему среди наших курсантов было выращено несколько мастеров и кандидатов в мастера спорта. Некоторые из них стали чемпионами Вооружённых сил СССР.

Командиром нашей роты был назначен исключительно талантливый, ответственный и пунктуальный педагог-воспитатель капитан 3 ранга А.Е. Чехов. Рота состояла из трёх учебных взводов, каждый из которых изначально состоял из 25-и человек. К сожалению, из имеющихся 75 курсантов за пятилетний срок обучения отсеялось 9. Причины были самые различные. Отчисления по дисциплинарным проступкам были редки, но были.

Обучение в училище началось с прохождения двухмесячного курса «молодого бойца». Его проходили в августе-сентябре 1963 года в бригаде кораблей резерва на острове Русский. В глубоководной бухте острова на временной стоянке базировались крейсер, два эсминец, несколько сторожевых кораблей и до десятка торпедных катеров проекта «Д-3». Нас разместили в кубриках частично законсервированного крейсера «Александр Суворов». Он

имел небольшую команду личного состава, которая обеспечивала работу его основных и вспомогательных механизмов, поддерживала необходимый уровень живучести и противопожарной безопасности. Пребывание на крейсере было комфортным и приятным.

В учебную программу проходимого нами курса входило несколько обязательных дисциплин: устройство корабля, название и назначение его боевых частей, оружия и вспомогательных механизмов; строевая подготовка, движение в строю с личным оружием и без него; сборка и разборка автомата и карабина, стрельба из них; флотские средства ближней визуальной связи – азбука Морзе, световой и флажный семафор, корабельные флаги расцветивания; боцманская практика – вязание морских узлов и плетение морских ковриков (матов).

К обучению основных дисциплин привлекались штатные преподаватели ТОВВМУ. Они читали лекции и проводили практические занятия. Это были в основном педагоги кафедры «Морской практики». Они приезжали на остров пассажирским катером и некоторое время оставались с нами. Всё же остальное время, обеспечивая наш быт, строевую и спортивную подготовку, при нас находились наш ротный командир капитан 3 ранга А.Е. Чехов и его помощник главный старшина Алексей Пятаков. Вспоминая его, продолжаю восхищаться высочайшим уровнем подготовки матросов военного и послевоенного времени. Пятаков знал и умел всё. Присутствовал на наших подъёмах и отходах ко сну, следил за нашим питанием и здоровьем, организовывал строевые занятия и спортивные мероприятия, вникал во все наши личные проблемы, организовывал наши контакты с преподавательским составом, фиксировал их претензии к нам. Никогда, как казалось, не был подвержен усталости. Мы же к концу рабочего дня валились с ног. Спали на подвесных корабельных койках с пробковыми матрасами. Они были достаточно жёсткими и служили нам и подстилками, и спасательными средствами одновременно. Утомлённые дневными нагрузками, засыпали на них как

убитые. Спали безмятежно до самого подъёма, который приходил к нам вместе с главстаршиной Пятаковым.

По истечении начальных сроков курса «молодого бойца», во второй половине сентября 1963 года, получили возможность в отдельные выходные дни проводить время на природе. Бухта Русского острова была исключительно чистой. В её воде водилось множество створчатых улиток и морских креветок. Улиток добывали руками, раскрывали ножом створки и сырым съедали их белое пристворчатое мясо. Креветок, именуемых владивосточанами «чилимами», ловили марлевыми сетками. Отваривали их в котелках в морской воде, и также с аппетитом поедали в немалых количествах. Вскоре, однако, эти нечастые развлечения прекратились. В конце сентября мы вернулись в училище и уже в начальных числах октября приступили к плановой учёбе. Её вели штатные офицеры-педагоги и высококвалифицированные гражданские специалисты.

Курс высшей математики вела прекрасный, полностью владеющий своим предметом, педагог Ирина Георгиевна Мартьянова. Доходчивость, ясность и профессиональная страстность, с которыми она доводила до нас сложные математические законы и теоремы, увлекали, и многие из моих однокашников стали членами руководимого ею математического кружка.

Гражданскими специалистами преподавались также сопромат, гидромеханика и иностранные языки. Все остальные предметы, как уже говорилось выше, преподавались военными, в большинстве случаев имеющими высшее академическое образование, педагогами. Учебные нагрузки в ходе двух первых курсов обучения были очень высокими. Начиная с третьего курса, они несколько понизились. Это произошло потому, что мы перешли к изучению специальных дисциплин, более понятных и более приближённых к жизни. Такими дисциплинами стали: штурманское дело, история русского и иностранных флотов, теория корабля и, наконец, самое главное для нас – минное и торпедное дело.

Минно-торпедную кафедру в училище возглавлял выпускник Военно-морской академии, доцент, кандидат военных наук капитан 1 ранга В.И. Тропин. Он и все остальные педагоги его кафедры преподавали свой предмет блестяще, вначале в ходе лекционных занятий, а затем в лабораторных условиях, где мы закрепляли знания на учебных образцах конкретных видов вооружения. К ним относились все виды самых современных аккумуляторных и парогазовых торпед с различными системами наведения на цель, а также все образцы морских контактных якорных и бесконтактных донных мин. Особое внимание уделялось образцам реактивных мин. Эти мины по своим техническим показателям считались на тот момент самыми надёжными и самыми эффективными.

После каждого года обучения, в июле месяце, уходили на практику. После первого курса нас курсантов Минно-торпедного факультета ознакомили с работой оружейных арсеналов, специальных аккумуляторно-зарядочных станций и мест открытого хранения минного оружия. В одном из крупных владивостокских арсеналов стажировались около двух недель. Имели возможность наблюдать слаженную и хорошо организованную работу его инженерного и технического персонала. В арсенальных цехах царил абсолютная чистота. Все его работники были одеты в белые халаты. На их рабочих столах находились детали торпед, мин или противолодочных бомб. Проверялось их техническое состояние. Если было необходимо, проводились наладочные или ремонтные работы. В отдельных случаях осуществлялась выбраковка вышедших из строя узлов и агрегатов.

Отремонтированные и заново собранные образцы подвергались комплексной проверке на специально оборудованных стендах. Пройдя тщательную проверку, восстановленные в технических параметрах оружейные образцы вывозились на арсенальные склады. Для некоторых видов такого оружия, в частности для противолодочных бомб, использовались специальные металлические контейнеры,

которые после загрузки в них отремонтированных изделий, заполнялись азотом или каким-либо иным инертным газом. Так обеспечивался длительный и безопасный срок хранения этого дорогостоящего оружия. С арсенальных складов проверенное и подготовленное к бою оружие доставлялось на склады конкретных корабельных соединений флота, а с них – на корабли постоянной боевой готовности.

На специальных зарядочных станциях нас ознакомили с обслуживанием современных аккумуляторных батарей, питающих электроэнергией новейшие корабельные торпеды. Эти батареи имели не свинцовые, а серебряные пластины накопления электрической энергии. При этом электрические схемы самих торпед, в целях сохранения запаса этой энергии изобиловали драгметаллами – платиной и золотом. Уже на этом этапе мы осознавали, как дорого стоит комплекс государственных оборонных мероприятий. Поэтому с курсантских лет воспитывали в себе стремление с должной заботой и бережливостью относиться к боевому оружию.

Конечным этапом нашей учебной практики по завершении 1-го курса стала двухнедельная стажировка на полигонах открытого хранения корабельного минного оружия. Нам была предоставлена возможность осмотреть основные типы таких полигонов и изучить правила работы на них. Удивили порядок штабелёвки и безопасного хранения различных видов морских мин, их содержания и планового обслуживания. Поразила неторопливая, хорошо налаженная работа местных минёров, их высокое профессиональное мастерство. В конце стажировки нам были показаны огромные поля открытого хранения некоторых образцов якорных и донных морских мин. Рогатые шары на якорных тележках тянулись в разные стороны на многие сотни метров. Всё было впечатляющим и надолго запоминающимся.

В следующем 1965 году, после окончания второго курса, для нас был организован, также запомнившийся на всю жизнь, морской штурманский поход на учебном крейсере

«Дмитрий Пожарский». Маршрут крейсера пролегал из Владивостока по северной части Японского моря к южной оконечности острова Сахалин. Здесь, через легендарный пролив Лаперуза, вошли в воды Охотского моря и проследовали до южной оконечности Камчатки. У острова Парамушир вышли в Тихий океан. Проследовали вдоль Курильских островов и Японии. В Филиппинском море сделали разворот и у китайского острова Тайбэй вошли в акваторию Восточно-Китайского моря. Проследовали вдоль многочисленных островов Рюкю и, минуя Корейский пролив, оказались вновь в Японском море. Через сутки вернулись в родной Владивосток.

Проделанный нами морской путь был исключительно интересным и впечатляющим. Мы имели возможность познакомиться с рядом дальневосточных морей. Впервые повидали Сахалин и Курильские острова. Проходя мимо Японии наблюдали ярко освещённый город Токио. Светился не только сам город, но и плывущие над ним облака. В Японском море несколько раз замечали рыболовецкие шхуны местных рыбаков, на которых находились не только они сами, но и их семьи, включая малолетних детей. Удивляла смелость и стойкость этих людей.

В походе получили хорошую штурманскую практику. Круглосуточно посменно вели прокладку курса корабля. Определяли его местоположение, пеленгуя береговые ориентиры и снимая оптическими угломерами (секстантами) высоту солнца и звёзд. На заключительном этапе практики командир штурманской части крейсера ознакомил нас с приёмами счисления местоположения корабля по американской радионавигационной системе «Лоран-С». Эта спутниковая система позволяла вести такое счисление автоматически, быстро и точно. В начале 1970-х подобная система появилась и у нас. Это существенно облегчило работу штурманов как военного, так и гражданского флотов СССР.

По окончании похода на крейсере «Дмитрий Пожарский» мы вернулись во Владивосток. Здесь всем нам был

вручен памятный значок «За дальний поход». На нём, на фоне советского военно-морского флага, был помещён разрезающий океанские волны артиллерийский крейсер. Этот значок я храню до сих пор как память о своём училище и своей учёбе в нём. По завершении учебной практики все мы традиционно отправлялись в летние ежегодные отпуска, которые проводили у своих родственников в многочисленных городах и посёлках Сибири и Дальнего Востока. К концу августа вновь возвращались во Владивосток.

Начиная с третьего курса, приступили к освоению тех предметов, которые прямо касались нашей будущей профессии. Знания по ним закреплялись на стажировках в боевых соединениях флота. Практиковались на надводных кораблях и подводных лодках. Особенно показательна в этом отношении стажировка в бригаде подводных лодок в бухте Лахтажная под Петропавловском-Камчатским. Сюда нас доставили пассажирским теплоходом «Советский Союз». Этот огромный по размерам корабль был построен на верфях фашистской Германии и первоначально носил имя «Адольф Гитлер». В 1944 году был торпедирован подводной лодкой советского Балтийского флота и затонул. После войны был поднят и отремонтирован с укорочением корпуса за счёт вырезки среднего пострадавшего от взрыва торпед отсека. Таким, куцеватым на вид, в качестве трофейного приза, был передан нашей стране. Вошёл в состав Тихоокеанского пароходства и долгое время плавал в водах наших дальневосточных морей.

В Лахтажном нас расселили в одной из временно пустующих казарм. На следующий день группами по пять-шесть человек распределили по стоящим у причалов дизельным лодкам. С этого момента мы стали частью их экипажей и жили их жизнью, участвуя во всех штатных корабельных мероприятиях, начиная с подъёма флага и кончая вечерней поверкой личного состава. Привлекались к работам по обслуживанию приборов и агрегатов носового и кормового торпедных отсеков; под контролем командира минно-торпедной части вели записи вахтенного журнала; участвовали

в качестве наблюдателей в погрузке на лодку боевых торпед и мин. При выходе лодки в море несли стажировочную вахту на ходовом мостике.

По окончании рабочего дня экипажи стоящих у причала лодок сходили на берег. С ними сходили на берег и мы. Оставались только охрана и дежурная служба. Бывали и выходные дни. Их мы использовали для бытовых нужд, походов в матросский клуб на просмотры кинофильмов, а также для прогулок в местные леса для сбора лимонника, чьи плоды по своим лечебным свойствам приравнивались к женьшеню. Заваривали из него вкусный и ароматный чай.

Однажды нас на местном пароме доставили на противоположную сторону Авачинской бухты в город Петропавловск-Камчатский для ознакомления с памятниками Крымской, 1853-1856 годов, войны. Город в августе 1854 года подвергся артиллерийскому обстрелу и десантной атаке сводной англо-французской эскадры, состоящей из шести боевых кораблей с 236 бортовыми орудиями. Город обороняли стоящие внутри его гавани дозорные фрегаты «Амур» и «Двина» с 24 пушками среднего калибра, береговая сорокоорудийная батарея, военный гарнизон из тысячи солдат и матросов и рота добровольцев в количестве шестидесяти человек из числа местных охотников-промысловиков. Оборону возглавил местный губернатор и комендант крепости генерал В.С. Завойко.

18 августа 1854 года вражеская эскадра вошла в Авачинскую бухту, обстреляла порт и высадила десант численностью в 600 человек. Меткой стрельбой наших артиллеристов и стрелков он был почти полностью уничтожен. 24 августа десантная операция повторилась. В ней уже участвовало 900 человек. Из них более полутысячи было убито. Остальные с трудом добрались до своих судов. Не выдержав позора поражения от малочисленного гарнизона Петропавловской крепости, командующий сводной англо-французской эскадры застрелился. 27 августа корабли противника покинули Авачинскую бухту и уже в неё больше не возвращались.

Петропавловчане чтят память своих героев. На месте победоносного сражения ими сооружён мемориальный комплекс с заново возрождёнными укрытиями береговых батарей и окопами стрелковых подразделений. Ими же ревностно охраняются имена его знаменитых защитников. Они присвоены многим городским районам и улицам. Особо почитаемы генерал В.С. Завойко и его героические сподвижники, в том числе и из числа офицерского и матросского состава фрегатов «Амур» и «Двина».

Поездка в Петропавловск-Камчатский стала одной из последних в серии мероприятий в рамках нашей стажировки в бухте Лахтажная. Наступили сроки убытия во Владивосток. Основная часть нашей учебной роты вместе с её командиром А.Е. Чеховым была доставлена туда на пассажирском теплоходе «Ильич». Подводная лодка, к экипажу которой был приписан и я, уходила во Владивосток своим ходом. У нас был выбор, но я и трое других моих товарищей предпочли переход на лодке. Жили в носовом самом прохладном отсеке. В качестве дублёров принимали участие в вахтенных, в том числе и ночных, сменах. Получили дополнительную практику штурманской работы. Наблюдали за действиями командного состава и всего экипажа в целом. Это было крайне важно для обретения нужного практического опыта. Через несколько дней ошвартовались у военного причала бухты Золотой Рог. На этом завершился третий год нашего обучения в ТОВВМУ. Начинался период летних отпусков. Свой отпуск я, как всегда, провёл в Омске. После отпуска вернулся в училище и продолжил обучение уже на четвёртом предвыпускном курсе. Этот курс приближал нас к реальной морской службе. Изучали историю ведения минных войн на Черноморском, Балтийском, Северном и Тихоокеанском флотах; знакомились с практикой использования минно-торпедного оружия надводными и подводными кораблями отдельных боевых соединений; изучали тактику и приёмы работы минных заградителей и тральщиков; осваивали методику минных постановок, вели подсчёты

нужных для этого корабельных сил и средств. Это вывело нас на уровень задач крупных флотских соединений, существенно расширяло наш профессиональный кругозор. Наше внимание привлекалось и к задачам ремонта боевых кораблей и созданию их резерва. Именно поэтому обучение на четвёртом курсе завершилось стажировкой на заводе по ремонту подводных лодок в Большом Камне, а затем – в бригаде надводных кораблей резерва (консервации) в Находке.

В Большом Камне проживали в казарме и имели возможность ежедневно наблюдать за процессом и этапами ремонта подводных лодок, в том числе и атомных, в сухих и плавучих заводских доках. Познакомились с организацией службы боевых экипажей лодок во время их заводского ремонта. Особое внимание обратили на организацию вахтенной и охранной службы.

В Находке, открытой сподвижником Петра I Витусом Беренгом, разместились на плавбазе. Здесь были ознакомлены с задачами и техническими приёмами временного и длительного консервирования боевых кораблей, поддержания их в нужной степени готовности для последующего ввода в боевой строй. Знания по этим вопросам были немаловажными потому, что в ходе службы многие из нас сталкивались с проблемами расконсервирования таких кораблей для нужд военно-морского флота СССР или для флотов дружественных нам стран.

Находка поразила нас красотой и удобством своей внутренней гавани. Необычными здесь были и погодные условия. При ярком солнечном свете акватория гавани могла быть укрыта плотным низкостелющимся молочным туманом. В нём тонули корпуса входящих в гавань и выходящих из неё судов. Видны были только верхушки их мачт. Они, как призраки, медленно парили над верхней кромкой этого тумана. Гавань была хорошо укрыта окружающими её сопками и потому мало подвергалась ветрам. В общей сложности в Большом Камне и Находке пробыли около полутора месяцев. По возвращении во Владивосток всем нам

было присвоено долгожданное звание «мичман» – высшее старшинское звание в советском военно-морском флоте. Сменили погоны, нашли последнюю пятую курсовую на рукавную нашивку и надели на головы взамен бескозырок офицерские фуражки (мичманки). Впереди оставался последний, самый ответственный выпускной курс.

Хочу сказать, что в училище все пять лет я учился охотно и с интересом. Со второго по пятый курс включительно был стипендиатом премии адмирала П.С. Нахимова. Училище закончил с отличием. Моей дипломной работой стал проект комплексного магнитно-акустического запального механизма реактивной противокорабельной мины. Предложенная схема приведения мины в боевое состояние, а также все математические расчёты проекта были признаны экзаменационной комиссией верными. Защита диплома прошла успешно. Она явилась последней ступенью моей пятилетней учёбы в ТОВВМУ. 1 июля 1968 года состоялся выпуск. В форме лейтенантов флота мы в последний раз прошагали торжественным маршем по училищному плацу и заслушали последние наставления наших училищных командиров. Перед нами открывались горизонты будущей, теперь уже самостоятельной офицерской службы. Было радостно и грустно одновременно. Предстояло прощание и с училищем и с приобретёнными в нём друзьями. Много лет спустя, вспоминая этот момент, я посвятил ему отдельное стихотворение. Вот его содержание:

Я вспомнил курсантские годы,
Училище, плац, стадион,
Казарм необъятные своды,
Склон сопки, увитый плющом.
Я вспомнил наставников мудрых
И лица далёких друзей,
И голос подруг златокудрых
В тиши затенённых аллей...
Аллей заповедного сада
У кромки черты городской,

Где часто в вечерней прохладе
Бродили мы вместе с тобой,
Где юность над нами взмахнула
Своим серебристым крылом,
Где сердце в страданиях тонуло,
Пылая любовным огнём.

Нужно сказать, что к моменту выпуска из училища я был уже полгода женат на студентке третьего курса Владивостокского медицинского института Валентине Аверьяновой. Женился одним из последних в феврале 1968 года. Свадьба была небогатой, но на неё были приглашены все мои училищные друзья со своими подругами. Провели её в одной из городских столовых. Родственники невесты сумели из местных музыкантов собрать небольшой оркестр в составе баяниста, трубача и гитариста. Танцевали и пели любимые песни. Свадебный вечер прошёл весело и организовано. На следующее утро командир учебной роты перед курсантским строем поздравил меня с началом семейной жизни. Теперь мне с молодой женой предстояла поездка к месту новой службы. Этим местом был Краснознамённый Черноморский флот и его главная база – город-герой Севастополь.

**Служба в 1-м Отдельном дивизионе
торпедных катеров
41-й Севастопольской бригады
Краснознамённого
Черноморского флота**

По окончании училища выпускники Штурманского и Минно-торпедного факультетов ТОВВМУ были распределены по всем четырём флотам Советского Союза. Большинство пошло служить на Тихоокеанский и Северный флоты. Семь человек – на Балтийский флот и Краснозна-

мённую Каспийскую флотилию. Выпускник 1-й учебной группы – Александр Толочко, по личному желанию, стал минёром Амурской речной военной флотилии. Я, как закончивший училище с отличием, имел возможность выбора места дальнейшей службы. Выбрал службу катерника в Севастопольской ордена Нахимова I-й степени бригаде ракетных и торпедных катеров. Сделал этот выбор сознательно потому, что с курсантских лет был наслышан о подвигах моряков этой бригады в годы Великой Отечественной войны.

По окончании пятого курса прошёл стажировку на кораблях этого типа во Владивостоке, в бухте Малый Улисс. Вследствие этого имел полное представление о боевых качествах и возможностях этих уникальных, лучших на тот момент в мире, небольших, но мощных по своему вооружению малотоннажных кораблей.

Получив в училище все необходимые документы, прежде всего предписание о направлении на Черноморский флот, поездом из Владивостока вместе с женой направился в Омск, а затем через двадцать дней, но уже без жены – в Севастополь. Остановился во флотском экипаже на Корабельной стороне. Вместе с другими прибывшими на флот офицерами получил в его жилых помещениях платяной шкаф, койку и отдельную сейфовую секцию для хранения личных документов.

Имея несколько свободных, оставшихся от отпуска дней, сумел подыскать временное жильё в частном доме и тотчас же телеграммой вызвал к себе супругу. К этому моменту она была уже на пятом месяце беременности. Удивила реакция хозяина дома, сдавшего мне внаём одну из своих комнат. Увидев жену беременной, он тут же заявил, что в съёме этой комнаты нам отказывает. Перспектива иметь рядом с собой семью с новорождённым ребёнком его явно не устраивала. Договорились, что в течение ближайшего месяца он оставит нас в покое. Мы же за этот месяц были обязаны найти новое, удовлетворяющее наши запросы, жильё. Следует сказать, что жилищные условия

моряков-черноморцев в конце 1960-х годов были, мягко говоря, не самыми лучшими. Многие из них ютились на съёмных, плохо приспособленных для нормальной жизни, квартирах.

Ещё до приезда жены, проживая во флотском экипаже, не мог не удовлетворить своего любопытства и уже на второй день по прибытии в Севастополь направился на находящийся рядом знаменитый Малахов курган. С благоговением обошёл всю его территорию. Посетил оборонительную башню, склонил голову у величественного памятника первому руководителю героической севастопольской обороны адмиралу В.А. Корнилову. Отыскал место гибели его сподвижника адмирала П.С. Нахимова. Спустился по склону кургана, побывал на месте трагической смерти адмирала В.И. Истомина, бесстрашного воина, отдавшего много сил строительству оборонительных укреплений Корабельной стороны и самого Малахова кургана.

Обошёл и прилегающие к кургану улицы. Побывал у памятников рядовым защитникам Севастополя – матросу Петру Кошке, сестре милосердия Даше Севастопольской и другим героическим женщинам, оказывающим помощь бойцам воюющих бастионов под непрерывными разрывами вражеских бомб и снарядов.

На третий день пребывания в Севастополе истёк срок моего отпуска. Предстояло направиться в Управление кадров штаба Черноморского флота для получения направления в воинскую часть, где мне предстояло служить. Ею оказался 1-й Отдельный дивизион торпедных катеров 41-й Севастопольской бригады, которая кроме этого дивизиона имела 2-й Отдельный дивизион торпедных катеров в Потти и два Отдельных дивизиона ракетных катеров в Севастополе и посёлке Черноморском.

Ракетные дивизионы были укомплектованы новейшими катерами проекта «205», имеющими на вооружении четыре крылатые ракеты «П-15». Торпедные дивизионы имели в своём составе катера проекта «206» с четырьмя 533-миллиметровыми торпедными аппаратами. И тот и другой

проекты помимо этих боевых средств были вооружены спаренными 30-миллиметровыми скорострельными пушками «АК-30» для борьбы с воздушными и малогабаритными морскими целями. Располагая достаточно большим радиусом автономного плавания, эти катера, в отличие от своих предшественников катеров проектов «123к» и «183», уже могли действовать не только в акватории Чёрного моря, но и в акваториях Мраморного, Эгейского и Средиземного морей. С начала 1970-х годов это стало для них обычной практикой.

Интересен исторический путь Севастопольской бригады. Она возникла в годы Гражданской войны как отдельный отряд артиллерийских катеров-истребителей на Волге, в районе города Камышин. Затем эти катера участвовали в боевых действиях на Каспии. В 1921 году отряд был переброшен на Чёрное море и преобразован в дивизион сторожевых и торпедных катеров. В последующие годы стал чисто торпедным. В 1932 году на его базе была сформирована трёхдивизионная бригада торпедных катеров с дислокацией в севастопольской Карантинной бухте.

В период с 1932 по 1940 годы бригада была перевооружена на более совершенные высокоскоростные катера проектов «Г-5» и «Комсомолец». С ними она вступила в Великую Отечественную войну. Им обязана многим победам на всей акватории Чёрного моря. Катерниками за годы войны было потоплено 80 кораблей и судов противника, сбито до двух десятков вражеских самолётов, высажено около шести тысяч десантников, перевезено до тысячи раненых бойцов Красной армии. За совершённые подвиги двенадцать офицеров и старшин бригады были удостоены звания Героя Советского Союза. Катерники бригады принимали участие в освобождении практически всех военно-морских баз и крупных портов Крыма и Кавказа.

Несмотря на труднейшее послевоенное положение страны, уже в 1948 году в бригаду стали поступать более совершенные катера проектов «123к» и «183». В конце 1950-х их сменили высокомореходные ракетные и тор-

педные катера проектов «205» и «206». Их выпуском занимались судостроительные предприятия Ленинграда, Ярославля и Рыбинска. С поступлением и освоением этих катеров бригада превратилась в одно из самых боеспособных соединений Черноморского флота.

На территорию этой прославленной бригады я впервые вступил в августе 1968 года. От контрольно-пропускного пункта прошёл к двухэтажному, стоящему на пригорке, зданию штаба. На пути обратил внимание на памятник катеру «Г-5» и серию обелисков героям бригады, размещённым рядом с ним. На каждом обелиске был изображён сам герой и помещены краткие биографические сведения о нём.

У входа в штаб меня встретил дежурный офицер. Им оказался внешне очень красивый, стройный и улыбчивый капитан-лейтенант Сергей Артемьевич Миков. Называю его имя полностью потому, что в последующем нам с ним пришлось немало прослужить вместе. Я много перенял от него и был ему за это искренне благодарен. Выслушав меня, он прошёл в дежурную комнату, снял телефонную трубку и доложил обо мне начальнику штаба бригады капитану 2 ранга В.И. Кузнецову. Тот пригласил меня подняться на второй этаж в свой рабочий кабинет. Заслушав мой доклад, достал из стола список кадрового состава бригады и сообщил, что моя фамилия ему известна и что я назначен помощником командира большого торпедного катера № 125, входящего в состав 1-го Отдельного дивизиона торпедных катеров. Задал несколько вопросов о моём семейном положении и моих жилищных условиях и порекомендовал пройти к командиру 1-го дивизиона капитану 3 ранга В.В. Невскому. Через 15 минут я был у него. Приём длился не более 10 минут. Задав несколько общих вопросов, комдив направил меня на пирс, где базировались катера его дивизиона. Прошёл на свой катер и представился его командиру. Он в свою очередь вызвал к себе в каюту подчинённых ему офицеров и старшин и представил меня им. Утром, на подъёме флага, я был уже

представлен матросскому составу катера. Так началась моя служба в 1-м Отдельном дивизионе торпедных катеров 41-й Севастопольской бригады.

С первых дней моя главная задача состояла в том, чтобы как можно скорее достичь таких профессиональных знаний и умений, которые бы позволили мне управлять катером самостоятельно. Достичь этой цели можно было только одним путём – в ближайшие полгода (таков был стандартный временной срок) получить допуск к самостоятельному управлению кораблём. Для этого было необходимо сдать серию серьёзных квалификационных экзаменов всем флагманским специалистам бригады. Это предполагало глубокое практическое освоение боевых возможностей катера; всестороннее изучение навигационной обстановки на Чёрном море; отработку в составе экипажа всех учебно-боевых задач; освоение навыков уверенного и безопасного применения корабельного оружия; обретение опыта командования кораблём в одиночном плавании и в составе оперативной группы – звена и дивизиона.

Начал со штурманского дела. Внимательно проштудировал все лоции Чёрного моря. Привёл в порядок весь комплект корабельных навигационных карт. При содействии специалистов Управления картографии штаба Черноморского флота внёс в них необходимые правки. Освоил и научился самостоятельно обслуживать навигационные приборы. Всем этим порадовал флагманского специалиста, который в числе первых поставил положительную оценку и роспись в моём зачётном листе.

Со специалистом минного и торпедного оружия проблем не имел. Знания в этой области были ещё свежи. Некоторые хлопоты доставило освоение катерных приборов автоматического выхода корабля на курс атаки и в точку производства торпедного залпа. Тренировочного комплекса, помогающего освоить навыки в этой области, в бригаде на тот момент ещё не было. Приходилось тренироваться на корабельных приборах. Делал это с помощью своих старших товарищей при выходе их катеров в море.

Некоторые сложности возникли с освоением приёмов ручного и автоматического управления артиллерийским огнём. Пришлось осваивать работу радиолокационных станций слежения за воздушным и надводным пространством «Баклан» и «Рысь» в их взаимодействии с артиллерийскими установками «АК-30». В конечном итоге с этой, довольно непростой, задачей также справился и получил от флагманских артиллериста и радиометриста положительные оценки.

За ними последовали флагманские связист и механик. Их требования к нам носили в большей степени теоретический характер, так как за работу этих корабельных служб несли ответственность штатные корабельные специалисты – офицеры и мичманы боевых частей № 4 и № 5. Роль командира заключалась лишь в общем руководстве этими частями. Поэтому с этими флагманскими специалистами особых проблем мы также не имели.

Наиболее сложной для нас была процедура сдачи экзамена флагманскому химику бригады фронтовику капитану 2 ранга Б.А. Магдалинскому. Он был уникален для нас уже тем, что потеряв в годы Гражданской войны родителей, воспитывался в семье их друга известного советского писателя-мариниста А.С. Новикова-Прибоя. Считал его своим вторым отцом, добрым и требовательным наставником. При его поддержке получил военное образование и стал флотским офицером.

К нам, молодым офицерам, был разумно строг и взыскателен. Хорошо осознавал сложность своей специальности и потому стремился добиться от нас необходимого объёма знаний и умений по борьбе с химическим и бактериологическим оружием, а также с последствиями ядерных взрывов. Мы обязаны были знать все формулы и свойства отравляющих веществ; характер действия смертоносных бактерий и иных болезнетворных микроорганизмов; уметь пользоваться всеми видами антидотов и других защитных медицинских средств; правильно использовать противогазы и специальную одежду, требуя того же и от своих подчинённых.

Сложность, объёмность и многоплановость перечисленных вопросов для всех нас и самого Магдалинского были очевидны. Поэтому не было случая, чтобы кто-либо из нас сдавал ему его экзамен с первого захода. Обычно их было два-три. Зато положительный результат оценивался нами как явная победа над собой. Несмотря на свою принципиальность и взыскательность, Магдалинский не был человеком упрямым. По своей натуре он был напротив добр и отзывчив. Более того, в обычных ситуациях проявлял дружелюбие и служебную доступность. У меня о нём остались самые хорошие воспоминания.

Через полгода все экзамены и зачёты наконец были сданы. Квалификационная комиссия признала меня и ещё нескольких моих товарищей способными к самостоятельному управлению торпедным катером проекта «206». Данный, подтверждённый официальным актом, вывод имел для меня неожиданные последствия. В феврале 1969 года приказом командира бригады капитана 1 ранга В.Г. Третьякова, совершенно не рассчитывая на то, я был назначен командиром доставленного из Очаковской бригады кораблей резерва торпедного катера «Т-3». Согласно программы увеличения численности корабельного состава Черноморского флота, он должен был войти в 41-ю бригаду ракетных и торпедных катеров в качестве её новой боевой единицы.

Мне было поручено в срочном порядке сформировать экипаж катера и приступить к его расконсервированию и ремонту. В экипаж кроме меня вошли: помощник командира – выпускник Одесской мореходки, лейтенант запаса Пётр Семенченко, боцман – мичман Фёдор Квашин, старшина команды мотористов – мичман Владимир Кармашов. Количество матросов второго и третьего годов службы составило 16 человек. Семенченко – опытный штурман – проходил в нашей бригаде обязательную для командного состава советского гражданского флота полуторогодичную военную переподготовку. Ему было поручено возглавить общий контроль за выполнением

ремонтных работ. Квашин Фёдор Иванович руководил теми матросами, которые были в разной степени вовлечены в расконсервирование и ремонт катера. Он же отвечал за весь спектр хозяйственно-бытовых корабельных проблем. В высшей степени ответственный человек, Квашин пришёл в 41-ю бригаду в 1956 году после гибели линкора «Новороссийск», на котором он служил старшиной команды сигнальщиков. В момент подрыва линкора на донной mine у Госпитальной стенки Главной севастопольской бухты находился на мачтовой площадке и руководил работой своих подчинённых, ведущих сигнальные переговоры с береговыми постами и стоящими рядом кораблями Черноморской эскадры. Неожиданным взрывом с площадки мачты был выброшен за борт и оказался в воде. Был поднят спасательной командой и остался жив. При этом более полутысячи его товарищей погибли в трюмах перевернувшегося и наполовину затонувшего линкора. Все они похоронены на Военном братском кладбище Северной стороны Севастополя.

Старшина команды мотористов мичман Владимир Кармашов был моложе Квашина на восемь лет, но, как и он, являлся высочайшим специалистом своего дела. Высокий, физически крепкий и энергичный, он умело руководил своим личным составом. Их работа была очень нужной потому, что они привлекались к ремонту корабельных главных и вспомогательных двигателей. Сам же этот ремонт осуществлялся принадлежащей бригаде судоремонтной мастерской. Дело шло споро, и через пять месяцев катер вышел на ходовые испытания. Его скоростные качества были проверены на мерной миле Херсонесских створов. Результаты превзошли наши ожидания. При полной загрузке штатным вооружением катер устойчиво давал скорость в 45-46 морских узлов, то есть около 90 километров в час. В последующие четыре года он оставался самым быстроходным катером бригады.

Вслед за мерной милей последовали испытания штатного катерного оружия – торпедных аппаратов и артилле-

рийских установок. Торпедную учебную стрельбу практической, то есть небоевой, торпедой осуществили под контролем бригадных и флотских специалистов на морском полигоне под Качей. Стреляли по движущейся морской цели с дальнего расстояния. Автоматика сработала идеально. Цель была поражена. На этом же полигоне провели артиллерийские стрельбы по воздушной буксируемой самолётом мишени. Мишень оснащалась радиоотражателями, что повышало степень её поражения. Стрельба велась боевым комплектом в автоматическом и ручном режимах и также была признана успешной.

В дополнение к этому, на внутреннем севастопольском рейде, в районе Килен-бухты, на специальной станции замерили уровень магнитного поля корпуса катера. К счастью, и он оказался в пределах требуемых норм. По результатам всего комплекса испытаний был составлен приёмный акт. Согласно ему, в августе 1969 года катер «Т-3» был введён в боевой состав Черноморского флота с получением права поднять на своей мачте сигнальный вымпел – узенький флаг, свидетельствующий о принадлежности корабля к боевым флотским соединениям. С этого момента в течение последующих полутора лет катер «Т-3» дважды побывал в боевом дежурстве в бухте посёлка Черноморское; участвовал в дивизионных и общебригадных боевых учениях с выходом к берегам Болгарии; ставил учебные минные постановки на полигоне в районе мыса Херсонес; отрабатывал совместно с бригадой морской пехоты Черноморского флота высадку десанта в бухте Казачья.

Боевая учёба проводилась преимущественно в трудных зимних условиях с ограниченным использованием средств радиосвязи и строгим соблюдением мер светомаскировки. Действовал суворовский принцип: «Тяжело в учении – легко в бою». Дух и содержание этой учёбы, придав ей условную боевую окраску, я позднее отразил в стихотворении «Морякам-катерникам 41-й Севастопольской бригады»:

Уходим в море тёмной ночью,
Минуя минные поля,
За дальней сопкой бой грохочет –
Воюет Крымская земля.
Гудят моторы, ветер воет.
На мачте трос стальной дрожит,
Наш экипаж по-боевому
Бессменно на постах стоит.
Идём уступом к Донузлаву,
Идём в атаку на конвой,
Идём Отечеству во славу
Топить врага в волне морской.
Взвилась ракета... Враз ложится
На курс 120 – боевой,
Минуты две до цели мчимся
В завесе едкой, дымовой.
Товсь, аппараты! Товсь, торпеды!
Вперёд, товарищ! Будь смелей!
Громи врага за кровь, за беды,
За слёзы вдов и матерей.

Учебно-боевая подготовка на флоте была серьёзной, интересной и в высшей степени поучительной. Она закаляла наш характер и делала из нас истинных профессионалов. Между тем фронт задач 41-й Севастопольской бригады ракетных и торпедных катеров с началом 1970-х стал существенно расширяться. Появилась новая сфера её деятельности – участие в приёмке от промышленности отремонтированных или вновь построенных кораблей для их передачи военно-морским флотам дружественных стран. Эта деятельность была специфичной и требовала создания внутри бригады отдельного подразделения, которое бы ей грамотно занималось. Вскоре такое подразделение было действительно создано и мне предложили в него перейти в качестве командира одного из его приёмно-передаточных экипажей. Вследствие этого с февраля 1970 года моя служебная деятельность суще-

ственно изменилась. Пришлось осваивать приёмы работы с представителями судостроительных и судоремонтных предприятий; изучить требования военной приёмки; подтянуть некоторые разделы английского языка для мало-мальски приемлемого общения с иностранными специалистами.

Продажей и безвозмездной передачей за рубеж оружия, в том числе и корабельного, Советский Союз начал активно заниматься с конца 1950-х годов. Торпедные катера проектов «123к» и «183» в значительных количествах поставлялись в Албанию, Болгарию, Румынию, КНР, Сирию, Северную Корею, а затем во Вьетнам и на Кубу. С появлением в СССР более мощных катеров проектов «205» и «206» круг иностранных потребителей ещё более расширился. В него вошли Ирак, Югославия, Эфиопия, Сомали, Южный Йемен, Индия, Шри-Ланка, Ангола, Конго, Гвинея и некоторые другие иностранные государства.

Черноморско-Средиземноморский канал поставок боевых катеров иностранным державам оказался на тот момент самым востребованным. Это заставило подключить к нему 41-ю Севастопольскую бригаду. Именно тогда и встал вопрос о создании в ней специального приёмо-передаточного подразделения. В начале 1970-х, как уже знает читатель, оно наконец было создано. Им стал Отдельный 73-й пятиэкипажный дивизион, получивший статус самостоятельной воинской части № 10763. Командиром части был назначен опытный катерник, участник Карибского 1962 года кризиса, капитан 2 ранга Леонид Андреевич Юрьев. Уже в начале января 1970 года, ещё до формирования моего собственного экипажа, он поручил мне временно войти в состав экипажа капитан-лейтенанта Сергея Микова для перегона одного из поступивших из Очакова ракетных катеров проекта «205» на Керченский судостроительный завод. Здесь катер должен был пройти технический осмотр и пополниться недостающим ЗИПом (запасными частями, инструментом и принадлежностями).

Через двое суток мы были уже в пути. Для экономии моторесурса шли за морским буксиром «Очаковец». На рейде Керченского залива освободились от буксировочного троса и своим ходом подошли к заводскому причалу. В тот же день на борт катера поднялась бригада заводских специалистов. Начались запланированные ремонтные и наладочные работы. Первым делом проверили исправность главных и вспомогательных двигателей. К счастью, они оказались в хорошем состоянии. Это подтвердил прибывший с нами из Севастополя дивизионный механик, прекрасный специалист своего дела, капитан-лейтенант Фёдор Сергеевич Терещенко.

Что касается меня, то я совместно с заводскими специалистами занимался проверкой исправности навигационного и радиолокационного оборудования, а также пополнением с заводских складов недостающего ЗИПа. Работа ладилась, и весь комплекс ремонтных работ к 20 января 1970 года был успешно завершён. Находясь в Керчи, мы занимались не только решением профессиональных задач, но и имели возможность свободного схода на берег. Вместе с Терещенко не раз побывали в центре города, поднялись на историческую гору Митридат, названную в честь царя Понтийского государства, нашедшего здесь свою смерть от рук покоривших его державу римских легионеров.

Посетили городской музыкальный театр, в котором шли выступления популярного, но уже немолодого, танцора Эсамбаева. Обошли окрестности. Зашли в находящуюся на берегу Керченского залива старинную Афанасьевскую церковь, познакомились с её священником и членами его семьи. Возвращаясь в порт, наткнулись на древнюю городскую свалку, сплошь заполненную обломками керамической посуды давно минувших эллинских и более поздних римских времён. На память о них взяли для себя по два изящных обломка этой посуды.

В 20-х числах января наш краткий вояж в Керчь благополучно завершился. Своим ходом вышли на рейд, где нас уже поджидал очередной буксир. В полдень начали

неторопливое движение на запад в сторону Севастополя. Погода стояла отличная. Хорошо просматривался весь южный берег Крыма. Миновали Феодосию, Судак, Алушту, Ялту, Форос и наконец под утро увидели очертания Георгиевского монастыря на высоком берегу мыса Фиолент. Ещё два часа хода – и мы в Карантинной бухте. Миков убыл с докладом о прибытии к дивизионному начальству. Мы с Терещенко составили график внутрикатерного дежурства. Ночное время поделили между собой он и старшина команды ракетчиков мичман Кузьменко. Им было разрешено в оставшееся дневное время повидаться со своими родственниками. Микову и мне удалось провести предстоящий вечер и ночь в составе своих семей.

Утром, встав на буксир, отправились в Одессу, где нам предстояло передать наш катер его новым владельцам – морякам ВМФ Индии. Через сутки на горизонте показался Воронцовский маяк. Ошвартовались в военной Практической гавани. Здесь нас уже поджидала сдаточная бригада специалистов Ярославского судостроительного завода и до десятка индусов. Их возглавлял мрачноватый индийский капитан 2 ранга Кавина. В его подчинении было ещё два офицера – артиллерист капитан 3 ранга Патий и механик капитан-лейтенант Кумар. Все эти люди, как и вся индийская команда, оказались высококлассными специалистами, отлично разбирающимися в корабельной технике. Тщательность проверки ими всех механизмов катера и восхищала и злила нас.

В море выходили дважды. Провели артиллерийскую стрельбу по надводной морской цели и проверили работу главных двигателей. В работе среднего двигателя выявили незначительную неполадку. Выяснилось, что она была связана с неправильной настройкой прибора контроля оборотов ротора двигателя. Неисправность была устранена, но она задержала передачу катера индусам на двое суток.

22 января 1971 года передача наконец состоялась. После подписания соответствующего акта приёма катер был передан индийской стороне, и она своим транспортным

средством доставила его на свою родину. Всего в 1970 и 1971 годах индусам было передано шесть катеров проекта «205». Они сыграли решающую роль в войне Индии и Пакистана на море, которая произошла в конце 1971 года. Наши катера, управляемые индийскими экипажами, потопили практически весь пакистанский флот. Позднее нам стало известно, что в этих сражениях участвовал и наш, переданный индусам, катер. Его командир капитан 2 ранга Кавина стал героем Индии.

**Служба в Отдельном
73-м приёмо-передаточном дивизионе
41-й Севастопольской бригады
Краснознамённого
Черноморского флота**

Находясь в Одессе, не мог отказать себе в удовольствии хотя бы поверхностно познакомиться с этим замечательным городом. Посетил местный исторический музей; побывал у знаменитого Одесского драматического театра; поднялся по знаменитой, воспетой Эйзенштейном, Потёмкинской лестнице. С удовольствием прогулялся по улицам, где некогда беззаботно бродили совсем ещё молодые Александр Пушкин и Николай Гоголь. Не отказал себе в удовольствии посетить искусно описанный Александром Куприным пивной подвальчик «Гамбринус». Он всё такой же. В нём всё также звучат чуть расстроенные рояль и скрипка. За столиками на небольших табуретах-бочонках сидят посетители и пьют из тяжёлых стеклянных кружек местное ароматное пиво.

В последующем в Одессе бывал ещё дважды. Этот город оставил о себе в моей душе неизгладимое впечатление. Он уникален, красив и притягателен, в том числе и характером своих жителей. Они жизнерадостны, веселы и оптимистичны. С некоторыми из них подружился и поддерживал

личные отношения на протяжении нескольких лет. Этому городу посвятил несколько стихотворений. Одно из них звучит следующим образом:

Площади, скверы, фонтаны, аллеи,
Камень лучистый, увитый плющом,
Мостик ажурный, портал галереи,
Граф Воронцов под лавровым венцом.

Узкие улочки старого города
Брызжут огнями весёлых реклам,
Нотки особого южного говора,
Древний Рождественский храм.

Сотни ступенек Потёмкинской лестницы,
Старый фонарь на чугунном столбе,
С Пушкиным можно здесь запросто встретиться –
Вот он шагает навстречу тебе.

Город Одесса – земли украшение,
Дивный лазоревый край!
Дан ты нам свыше душе в утешение,
Как предзавещанный рай.

Концовка 1971 года и весь последующий 1972 год были для нашего экипажа временем многочисленных командировок по передаче катеров проектов «205» и «206» флотам нескольких иностранных государств. Уже во второй половине февраля 1972 года мне командиром 73-го дивизиона была поставлена задача осуществить своим экипажем перегон доставленного из Очакова ракетного катера проекта «205» в порт Ильичёвск с последующей его отправкой на Кубу. В состав экипажа кроме меня вошли: помощник лейтенант Валерий Борисов, мичманы Квашин, Кармашов и Кузьменко. Команда матросов насчитывала двенадцать человек – специалистов штурманской, артиллерийской, связной и ходовой боевых частей.

22 февраля на выходе из Карантинной бухты, у знаменитого «Крестового буя», встали на буксир и тронулись в путь. Утром прибыли в хорошо оборудованный порт Ильичёвск. Сразу же начали подготовку катера к погрузке на стоящий рядом с нами советский морской сухогруз. Отдельные механизмы катера подвергли временной консервации, проверили и опечатали все боевые посты и жилые помещения, составили приёмо-передаточный акт и сошли на берег. Поселились в казарме местной воинской части.

Погрузку катера осуществил мощный плавающий портовый кран. Он осторожно поднял и установил его на специальные приваренные к палубе сухогруза опоры. Катер был надёжно к ним прикреплен прочными тросовыми стяжками и аккуратно укрыт плотным брезентовым чехлом. В таком виде, под контролем команды сухогруза, через сутки он был отправлен на Кубу. С городом Ильичёвском познакомиться не удалось. Всё было спрессовано в короткий отрезок времени, всё подчинялось графику работы порта. Из Ильичёвска нас автобусом доставили в Одессу. Здесь погрузились на рейсовое пассажирское судно и на следующий день вернулись в Севастополь.

Уже спустя месяц, в начальных числах апреля 1972 года, мне в составе группы катеров был поручен перегон отремонтированного в Балаклаве катера проекта «206» в военно-морскую базу Болгарии Созопол. К месту назначения для экономии моторесурса, как всегда, шли за морскими буксирами. Группу из двух катеров возглавлял начальник штаба бригады капитан 2 ранга В.И. Кузнецов. Забрелжил рассвет и вдали показался болгарский берег. Но именно в этот момент море сильно заштормило. Связывающий мой катер с буксиром трос лопнул. Заводить его вновь на высокой и крутой волне отказались. Это было крайне опасно. Приняли решение добираться до Созопола своим ходом. Завели двигатели и через пять часов, в полдень, добрались до места. Здесь нас радушно встретили болгарские моряки.

Созопол – красивейший старинный болгарский город с глубоководной закрытой внутренней гаванью. Здесь во вре-

мена царского периода Болгарии находилось военно-морское училище, а с середины 1960-х годов – база ракетных и торпедных катеров ВМФ Болгарской народной республики.

Передачу катеров осуществили за четыре дня по укороченной, согласованной с болгарской стороной, программе. В море проверили работу главных двигателей и на ближайшем полигоне произвели артиллерийскую стрельбу по морской самодвижущейся цели. С окончанием ходовых испытаний болгарские моряки предложили нам побывать на охоте на ближайшем к Созополу острове Святой Иван. Охотились на фазанов и диких голубей. Остров совершенно пустынен. На нём проживает лишь семья местного маячника. Поэтому фазаны здесь ручные. От человека они не скрываются, а если и скрываются то только в основаниях растущих здесь кустов шиповника. Чтобы добыть птицу достаточно выстрелить в основание того или иного куста. Мы, по рекомендации сопровождающих нас болгарских офицеров, так и поступили. Через 20 минут «охоты» нами было добыто шесть хорошо откормленных фазанов.

Затем с ружьями отправились к горной, нависающей над морем дугообразной галереи, вдоль которой с одной стороны на другую перелетали дикие голуби. Линия их полёта находилась на линии наших глаз. Разместившись в центре галереи, за 10-15 минут настреляли до двух десятков этих беззащитных птиц. Их тушки с узкой береговой полосы были собраны болгарскими матросами. К вечеру на местной плавбазе из подстреленных нами фазанов и голубей болгарские повара приготовили великолепный ужин, который сопровождался подачей замечательного местного вина. В ходе ужина болгарские офицеры дружно, с большим воодушевлением исполняли многие советские песни. Особенно часто звучали: «Прощайте скалистые горы» и «Артиллеристы, Сталин дал приказ». Наши отношения в ту пору были искренними и подлинно братскими. Очень жаль, что в наше время этих отношений больше нет, и ранее братская нам Болгария стала членом враждебных нам Евросоюза и НАТО.

На пятый день из Созопола автобусом в сопровождении болгарского офицера отправились в портовый город Бургас. Получили возможность пройтись по его улицам. Любовались местными храмами, заглянули в книжные магазины. Удивило обилие книг на русском языке. Приобрёл двухтомник М.Ю. Лермонтова и трёхтомник А.П. Чехова. Они до сих пор украшают одну из полок моей домашней библиотеки. Из Бургаса советским гидрографическим судном были доставлены в Севастополь. Ошвартовались у Графской пристани. Затем служебным автобусом были доставлены в Карантинную бухту, в родную бригаду.

Интенсивность приёмно-передаточной деятельности после вояжа в Болгарию для нашего экипажа ещё более возросла. Уже к концу мая 1972 года мы были привлечены к ремонту в Балаклаве очередного, пригнанного из Очакова, торпедного катера. Он предназначался для передачи военно-морским силам Египта.

Катер стоял у основного пирса балаклавской бухты, рядом с ремонтирующимся гидрографическим судном «Алидада». И на катере и на «Алидаде» главные и вспомогательные двигатели были разобраны. Электропитание подавалось от береговой сетевой станции. В одну из ночей на соседнем судне неожиданно вспыхнул пожар. На нём, как и на нашем катере, противопожарная система не работала, так как была отключена от внутреннего электроснабжения. Пожар между тем разгорался и охватил верхние надстройки «Алидады». Опасаясь перехода огня на наш катер, мы своей командой ручным способом переместили его на значительное расстояние от очага возгорания. С пожаром было покончено лишь через три часа с приходом из Севастополя специального противопожарного катера. Он своими мощными водяными пушками сбил огонь с надстроек, а затем справился и с внутренним пожаром. Судно значительно пострадало. На нём почти полностью выгорели ходовая рубка, часть жилых кают и ряд помещений со специальным корабельным оборудованием.

Причиной бедствия, как потом выяснилось, оказалась халатность дежурного по «Алидаде». Он положил сушить шерстяные носки на корабельный электрический обогреватель. Носки через какое-то время загорелись. С ними загорелась и злополучная «Алидада». Своевременно обнаружить возникший пожар дежурный не мог, так как находился на удалении от него, в соседнем отсеке. Почувствовав задымление, пытался бороться с пожаром самостоятельно, но с возникшей бедой не справился. Остался жив. За случившееся подвергся военному суду.

Наконец, ремонтные работы на катере были завершены, и он, после прохождения ходовых испытаний, не нами, а перегонным экипажем капитана 3 ранга С.А. Микова был доставлен в Александрию, в распоряжение египетского военно-морского флота.

Находясь в Балаклаве, я имел редкую для себя возможность ознакомиться с этим старинным городом. Взобрался на Крепостную гору и осмотрел возведённые на ней в первой половине XIV века генуэзские оборонительные башни. Посетил мемориальное кладбище английских офицеров, погибших в кровопролитном Балаклавском сражении под артиллерийским огнём русского отдельного летучего корпуса генерала П.П. Липранди. Пала вся лёгкая английская кавалерия, укомплектованная выходцами из богатейших британских семей. День сражения – 13 октября 1854 года – провозглашён в Англии днём национального траура, а место его проведения названо «Долиной смерти». На кладбище обнаружил несколько памятных стел и плит с именами погибших английских офицеров. Один из местных жителей пояснил мне, что за частью из них до сих пор, с разрешения советского правительства, ухаживают англичане – работники английского посольства в Москве.

Обошёл весь город и его ближайшие окрестности. Отыскал несколько старинных полуразрушенных церквей. Посетовал о нерадивом отношении наших людей к памятникам древней христианской культуры. Например, храм Двенадцати апостолов был сооружён ещё в 1357 году хри-

стианской общиной генуэзцев. В более поздние времена длительно служил Русскому православию. В начале 1970-х, в момент моего посещения, пребывал в заброшенном состоянии, являя собой печальный безжизненный вид. Посетовав по этому поводу, расстроенный, оставил это место и уже более на нём не бывал.

На этом моя миссия и миссия моего экипажа в Балаклаве была завершена, и мы вернулись в свой 73-й Отдельный приёмо-передаточный дивизион. Предавались отдыху недолго. Через месяц от капитана 2 ранга Л.А. Юрьева получил задание готовить экипаж для поездки в Рыбинск. Здесь нам предстояло получить достраивающийся на местном судостроительном заводе торпедный катер того же проекта для его последующей передачи морякам ВМФ Германской Демократической Республики (ГДР).

Сборы были недолгими. В июне 1972 года наш экипаж, в который вошли старший лейтенант Борисов, мичманы Квашин и Кармашов, а также двенадцать матросов срочной службы, уже был в пути. Из Севастополя поездом выехали в Москву. Из Москвы с Савёловского вокзала – в Рыбинск. Этот город поразил меня своей патриархальностью, большим количеством церквей, городской башней с курантами и бедностью продовольственных магазинов. В обилии была только килька в томатном соусе. Добротных мясных продуктов купить было почти невозможно. Всё городское население ездило за ними в Москву.

В Рыбинске поселились в казармах местного приёмо-передаточного дивизиона. В отличие от нашего севастопольского, он, как и многие ему подобные, был создан ещё в 1950-х годах при Рыбинском судостроительном заводе, выпускающем в те времена идущие на экспорт торпедные катера более ранних проектов «123к» и «183». Процедура приёмки катеров от промышленности сохранилась, но, начиная с 1960-х годов, это были уже катера новых проектов «205» и «206». Их принимали прибывающие в Рыбинск приёмные экипажи. Одним из них был наш севастопольский экипаж.

Со всеми из нас местные специалисты проводили подготовительные занятия по методике приёма катера; по навигационной обстановке на реках и озёрах, по которым осуществлялась проводка катеров на Балтийское, Чёрное или Каспийское моря; по борьбе за живучесть катеров в условиях такой проводки; по взаимодействию с комендантскими службами на всём пути следования по внутренним водным каналам европейской части СССР.

В этот раз всё начиналось по указанной схеме, и мы уже были готовы принять катер от промышленности. Однако неожиданно в этот процесс вторглись последствия чрезвычайно жаркого лета 1972 года. Всё Верхнее Поволжье и прилегающие к нему районы Центральной России запылали лесными пожарами. К их тушению были привлечены специальные службы и многие воинские части. В Рыбинске к этой работе были привлечены все находящиеся в нём приёмные экипажи. Не участвуя напрямую в тушении огня, они окапывали лесные участки защитными рвами, которые служили преградой на пути распространения огненного вала. Жили в палатках. Питались привозимой из дивизиона пищей. Часто готовили её сами на кострах из добываемой матросами рыбы. Её было множество в обмелевших от ухода вод Волги местных береговых лагунах. Рыбу – щуку, окуня, леща, язя – вылавливали руками и из неё готовили наваристую сытную уху. Так продолжалось около трёх недель. По их истечении нас отозвали в Рыбинск.

В Рыбинском дивизионе от штурмана получили подборку речных карт и необходимый штурманский инструмент. Дивизионный медик снабдил нас объёмной коробкой различных медикаментов. Хозяйственные службы выделили постельное бельё. Прощаясь с заводом, командой катера сдали зачёт по борьбе за его живучесть с запуском вспомогательных двигателей, подачей электропитания на корабельные насосы, фактическим использованием воды для тушения условного очага возгорания.

Наконец всё было завершено. Катер был заправлен всем необходимым и в один из тёплых июльских дней по Волге

за буксиром направился на север в сторону обширного Рыбинского водохранилища. При входе в него обратили внимание на высокую церковную звонницу некогда здесь размещённого, а в 1930-е годы – разрушенного и затопленного монастыря.

Площадь Рыбинского водохранилища составляет более 4500 квадратных километров. Поэтому на нём при наличии свежего ветра появляются довольно высокие волны. Силу ударов этих волн испытали на себе. Нас хорошо потрепало, но до северной стороны водохранилища добрались благополучно. Встали на якорь у входного буя в реку Шексна. Здесь около суток дожидались очередного буксира. Дело было в том, что весь маршрут Волго-Балтийского канала поделён на отдельные участки, за которые отвечают хорошо их знающие буксировочные команды. Наш очередной буксир по какой-то причине задерживался. Во время вынужденной стоянки наблюдали довольно забавную сценку. Здесь, в реке, в районе входного буя, было много рыбы, за которой с большим азартом охотились речные чайки. Они с лёта ныряли за ней в воду и клювами ловили её. За их промыслом с основания буя с большим интересом наблюдала молодая ворона. Наконец, поддавшись соблазну, она, уподобляясь чайкам, тоже бросилась в воду. Однако ворона не чайка. Перья её намокли, а крылья обвисли. В таком виде она кое-как взобралась на буй и уже повторных ныряний за рыбой не предпринимала. Смешной, на долгое время запомнившийся, случай.

Наконец прибыл долгожданный буксир. Завели трос и по Шексне через небольшое Белое озеро подошли к живописным, но по тем временам диковатым берегам рек Ковжи и Вытегры. По ним продолжили движение на север. По ходу постоянно слышали звуки ударов топоров и работающих бензопил. Шёл лесоповал. Им занимались заключённые местных тюрем и лагерей. Спеленный и обработанный лес связывался в плоты и в таком виде сплавлялся в сторону Онежского озера. Здесь он поступал на местные лесоперерабатывающие предприятия.

Пройдя Вытегру, достигли населённого пункта Вознесенье. Здесь потеряли двое суток. Выделенный нам буксир не подошёл вовремя, так как был занят на других работах. Имели возможность высадки на соседние безлюдные, изобилующие щавелем и диким луком острова. Набирали их и использовали для варки питательных и вкусных зелёных щей. Подплывая к одному из островов, матросы заметили на полупритопленном бревне белку. Каким-то образом сумели её снять и доставили на катер. Это беспокойное, боязливое и необычайно ловкое животное доставило нам много хлопот. Выпущенная в матросский кубрик, она, опасаясь человека, металась во все стороны, представляя собой угрозу людям. В конечном итоге её удалось поймать с помощью рыболовной сети. Завёрнутую в эту сеть, вынесли на палубу и выпустили в соседний лес.

Находясь в Вознесенье, имели возможность общения с его доброжелательными, простыми и искренними жителями. С удовольствием прохаживались по местным, выстланным досками, тротуарам. Любовались деревянными домами. Восхищались простой, трудной, но вместе с тем здоровой жизнью воскресенцев.

С приходом буксира продолжили путь по реке Свирь. Наслаждались видом лесных берегов этой красивой северной русской реки. По ней вошли в обширное Ладожское озеро. Вода в этом озере обладает особыми вкусовыми качествами. Поэтому в срочном порядке откачали имеющуюся у нас воду и заполнили катерные цистерны животоворящей ладожской.

Далее через столицу Карелии город Петрокрепость вошли в широкую, бурную, в верхнем течении порожистую, Неву. Впереди находилась одна из главных целей нашего путешествия – город Ленинград. Ночью миновали все разводные мосты и ошвартовались за последним из них – мостом лейтенанта Шмидта, рядом со стенами Ленинградского имени М.В. Фрунзе Высшего военно-морского училища. Разместились на стоящей у причала комфортабельной плавучей базе финской постройки. Здесь

получили возможность привести себя в порядок и получить нужные нам запасы продовольствия и топлива. От местного военного коменданта узнали, что наше дальнейшее движение на Таллин будет продолжено только через три дня. Свободное время использовали для знакомства с городом. Поочерёдно всем командным составом водили матросов на Невский проспект, Дворцовую площадь и Васильевский остров. Побывали в Эрмитаже, Исаакиевском и Казанском соборах. Особое удовольствие получили от осмотра экспонатов Русского и Военно-морского музеев, а также – Петровской Кунсткамеры. На третий день посетили Петродворец и Ораниенбаум, где познакомились с рядом местных дворцов и парков. Всем увиденным остались чрезвычайно довольны.

К исходу дня к месту нашей временной стоянки подошёл морской буксир. Завели трос и ранним утром продолжили движение к берегам Эстонии, на прибалтийскую базу Копли-Южная, где дислоцировался ещё один отдельный приёмо-передаточный дивизион. Прибыв к месту назначения, связались с командованием дивизиона и узнали, что в Таллине нас уже поджидает группа заводчан-рыбинцев и специалисты военной приёмки. Уже на следующее утро последовали интенсивные ходовые испытания. Они начались на Палдисской мерной мили. Катер, при его полной загрузке, показал отличные ходовые качества.

В последующие дни была проведена проверка работы навигационных, радиосвязных и радиолокационных корабельных средств. Каких-либо неполадок выявлено не было. Артиллерийские и торпедные стрельбы провели на таллинском морском полигоне. Здесь всё прошло также вполне удовлетворительно. Подвёл лишь повышенный уровень намагниченности катерного корпуса. Его пришлось приводить в порядок на Таллинской магнитоизмерительной станции. Это было сопряжено с трудоёмкой процедурой заведения вокруг корпуса катера тяжёлых электрокабелей с последующей поэтапной подачей через них токов размагничивания. Весь этот процесс длился поч-

ти двое суток. По его завершении заводчане привели катер в полный порядок: осуществили покраску его служебных и жилых помещений; опломбировали некоторые секретные приборы и механизмы; восполнили частично израсходованный в процессе ходовых испытаний ЗИП. На этом наша миссия по приёму от промышленности очередного торпедного катера проекта «206» была завершена. Впереди ожидал переход из Таллина в Германскую Демократическую Республику, на остров Рюген, где базировалась немецкая бригада малотоннажных кораблей.

В конечных числах июля 1972 года этот переход начался. Шли, как всегда в подобных случаях, за морским буксиром. Погода была вполне удовлетворительной, но через несколько часов она начала резко портиться. Задул шквальный северный ветер, поднялась штормовая до восьми баллов волна. Всё это произошло вблизи латвийского морского порта Вентспилс. Вынуждены были освободиться от буксирного троса и своим ходом войти в этот порт. Шторм продолжался около полутора суток. По его окончании вновь встали на буксир и неспешно продолжили свой путь в ГДР.

По прибытии на остров Рюген, в соответствии с приёмодаточной программой, вместе с группой немецких офицеров несколько раз выходили в море. Проверили работу всех основных механизмов и агрегатов. Провели торпедную стрельбу залпом из двух торпедных аппаратов. Осуществили артиллерийскую стрельбу по самодвижущейся цели из установок «АК-30». Серьёзное внимание уделили навигационному оборудованию и радиолокационным станциям. Всё оказалось в исправном состоянии.

Жили на немецкой плавбазе. Имели возможность наблюдать за служебной деятельностью и жизнью наших немецких друзей. Эта жизнь показалась нам на удивление скромной. Плавсостав бригады проживал в соседнем военном городке. Офицеры и унтер-офицеры каждое утро приезжали на службу на велосипедах. Личного автотранспорта почти ни у кого не было. Жёны военнослужащих

одевались просто, но со вкусом. Большинство детей носило одежду на вырост. Манжеты курток и штанины брюк поворачивались. Обувь на них также казалась явно великоватой. При всём этом, граждане ГДР любили свою страну и были преданными друзьями Советского Союза. Очень жаль, что, благодаря предательской политике Горбачёва мы потеряли в их лице хороших и преданных союзников.

Развлечений на острове Рюген было немного. Иногда по вечерам вместе с экипажами немецких катеров смотрели немецкие или советские, переведённые на немецкий язык, фильмы. Однажды мне удалось эту повседневную культурную программу расширить. Зная, что в годы Второй мировой войны территория острова Рюген была использована вооружёнными силами фашистской Германии в качестве базы баллистических ракет «ФАУ-2», я в разговоре с командиром немецкого торпедного дивизиона выразил пожелание осмотреть останки этой базы, так как она в 1945 году была полностью разрушена ковровыми бомбёжками англо-американских военно-воздушных сил. Мне выделили сопровождающего – молодого офицера, знающего русский язык. Вместе с ним прошлись по тем местам, где некогда находились ракетные пусковые установки. Обнаружили вывороченные из земли огромные покрытые мхом бетонные глыбы. Их окружал молодой берёзовый лесок. Тишина и покой окружали это место. Не знаю, сохранилось ли оно в таком виде до наших дней. Но тогда оно было именно таким, заброшенным и пустынным.

За пребывание в водах ГДР нам начислялась небольшая денежная сумма в немецкой валюте. За ней нужно было ехать в Берлин, в штаб Западной группировки советских войск. Поехал в сопровождении двух немецких офицеров, также хорошо знавших русский язык. Столица ГДР мне не понравилась. Застроенная массивными, ещё довоенного времени зданиями, она носила на себе печать немецкой тяжеловесности и расчётливой функциональности. Изящных архитектурных строений я не заметил. Бранденбургские ворота были закрыты, движение людей возле них ограни-

чивалось надзорными действиями полиции и пограничных войск. Проезжая по Берлину, обратил внимание на внутригородские кладбища, изобилующие памятниками немецким генералам и офицерам участникам Первой, а затем и Второй мировых войн. Поинтересовался у сопровождающих меня немцев о том, почему это так. Один из них ответил, что по их понятиям кладбища являются святым местом, и к ним не принято прикасаться. Я не стал оспаривать этих доводов. К тому же мы уже находились у штаба Западной группировки советских войск. Здесь, в Финансовом управлении, получил причитающуюся нам немецкую валюту. После этого благополучно вернулись назад. Валюту по ведомости распределили между всеми членами экипажа. Позднее она была использована для покупки в местных магазинах подарков и сувениров для наших родственников. Помнится, что и я приобрёл для своей жены какой-то недорогой сувенир, кажется – столовый сервиз.

На этом наша служебная миссия в ГДР завершилась. Нашему экипажу немецкой стороной был устроен прощальный ужин. На следующее утро небольшим автобусом в сопровождении немецкого унтер-офицера мы были доставлены на польскую границу, чтобы поездом через Польшу проследовать в город Брест. Здесь, на границе, наблюдали ещё одну интересную сцену. На немецкой стороне, на пограничном посту, стоял немецкий солдат в полном воинском обмундировании, с автоматом на груди, в характерной для воинов ГДР плоской каске. На противоположной стороне границы, в 40-50 метрах от немецкого поста, находился польский пограничный пост. Картина на нём была совершенно иной. Дорогу в Польшу перекрывал металлический самовыдвижной шлагбаум. На нём в растёгнутой гимнастёрке полулежал польский солдат без головного убора. Его винтовка стояла в стороне у опоры какого-то столбика, а сам он являл собой вид абсолютного разгильдяя. Не особо вникая в суть наших проездных документов, быстро пропустил нас на польскую территорию. Здесь нас уже поджидал автобус советской воинской части,

дислоцирующей в портовом городе Гданьск. С помощью прибывших с этим автобусом офицеров добрались до Бреста. По пути из окон автобуса наблюдали поразившую нас картину. В социалистической Польше хозяйствование на земле было смешанным – частным и государственным. Прилегающие к дороге участки земли были частными и потому представляли собой мозаичный набор ухоженных и совершенно заброшенных, заросших высокой травой, участков.

Удивляла и сама дорога. Выложенная тем же гранитным камнем военнопленными немецкого вермахта ещё в годы Первой мировой войны, она на польской стороне представляла собой убогий аналог своего начала на германской стороне. Часть камней отсутствовала, всюду были рытвины и выбоины.

На границе с Брестом, с помощью сопровождающих нас офицеров, прошли пограничный досмотр и оказались в этом овеянном боевой славой городе. Имея запас свободного времени, осмотрели возведённую выдающимся русским фортификатором, героем первой обороны Севастополя генерал-инженером Э.И. Тотлебенем, крепость. Обошли все её памятники и повреждённые немецкими снарядами башни. Сделали памятные фотоснимки. Из Бреста поездом добрались до Харькова. Здесь, имея до десятка часов свободного времени, посетили несколько местных храмов и городской Музей обороны. У его входа обратили внимание на уникальный образец английского танка времён Первой мировой войны.

Из Харькова пассажирским самолётом долетели до Симферополя и далее служебным автобусом были доставлены в родную бригаду. Получили несколько дней отдыха и уже в сентябре 1972 года были привлечены к ремонту на Балаклавском заводе прибывшего из Очакова очередного катера проекта «206». К февралю 1973 года довели его до ходовых испытаний. Далее для доставки в Югославию он был передан другому экипажу. Нам же было дано указание готовиться к очередной командировке теперь уже в Балтийск – главную военно-морскую базу Балтфлота. Здесь

должны были получить катер проекта «205» и перегнать его на Керченский судостроительный завод для подготовки к передаче военно-морским силам Египта.

До Балтийска добирались поездом. С приёмом катера справились успешно. Во второй половине апреля 1973 года опробовали работу главных и вспомогательных двигателей, а также всех иных важных для обеспечения живучести корабля механизмов и агрегатов. В двадцатых числах апреля за морским буксиром вышли в море. Теперь наше движение пролегло в противоположную сторону – с запада на восток и далее – на юг. По пути должны были зайти в Кронштадт для подтверждения специалистами Балтфлота нашей готовности к переходу по внутренним путям от Балтики до Чёрного моря.

Через сутки были в Кронштадте. Ошвартовались во внутренней гавани недалеко от места стоянки флагмана Балтийского флота крейсера «Киров». Он был построен в 1938 году по ускоренной программе строительства советского военно-морского флота. Был первым в серии кораблей этого типа. Участвовал в боевых действиях по защите Ленинграда в тяжелейшие для него 1941-1944 годы. Дослуживал свой век, но всё ещё оставался мощным артиллерийским кораблём. Все указания мы получали от дежурного по этому кораблю и строго подчинялись им.

Со специалистами Балтфлота дважды выходили в море. Катер был признан готовым к следованию по путям Волго-Балтийского и Волго-Донского каналов. Перед уходом из Кронштадта имели около двух суток свободного времени. Их использовали для ознакомления с этим знаменитым островом. Побывали у величественного Морского собора, у памятника основателю Кронштадта императору Петру I, у памятников знаменитым русским флотоводцам и мореплавателям адмиралам Ушакову, Макарову и Беллинсгаузену. Обошли центральную часть острова. Я позволил себе помимо этого заглянуть на старинное кронштадтское кладбище. Обнаружил на нём множество, находящихся не в лучшем состоянии, могил русским воен-

ным морякам и членам их семей. Это огорчило потому, что в кронштадтской земле лежит часть боевой славы России. Позднее узнал, что в 1980-х годах это кладбище было приведено в порядок.

В конечных числах апреля 1973 года на внешнем рейде Кронштадта мы были взяты на буксир и, не останавливаясь в Ленинграде, двинулись, минуя разводные мосты по ночной Неве в сторону Ладожского озера. При входе в него ещё раз обратили внимание на подсвечиваемую прожекторами старинную русскую крепость Орешек. История и крепкие стены этой крепости напомнили нам о многолетней борьбе русского государства со шведами и немцами за овладение прилегающими к Орешку землями.

Наконец вошли в чуть штормящее Ладожское озеро и далее двинулись по хорошо нам известному озёрно-речному маршруту с севера на юг. Миновали Ладогу, реку Свирь и Онежское озеро. Насладились видами берегов рек Вытегры и Ковжи. Через Белое озеро вошли в реку Шексну, а по ней – в Рыбинское, на этот раз совершенно спокойное, водохранилище. В Череповце пополнились продуктами. Наблюдали постоянно дымящиеся трубы местного металлургического предприятия и бесконечную, движущуюся к нему по длинному железнодорожному мосту вереницу тяжёлых грузовых составов с железной рудой и кузбасским коксующимся углём.

Стоял благодатный май, и берега местных рек были покрыты белым флёротом цветущих черёмух, яблонь и вишен. Над водой стоял густой аромат этих красивых растений. Девственная прелесть этих мест восхищала. Восхищали и творения человеческих рук – многочисленные церковные строения и красивые здания шлюзов сталинской эпохи. Каждое из них, помимо своей технической оригинальности, имело ещё и особую архитектурную уникальность. Всё в них радовало и восхищало. Тем более, что мы знали, в каких трудных условиях всё это возводилось.

Прошли Рыбинское водохранилище и вошли в воды Верхней Волги. Впереди лежали Рыбинск, Кострома, Горь-

кий, Казань, Куйбышев, Ульяновск и Волгоград. Всюду любовались красотой нашей земли. В Рыбинске, Ярославле и Костроме имели возможность насладиться видами церковных ансамблей. Город Горький предстал мощью и изяществом своих крепостных стен. В Казани удалось рассмотреть большое количество христианских и мусульманских храмов, а также знаменитую башню, в которой, по преданию, томилась царица поверженного Иваном Грозным Казанского ханства Сююмбека.

В районе Ульяновска разлив Волги особенно широк. Город размещён на высоком правом берегу и его с фарватера реки почти не видно. Зато сумели познакомиться с воспетым в русских песнях знаменитым утёсом Степана Разина. Он по-прежнему высок и пустынен. Правда, полётов орлов над ним мы не заметили. Возможно, что они сейчас и не гнездятся на вершине этого утёса.

И вот мы уже в Волгограде, огромном, растянувшемся на десятки километров вдоль берега Волги, городе. Здесь сделали очередную остановку для пополнения катера необходимым запасом продовольствия и питьевой воды. Здесь же со мной произошло событие, которое в очередной раз перевернуло мою жизнь. Дело в том, что ещё в январе 1973 года со мной в штабе Черноморского флота была проведена беседа представителя Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР. Он предложил мне учёбу в Военно-дипломатической академии. Кратко пояснил профессиональные задачи и функции её выпускников. Склонный к переменам в службе и постоянному расширению военных знаний, дал согласие. Мне было дано указание, чтобы я ждал вызова в Москву для сдачи вступительных экзаменов в эту академию.

Это указание пришло неожиданно с приходом на наш катер волгоградского военного коменданта. Он вручил мне, подписанное командиром 41-й Севастопольской бригады, уведомление, в котором излагалось требование о моём срочном убытии в Москву для сдачи этих экзаменов. Пришлось в срочном порядке в присутствии коменданта сдать

служебные дела моему помощнику. Составили акт о передаче этих дел, и я, попрощавшись с экипажем, сошёл на берег. Через час в местной кассе «Аэрофлота» приобрёл билет на самолёт. Оставшееся до отлёта время употребил на осмотр военных памятников города, прежде всего – скульптуры «Родина-мать зовёт» и «Музея Героям Сталинградской битвы». После этого, около шести часов вечера, вылетел в Москву. Так заканчивалась моя служба в героической 41-й Севастопольской бригаде ракетных и торпедных катеров. Вместе с ней заканчивалась и жизнь моей семьи в Севастополе, этом чудесном городе, который, по мере возможности, мы с женой стремились изучить. Изучали и прилегающие к Севастополю живописные исторические районы. Об этом пойдёт речь в следующем разделе книги «Дорогами жизни».

Подвиги русского воинства в первой героической 1854-1855 годов обороне Севастополя

Несмотря на интенсивность служебных и домашних бытовых дел, мы с моей супругой Валентиной никогда не теряли интереса к нашему новому месту жительства – героическому Севастополю и благодатному Крыму. В редкое для нас свободное время побывали в Бахчисарае, Ялте, Евпатории и Алуште. Местным маршрутным автобусом добирались до Байдарских ворот и Ласточкина гнезда. При всём этом центром нашего внимания всегда оставался сам Севастополь с его богатейшим историческим прошлым.

Досконально обследовали развалины греческого Херсонеса, несколько раз побывали в Севастопольской панораме, бродили по знаменитой Графской пристани и излюбленному севастопольцами Морскому бульвару. Именно тогда я проникся идеей обстоятельного изучения исторического прошлого Севастополя, его особой роли в Крымской, 1854-1856 годов, войне. Эту идею начал реализовывать по двум

основным направлениям: путём изучения исторических документов и посредством обследования мест героической обороны города в ходе той войны.

Знания о ней черпал в Севастопольской Морской библиотеке. Простудировал множество мемуарной литературы, а также интереснейшие труды русского историка Евгения Викторовича Тарле. Законспектировал его великолепную книгу «Крымская война». Не последнюю роль в пополнении моих знаний по этой проблематике сыграли и работы Льва Николаевича Толстого, в частности его «Севастопольские рассказы». Много почерпнул из сохранившихся заметок непосредственных участников Севастопольской обороны как наших соотечественников, так и иностранцев.

Как известно, формальным поводом возникновения Крымской войны явился конфликт 1852-1853 годов между Россией и Турцией по поводу передачи турецким султаном прав на ведущую роль управления Святыми местами Иерусалима не греческой православной, а латинской католической церкви. Это свершилось вопреки существовавшей ранее традиции под давлением на Стамбул англичан и французов, которые через решение религиозных проблем добивались укрепления своих позиций в этом важном регионе мира. С подписанием турецким султаном особого фирмана (указа) такие права латинской стороне были переданы. Это серьёзно подорвало позиции православной, в том числе и русской церкви, которая уже давно имела здесь свою религиозную общину, широкие контакты с местными православными кругами и свой монастырский городок.

В сложившихся условиях российский император Николай I, хотя и считал Турцию «больным человеком», попытался разрешить возникший конфликт не войной, а активными дипломатическими переговорами. Эти переговоры, однако, не принесли нужных результатов. Подстрекаемое Англией и Францией турецкое руководство довело дело до кризиса и в 1853 году объявило России «священную войну». В ответ на это, в ноябре этого же года, эскадра Черномор-

ского флота под командованием адмирала П.С. Нахимова блокировала, а затем почти полностью уничтожила в знаменитом Синопском сражении турецкий военный флот. Вслед за этим, весной 1854 года, русский экспедиционный корпус генерала И.Ф. Паскевича форсировал Дунай и овладел рядом турецких крепостей на Балканах. Эти действия вызвали неожиданный протест ранее дружественной России нейтральной Австрии. Чтобы не допустить её вхождения в англо-франко-турецкий военно-политический союз, Николай I был вынужден отозвать корпус И.Ф. Паскевича назад и оставить ранее захваченные им Валахию (Румынию) и Молдавию.

К этому побуждали и действия сводного англо-французского флота против русских военных крепостей в Балтийском море и на побережье Северного Ледовитого океана – в Архангельске и на Соловецких островах. В феврале 1854 года правительство Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства сформировали объединённые вооружённые силы и ввели свой объединённый флот в акваторию Чёрного моря. Россия вынуждена была объявить им войну. Так война с Турцией переросла в войну с антироссийским коалиционным военным союзом четырёх держав. Эта война на крымской земле началась в сентябре 1854 года с высадки боевыми и транспортными судами сводной англо-французской эскадры (89 кораблей и 300 транспортных судов) десанта численностью в 62 тысячи человек на побережье у населённого пункта Евпатория. Русская армия численностью в 34 тысячи человек высадке десанта не препятствовала. Это была первая и чрезвычайно болезненная для русского командования ошибка. Она позволила противнику спокойно сгруппировать свои силы и организованно двинуться на юг к оборонительным позициям русских войск на берегах неглубоководной реки Альмы. Уже здесь сказались, допущенные Николаем I, техническое отставание России в стрелковом оружии. Английские, французские и даже турецкие винтовки были нарезными и поражали цель на расстоянии до 700-800 ме-

тров. Русская же пехота по-прежнему имела гладкоствольные ружья с дальностью стрельбы не более 300 метров. Разница в боевых свойствах оружия была колоссальной, и это сразу же стало отрицательно сказываться на результатах Альминского сражения. Данного положения можно было бы избежать, если бы на вооружение русской армии своевременно была принята изобретённая русским учёным-славянофилом Алексеем Степановичем Хомяковым его совершенно уникальная винтовка. На испытаниях ещё за несколько лет до Крымской войны она показала отличные боевые качества. Её убойная сила сохранялась на расстоянии до тысячи метров. Тульские мастера были готовы приступить к её массовому выпуску. С этим, однако, не согласился Николай I, сославшись на то, что к винтовке нет «должного запаса патронов».

Сказывались и другие недостатки, в том числе и техническая отсталость русского флота. Его основу, как и ранее, составляли парусные корабли. В составе Черноморского флота было всего несколько новых винтовых судов, чьё движение не зависело от погодных условий на море. Сводный же англо-французской флот уже почти полностью был укомплектован такими кораблями. Это существенно сдерживало действия русских корабельных соединений. Да они в ходе Крымской войны практически себя и не проявили, ссадив свои экипажи на берег.

Сказывались и другие недостатки, в том числе: быстро выходящие из строя некачественная солдатская одежда и обувь; тотальное воровство в интендантской среде; плохое состояние крымских дорог; неумелая кадровая политика и слабое военное руководство в лице командующего русской армией и флотом в Крыму правнука сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова адмирала Алексея Сергеевича Меншикова. Не будучи наделённым талантами своего знаменитого прадеда, он в своей деятельности допустил множество роковых промахов. Не сумел правильно организовать Альминского, а позднее и Инкерманского сражений. Не участвовал в подготовке Севастополя к обо-

роне и не руководил ею, препоручив это дело командному составу флота и отдельным корпусным и дивизионным генералам. Несмотря на это, оборона Севастополя была организована и продолжалась долгих 349 дней. В августе 1855 года город пал. При его защите и в боях на других направлениях Россия потеряла 522 тысячи человек, сводные войска противника – 520 тысяч.

Честолюбивый император Николай I не выдержал позорного окончания Крымской кампании и, по утверждению некоторых историков, покончил жизнь самоубийством, приняв от своего лечащего врача долгодействующий смертельный яд. Прекращение войны и подписание в 1856 году тяжелейшего для России Парижского мирного договора легли на плечи его сына Александра II. По этому договору Россия возвратила Турции ранее ею занятую крепость Карс и лишилась права иметь на Чёрном море военно-морской флот. Правда, это положение длилось относительно недолго. В 1871 году, благодаря усилиям канцлера России Александра Михайловича Горчакова, все ограничения для России на Чёрном море были сняты. Это произошло в ходе Лондонского конгресса, когда англо-французский военный союз уже распался и Франция выступила на стороне России. После этого Черноморский военный флот в совершенно новом качестве возродился и стал играть в этом регионе мира традиционную для него оборонительно-сдерживающую роль.

Как помнит читатель, помимо обретения исторических знаний о героической судьбе Севастополя, я поставил перед собой цель ознакомления со всеми памятными местами его первой героической обороны. Начал с центрального севастопольского холма, где размещён белокаменный Владимирский собор – место захоронения героев севастопольской битвы: адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина, а также их учителя и наставника выдающегося флотоводца и мореплавателя адмирала Михаила Петровича Лазарева. Моё первое посещение собора совпало с начальной стадией его капитального ремонта с

времён Великой Отечественной войны. Уже были возведены купола, восстанавливался интерьер, приводились в порядок, носящие на себе следы пуль и осколков, стены. На входных тяжёлых дверях собора висел больших размеров амбарный замок. Но мне повезло. Вскоре пришли рабочие и мне удалось уговорить их позволить осмотреть внутренности ремонтирующегося собора и, что особенно важно, – подвальное помещение, где находились захоронения всех вышеперечисленных адмиралов. К сожалению, обнаружил только, повреждённые временем и людьми, места их погребения. Три из них – Лазарева, Корнилова и Истомина – располагались один подле другого. Нахимова – отдельно, под особой аркой. Все надгробные плиты были сдвинуты и частично разбиты. Под ними останков знаменитых адмиралов обнаружить не удалось. Сам склеп хранил на своих потолках и стенах следы копоты и чёрной сажи. Ушёл из собора с тяжёлым чувством обиды за поруганную честь русской боевой славы.

Однако иного ожидать было невозможно. Собор вместе с Севастополем дважды находился в зоне оккупации: в 1854-1855 годах – Англии и Франции, в 1942-1944 годах – фашистской Германии. Пережил Гражданскую войну и неистовость большевиков по уничтожению всего, что было связано с величием царской самодержавной России. Поэтому не пострадать он просто не мог. Самое обидное, однако, заключалось в том, что в знаменитом подвальном склепе адмиральских останков уже давно не было. Об этом я узнал в одной из интереснейших повестей писателя Константина Георгиевича Паустовского. Оказывается, в довоенное время какая-то часть этих останков всё ещё сохранялась. Но именно тогда собор посетил никому неизвестный студент, который под предлогом запланированного его институтом химико-биологического анализа этих останков сложил их в сумку и куда-то унёс. Больше ни студента, ни унесённой им сумки никто и никогда не видел. Это означает, что захоронения всех четырёх адмиралов были опустошены либо в результате служебного

разгильдяйства, либо вследствие целенаправленной, кем-то спланированной, провокации.

Тем не менее собор произвёл на меня сильное впечатление. Позднее я посвятил ему стихотворение «Владимирский собор в Севастополе». Вот его содержание:

Кто бывал в Севастополе – знает,
Как на склоне высокой горы
Крест Владимирской церкви сверкает
В переливах вечерней зари.
Здесь, под сводами тесного склепа,
В белокаменных нишах своих,
В паутине истлевшего крепа,
Спят герои сражений былых.

Адмиралы, отцы, командиры –
Подвиг, слава, служение, честь...
Боевые поблёкли мундиры,
Эпитафии слов не прочесть.
Плиты сдвинуты чьей-то рукою,
След пожаров, сырой полумрак,
В тишине, в монастырском покое,
Спят герои кинжальных атак.

Марши лестниц травой зарастают,
Вязь по камню, колонн холодок...
Вход в святыню от нас охраняют
Дверь, засов да висячий замок.
День июльский свечой догорает,
Солнце скрылось за кромкою гор,
Кто бывал в Севастополе, – знает
Тот овейный славой собор.

В наше время Владимирский собор полностью восстановлен и, как мне известно, передан Русской Православной церкви. В его стенах вновь звучат поминальные молитвы в честь упокоившихся в его склепе русских адмиралов.

Вблизи собора размещено ещё три замечательных памятника событиям обороны Севастополя 1854-1855 годов. Это памятник «Затопленным кораблям», «Башня ветров» и памятная гранитная плита у западного входного мыса Южной бухты, от которого начиналась понтонная переправа на Северную сторону. По ней осенью 1855 года уходили русские войска из захваченной врагами южной части Севастополя.

Затопление кораблей Черноморской эскадры для недопущения прорыва вражеского флота в Севастопольскую бухту происходило в два этапа. Первоначально, в ночь с 10 на 11 сентября 1854 года, было затоплено семь устаревших кораблей. Затем, в конце августа 1855 года, после оставления русскими войсками южной части города, затоплению подверглись все оставшиеся корабли. Памятник сооружён в 1905 году скульптором А.И. Адамсоном и флотским инженером О.И. Энбергом. Он представляет собой омываемый морской волной гранитный постамент с возвышающейся на нём изящной колонной. Колонну венчает взлетающий в небо орёл. Памятник очень красив. Его силуэт украшает герб современного Севастополя.

«Башня ветров» – это всё, что осталось от красивейшего здания первой Морской библиотеки имени адмирала М.П. Лазарева. Являясь точной копией подобной башни в Афинах, она служила вытяжной шахтой для вентиляции подвальных помещений библиотеки, которая к тому моменту уже имела более 20 тысяч уникальных исторических, научных и иных книг. Стараниями начальника гидрографической службы Черноморского флота генерал-лейтенанта М.Н. Кумани все они были спасены и вывезены на Северную сторону Севастополя. Сама же библиотека была полностью разграблена, а затем сожжена французами. Богатые мраморные облицовочные плиты её цокольного этажа были сняты, погружены на французские транспортные суда и увезены во Францию. Грабительский характер галлов проявил себя и здесь в полной типичной для них мере.

Что касается каменной плиты в память о понтонной переправе между бывшими южным Николаевским и северным Михайловским фортами, по которому с удивительным хладнокровием и высочайшей организованностью уходили русские боевые части, то это всего лишь гладкий, плоский, широкий гранитный камень, одной своей частью лежащий на берегу, а другой – уходящий в воду. К сожалению, этот памятник мало известен даже коренным севастопольцам. Но он существует и его можно посетить. Иных значимых памятников первой обороне Севастополя в этой центральной, прилегающей к южной береговой черте Большой севастопольской бухты, не сохранилось. Не осталось следа и от некогда мощного Николаевского форта. Он был разрушен противником, а затем разобран на отдельные блоки севастопольцами на восстановление своих разрушенных войной жилищ.

Все другие значимые памятники этой войны сохранены в различной степени целостности на бывшей линии обороны, которая тянулась огромной дугой между севастопольскими Карантинной и Киленбалочной бухтами. К этим памятникам относятся, размещённые на местных возвышенностях, бастионы и прилегающие к ним отдельные артиллерийские позиции русских войск. Созданием этих оборонительных укреплений занимались адмиралы В.А. Корнилов, П.С. Нахимов и В.И. Истомина. Строительные работы велись под руководством одного из лучших российских фортификаторов генерала инженерных войск графа Э.И. Тотлебена. Под его неусыпным контролем подчинёнными ему военными инженерами в короткие сроки было сооружено восемь оснащённых мощной крепостной и корабельной артиллерией бастионов: 1-й, 2-й, Особый Корниловский, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й. Между бастионами размещались менее мощные оборонительные укрепления в виде артиллерийских батарей, редутов и люнетов, которые прикрывали отдельные сектора обороны.

В 1905 году, в 50-летний юбилей Севастопольской битвы, на местах всех этих бастионов, редутов и люнетов были

установлены памятные знаки. 1-й бастион совместно со 2-м и Особым Корниловским отражали атаки сухопутных сил противника с восточного и юго-восточного направлений. 3-й и 4-й бастионы осуществляли оборону центральной части города на южном и юго-западном направлениях. 5-й и 6-й бастионы противодействовали французским и турецким войскам на западе. 7-й бастион, размещённый у восточного входного мыса Карантинной бухты, прикрывал город от артиллерийских атак англо-французского флота, тем же занималась размещённая рядом с ним 10-я отдельная береговая батарея.

Летом 1969 года я приступил к планомерному обходу всех памятных знаков этих оборонительных позиций, зная наперёд, что часть из них могла быть разрушена или даже уничтожена пронёсшимися над ними Гражданской и Великой Отечественной войнами. На месте 1-го бастиона без особого труда обнаружил массивный постамент, сложенный из прочно соединённых между собою крупных гранитных камней. Постамент венчала каменная чаша для цветов. На одном из прилегающих к ней плоских камней значилась фраза: «1-й бастионь». Рядом с памятником размещалась, окаймлённая невысоким каменным барьером, круглая с проходом беседка. Внутри неё находилась цилиндрическая тумба, служащая основанием для горки некрупных ядер. Но они в момент моего пребывания в беседке отсутствовали. За беседкой, справа, располагался плохо сохранившийся фрагмент памятной стены с навесными панелями, на которых значились наименования частей, поочерёдно сражавшихся здесь в 1854-1855 годах.

2-й бастион размещался южнее 1-го на одной из киленбалочных высот. На ней нашёл памятник, постамент которого, как и постамент памятника 1-го бастиона, был сложен из хорошо подогнанных друг к другу крупных камней. Над ними возвышалась полуразрушенная цилиндрическая колонна. Её верхняя часть в виде отдельных обломков лежала у основания постамента. На одном из его плоских камней

красовалась надпись: «2-й бастионъ». От памятника в сторону Корниловского бастиона тянулась повреждённая пулями и осколками снарядов памятная стена. На её панелях, как и на панелях памятной стены 1-го бастиона, значились наименования воевавших здесь воинских частей.

Южнее 2-го бастиона находились позиции самого знаменитого Корниловского бастиона. Он располагался на высоком Малаховом кургане. На его восточном склоне хорошо просматривался приземистый массивный памятник на месте гибели от вражеского ядра адмирала Истомина. Он, следуя на находящийся рядом Камчатский редут, в марте 1855 года нашёл здесь свою моментальную смерть.

Внимательно осмотрел галерею оборонительной башни Малахова кургана и ту её часть, где был смертельно ранен адмирал Нахимов. Побывал у восстановленного памятника первому руководителю Севастопольской обороны адмиралу Корнилову. Он изображён в полулежащем положении, опирающимся на левую руку и обращающимся к окружающим его матросам и офицерам с призывом отстаивать Севастополь до последнего дыхания. Обратил внимание на выложенный его подчинёнными поминальный крест из крупных чугунных ядер и плиту с названиями пяти пехотных дивизий, четырёх флотских экипажей, добровольной общины сестёр милосердия и нескольких отдельных рот, в разное время сражавшихся на этом бастионе.

Авторитет адмиралов Корнилова и Нахимова среди севастопольцев был непререкаем. Поэтому, наряду с памятником Корнилову, в Севастополе, у Графской пристани, в 1898 году был установлен красивейший поростный бронзовый памятник и адмиралу П.С. Нахимову. В конце 1920 года, в ходе Гражданской войны, во исполнение Декрета Совета народных комиссаров от 12 апреля 1918 года «О снятии памятников в честь царей и их слуг», этот памятник был демонтирован. Инициатором этой гнусной акции был махровый русоненавистник ближайший соратник В.И. Ленина Яков Свердлов (Янкель Гаухман). Исполните-

лем – любимица партии, комиссарша в чёрной тужурке, кровавый палач флотского офицерства Черноморского флота Розалия Землячка (Залкинд) и, прибывшие вместе с ней в Севастополь, революционные матросы Балтфлота. Эти люди посягнули на славу России, на честь и достоинство её великого сына, воина и патриота, которого беззаветно любили его подчинённые. В нём они видели своего спасителя и защитника. В свою очередь Павел Степанович каждого из них рассматривал как «наделённого умом, душой и сердцем человека, главного исполнителя всех дел на корабле».

В предвоенные годы, когда столкновение СССР с фашистской Германией становилось неизбежным, в Советском Союзе вновь вспомнили о прославленных русских военных вождях. Среди них вновь засияло имя доблестного адмирала Павла Степановича Нахимова. Памятник ему был восстановлен. Он и сейчас является одним из лучших украшений героического Севастополя.

Юго-западнее Корниловского бастиона, у самой оконечности Южной бухты, над уходящей на юг широкой Лабораторной балкой, размещался знаменитый 3-й бастион. Он, как и возвышающийся над ним 4-й бастион, занимал исключительно важное место в оборонительной системе русских войск и потому подвергался постоянным артиллерийским обстрелам. В дни массовых бомбардировок на его территории разрывалось до десяти тысяч бомб и снарядов. Здесь мною была обнаружена невысокая каменная оградка – основание полукруглой ротонды. Центр дуги этого основания служил опорой для плоского камня, на котором должна была значиться надпись: «3-й бастионъ». В момент моего нахождения внутри ротонды данный камень, поверженный немецким артиллерийским снарядом, в виде отдельных крупных обломков лежал на земле. За ротондой, справа, находилась часть полуразрушенной памятной стены с навесными плитами, на которых всё ещё значились названия сражавшихся здесь в 1854-1855 годах трёх армейских полков, одного флотского экипажа и одно-

го резервного батальона инженерных войск. По внешнему периметру бастиона, за ротондой, тянулась невысокая со следами пуль и осколков снарядов каменная ограда.

Над 3-м бастионом, на выступающей к юго-западу высокой ровной площадке, размещался 4-й бастион. Его украшает белокаменная, изящно исполненная, увенчанная богатырским шлемом и украшенная надписью: «4-й бастионъ», стела. По внешнему периметру бастиона тянется глубокий оборонительный ров. В сторону врага смотрят стволы нескольких мощных крепостных орудий. Подле них лежат горки крупных чугунных ядер. По внешним краям бастиона стоят памятные знаки батареям Кастомарова, Шихматова, Нарбута, Бурлея и Язоновскому реду, на которых в разное время сражались бойцы трёх пехотных полков, четырёх флотских экипажей, двух сапёрных батальонов и группа инженеров под командованием генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена.

В глубине территории возвышается изящное круглое здание знаменитой Панорамы обороны Севастополя, художественное полотно которой составляет 1610 квадратных метров. Панорама пережила две даты своего рождения – май 1905 года и октябрь 1954 года. Во втором случае она была воссоздана заново из разрозненных, повреждённых огнём, кусков батального полотна Франца Рубо, сына француза-переселенца, проживавшего некоторое время в Одессе и других городах Южной России.

За сотню метров от входа в Панораму возвышается замечательный памятник работы русских архитекторов А.А. Вильдерлинга и И.Н. Шредера герою обороны Севастополя генералу инженерных войск графу Э.И. Тотлебену. Он изображён с группой солдат и матросов, ведущих подземную минную войну против наступающих с южной стороны войск противника. Сохранился вход в одну из штолен этой подземной войны. Сейчас он закрыт металлической решёткой. Вид 4-го бастиона и сохранившиеся на нём памятники оставляют в душе человека глубокий сопереживательный след.

Такой же след оставляют и памятники 5-го бастиона, которые размещены на возвышенностях, по левую сторону от севастопольского кладбища Коммунаров. Главным памятником бастиона является, как и на 4-м бастионе, увенчанная богатырским шлемом, белокаменная стела, на которой выбиты слова: «5-й бастионъ». Рядом со стелой красуется невысокий монумент люнету Белкина. На его мраморных плитах сохранились наименования шести пехотных полков, трёх флотских экипажей и двух резервных батальонов, сражавшихся здесь русских оборонительных войск.

Лежащие к северу от 5-го, 6-й и 7-й бастионы находились на возвышенности, простирающейся до левого входного мыса в Карантинную бухту. Этим бастионам в 1905 году специальных памятников не поставили. Причина заключалась в том, что за минувшие 50 лет после окончания Крымской войны весь участок земли, на котором эти бастионы когда-то располагались, был плотно застроен жилыми домами севастопольцев. Сносить их сочли экономически невыгодным. Памятную стену с навесными мраморными плитами возвели лишь на месте 10-й береговой батареи, на левом высоком входном мысе Карантинной бухты. Эта стена в годы Второй мировой войны сильно пострадала. В начале 1970-х мне удалось отыскать лишь её неплохо сохранившийся правый ограничительный столб и остатки поваленного на землю левого столба. Он и обломки плит с наименованием воевавших здесь когда-то воинских частей отсутствовали или лежали в груде завезённой сюда земли и строительного мусора. Сохранившийся правый столб памятной стены был увенчан чугунным ядром времён 1-й Севастопольской обороны. Иных памятных следов находящихся здесь когда-то 6-го и 7-го оборонительных бастионов найти не удалось.

Не исследованными оставались Северная сторона Севастополя, памятник Инкерманскому сражению и отступающим русским войскам в районе киленбалочных высот, а также вещественные свидетельства пребывания французских и турецких войск в Казачьей и Камышовой

бухта. На Северной стороне меня прежде всего интересовало размещённое здесь Братское кладбище, на котором, по сведениям историков, было захоронено до 123 тысяч русских воинов. Это кладбище, как мемориальный комплекс, начало формироваться в 1872 году. Тогда бригада симферопольских художников и архитекторов разработала более двадцати проектов непохожих друг на друга надмогильных памятников для братских, численностью до ста человек, могил. Помимо этого, по заказам родственников, проектировались индивидуальные памятники для конкретных, павших в боях, офицеров. В число этих памятников входили и те, которые устанавливались на местах захоронения умерших после 1855 года заслуженных генералов и адмиралов участников Севастопольской битвы. Ими были князь М.Д. Горчаков, граф Э.И. Тотлебен, храбрейший руководитель обороны Корабельной стороны генерал С.А. Хрулёв, начальник гидрографической службы Черноморского флота генерал-лейтенант М.Н. Кумани. К счастью, все эти памятники сохранились до наших дней. А вот из пяти сотен первоначально воздвигнутых надгробий братских могил осталось только 427. Значительно уменьшилось число индивидуальных памятников конкретным офицерам. Все они утеряны в ходе Второй мировой войны, так как кладбище многократно становилось местом ожесточённых боёв.

В ходе этих боёв серьёзно пострадал и находящийся на кладбище пирамидальный Николаевский, построенный по проекту архитектора А.А. Авдеева, храм. В его верхней части в 1944 году размещался немецкий корректировочный пост. С него наводилась стрельба немецкой артиллерии по наступающим с севера советским войскам. Пришлось этот пост уничтожить. В результате прицельного выстрела вершина храма была снесена, а находящийся на ней тяжёлый гранитный крест рухнул на землю. Пострадали необыкновенные по красоте мозаичные украшения храма, а также укреплённые на его внутренних стенах мраморные плиты с перечнем воинских частей, которые в 1854-1855 годах

сражались на Северной стороне. Таким я застал этот храм в 1970 году при первом моём посещении этих мест. Тогда же сделал карандашные зарисовки как самого храма, так и всех его основных надгробий над могилами погибших в Севастополе в 1854-1855 годах русских воинов.

Вторично посетил Северное кладбище в 1972 году, когда начала действовать программа проведения на всех объектах 1-й Оборона Севастополя обширных восстановительных работ. В храме застал до десятка женщин местной православной общины. Они занимались уборкой основного зала храма и его входной части. Из заметаемого мусора они тщательно выбирали разноцветные кусочки смальтовой мозаики в надежде, что они пригодятся в ходе предстоящих реставрационных работ. Один из этих кусочков женщины подарили мне на память. С благоговением храню его до сих пор.

В последний раз на Братском кладбище побывал в 1989 году, перед отъездом в служебную командировку в Турецкую Республику. Кладбище к этому моменту серьёзно обновилось. Были отремонтированы его входные ворота и каменная ограда. То же произошло и с большинством надгробий. Серьёзному ремонту подвергся и Николаевский храм. Его купольная часть была восстановлена. Над ней вновь возвышался возрождённый специалистами тяжёлый гранитный крест. Прошёл к смотрителю кладбища отставному мичману Черноморского флота и попросил его позволить мне подняться по внутренней лестнице на верхнюю смотровую площадку храма. Был в форме капитана 1 ранга и бывший мичман не смог мне отказать, взял связку ключей и открыл тяжёлую входную дверь. Поднявшись на площадку, из её окон обратил внимание на ближайшие окрестности Севастополя: на рейд, где стояли военные корабли, на чуть затуманенную южную сторону, на силуэты сохранившихся Константиновского и Михайловского фортов.

Во времена командования Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева его распоряжением для защиты Се-

востополя со стороны моря было возведено пять мощных оборонительных фортов: Александровский, Николаевский и Павловский на южной стороне Севастопольской бухты; Константиновский и Михайловский – на её северной стороне. Александровский, передовой к морю форт, расположенный у правого входного мыса в Артиллерийскую бухту, был разрушен бомбардировками корабельной артиллерии противника. Николаевский, находящийся в сотне метров от правого входного мыса Южной бухты, взорван французскими сапёрами в период их нахождения в южной части Севастополя. Павловский, самый удалённый от входа в Главную севастопольскую бухту, размещался на входной косе Корабельной бухты и долгое время служил штаб-квартирой главного защитника этого района города генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва. Перед уходом русских войск на Северную сторону был ими уничтожен. К 1970 году никаких видимых следов от этих трёх фортов не осталось.

А вот Константиновский подковообразный, находящийся на Северной стороне, на левом входном мысе Большой севастопольской бухты форт сохранился. В начале 1970-х годов он был полностью отремонтирован и до сих пор используется воинскими частями Черноморского флота в качестве оборонительного объекта. Сохранился и находящийся в двух километрах к востоку от него Михайловский форт. Именно к нему с южной стороны Севастопольской бухты, от стен Николаевского форта, был проложен понтонный мост, по которому осенью 1855 года на Северную сторону в организованном порядке перешёл 50-тысячный гарнизон защитников южной части города. Все они влились в состав оставшейся в центральном и северном районах Крыма русской армии. Англо-французские войска, потерявшие за время осады Севастополя более 75 тысяч убитыми и умершими от болезней солдат и офицеров, препятствовать отступлению русских войск не решились.

Вынужденному отходу русской южной группировки войск в немалой степени способствовало проигранное за

год до того генеральное Инкерманское сражение. Оно произошло 24 октября 1854 года и могло быть победоносным, так как русские войска имели преимущество в численности личного состава почти на 20 тысяч человек, а в количестве полевой артиллерии более чем на 100 орудий. Осадная артиллерия, в которой англо-французские войска имели преимущество в данном сражении участия почти не принимала. Причиной поражения явились плохая оперативная подготовка русских войск к сражению; несогласованность действий участвующих в нём армейских соединений; нерешительность командира отдельного корпуса русских войск генерала от артиллерии князя М.Д. Горчакова; неспособность главнокомандующего Крымской группировкой русских войск, моряка по образованию, руководить боевыми действиями крупных соединений сухопутных войск, фактическое отсутствие такого руководства в Инкерманском сражении.

Изначально данное сражение преследовало три стратегические цели: снять осаду южной части Севастополя и предотвратить очередной англо-французский штурм Южной бухты, где всё ещё базировались корабли Черноморского флота; наладить прямое взаимодействие основной армейской группировки, базирующейся в районах Центрального и Северного Крыма с отдельными корпусами генералов П.П. Липранди и М.Д. Горчакова, удерживающими позиции в тылу англо-французских войск под Балаклавой, в районе населённого пункта Чоргунь; нарушить взаимодействие английских и французских сухопутных сил, максимально ослабить их.

Для достижения этих целей было сформировано два оперативных соединения под командованием генералов Ф.И. Соймонова и П.П. Павлова численностью в 19 и 16 тысяч солдат и офицеров соответственно. К месту сражения, на участок Инкерманской долины у устья реки Чёрная, эти соединения должны были прибыть одновременно и одновременно вступить в бой с находящимися здесь английскими войсками. Движение соединений осуществ-

влялось ночью. Войска генерала Соймонова двигались от восточного мыса Килен-бухты по изрезанному оврагами, труднопроходимому южному берегу Главной сева­стопольской бухты. Соединение Павлова шло с севера навстречу войскам Соймонова по равнинной местности, но вовремя с ними соединиться не смогло из-за разрушенного через реку Чёрная моста. Не в состоянии быстро перебросить на левый берег реки полевые орудия и боевой запас к ним, войска Павлова были вынуждены задержаться. В бой с англичанами вступили уже находящейся в Инкерманской долине утомлённые трудным переходом войска генерала Соймонова. Русские солдаты и офицеры сражались героически и, несмотря на отчаянное сопротивление англичан, начали их теснить. Наступил решающий момент битвы. Победа над англичанами была близка. Но услышав грохот русской полевой артиллерии, в дело вступил деятельный и смелый французский генерал Боскэ. Ему мог и должен был помешать корпус князя М.Д. Горчакова. Но Горчаков, имея в своём распоряжении 22 тысячное войско при 89 полевых орудиях, предпочёл в бой не вступать. Пропустил мимо себя дивизию Боскэ, простоял на месте два часа и удалился на позиции войск генерала П.П. Липранди, который со своим корпусом решал задачу недопущения переброски английских войск из Балаклавы к месту Инкерманского сражения. Липранди свой долг выполнил, Горчаков – нет. Его преступная пассивность привела к тому, что на место сражения беспрепятственно ворвались авангардные подразделения дивизии Боскэ. Именно они плотным огнём полевой артиллерии и дальнобойной винтовочной стрельбой решили исход Инкерманского сражения. В ходе ожесточённых боёв погиб генерал Соймонов. Потери русских войск в этом сражении составили более десяти тысяч человек.

Началось вынужденное отступление. Остатки соймоновского соединения ушли к Килен-бухте и далее – на плато Корабельной стороны. Павловцы отступили на север. И те и другие в ходе отступления находились под непрерывным

огнём преследующих их англо-французских войск. Тем не менее, и в этот раз отход частей русской армии прошёл организованно и слаженно, что отметили не только наши, но и иностранные офицеры и генералы. В память об этих событиях, к востоку от Килен-бухты, на полпути к месту Инкерманского сражения, военными инженерами в 1905 году был сооружён остроконечный белокаменный обелиск. О его внешнем виде и приблизительном месторасположении я узнал из справочных источников, но отыскать его не смог. Видимо, он был разрушен либо в ходе Второй мировой войны, либо в процессе прокладки в этих местах нового железнодорожного полотна. Печально, но пришлось в очередной раз признать, что на этом свете рано или поздно исчезает всё, исчезают и возведённые на века памятники.

На местах Инкерманского сражения побывал дважды – в 1969 и 1971 годах. В первый раз добирался до них маршрутным пассажирским катером от Графской пристани вдоль всей Большой севастопольской бухты до Инкерманской долины и устья реки Чёрная. Осмотрел место сражения на её левом берегу. Поднялся на лежащий справа высокий холм с руинированными останками древней, XIV века, крепости Каламита. Прошёлся по её главной, избитой колёсами древних повозок, дороге. Обошёл все сохранившиеся полуразрушенные оборонительные башни – Надвратную, Фланговую и Барбакан.

Спустившись вниз, через входную, хорошо сохранившуюся арку, вошёл во внутренние галереи и залы высеченного в известковых каменных породах каламитского холма православного монастыря. Удивило мастерство и упорство древних каменотёсов, создавших здесь цепь внутренних переходов и внутренних монастырских помещений. Они размещались под Каламитской крепостью и существовали до 1485 года, до завоевания Крыма турками. В последующем, с переходом Крыма под власть России, несколько раз возрождались. Окончательно монастырь прекратил свою деятельность в 1854 году с началом осады Севастополя во-

йсками англо-франко-турецкой коалиции. На выходе из монастыря на несколько минут задержался у находящегося рядом с ним старинного русского православного храма Святой Троицы. Он был полуразрушен боями Второй мировой войны, но даже в таком состоянии продолжал покорять своим архитектурным изяществом. В наше время этот храм воссоздан и передан в распоряжение Русской Православной церкви. Как и ранее, он продолжает встречать и провожать путников, идущих и едущих с северной стороны на южную сторону Севастополя и обратно. Первой поездкой в Инкерман остался доволен. Её результаты отразил и зарисовал в дневнике.

К весне 1971 года в южной части Севастополя не обследованными мною оставались бухты Казачья и Камышовая, где в 1854-1855 годах размещались части французских и турецких войск. И те, и другие рассчитывали на длительную оккупацию этих мест и потому, по указанию своих правительств, строили здесь оборонительные укрепления, казармы и складские помещения. Французы в районе Казачьей бухты возвели даже для своих офицеров и солдат полевой театр. Хотелось отыскать следы этих вещественных свидетельств давно отшумевшей Крымской войны.

Для этого ранним майским утром 1971 года маршрутным автобусом из Карантинной слободки отправился в район Стрелецкой бухты. От неё, обходя многочисленные воинские части, пешком проследовал в сторону мыса Херсонес. На пути наткнулся на два, лежащих на земле, тяжёлых ствола корабельных орудий времён Крымской войны. В километре от них обнаружил величественный, устремлённый в выси, гранитный памятник войскам 4-го Украинского фронта, завершивших в этих местах в мае 1944 года разгром крымской группировки немецко-фашистских войск. Все мои попытки отыскать что-либо связанное с пребыванием французов и турок в бухтах Казачья и Камышовая не увенчались успехом. Всё смела безжалостная Вторая мировая война.

Убедившись в этом, отправился к западной конечной точке Херсонесского мыса. Здесь, на нависающем над морем плато, обнаружил развалины подземных укреплений советской береговой батареи и следы бывшего немецкого аэродрома с взлётно-посадочной металлической ленточной полосой. Значительная часть этой полосы осталась невредимой, другие её фрагменты были отброшены взрывами снарядов на значительное расстояние. Место было абсолютно пустынным и безлюдным. Постояв несколько минут на обрывистой кромке Херсонесского мыса, направился к Стрелецкой бухте, а от неё строго на юг – к знаменитому, овеянному легендами, Георгиевскому монастырю. По ходу движения обратил внимание на покрывающий каменистое херсонесское плато сыпучий грунт. Он состоял из мелких белых и рыжеватых камушков. Наклонился и зачерпнул горсть. Оказалось, что в ней было половина известковой крошки и половина мелких металлических осколков от разорвавшихся здесь в ходе нескольких войн бомб и снарядов. По их количеству сделал заключение об интенсивности и жестокости когда-то гремевших здесь боёв.

Через час вышел к мысу Фиолент и размещённому на нём Георгиевскому монастырю. Дело шло к полудню, становилось жарко, и я с удовольствием испил холодной воды и умылся у примонастырского источника осенённой иконой Георгия Победоносца. Справа от неё, на стене, располагалась мраморная плита с надписью о том, что в 1846 году этот источник был отремонтирован и благоустроен на денежные пожертвования купца Якова Гущина и его сыновей.

Спустился по плохо сохранившейся на скальной каменной лестнице к морю. Осмотрел все прибрежные, омываемые морской волной, скалы, в том числе и самую известную, окрашенную в красноватый цвет, скалу Монах. В известный с 1578 года Георгиевский монастырь попасть не удалось, так как его территория была занята какой-то воинской частью. Его главный храм Великомученика Георгия носил на себе следы минувшей войны: купольная часть ко-

докольни была снесена, на стенах виднелись следы от пуль, осколков артиллерийских снарядов и мин. Монастырь имел богатую предысторию. Он был сооружён на месте некогда существовавших здесь капища древних тавров, а затем – греческого языческого храма Девы, жрицей которого якобы была героиня гомеровой «Илиады» дочь царя Микен Агамемнона красавица Ифигения. Шёл по местам, которые в разные времена посещали великий А.С. Пушкин, цари Александр I и Николай II.

От Георгиевского монастыря местным маршрутным автобусом добрался до небольшого селения, размещённого на берегу реки Чёрная. Далее пошёл пешком вдоль её левого берега и виноградных посадок к уже мне известной Инкерманской долине, киленбалочным высотам и местным оврагам, чтобы получить представление о трудностях отхода наших войск с места Инкерманского сражения к Килен-бухте и далее – к Корабельной стороне. Участник Крымской войны артиллерийский офицер граф Л.Н. Толстой в трудностях этого отхода, как и в проигрыше самого этого сражения, винил высшее командование крымской группировки русских войск и лично князя Меншикова. Он писал:

Как четвёртого числа
Нас нелёгкая несла
Горы отбирать...
Собирались на советы
Всё большие эполеты...
Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

Действительно маршрут наступления и отхода группировки войск генерала Соймонова был продуман плохо. Не были взяты в расчёт погодные условия октября, не учитывался местный ландшафт, изобилующий множеством оврагов и скалистых возвышенностей, которые мешали

свободному манёвру армейских частей, особенно артиллерийских с их полевыми орудиями и снаряжными ящиками. Конечно, в момент моего посещения этих овражистых мест обстановка на них за последние сто с лишним лет серьёзно изменилась. Через овраги и балки пролегли современные мосты, по которым проложено новое железнодорожное полотно и современная асфальтированная автомобильная дорога. Но в целом окружающий пейзаж остался прежним и по нему можно было судить о той обстановке, которая царила здесь утром 24 октября 1854 года. Позднее я натолкнулся на оценку этой обстановки английским офицером, прямым участником инкерманских событий. На основе этой оценки написал стихотворение «Рассказ английского офицера». Вот его содержание:

Вблизи постов сторожевых,
У каламитских древних башен,
Стоит наш полк. Ему не страшен
Гул батарей береговых.
Пусть русский целится прилежно,
До нас ядро не долетит,
Бесстрашный бритт в палатке спит,
Спит, как ребёнок, безмятежно.
Но завтра утром, может статься,
С врагом мы встретимся в бою,
Чтоб испытать судьбу свою,
Чтоб с сильным силой потягаться.
Так и случилось! В ранний час
Из-за слоистого тумана,
Долиной узкой Инкермана,
Противник двинулся на нас.
Фронт англичан упорно дрался,
Но русский начал нас теснить,
Чтоб разом в бегство обратить
Наш правый фланг... Но просчитался...
Боскэ – французский генерал,
Заслыша грозный рёв картечи,

Пехоте вражеской навстречу
Отряд стрелков своих послал.
Бой был на редкость зол и страшен.
Враг отступал. Мы шли за ним.
Вокруг пожаров стлался дым,
Весь дол был взрывами украшен.
Пехота русских отошла
На плато сопки Корабельной,
Здесь, за чертой стрельбы прицельной,
Рубеж защитный заняла.
Шквал наших действий нарастал,
Обстрелы длились непрерывно,
Труба звала на бой призывно, –
Под осень Севастополь пал.
Но русских мы не победили,
Лишь горсть земли досталась нам:
Руины, камни, пыльный хлам –
Вот всё, что мы в боях добыли.
Кто в парадоксе том виновен?
Кто раздувал пожар войны?
Ответа нет! Но есть они, британской армии сыны,
Чей подвиг памяти достоин.

Да, видимо, достоин, но ещё более достоин подвиг русских офицеров, солдат и матросов, отстаивавших в ходе первой Севастопольской обороны честь и свободу своего Отечества. Памятники о них свидетельствуют о том, что все они до сих пор любимы и чтимы нашим народом. Любимы им и герои второй 250-дневной обороны Севастополя 1941-1942 годов. К сожалению, комплекс памятников им менее системен. Есть знаменитая диорама на Сапун-горе, несколько обелисков конкретным боевым частям, памятники защитникам города на Северном Братском кладбище, поминальные плиты и стелы руководителям обороны на кладбище Коммунаров и в других частях города. К сожалению, по признанию самих севастопольцев, многие наскоро сооружённые памятники

павшим советским бойцам в ряде районов Севастополя в послевоенное время исчезли навсегда из-за нерадивого к ним отношения, в том числе и из-за их сноса под жилые застройки. Это грустно сознавать, но это не может изменить моего отношения к этому единственному в своём роде героическому городу. Это отношение я попытался выразить в посвящённом ему стихотворении «Севастополь. Ночной Инкерман»:

Парит Земля на крыльях южной ночи,
Мерцает Млечный путь в бездонной вышине,
И смотрят сверху вниз небес живые очи,
Свой отражая взор в искрящейся волне.
Всё погрузилось в сумрак, зыбкий и летучий,
Всё мирно дремлет, всё объято сном,
Лишь медленно скользят по звёздным нивам тучи,
Да лунный диск сверкает серебром,
Да слышится во тьме морской стихии ропот,
И шум прибрежных вод, и посвист ветерка,
И трав зелёных беспокойный шёпот,
И монотонный звон речного тростника.
Но только тьма отступит на мгновенье,
На Графской пристани затеплятся огни,
И в свете их всплывают, как виденья
Иного времени, иной эпохи дни:
Нахимов, Лазарев, Истомин и Корнилов,
Выводят на простор строй лёгких кораблей,
И слава гордая моей Отчизны милой
Гремит над миром вновь всё громче и сильнее.

Кончался этап моей интересной, поучительной и неповторимой по своей сущности службы и жизни в городе-герое Севастополе. Впереди виднелись рубежи новой, не менее интересной жизни. Я ехал в Москву для поступления в знаменитую, хотя и мало известную обычному гражданину нашей страны, Военно-дипломатическую академию Вооружённых сил СССР.

Поступление в Военно-дипломатическую академию и учёба в ней

Военно-дипломатическая академия (ВДА), она же Военная академия Советской Армии (ВАСА) была создана в 1946 году по прямому указанию руководителя Советского государства И.В. Сталина как закрытое специальное военное учебное заведение. Таковым оно оставалось до начала 1990-х годов. С распадом СССР многие бывшие работники Главного разведывательного управления, окончившие эту Академию, предпочли уволиться из рядов Вооружённых сил Российской Федерации и продолжить службу на территории своих, вышедших из состава СССР, республик. Некоторые из них, по неизвестным нам причинам, начали активно публиковать материалы о своей прежней службе в советской военной разведке. Особенно много таких материалов появилось на Украине. В них раскрывались организационные и кадровые структуры Главного разведывательного управления и ряда подчинённых ему частей и подразделений, в том числе и Военно-дипломатической академии.

Только в Интернете мне удалось отыскать до десятка специализированных сайтов по этой, ранее строго засекреченной, тематике. Среди них ВДА посвящено два: «В/ч 35576. Военная академия Советской Армии. Начальники и их заместители, структура, кафедры, выпускники» и «Военно-дипломатическая академия ГРУ: подбор и подготовка офицеров-разведчиков». Опираясь на материалы этих открытых источников, можно сделать предположительный вывод, о том, что в 1973-1976 годах ВДА могла иметь следующую, наделённую определёнными рабочими функциями, структуру:

- Руководящее звено (начальник ВДА и его заместители по учебной, строевой и хозяйственной работе);
- Политотдел (начальник политотдела, его заместители и персонал).

Административно-командные подразделения:

- Факультеты № 1, № 2 и № 3 (обеспечивают учёбу и повседневную деятельность слушателей, готовящихся для разведывательной работы как за рубежом, так и на территории СССР, в разведцентрах при штабах соединений сухопутных войск, флотов и военно-воздушных сил).

Учебные подразделения:

- Кафедра Стратегической агентурной разведки (ведёт подготовку слушателей 1-го и 2-го факультетов для разведывательной работы за рубежом);

- Кафедра оперативной агентурной разведки (готовит слушателей 3-го факультета для работы в разведцентрах при штабах СВ, ВМФ и ВВС).

Кроме этих двух основных учебных кафедр в тех же открытых источниках упоминается ряд других кафедр ВДА: «Марксизма-Ленинизма», «Страноведения», «Вооружённых сил и боевой техники иностранных государств», «Специальных средств разведки и связи», «Иностранных языков» и «Физкультуры». Для обеспечения слаженной работы всех этих учебных подразделений при ВДА, согласно тем же открытым источникам, действуют:

- Учебный отдел (планирует и организует учебный процесс слушателей всех трёх факультетов ВДА);

- Научно-исследовательский отдел (инициирует и организует научную работу учебных кафедр ВДА);

- Адъюнктура (готовит научно-педагогические кадры для всех основных учебных кафедр ВДА).

Обрисовав на основе имеющихся открытых источников главные структурные компоненты Военно-дипломатической академии, попытаюсь вмонтировать в них свою персоналию. Начну с того, что, прилетев из Волгограда в Москву, на следующее же утро прибыл в Академию. Сразу же был направлен на прохождение специализированных психологических тестов. Их проводили опытные специалисты-психологи по нескольким опросникам. Содержание этих опросников описано в материалах сайта «Военно-дипломатическая академия ГРУ: подбор и под-

готовка офицеров-разведчиков». Согласно сути этих материалов, работа с опросниками должна была установить уровень развития умственных способностей абитуриента; оценить устойчивость его внимания и памяти в условиях световых и шумовых помех; определить свойственные ему жизненные интересы и предпочтения; дать представление о степени свойственной ему устойчивости к длительным перегрузкам, в том числе и в процессе изучения сложных иностранных языков.

За прохождением тестов следовала беседа с представителем Специальной приёмной комиссии. Данная беседа преследовала цель установления общего умственного кругозора кандидата на учёбу; знания им исторического прошлого нашей страны и её связей с иностранными государствами; уровня его интереса к отечественной и зарубежной литературе, а также к текущей политической обстановке в мире. Со мной вёл беседу эрудированный, доброжелательно настроенный немолодой офицер в звании полковника ВВС. Выявив мой интерес к отечественной истории и литературе, он повёл разговор о текущей международной обстановке, в частности о случившемся двумя днями ранее военном перевороте в Чили и насильственном смещении в этой стране народного правительства Сальвадора Альенде. Похоже, моя реакция на эти события вполне удовлетворила собеседника. Далее последовали вопросы о союзнических отношениях СССР и США в период Второй мировой войны, конкретно – о поставках американцами военной техники, стратегического сырья и продовольствия по межгосударственному контракту, именуемому «ленд-лизом». Существо этого вопроса я знал неплохо, даже вспомнил общую стоимость этих поставок. Она составляла 9,8 миллиардов долларов. Не смог дать точного перевода слов *lend* (ссуда, заём) и *lease* (аренда, сдача внаём). Собеседник отнёсся к этому с пониманием. На том наша беседа благополучно завершилась.

О том, что это было именно так, можно было судить по тому факту, что я, наряду с другими моими товарищами,

был допущен к сдаче вступительных экзаменов. Эти экзамены (их перечень также изложен в названном выше сайте) носили чисто гуманитарный характер. Сдавались русский язык и литература, а также иностранный язык, который кандидат на учёбу изучал в школе. В редких случаях иностранный язык мог сдаваться по выбору, если кандидат имел высшее лингвистическое образование.

По русскому языку и литературе проводилось устное собеседование, писались диктант и сочинение. По иностранному языку также проводилось устное собеседование на несложную бытовую тему и делался перевод небольшого текста. Его содержание не выходило за рамки школьной программы и потому было посильно для нас. Результаты тестов, личных собеседований и экзаменов поступали на рассмотрение членов уже упомянутой ранее Специальной приёмной комиссии. При положительной их оценке кандидаты на учёбу вызывались этой Комиссией на окончательное собеседование. Нашей группе повезло. Эту серьёзную, состоящую из десятка человек, группу специалистов разведки возглавлял опытнейший военный разведчик, бывший командир одного из крупных белорусских партизанских объединений Герой Советского Союза Иван Николаевич Банов. Перед ним и перед возглавляемой им Комиссией каждый из нас заслушивался ещё раз. Задавались различные уточняющие вопросы, в том числе биографического порядка, связанные с судьбой ближайших родственников. Эта процедура длилась около получаса. После этого оставалось ожидать окончательных результатов. Ожидали их с определённым волнением, так как они предопределяли нашу дальнейшую судьбу.

К счастью, всё разрешилось положительно и я в числе других кандидатов на учёбу был принят в Военно-дипломатическую академию. Конкретный факультет Академии нами не выбирался, его нам назначали. При этом в расчёт принимались как личностные качества офицера, так и особенности его прежней службы. Тем офицерам, которые ранее имели служебные контакты с иностранцами

(я таковые имел), предлагалась учёба на военных 2-м или 3-м факультетах. Мне была предложена учёба на 2-м военно-дипломатическом факультете.

После этого, получив проездные документы, все мы из Москвы на некоторое время уезжали в свои части для полного расчёта с их снабженческими службами. К 20 августу должны были вновь прибыть в столицу. Все эти требования мною были неукоснительно выполнены, и мы с женой и пятилетней дочерью прибыли на новое место службы. Прибыли с двумя чемоданами. Всё остальное наше недвижимое имущество оставили в Севастополе. Везти его с собой посчитали излишним. В Москве довольно быстро сумели снять пустующую однокомнатную квартиру в районе станции метро «Войковская». Я приступил к учёбе. Жена, как молодой врач, начала стажировку в ординатуре 52-й Московской больницы. Дочь пошла в местный детский сад. Всё как-то устроилось быстро и довольно удачно, и мы стали жителями огромного, интереснейшего, неповторимого по своим возможностям, столичного города.

Прежняя служба и прежние заботы остались позади. С бывшими сослуживцами расстался с сожалением. Провожая меня в Москву, они подарили мне набор корабельной атрибутики: нераспечатанный вахтенный журнал, морскую карту Севастополя, штурманскую раздвижную линейку и штурманский транспортёр. Все эти вещи, как напоминание о севастопольском периоде жизни, храню у себя дома. Вот и сейчас вижу часть из них на своём рабочем столе.

Во время моего обучения в Академии её начальником был опытнейший военный разведчик, бывший первый заместитель Начальника ГРУ генерал-полковник Лев Сергеевич Толоконников. Сменив на этом посту в 1973 году адмирала Леонида Константиновича Бекренёва, он, несмотря на ослабленное здоровье, сделал очень многое для улучшения академического учебного процесса. При нём и при его активном участии в ВДВ была открыта Аджунтура, которая сразу же приступила к подготовке своих

педагогических кадров. Он же подал пример активного участия в разработке учебной литературы. Им лично было написано учебное пособие «Орден Красной Звезды», в котором были изложены его личные взгляды на организацию и ведение заграничной разведывательной работы. Подстать ему были все начальники факультетов и кафедр, а также руководители всех академических вспомогательных подразделений и служб. Великолепен был и преподавательский состав – люди с большим опытом разведывательной и общевойсковой службы. Как предметники они к своим слушателям были неизменно требовательны. Основной предмет – Стратегическая агентурная разведка – по своему содержанию не был сложен для восприятия и относительно легко усваивался нами. Он состоял из теоретического курса и серии практических занятий в классе и городе. Всё это мы воспринимали с большим интересом и стремились глубоко освоить.

Много времени и усилий тратили на изучение иностранных языков. Мне посчастливилось изучать в качестве первого – английский и в качестве второго – французский языки. Процесс обучения проходил в небольших по числу слушателей группах ежедневно шесть дней в неделю под контролем опытных, блестяще знающих свой предмет, педагогов. Отношения с ними за три года обучения становилось почти родственными. Они начинали воспринимать нас как своих повзрослевших детей и вкладывали в нас всю свою душу. Память о них осталась в наших сердцах на всю жизнь.

Большое внимание уделялось освоению марксистско-ленинской теории. Кафедра по этой дисциплине возглавлялась генералом и считалась второй по значимости после кафедр специальной подготовки. Тщательно штудировались все три составные части марксизма-ленинизма, многочисленные труды его основоположников и современных теоретиков в лице Генеральных секретарей КПСС. Достаточно сказать, что при подготовке к экзаменам по этой дисциплине на наших столах возникала стопка книг с работами

этих людей высотой до полуметра и более. Помимо этого, тут же лежали подшивки газет и политических журналов за минувшие один или два года. Всё нужно было усвоить и подать в надлежащем, не терпящим никаких ошибок, виде.

Определённые сложности были и с изучением других дисциплин. На кафедре «Вооружённых сил и боевой техники иностранных государств» приходилось заучивать большое количество тактико-технических данных самых различных образцов западной военной техники и оружия. То же касалось мест дислокации основных соединений натовских государств на территории Европы и Северной Америки. Были определённые трудности в учёбе и на других кафедрах, особенно с техническим профилем обучения. К преподаванию их предметов привлекались не только высококвалифицированные академические кадры, но и профессора отдельных столичных научных институтов и лабораторий. Было сложно, но время показало, что с ними мы в конечном итоге справились успешно.

Говоря об учёбе в Академии, нельзя не вспомнить и о хорошо организованной работе её Политотдела по культурному воспитанию слушателей и членов их семей. В 1973-1976 годах его возглавлял опытный политработник, фронтовик, всеми уважаемый генерал-лейтенант Иван Михайлович Драчёв. Под его непосредственным контролем активно действовал Академический клуб. Его работники регулярно снабжали нас билетами во все музеи и театры Москвы. С их помощью мы побывали в таких труднодоступных музеях, как «Алмазный фонд», «Грановитая палата» и «Оружейная палата». В последней познакомились с экспонатами специального отдела, в котором хранились личные вещи Адольфа Гитлера, фельдмаршала Роммеля и других главарей фашистской Германии.

Побывали в ряде интересных экскурсионных поездок по знаменитым местам русской боевой славы – в Малоярославце, на Бородинском и Куликовом полях. Посетили многие бывшие дворянские усадьбы: Останкино, Царицыно, Кусково, Мураново, Остафьево, Ясную Поляну и др.

Были участниками и других полезных развлечений. По линии Кафедры физкультуры, которую много лет возглавлял преданный своему делу мастер спорта полковник Семён Афанасьевич Фирсов, систематически занимались спортом на академических спортивных площадках. С периодичностью раз в две недели посещали бассейн московского стадиона «Октябрь». В зимнее время выезжали на подмосковные лыжные трассы для проведения гонок на 15 километров. В летнее время на принадлежащей Академии спортивной базе в районе Истринского водохранилища соревновались по плаванию на дистанциях 100 и 150 метров. Иногда с семьями оставались здесь на ночь на пикники и рыбалку. И учёба и отдых в ВДА были организованы очень хорошо. Мы с удовольствием пользовались этими благами. Остаёмся искренне благодарны за них.

Однако рано или поздно всему приходит неминуемое завершение. Наступил долгожданный 1976 год. В 20-х числах июня нам были выданы дипломы об окончании ставшей нам родной Военно-дипломатической академии. Затем отшумел торжественный выпускной вечер и началась наша новая жизнь, которая была связана со службой в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР.

Ссылаясь на имеющиеся открытые источники информации*, можно с определённым допущением утверждать, что в 1976 году организационные структуры этого управления включали в себя следующие основные подразделения:

- Руководящий аппарат (начальник ГРУ и его заместители);
- Политотдел (начальник политотдела и его заместители);

* Сайты: «Хозяева Хорошевки. Кто и как руководил военной разведкой России» и «Главное разведывательное управление (ГРУ) – спецслужба, орган внешней разведки Министерства обороны СССР (история, структура, функции, руководители)».

тели);

- Оперативные управления:

1-е Управление (Западная Европа);

2-е Управление (Дальний Восток);

3-е Управление (США, Канада, Латинская Америка);

4-е Управление (Ближний Восток и Африка);

5-е Управление (оперативная разведка);

6-е Управление (радио- и радиотехническая разведка).

При поступлении в ВДА я вместе с девятью другими офицерами был причислен к группе резерва командования ГРУ. Все мы для изучения получили наиболее распространённые в мире английский, французский и испанский языки с тем, чтобы, в случае необходимости, могли быть использованы в любом из вышеперечисленных оперативных управлений. Меня направили в 4-е, именуемое «воюющим», управление. Это Управление отвечало за работу военной разведки в охваченных конфликтами и войнами странах Ближнего Востока и Африки. Никогда не пожалел, что был направлен именно в это Управление, так как зона его ответственности была крайне интересна и требовала постоянного информационного освещения происходящих в ней событий. Это всегда вызывало живой разведывательный азарт и побуждало к поиску средств решения возникающих проблем.

Будучи причисленным к 1-му Направлению этого Управления, отвечающему за работу аппаратов военной разведки в странах Ближнего и Среднего Востока, был назначен на должность офицера турецкого и кипрского участка. После очередного отпуска, который, как всегда, провёл в доме своей матери, в Омске, приступил к исполнению своих новых обязанностей. Они состояли в выполнении несложных работ на самом участке и в подготовке к предстоящей зарубежной командировке. Выезд в эту командировку в качестве помощника военного атташе в Республике Кипр был запланирован на май-июнь 1977 года. За несколько месяцев до отъезда, под контролем руководителей участка, изучил Кипр и условия работы на нём. Осво-

ил ряд информационных документов, касающихся деятельности иностранных воинских континентов на территории этой страны, познакомился со структурами и функциями размещённых в Никосии советских государственных учреждений: Посольства, Торгпредства, представительств Аэрофлота и Морфлота. На участке и в Управлении за этот относительно короткий период приобрёл немало хороших друзей, с которыми затем поддерживал добрые служебные и личные отношения на протяжении многих лет. В этот же период, при поддержке командования 4-го Управления, разрешил квартирный вопрос. Накануне отъезда на Кипр получил благоустроенную квартиру в районе Новогиреево. Пожить в ней долго не удалось. Уже через полторы недели, загрузив в неё свой небогатый скарб и забронировав её, в мае 1977 года самолётом из аэропорта Шереметьево вылетали на Кипр, к нашему новому месту службы, работы и жительства. С нами летел наш, родившийся в апреле 1977 года, полторамесячный сын. Впереди нашу семью ожидали новые, пока неведомые нам события и свершения. Дочь из-за отсутствия на Кипре русской средней школы оставили у моей матери, в Омске. В 1977 году она должна была пойти в четвёртый класс. В последующем на протяжении четырёх с половиной лет виделись с ней только во время наших отпусков или во время её кратковременных прилётов на Кипр на период школьных каникул.

Служебная командировка на Кипр

Республика Кипр – небольшое островное государство в районе Восточного Средиземноморья. Свою независимость получило в результате напряжённой борьбы с британским колониализмом длившимся более 80 лет, с 1878 по 1960 год. В 1950 году Национальный кипрский освободительный комитет провёл всенародный референдум, в результате которого абсолютное большинство местного населения (греки и турки) высказалось за изгнание англичан и уста-

новление на острове республиканского демократического государственного строя. В состав прогрессивных сил, возглавивших этот процесс, вошли все кипрские патриотические организации, в том числе и влиятельный Кипрский церковный совет, возглавляемый опытным и деятельным архиепископом Макариосом. Именно он, как независимая политическая фигура, был избран лидером этого общественного объединения и встал у истоков кипрской демократической государственности. Именно он был провозглашён в августе 1960 года первым всенародноизбранным президентом Кипра.

Борьбу киприотов за свою независимость с самого её начала активно поддерживал Советский Союз. Поэтому с момента зарождения кипрской независимости между СССР и Республикой Кипр установились прочные межгосударственные отношения. К сожалению, летом 1974 года греческой военной хунтой, возглавляемой полковником Гривасом Дигенесом, на Кипре был совершён военный переворот с целью присоединения этого островного государства к Греции. Находящиеся на нём греческие войска из артиллерии обстреляли Президентский дворец и Парламент Кипра. Архиепископ Макариос вынужден был некоторое время скрываться и управлять страной из подполья.

Однако главным драматическим последствием этой заговорщической акции являлась реакция континентальной Турции. Опасаясь захвата греческими войсками турецкой части Кипра, она ввела на неё свой армейский оккупационный корпус. В результате этого единое кипрское государство перестало существовать. В оккупированной зоне при поддержке турецкого руководства была провозглашена Кипрская турецкая республика со всеми необходимыми для неё атрибутами власти: президентским аппаратом, правительством, органами местного самоуправления и госбезопасности.

Драматизм возникшей после 1974 года обстановки был настолько глубок, что мы ощутили его даже спустя три года

по прилёту из Москвы на Кипр в мае 1977 года. Его столица город Никосия всё ещё хранила следы неудавшегося государственного переворота. Президентский дворец был полуразрушен и пустовал. Сам президент Макариос, тяжело перенёсший трагедию своей страны, находился в военном госпитале. Живым нам увидеть его не довелось. В августе 1977 года он скончался. Похоронен в горном районе западной части страны в вырубленном в скалах погребальном склепе. У входа в него размещён постоянный почётный пост. Сменяя друг друга, молодые солдаты Кипрской Национальной гвардии охраняют покой человека, сделавшего столь много для свободы и независимости своего народа.

По прилёту в аэропорту Кипра нас встретила по летнему тёплая погода. Из Москвы мы вылетали в куртках и плащах. Здесь же люди ходили в лёгких рубашках с короткими рукавами. Пришлось срочно приспособливаться к местным условиям. С восприятия тепла и обильно цветущей растительности и началось наше знакомство с местом нашей новой службы и жизни. Временно поселились во внутрипосольском гостевом домике и жили в нём пока я не принял дела от своего предшественника. После этого въехали в занимаемую им ранее квартиру. В ней прожили последующие четыре с половиной года. Квартира размещалась на третьем этаже пятиэтажного здания. Под нами, в аналогичной квартире, проживала семья болгарского дипломата, с которой мы подружились и, помогая друг другу по бытовым вопросам, на протяжении всего периода пребывания на Кипре охотно общались.

Советский Союз в Республике Кипр был представлен рядом официальных государственных представительств. Таковыми были Посольство и находящееся при нём Консульство, отдельные офисы Торгпредства, Аэрофлота и Морфлота, а также недавно построенный Культурный центр с обширными залами для организации встреч местного населения с представителями культурных организаций нашей страны.

В 1970-х годах советско-кипрские межгосударственные

связи отличались большой активностью. На Кипр, по приглашению местных общественных организаций, приезжало большое количество представителей партийных, научных и иных учреждений СССР. За мою бытность здесь побывали партийная делегация КПСС, принявшая участие в очередном съезде Кипрской трудовой партии, группа руководителей ректората Московского государственного университета, писатель Сергей Михалков, кинорежиссёр Эльдар Рязанов и актриса Марина Неёлова, несколько советских певческих и танцевальных коллективов.

Михалков посещал Кипр дважды, оба раза в осенне-зимний период. Был одет в модное, хорошо сидевшее на нём, длиннополое чёрное пальто. Голову украшала чёрная же фетровая шляпа. В обоих случаях писателя сопровождали молодые миловидные дамы.

На Кипре Сергей Владимирович был окружён вниманием нашего посла и членов его советнического аппарата, а также руководителями кипрского Министерства культуры. С представителями русской диаспоры он почти не встречался.

Многократно посещал Кипр, прилетавший из израильской Палестины, руководитель русской православной общины на палестинских землях будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он всегда носил на себе строгую служебную одежду, был бодр, молодежав и энергичен. Эти качества наш уважаемый Владыка сохранил за собой и по сей день.

По линии Кипрской организации ветеранов Второй мировой войны на Кипр неоднократно приглашались советские космонавты и герои Великой Отечественной войны. В 1978-1979 годах среди таковых были бывший военный лётчик Алексей Петрович Маресьев и Герой Советского Союза лётчик-космонавт Вячеслав Дмитриевич Зубов. Опека над ними была возложена на представителей военного аппарата. Маресьева мы сопровождали на все устраиваемые в его честь мероприятия. Имея протезы обеих ног, он за пределы Никосии не выезжал. Зубова же, по его просьбе,

мы возили по местным монастырям; в горы к могиле президента Макариоса; в город Лимасал на песенный фестиваль и выставку местных вин. И о Маресьеве, и о Зубове сохранились самые добрые воспоминания. Оба предстали скромными и очень обаятельными людьми.

Посольство СССР на Кипре размещалось в относительно небольшом двухэтажном здании. Внутри посольской территории находились дом посла, гостинный домик и общежитие для проживания технического персонала. Второй этаж здания Посольства занимали сам посол, его советники и рядовые дипломаты. На первом этаже находились служебные помещения Консульского отдела, бухгалтерии и Военного атташата, включающего четырёх человек – военного атташе, его помощников по военно-морским и военно-воздушным вопросам и референта, отвечающего за планирование мероприятий представительской работы, ведение документации по финансовым расходам на хозяйственную деятельность военного аппарата и организацию встреч с иностранцами. В мою бытность на Кипре им был исключительно талантливый и работоспособный старший лейтенант Евгений Бужинский. В наши дни его можно увидеть на экранах телевизоров в популярной передаче «60 минут». Теперь это опытейший военный специалист, генерал-лейтенант, просвещающий телезрителей по сложным проблемам современной военно-политической обстановки, анализирующий ход Специальной военной операции, прогнозирующий её дальнейшее развитие и возможные результаты.

Военный аппарат возглавлял, завершающий свою службу, полковник Владимир Николаевич Калинин. Спокойный и выдержанный, имеющий более чем двадцатилетний опыт заграничной работы, он обучал нас способам новой для нас деятельности, сопровождал на официальных приёмах, учил правильному общению с иностранцами, натаскивал по вопросам разработки информационных документов. Я в военном аппарате занимал должность помощника по военно-морским вопросам. Должность по-

мощника по военно-воздушным делам занимал капитан ВВС Вячеслав Сердцев, скромный, деятельный, устремлённый на служебный успех офицер.

Республика Кипр – не особенно сильное в военном отношении государство. Мы досконально знали всю его военную структуру, количество и дислокацию войск и их реальные возможности. Кипр никогда не рассматривался нами как потенциальный противник. Более того, почти всё тяжёлое вооружение этой страны было поставлено из СССР. Поэтому в центре нашего внимания находился не Кипр, а окружающие его страны: Турция, Израиль, Греция, а также размещённые на его территории миротворческие силы ООН. Таковых было предостаточно. К ним относились отдельные батальоны британских, канадских, финских и австрийских войск.

Британский батальон охранял закрывшийся после вторжения на остров турецкой армии Никосийский международный аэропорт. Канадцы контролировали центральную, никосийскую, часть границы между греческой и турецкой общинами. Финны охраняли её левую, «пафосскую», а австрийцы – правую «фамагустинскую» части.

Носителей интересующей нас информации на острове было немало. Внутренний режим был шатающийся. Местное греческое и турецкое население относилось к советским людям лояльно и поэтому, спустя полгода после прибытия на Кипр, мне удалось полностью включиться в процесс выполнения стоящих передо мной служебных задач. К концу 1977 года я имел устойчивый источник информации по ближневосточной проблематике. Информационные возможности существенно расширились с притоком на Кипр из соседнего Ливана большого количества высокообразованных хорошо информированных беженцев. Их появление было вызвано вторжением в марте 1978 года на ливанскую территорию израильских войск.

Артиллерийские и бомбовые авиационные удары израильтян были нанесены по палестинским лагерям, размещённым между городами Тир и Сайда. После этого в

этот же район было высажено два морских десанта, которые мощным натиском продвинулись вглубь ливанской территории до реки Литани. Палестинцы оказывали мужественное сопротивление, но сдержать хорошо подготовленное наступление израильских войск не смогли. 21 марта 1978 года молниеносная шестидневная израильская операция была завершена. Напуганные ею ливанские беженцы ещё длительное время оставались жить на Кипре. Здесь они обзавелись жильём, открыли своё дело, устроили детей в местные школы и средние учебные заведения. Этим обстоятельством нельзя было не воспользоваться, и мы им пользовались в интересах решения стоящих перед нами задач.

В этих же целях поддерживали постоянные контакты с представителями находящихся на Кипре иностранных дипломатических миссий дружественных нам стран: Болгарии, Югославии, Германской Демократической Республики, Кубы, Ирака, Сирии и Египта. С этой категорией людей работали на основе доверительности и взаимной симпатии. На них проверяли и уточняли отдельные стороны тех или иных изучаемых нами проблем. Иногда подобные отношения складывались и с представителями отдельных нейтральных государств.

У меня было несколько подобных доверительных связей. Особо хочу отметить трёхлетнее сотрудничество с представителем военного аппарата Палестинской миссии на Кипре подполковником Мустафой К. Он и два его помощника являли собой исключительно мужественных людей, ведущих непростую работу по сбору сведений о своём главном противнике – Израиле. Их жизнь подвергалась систематическому риску потому, что и здесь, на кипрской земле, между палестинцами и израильянами шла непримиримая тайная война. Например, летом 1979 года в одном из жилых кварталов Никосии при посадке в автомобиль была расстреляна семья офицера безопасности Палестинского председательства и был убит, прибывший временно на Кипр, один из руководителей военного крыла ООП.

Исполнитель теракта не был пойман.

Характерно, что при посещении мною квартиры Мустафы К., он всегда встречал меня с определёнными предосторожностями: глядя в смотровой глазок, убеждался, что это именно я. При открывании двери укрывался в придверной нише и в правой руке всегда держал тяжёлый многозарядный пистолет. Только убедившись в безопасности, провожал меня в удалённую от двери гостиную комнату, где продолжалось наше общение. Встречи на квартире Мустафы К. были редки. В большинстве случаев мы, по предварительной договорённости, встречались в городских кафе и тавернах. Но и здесь я замечал, что мой собеседник был вооружён. Пистолет скрывала просторная белотканная блуза, которую он почти всегда носил на себе.

В течение двух первых лет пребывания в Республике Кипр мне удалось на постоянной основе наладить отношения с двумя источниками нужной для нас информации. Ритм жизни налачился, и у моей семьи появилась возможность ближе познакомиться с нашим новым местом жительства – благодатным во всех отношениях Кипром. Островной Кипр – это небольшое в 9251 квадратных километров государство с очень древней и очень непростой историей. В момент нашего пребывания численность его населения составляла около 660 тысяч человек. Из них 78% – греки, 18% – турки, 4% – армяне и другие малочисленные народы. В Кипрской социальной среде нам жилось хорошо и спокойно. Мы, как, впрочем, и дипломаты всех других аккредитованных на Кипре государств, имели возможность свободно разъезжать по всей его территории. Запретными зонами для нас оставались лишь места дислокации кипрских вооружённых сил, военные базы Великобритании и зоны размещения турецких оккупационных войск.

За четыре года командировки многократно побывали во всех кипрских городах: Лимасоле, Ларнаке, Пафосе, Морфу, Кирении и Фамагусте. Все города замечательны по своей истории и по уникальным архитектурным памятникам:

крепостям, замкам и портовым сооружениям. Особенно хороши в этом отношении расположенные на западном и восточном побережьях Кипра города Пафос и Фамагуста, а также турецкая Кирения.

Пафос – это древняя столица династии Лузиньянов, ставленников захватившего Кипр в 1192 году вождя 3-го Крестового похода на Ближний Восток короля Англии Ричарда Львиное Сердце. Город обладает уютным портом; красивейшей набережной; излучающими мягкую золотизну местного известнякового камня церковными зданиями; высотными современными гостиницами и отелями. Неподражаемо хороши и пригородные зоны Пафоса, включающие в себя небольшие заливы и бухты, банановые рощи, а также единственную в своём роде, затенённую деревьями и цветущим кустарником «Купальню Афродиты». Она представляет собой естественную пещеру на склоне прибрежной горы. Дно пещеры – это довольно глубокая каменная чаша. В эту чашу постоянно стекает холодная, сочащаяся по сталактитам, чистая и прозрачная вода. Особенность этой воды состоит в том, что искупавшись в ней в летнюю жару, ощущаешь затем весь оставшийся день подъём физических сил, необычную бодрящую свежесть. Видимо, красавица Афродита избрала эту скрытую от человеческих глаз купальню не случайно, а по её омолаживающим целебным свойствам. С этой богиней связано много и других мест у западного побережья Кипра, в частности – огромная прибрежная скала её имени на подъезде к Пафосу, а также большое количество местных кафе и ресторанов, носящих это же самое имя. Да и сама богиня, родившись в пенных водах местных морских просторов, именуется часто не Афродитой, а Кипридой, то есть напрямую связывается с Кипром.

Не менее замечателен и древний приморский город Кирения. Он расположен в северной турецкой части острова. Город знаменит своей мощной оборонительной крепостью; удобной, ограждённой с моря высоким каменным молотом, бухтой; рунированным сводчатым зданием бывшего като-

лического храма; большим количеством красивых, сложенных из местного жёлтого известняка усадеб киренийцев. Город традиционно славится своими богатыми рыбными и мясными тавернами, а также вкусным ароматным вином. Хороши здесь и песчаные городские пляжи. Правда, их особенность состоит в том, что песок на них лежит вдали от прибрежной черты. Сама же эта черта камениста, и вход в воду возможен только с береговых каменных плит. В неё не заходишь, а, ныряя, погружаешься. Мы находили для себя этот способ очень удобным и с удовольствием пользовались им. В ясные летние дни, обращая взор от Кирении на север, в туманной дымке можно было разглядеть берега Турции, они очень близки.

Большую историческую и архитектурную ценность представляет и ещё один кипрский город. Это древняя, оставленная жителями, Фамагуста. Город лежит на восточном побережье Кипра и представляет собой безмолвную, почти безжизненную пустыню. Таким он стал в 1974 году после захвата северной части острова турецкими оккупационными войсками. Кварталы высотных отелей, служебных офисов и жилых домов всматриваются своими пустующими окнами в бесконечные шумливые просторы моря. Ни одна человеческая душа не появляется здесь. Лишь иногда промелькнёт автомобиль любопытствующего иностранного дипломата, которому захотелось со своим семейством проехать по улицам этого города-призрака.

Жемчужиной Фамагусты является её древняя, защищённая с суши и моря высокой оборонительной стеной, крепость. В просторных дворцовых залах этой крепости великий английский драматург Вильям Шекспир позволил разыгаться трагедии двух любящих сердец. Здесь мавр Отелло, охваченный ревнивым чувством, убил невинную Дездемону. Здесь в очередной раз зло восторжествовало над доверчивым добром.

Мне удалось несколько раз побывать в этой крепости и побродить по её обширным, некогда светлым и богато декорированным залам. Теперь здесь всё изменилось. В залах

царит полумрак, внутренние крепостные дворики заросли диким кустарником и травой, подвальные помещения дышат сыростью и всё ещё хранят следы далёкого прошлого, в частности – большие запасы каменных и чугунных ядер. Но даже в таком состоянии древняя фамагустинская крепость остаётся прекрасной. Кажется, что время не властно над ней и в её внутренних помещениях всё ещё звучат голоса некогда обитавших в них людей – Дездемоны, доверчивого Отелло, и введшего его в роковое заблуждение, завистника Яго.

Фамагустинская крепость делит восточное побережье Кипра приблизительно на две равные части. К югу лежат районы оставленного людьми города, к северу тянутся многокилометровые совершенно пустынные песчаные пляжи. Их безлюдие поражает. Иногда за день здесь можно не встретить ни одного человека. К крупным городам Кипра относятся также приморские города Ларнака и Лимасол. Оба являются промышленно-экономическими и туристическими центрами греческой части острова. Лимасол славится виноделием. Ларнака является главным морским и воздушным портом. Здесь же, вблизи этих городов, всё ещё сохраняются военные базы Великобритании: военновоздушная на полуострове Акротири и небольшая военноморская в Ларнакском заливе, в посёлке Декелия.

Кипр – был и остаётся одним из древнейших христианских центров Средиземноморья. На его территории действует несколько знаменитых, основанных ещё во времена Византийской империи, монастырей. Самые известные из них – Кикко, Махерас и Ставровуни. Кикко размещён в столице кипрского государства городе Никосии, Махерас – к западу от неё, в горных районах Троодоса, Ставровуни – к югу, на высоком холме, слева от дороги на Ларнаку. Махерасский монастырь основан в середине XII века при поддержке византийского императора Мануила Комнина и, как и два других, на протяжении нескольких столетий служил просветительским центром и оплотом борьбы за национальное освобождение кипри-

отов от многочисленных порабощителей: крестоносцев и их ставленников королей династии Лузиньянов (1192-1489), правителей республиканской Венеции (1489-1571), турецкого султаната (1571-1878) и наконец британского владычества (1878-1960). Все три монастыря имеют давние связи с Русской Православной церковью, о чём свидетельствуют размещённые в них её богатые дары в виде тяжёлых серебряных окладов икон, паникадил и иной церковно-служебной утвари.

Кипр – страна развитого сельского хозяйства. Она изобилует мясными и качественными молочными продуктами. Выращивает большое количество овощей и фруктов. Добывает рыбу и все прочие дары моря. Олицетворением сельскохозяйственного процветания страны являются её многочисленные рестораны, кафе и таверны. В них любой посетитель может всегда найти для себя вкусную, полезную, и что немаловажно, – недорогую пищу. Кипр – это страна великих гурманов и подлинного социально-бытового демократизма. В никосийских тавернах, наряду с обычными гражданами, можно почти всегда встретить людей наделённых государственной властью – парламентариев, министров правительства, других государственных чиновников. То же относится и к известным партийным функционерам. Люди власти не прячут свою жизнь от взоров сограждан, что в других государствах, в частности – в соседней Турции, просто невозможно представить.

Кипр – небольшое островное государство с особой, ограниченной национальной традицией, культурой. Он находится в сфере влияния культур соседних средиземноморских стран, особенно – Греции. На неё он в основном и ориентируется. В столице Кипра, в городе Никосии, имеется государственный драматический театр и археологический музей. Музеи и дворцы культуры есть и в других кипрских городах. Театральные постановки и музыкальные вечера проводятся на греческом языке. Музейные экспозиции не особенно велики и не особенно разнообразны. К тому же лучшие образцы этих экспозиций давно похищены англи-

чанами и хранятся в их национальных музеях.

Уникальна архитектура столицы Кипра. Замечателен дворцовый комплекс местного архиепископства, прекрасны здания многочисленных христианских церквей и католических средневековых храмов. Неповторимы и особо эмоционально воспринимаемы немногочисленные памятники кипрским героям, павшим в боях за освобождение Кипра от английских колонизаторов. В целом культурная жизнь киприотов и проживающих на острове иностранцев достаточно активна и разнообразна.

Излюбленными видами отдыха и спорта местных жителей являются поездки в осенний период на пикники, а в зимнее снежное время – на лыжные прогулки в горные лесные районы Троодоса. В весеннее и летнее тёплое время киприоты предпочитают купаться в море на оборудованных и диких пляжах южного побережья острова. Особенностью Кипра является также то, что его территория после дождливой и сырой зимы, в начале апреля, украшается цветущими кустарниками и травами. Остров одноmomentно превращается в райский оазис. Наполняются горной водой местные шумливые реки, в том числе и протекающая через Никосию самая большая из них – Педиас. Всё это длится, к сожалению, очень недолго. Уже к концу июня все эти реки пересыхают, и земля превращается в выжженную солнцем безжизненную степь.

Этого времени, однако, вполне хватает для того, чтобы воды местных рек наполнили собою многочисленные искусственные водоёмы – единственные хранилища питьевой воды этой островной страны. Водоёмы размещены в скальных, перекрытых рукотворными защитными молами, ущельях. Для очищения их дна от водорослей используется травоядная крупная рыба – промысловый карп и нильский окунь. Эту рыбу в водоёмах можно ловить на удочку по лицензионному удостоверению. Многие проживающие на Кипре иностранцы пользуются этой возможностью, но не ради улова, а ради удовлетворения охотничьего азарта. Находящиеся на острове английские военнослужащие,

например, устраивают спортивные соревнования. При этом ведётся только счёт пойманной рыбы. Сама же рыба снимается с крючков и снова выпускается в воду. Подобной рыбалкой занимались, не соревнуясь ни с кем, наш посол Сергей Тимофеевич Аставин и другие работники советского посольства. Я тоже не отказывал себе в этом удовольствии, но пойманную рыбу не отпускал, а привозил домой и отдавал в семьи технического персонала посольства. Это был только нильский окунь – вкусная и мясистая рыба, идущая и на наваристую уху и на аппетитное жарение.

Имея дипломатический доступ на северную турецкую часть острова, мы и её объездили всю вдоль и поперёк, исключая лишь те места, где базировались воинские части континентальной Турции. Бывали здесь, выполняя служебные задания, и просто на отдыхе. Северные пляжи были гораздо ближе южных, и мы часто пользовались ими. Поездка на автомобиле от Никосии до Кирении занимала 40 минут, тогда как до лимасольских пляжей требовалось около двух часов пути. Освоили все пляжные участки западного турецкого побережья от заливов Хрисоху и Морфу до Кирении. Его восточную, менее обустроенную часть изучили в ходе специальных служебных поездок. Одна из них была вызвана сообщением одного из наших информаторов о том, что в районе приморского посёлка Ялус военноморскими силами Турции начато строительство военного порта. Для проверки этого сообщения мы с моим коллегой Вячеславом Сердцевым двумя автомобилями отправились в Кирению. От неё повернули направо и добрались до интересующего нас места. Здесь, у берега, обнаружили плавучий земснаряд, ведущий расчистку морского дна. Остановились у средних размеров бухты в рыбной таверне. Её владелец на английском языке поведал нам о том, что руководство посёлка Ялус зафрахтовало в Турции земснаряд для очистки дна бухты от обвала береговых пород. Этот обвал произошёл в мае 1978 года в ходе очередного землетрясения. Никакой охраны места проводимых дноуглубительных работ мы не обнаружили, что свидетельствовало о

том, что ВМС Турции к этим работам никакого отношения не имеют. Убедившись в этом и сфотографировав бухту и земснаряд, продолжили свой путь на восток до мыса Апостола Андрея Первозванного. Здесь отыскивали пустующее здание древней церкви, носящей имя этого святого. Её двери и окна были повреждены, внутренние настенные фрески побиты камнями. Было грустно и больно смотреть на всё ещё величественные останки некогда красивого церковного строения.

Подтвердив легенду поездки по северо-восточному побережью Кипра туристическим интересом к памятникам древнего Православия, повернули назад, на Кирению. По пути несколько раз, где это было возможно, приближались к цепи местных, протянувшихся с запада на восток гор Карпос. Забирались на их отроги, где ранее селились религиозные отшельники и где сохранились следы их временного небогатого обетования: вырубленные в скалах жилые помещения и хранилища для дождевой воды. Любовались пустующими, брошенными греческим населением лимонными и апельсиновыми садами. Освежались потоками воды горных водопадов, дышали особо чистым, незагрязнённым промышленным производством, горным воздухом.

Кипр – жемчужина Средиземноморья, незабываемое для всех, кто когда-либо бывал здесь, место. В моей памяти, несмотря на трудности и сложности служебной деятельности, он остался таковым на всю жизнь. Благодарен всем моим коллегам по военному аппарату, приобретённым на Кипре друзьям и знакомым, а также сотрудничавшим со мной в течение нескольких лет иностранцам. К великому огорчению, некоторых из них уже нет в живых. Но я их помню и продолжаю любить.

В начале августа 1981 года, сдав дела своему преемнику, вместе с женой и сыном самолётом убыл в Москву. Здесь передо мной возник вопрос: оставаться ли в кадрах 4-го Оперативного управления или определиться на учёбу в Адъюнктуру ВДА. Выбрал второе, ввиду того, что за

годы командировки приобрёл характерную для офицеров нашей службы язвенную болезнь. Хотелось немного подлечиться и привести себя в надлежащий порядок. Начался совершенно новый и, как оказалось, очень интересный этап моей воинской службы и жизни.

Учёба в Адьюнктуре. Начало самостоятельной педагогической деятельности

Как упоминалось ранее, Адьюнктура является тем специализированным учебным подразделением, которое готовит педагогические и научные кадры для всех ведущих кафедр ВДА. К моменту моего поступления в Адьюнктуру ею уже было сделано несколько полноценных выпусков молодых педагогов и учёных, которые сразу же влились в академический учебный процесс и заняли в нём достойное, соответствующее уровню приобретённых знаний, место.

Для поступления в Адьюнктуру требовалась сдача экзаменов. Таковыми были: «Спецподготовка», «Иностранный язык» и все три раздела «Марксизма-Ленинизма». Восстанавливать знания по этим предметам пришлось на ходу, так как я прибыл в Москву в августе, когда экзаменационная сессия уже подходила к концу. Пришлось напрячься. Вступительные экзамены сдал вполне прилично и в сентябре 1981 года был зачислен на первый курс этого учебно-научного подразделения. От кафедры Стратегической агентурной разведки (САР) нас было три человека. В течение месяца определились с тематикой наших научных работ. Всем были назначены научные руководители – кандидаты и доктора военных и иных наук. Началась планомерная подготовка к нашей будущей научно-педагогической деятельности. Она преследовала две основные цели. Первая состояла в разработке и защите кандидатских диссертаций. Вторая – в получении прочных педагогических навыков преподавания основного предмета 1-й кафедры – Страте-

гической агентурной разведки.

Для достижения этих целей все мы активно включились в научную работу – собирали и обрабатывали нужные информационные материалы, делали нужные научные обобщения и выводы, писали рефераты, статьи, а также первые и все последующие главы своих диссертаций. Параллельно с этим систематически привлекались ко всем видам кафедральной деятельности: участвовали в заседаниях кафедры; присутствовали на лекциях и семинарах её ведущих специалистов; принимали участие в организации практических занятий слушателей в классе и городе. На третьем курсе Адьюнктуры могли временно подменять штатных преподавателей, уходящих в плановые отпуска или уезжающих во временные служебные командировки.

Для углубления наших знаний в области педагогики использовались и другие возможности, в частности – специальные занятия при ряде ведущих вузов Москвы, в том числе и при Московском государственном университете. Вникали в методологию проведения лекционных, семинарских и практических занятий. Перенимали опыт мастеров учебного дела, их манеру общения со студенческой средой. Всё это организовывал для нас руководитель Адьюнктуры, прекрасный педагог и наставник, фронтовик, полковник запаса Владимир Владимирович Жинкин.

То же касалось и методологии ведения научных работ. Для нас читались специальные лекции и демонстрировались примеры применения различных, в первую очередь математических, методов в ходе конкретных научных исследований. Этой работой в ВДА занимались опытные методисты академик Андрей Иванович Галаган, доктора технических наук Александр Андреевич Салютин и Анатолий Васильевич Павлов. Использование научных методов при разработке диссертаций считалось обязательным, так как оно повышало ценность сделанных диссертантами выводов и предложений.

Моим официальным научным руководителем был один из курсовых заместителей начальника кафедры САР ка-

питан 1 ранга Ю.В. Максимов. Будучи прекрасным оперативным офицером и имея степень кандидата военных наук, он, как это ни странно, научную деятельность не особенно любил. Ему больше нравилась административно-управленческая работа: составление учебно-программных документов; контроль за действиями подчинённого педагогического состава; выступления на кафедральных собраниях и т.п. Ко мне он относился доброжелательно, но от него реальной помощи я не получал. Её оказал мне Владимир Владимирович Жинкин. Именно он помог мне грамотно спланировать диссертационную работу, следил за написанием её основных глав и разделов, требовал должной доказательности всех предлагаемых мною выводов и предложений. Он же подвёл меня к защите диссертации. Она состоялась в июне 1984 года на Учёном совете ВДА. Всё завершилось благополучно. Ни одного «чёрного шара» я в свой адрес не получил. При этом от Владимира Владимировича перенял и прочно усвоил стандартную схему разработки наших, в основном психолого-гуманитарного профиля, диссертаций. Позднее, став педагогом, эту схему использовал сам в процессе руководства научными работами адъюнктов и соискателей звания кандидата военных наук. От него перенял и его доброжелательную манеру отношения к слушательскому составу и своим коллегам. Она, как показала практика, являлась самой эффективной потому, что открывала путь к сердцам людей и способствовала налаживанию с ними душевного делового контакта. У меня такой контакт с Владимиром Владимировичем сложился, и он дал самые положительные результаты.

К сожалению, моего доброго учителя и наставника уже нет в живых. Последний раз я виделся с ним в 1999 году на Красной площади. Он вместе со своим другом участвовал в митинге московской общественности по поводу бомбардировок братской Югославии авиацией стран НАТО. Владимир Владимирович был в числе тех людей, которые выступали против этого вопиющего варварства, против вседозволенности США и их западноевропейских

союзников по применению военной силы на Балканах. В последующем общался с ним только в ходе телефонных разговоров. Он продолжал живо интересоваться моими делами, поощрял успехи в научной работе. Зная о моих литературных увлечениях, искренне поддерживал их. Утверждал, что моя поэтика созвучна его литературным вкусам. Указывал на то, что и его жена придерживалась такого же мнения. Данная оценка из уст столь уважаемого мною человека вдохновляла и окрыляла. Я ему за это искренне благодарен.

Следует сказать, что по окончании в 1984 году Адьюнктуры для меня наступил совершенно новый, очень интересный этап военной службы и жизни. Уже в июле этого же года приказом начальника Академии генерал-полковника Валентина Ивановича Мещерякова я был назначен руководителем учебной группы слушателей в курсовой коллектив удивительно талантливого педагога, прирождённого лидера и новатора полковника Александра Егоровича Мачехина. Говорю о нём и называю его полное имя потому, что он к этому моменту уже неоднократно упоминался в открытой прессе, в том числе и иностранной, в связи с провалом вербовки в Японии члена экипажа американского авианосца «Мидуэй» унтер-офицера Мишеля Шмидта. Провал произошёл из-за предательских действий бывшего сотрудника 2-го Оперативного управления ГРУ ГШ генерал-майора Дмитрия Полякова. Будучи посвящённым в оперативные дела Мачехина, он выдал его американской разведке. Вследствие этого против Александра Егоровича была проведена специальная операция. Он был арестован и подвергся тюремному заключению. В японской тюрьме подвергался допросам, издевательствам и моральным пыткам. Всё с достоинством выдержал, противопоставив действиям истязателей личный героизм и пятидневную «сухую» голодовку. Под нажимом советской стороны и международных средств массовой информации ведущийся над Мачехиным следственный процесс начал освещаться в японских газетах и журналах. Позднее он попал и на стра-

ницы нашей журналистики. Так имя Александра Егоровича стало известно мировой общественности и советскому читателю.

В нашем, руководимом полковником Мачехиным, педагогическом коллективе было, кроме него, три кандидата военных наук. Ещё один опытный оперативный офицер работал над диссертацией на правах соискателя. И лишь один из нас – представитель 3-го Оперативного управления полковник Сергей Н. был к научной работе совершенно прохладен. Себя он с длительной службой в ВДА не связывал, так как готовился к очередной служебной командировке в одну из стран Латинской Америки.

Александр Егорович обладал высочайшими человеческими качествами. Был доступен, доброжелателен и подчёркнуто тактичен. Являл собой образец высокообразованного русского интеллигента, идеального военного педагога, постоянно следящего за достижениями русской педагогической школы. На кафедре считался одним из лучших методистов-предметников и мастером лекционных чтений. Он как личность, не мог не привлечь к себе нашего внимания и все мы, начинающие молодые педагоги, попали под его магическое влияние. Работать с ним было легко и интересно. Он не только отлично знал своё дело, но был помимо всего прочего, постоянным генератором новых, порой самых неожиданных, идей. На этой основе уже через полгода втянул нас в кафедральную научную работу, организовал издание первого кафедрального научного сборника, в котором каждый из преподавателей мог опубликовать свою статью или реферат на интересующую его тему.

Сам Александр Егорович в этом отношении был для нас живым примером. Основными направлениями его индивидуальной научной деятельности на многие годы оставались: методология вербовочной работы, психология управляемого человеческого поведения и продуктивное межличностное общение, то есть самые сложные по своему содержанию научные темы.

Мачехин был старше нас по возрасту, обладал более

богатым жизненным опытом и потому, поддерживая с нами товарищеские отношения, всё-таки держался от нас на определённом личностном расстоянии, сохраняя позицию руководителя педагогического коллектива. Он был демократичен, но не настолько, чтобы пренебрегать своими контрольно-управленческими обязанностями. Из нас он стремился воспитать хороших, любящих своё дело, педагогов. Надо сказать, что в этом вопросе ему удалось немало преуспеть. Все мы, его бывшие подчинённые, приобрели на своей кафедре, да и в Академии в целом, должный профессиональный авторитет и уважение.

Меня лично с Мачехиным сблизила помимо всего прочего и творческая работа. Он в конце 1980-х годов начал трудиться над написанием своих знаменитых литературных антологий «Мудрость тысячелетий» и «В поисках смысла», я же продолжал писать стихи и уже готовил к изданию свой первый сборник «Душевный разговор». Полностью доверяясь Александру Егоровичу, вручал ему для прочтения многие свои стихотворения, и он, имея большой опыт журналистской и редакторской работы, полученный ещё в юношеские годы, давал мне всегда очень нужные и полезные советы, требовал точности и философичности в оценке явлений окружающей жизни.

Мачехин был чрезвычайно плодovit в своём литературном труде. За относительно короткий период (1994-2012 годы) на основе собираемых на протяжении жизни исходных материалов написал четырнадцать объёмных, разнотематических, энциклопедических по своей сути, антологий. В некоторых из них в немалом количестве поместил и мои стихи. Делал это сам без каких-либо просьб с моей стороны. Все изданные труды Александра Егоровича замечательны и характеризуют его как уникального по своей работоспособности и по своему таланту человека. Таким я его запомнил на всю жизнь, таким представляю и сейчас. К сожалению, в марте 2012 года, после продолжительной болезни, он ушёл из жизни. В память о нём мною был написан небольшой, грустный по своему содержанию, стих:

Да, в нашей жизни так бывает:
Хороним мы своих друзей,
Но души их не умирают,
А переходят в мир теней.
Мы ищем с ними примиренья,
Ведём сердечный разговор
И с прежней долей открывенья
Вновь продолжаем мирный спор.
Друзья ушли в иные дали,
Свершив короткий путь земной,
Путь полусна, полупечали,
Что был назначен им судьбой.
Мы к ним по-прежнему стремимся,
Не можем образ их забыть,
Разлукой с ними тяготимся
И продолжаем их любить.

Подобные прощальные стихи в адрес покойного были написаны и другими поэтами, с которыми он общался на протяжении долгих лет своей творческой жизни. Со смертью Александра Егоровича Мачехина я потерял мудрого и доброжелательного советчика, сердечного и очень милого человека. Помню о нём и искренне сожалею о том, что его нет рядом со мной.

Начальником нашей кафедры в годы моей службы на ней был по-мужски красивый, хорошо сложенный, внешне несколько суровый контр-адмирал Геннадий Александрович Рожко. Выходец из уссурийского казачества, он связал свою жизнь с военной службой. Весной 1941 года стал курсантом Тихоокеанского высшего военно-морского училища. В том же году в составе сформированной при училище из курсантов 1-го и 2-го курсов роты морской пехоты был брошен на фронт. Участвовал в боях за Москву. Под Яхромой был тяжело ранен. Проходил длительное лечение в одном из столичных военных госпиталей. К моменту полного выздоровления вышел указ Верховного главноко-

мандующего И.В. Сталина о возвращении всех призванных на фронт курсантов к местам их прежней службы. Продолжил учёбу в ТОВВМУ. На выпускном курсе на подводной лодке «С-19» Тихоокеанского флота принял участие в войне против милитаристской Японии. По окончании училища служил на Краснознамённом Черноморском флоте в качестве штурмана крейсера «Вячеслав Молотов» и командира эсминца «Отневой». Завершил флотскую службу старшим помощником командира крейсера «Дзержинский». В 1956 году поступил на учёбу в ВДА.

По её окончании находился в двух длительных служебных командировках в Италии. Много лет служил в 1-м Оперативном управлении ГРУ ГШ на должностях начальника направления и заместителя начальника управления. В 1975 году назначен на должность начальника 1-й Кафедры ВДА. За годы командования ею существенно активизировал внутрикафедральную научную работу. Усилил педагогический коллектив значительным числом кандидатов и докторов военных наук. Существенно улучшил организацию всех видов учебных занятий, активизировал работу преподавательского состава по руководству научными изысканиями слушателей.

Значительную помощь в этих непростых начинаниях ему оказывали его первый заместитель и заместители по учебным курсовым коллективам. Они, как и сам начальник кафедры, непосредственно участвовали в научной работе, читали вводные лекции, умело руководили коллективами преподавателей всех трёх учебных курсов. Вследствие этого в общеакадемическом соревновательном процессе наша кафедра почти всегда занимала передовое место. На ней было приятно и почётно работать. Это мы ощущали и этим законно гордились. Удовлетворение доставляла и наша работа со слушателями. За три года обучения в Академии они превращались в зрелых, грамотных, хорошо владеющих правилами этикета и межличностного общения, специалистов разведки. На третьем курсе они могли вести разговор со своими преподавателями практически

на равных. Это нас не могло не радовать, так как одной из задач академической подготовки являлось их научение ведению наступательных, целенаправленных, преследующих определённые профессиональные цели, бесед.

Каждый из нас имел в своём распоряжении учебную группу в составе от 10 до 20 человек. Численность групп определялась запросами конкретных Оперативных управлений ГРУ. Ориентированные на Азию, Африку и Латинскую Америку Оперативные управления нуждались, как правило, в большем числе специалистов. Поэтому их запросы почти всегда превосходили запросы 1-го Европейского и 3-го Американского управлений. Особо много требовалось арабистов, китаистов и японистов. Их учебные группы почти всегда были наиболее многочисленными.

Работа со слушателями была исключительно интересной. Мы имели дело с опытным в своём доакадемическом профессиональном деле офицерским составом. Из него мы стремились сформировать единые, сплочённые по духу и личным устремлениям учебные коллективы, которые бы и по выпуску из Академии оставались таковыми на долгие годы. Взаимная поддержка выпускников крайне необходима. С ней легче идти по непростым дорогам будущей специальной службы.

За годы моей работы в ВДА мне удалось выпустить четыре полноценных учебных группы и одну обучать только два года. Все мои слушатели достойно прошли непростой путь оперативных офицеров. Некоторые из них занимали в структурах ГРУ начальствующее положение. Это был результат работы всего преподавательского состава Академии. Была в нём и моя доля. Это, несомненно, радовало и вызывало заслуженную гордость. Благодарен своим ближайшим коллегам, у которых многому научился. К ним, помимо уже упомянутых ранее Жинкина и Мачехина, отношу моих друзей-сослуживцев Скальского, Проница, Наумова, Фёдорова и Лобзова. Помимо этих замечательных людей на нашей кафедре много лет работали в качестве лаборантов несколько прекрасных, преданных

своему делу, женщин. Все они исполняли свои обязанности исключительно ответственно, а иногда и жертвенно, не считаясь со своим личным временем. Я по окончании офицерской службы, перейдя на гражданскую работу, около десяти лет занимал должность заведующего одного из учебных кабинетов 1-й Кафедры. В моём подчинении трудились две такие женщины: Любовь Владимировна С. и Ирина Владимировна П. С обеими имел прекрасные служебные отношения и до сих пор сохраняю дружеские связи (перезваниваемся, интересуемся жизнью друг друга, поздравляем друг друга с праздниками, вспоминаем многолетнее плодотворное сотрудничество по обеспечению подготовки нескольких поколений молодых кадров военной разведки).

Всё это, однако, было гораздо позже. А в 1988 году, по прошествии после окончания Адъюнктуры обязательных четырёх лет педагогической работы я был вновь отозван в распоряжение начальника 4-го Оперативного управления и приступил к подготовке в служебную командировку в качестве военно-морского атташе в Турецкую Республику. Подготовка проводилась в основном в ГРУ и касалась всех аспектов моей будущей работы в этой интересной и одновременно очень непростой азиатской стране. Программой подготовки, кроме основных её разделов, предусматривалась и поездка в Севастополь, в штаб Черноморского флота, для проведения консультаций с руководством местного Разведывательного центра. Важно было согласовать отдельные аспекты совместных действий по контролю за оперативной деятельностью турецкого военно-морского флота в акватории Чёрного моря и проливной зоне Босфора и Дарданелл.

Остановился в городской гостинице на улице генерала Острякова, при выезде из Севастополя в сторону Балаклавы. В свободное от служебных дел время имел возможность ещё раз обойти любимый мною город. Побывал в Херсонесе, обошёл центральные севастопольские площади, бульвары и улицы, повторно посетил Панораму. В штабе

флота совершенно неожиданно для себя встретил Сергея Артемьевича Микова. Он имел звание капитана 1 ранга и только что вернулся из Сирии, где в течение нескольких лет исполнял обязанности военного советника при штабе сирийских военно-морских сил. Неожиданной встрече были бесконечно рады. По приглашению Сергея Артемьевича побывал у него на квартире, что располагалась рядом со зданием севастопольского кинотеатра «Победа». Договорились о встрече в нашей 41-й бригаде ракетных и торпедных катеров. Такую встречу через некоторое время провели. Здесь повидались со своими бывшими сослуживцами. Все они возросли в воинских званиях и поднялись по служебной лестнице, став либо заместителями командиров, либо командирами отдельных дивизионов. Встреча состоялась в офицерской столовой, которая своим интерьером напомнила нам далёкие годы нашей флотской офицерской жизни.

Однажды, находясь у Севастопольской панорамы и спускаясь вниз по лестнице к огибающей её с правой стороны улице, также совершенно неожиданно встретился со стоим бывшим механиком мичманом Владимиром Егоровичем Кармашовым. Он в этот самый момент ехал с женой в своём «Москвиче» на дачный участок. Увидев меня (я был в военной форме), остановил машину, подбежал ко мне, обнял и приподнял над землёй. Встреча также была радостной и приятной. Владимир Егорович пригласил меня прийти к себе домой, но я этого сделать не мог, так как на следующий день вылетал в Москву. В ходе краткого разговора узнал, что мой бывший механик проживает на прежнем месте, повышен в звании до старшего мичмана и назначен командиром торпедолова – небольшого судна, занимающегося подъёмом практических торпед после их применения в ходе учебной практики корабельных сил флота. Было похоже, что своим новым положением мой бывший подчинённый был вполне доволен. На следующий день я действительно вылетел в Москву и с тех пор Севастополя не посещал. Но желание увидеть этот замечательный

город ещё раз не покидало меня никогда. Я и сейчас хочу это сделать, несмотря на свой преклонный, доставляющий многие физические неудобства, возраст.

Служебная командировка в Турцию. Особенности работы в анкарском военном аппарате

В Турецкую Республику вылетели самолётом «ТУ-154» из международного аэропорта «Шереметьево» утром 7 декабря 1988 года и в 10.40, не зная того, оказались над Арменией, где от землетрясения погибал город Спитак. Узнали об этом только по прилёту в Анкару. Здесь нас встретил на своём автомобиле один из сотрудников анкарского военного аппарата – подполковник Юрий Николаевич И. Он то и сообщил нам о разразившейся в Армении трагедии.

Анкарский аэропорт находится на приличном от турецкой столицы расстоянии. По пути, глядя в автомобильные окна, начали знакомиться с холмистым, безлесным ландшафтом этого участка территории пока ещё незнакомой нам страны. Привлекали внимание высокие минареты местных мечетей, горные возвышенности, усеянные домиками турок-бедняков, многочисленные речушки и мосты, по которым пролегалo хорошо оборудованное шоссе. Наконец добрались до Анкары, всё ещё именуемой многими местными жителями «новой столицей» Турецкого государства. Дело в том, что она стала таковой по решению первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка лишь в конце 1920-х годов. До этого на протяжении многих веков столицей Турции (Османской империи) был город Стамбул.

В советское посольство прибыли в полдень. После представления послу и членам военного аппарата временно поселились на квартире моего предшественника, который убывал из Анкары в Москву на следующий день. Затем,

через неделю, перебрались на постоянное жительство в съёмную квартиру, расположенную в 15 минутах езды от посольского городка. Квартира представляла собой вместительное помещение, состоящее из зала для приёма гостей, двух жилых комнат, спальни и кухни. Предназначалась как для нашего проживания, так и для организации официальных встреч с иностранцами. Выходила фронтальной стороной на городскую, спускающуюся с пригорка к овражистой части города, улицу. За ней просматривался городской, почти всегда задымлённый центр. Такое задымление происходило по двум основным причинам. Во-первых, центр города находился в низине и, во-вторых, он отапливался дешёвым зонгулдакским бурым углём. При его использовании воздух затягивался ядовитым сизым смогом.

Во избежание его отрицательного воздействия, наше посольство было перенесено в южный, возвышенный, продуваемый ветрами район турецкой столицы. Прежнее его здание в нижней части города заняли советское торгпредство и представительство Аэрофлота. По соседству с ними продолжали располагаться посольства Болгарии и Чехословакии, а также многих западных государств, в том числе: Великобритании, ФРГ, Италии, Франции, Испании и США.

Наше посольство возглавлялось импозантным, умным, деловым и энергичным в достижении поставленных целей послом Альбертом Сергеевичем Чернышовым. Он принадлежал к тем людям, которые своими разумными действиями заложили основы современных дружественных российско-турецких отношений. Ему удалось установить и высоко развить личные контакты с президентом Турции Тургутом Озалом и министром иностранных дел Турецкой Республики, лидером правящей Партии Отечества Месутом Йылмазом. С их помощью тяжеловесный корабль турецкой внешней политики стал разворачиваться в сторону СССР, а затем и Российской Федерации. В результате этого на своих южных границах мы имеем страну, которую без преувеличения можно назвать добрососедской. Важно то, что этим двум турецким лидерам, видимо не без вме-

шатательства нашей стороны, удалось ослабить влияние на политический курс Турции проамерикански настроенного высшего турецкого военного руководства, которое со времён Ататюрка выполняло роль хранителя ценностей светского, прозападно-ориентированного, государства. Ранее полномочия начальника Генерального штаба турецких ВС были такими, что он своим решением мог низлагать или даже казнить избранных народом президентов. К началу 1990-х годов эти возможности были в значительной степени урезаны за счёт принятия Турецким парламентом ряда поправок к действующей турецкой конституции. Этими же поправками была расширена сфера деятельности ряда общественных организаций. Стал активно возрождаться религиозный, ранее сильно подавляемый фактор. На этой волне к власти в Турции пришла Партия Справедливости и развития во главе с её нынешним президентом Реджепом Эрдоганом. Именно ему, опираясь на народные массы, полицию и жандармерию, удалось окончательно лишить высшее военное руководство права влиять на политическую жизнь страны. Последняя точка в этом процессе была поставлена в ходе неудавшейся попытки военного переворота, сопровождающегося бомбардировками отеля «Гранд Языджи» на берегу Средиземного моря, где Эрдоган отдыхал со своей семьёй, Президентского дворца и здания Парламента в Анкаре.

Против военного переворота на этот раз восстал сам народ. Были арестованы его зачинщики: начальник Генштаба генерал Хулуси Акаром, главнокомандующий ВВС генерал Акын Озгюрк и целый ряд им подчинённых генералов и офицеров. Часть из них на вертолёте перелетела в Грецию и затем перебралась в США. Всего по делу о перевороте было арестовано и подвергнуто тюремному заключению 9332 человека. Многие из них, главным образом из числа бывших высокопоставленных военных, получили пожизненные сроки тюремного заключения.

Оценивая действия путчистов, Эрдоган назвал их «подарком Аллаха», так как именно они позволили турецкому

политическому руководству окончательно подавить военную оппозицию и укрепить законную власть в стране. На этой волне усилился и контроль за деятельностью американских представительств в Турции, особенно за деятельностью американского военного командования на авиабазе Инджирлик. Сократилось количество полётов базирующейся здесь американской боевой авиации. По настоянию турецкой стороны, прежнее командование авиабазы, подозреваемое в связях с путчистами, покинуло страну, и на его место прибыло новое. Усилился контроль за работниками посольства США в Анкаре. Одновременно с этим были проведены серьёзные реорганизационные мероприятия в вооружённых силах самой Турции. После завершения этой работы они сохранили в своём составе сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот.

Сухопутные войска состоят из четырёх полевых армий, дислоцирующихся в северо-западной, юго-западной, северо-восточной и юго-восточной частях Турецкой Республики. Военно-воздушные силы призваны прикрывать всю территорию страны и прилегающие к ней воздушные пространства морских зон. Военно-морской флот предназначен для ведения боевых действий в акваториях Чёрного, Мраморного, Эгейского и Средиземного морей. Его корабельный состав имеет на вооружении ракетные надводные корабли среднего и малого классов, подводные лодки, тральщики, транспортные и вспомогательные суда.

Оружие сухопутных войск закупается в Германии и США, а также производится на собственных военных заводах. Для ВВС турками по американским лицензиям производятся многоцелевые истребители «F-16» и некоторые виды транспортных самолётов. Корабли строятся на собственных верфях, часть подводных лодок закупается за рубежом. По своей боевой подготовке турецкие вооружённые силы считаются одними из самых боеспособных в НАТО, а сама Турция остаётся крайне военизированной страной, где почти всё напоминает военный лагерь. В Анкаре, например, почти все военные учреждения, военные городки

и места проживания семей военнослужащих ограждены заборами с колючей проволокой. Культ военного человека, даже после подавления военного мятежа, остаётся в Турции традиционно очень высоким. Например, одно присутствие военного человека в общественном транспорте побуждает следующих в нём пассажиров вести себя крайне сдержанно. Особенно это касается школьной и студенческой молодёжи, которой свойственны и шумливость и возрастное озорство. Одного поднятия руки военнослужащего бывает достаточно, чтобы в транспортном средстве воцарилась мёртвая тишина.

Турецкий офицерский состав имеет очень высокую профессиональную подготовку. Многие офицеры владеют несколькими иностранными языками, а английским – обязательно. Для них свойственны высокая дисциплинированность и традиционная, воспитанная веками, служебная суровость. Эта суровость в некоторых случаях может переходить в откровенную жестокость. В 1980-х годах сохранялся узаконенный порядок, при котором офицер мог застрелить ослушавшегося его подчинённого и при этом не понести судебного наказания. Такие случаи были нередки в восточных районах, где турецкие войска вели боевые действия против курдских повстанцев и где требовалась особая дисциплинированность со стороны подчинённых офицерам солдат.

Как подчёркивалось выше, турецкая армия была и остаётся одной из самых боеспособных армий в НАТО. Это достигнуто за счёт специальной системы подготовки офицерского и старшинского состава, основанной на обязательном прохождении всех этапов воинской службы с соблюдением строгой ротационной практики. Например, весь офицерский состав сухопутных войск обязан отслужить во всех четырёх полевых армиях в условиях субтропиков юго-запада и в холодных погодных условиях северо-востока, где при значительной заснеженности местности зимние температуры воздуха могут опускаться ниже тридцати градусов. Ни один турецкий офицер не может получить генеральского

звания, не пройдя этим служебным путём. Свои высокие боевые качества турецкие военнослужащие доказали в Корейской 1950-1953 годов войне, где они выступали на стороне южно-корейского правительства и американцев, а также в недавнем военном противостоянии вооружённых сил Азербайджана и Армении в борьбе за Карабах. Здесь они выполняли не только советнические функции, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях, руководя азербайджанскими частями и подразделениями.

Прибыв в Турцию в качестве военно-морского атташе, по действующему дипломатическому этикету, я был обязан представиться командующему Сухопутными войсками и командующему ВМФ, а также – начальнику Разведывательного управления Военно-морских сил Турции. С каждым из них в назначенное время имел краткую беседу, в ходе которой все они пожелали мне удачи в выполнении моих служебных обязанностей. Встречи проходили в служебных кабинетах этих высокопоставленных военачальников и были запоминающимися своей простотой и отсутствием какого-либо служебного снобизма с их стороны. Особенно запомнилась встреча с командующим Сухопутными войсками. В его кабинете, на книжной полке, я заметил труды маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Генерал перехватил мой взгляд и пояснил, что в Турции уважают и чтят русскую военную школу и многие её положения используют в подготовке собственных боевых частей. Помимо этого заявил, что он и многие его друзья любят советскую культуру, особенно советские военные песни. Совершенно неожиданно на турецком языке негромко напел два куплета нашей песни «Полюшко, поле». Это удивило и до некоторой степени растрогало меня.

С первых дней пребывания в Турции погрузился в большой объём текущей информационной работы, нёс за неё служебную ответственность, и отдавал ей много рабочего и личного времени. Она была сложна тем, что охватывала очень большое число тематических направлений. Нужно

было постоянно отслеживать политический курс и конкретную деятельность военно-политического руководства Турецкой Республики в области строительства и развития национальных вооружённых сил. Отслеживать смену командного состава. Информировать советское руководство о введшихся турецкими войсками боевых действиях против курдских повстанцев в приграничных районах с Ираком и Сирией. Было много и других, часто неожиданных информационных задач, которые нужно было решать по запросу Москвы в очень короткие временные сроки. Это касалось проблем турецко-израильских, турецко-иракских и турецко-сирийских отношений, а также иных региональных проблем.

В мае 1990 года в адрес нашего аппарата из Москвы поступил совершенно неожиданный запрос по поводу угона на Трабзонский военный аэродром Турции предателем Александром Зуевым советского истребителя «МИГ-29». Угон был совершён в ночное время на низкой высоте и длился всего 40 минут. Наши средства ПВО не смогли его перехватить. По прилёту в Турцию пилот сразу же запросил убежища в США. В связи с возникшей ситуацией нам было поручено срочно обратиться к турецкому военному командованию для получения доступа к угнанному самолёту и организации встречи с его угонщиком. И то и другое нашей стороне было дозволено сделать через двое суток. На место происшествия выехали наш военный атташе, его помощник и руководитель консульского отдела посольства. Переговоры с Зуевым не состоялись из-за его категорического отказа. Через несколько дней он из Турции перебрался в США. Проживал там до июня 1992 года пока не погиб в авиакатастрофе во время пилотирования, по заданию командования ВВС США, советского учебно-тренировочного самолёта «ЯК-52» в небе над Сизтлом.

Что же касается угнанного им самолёта, то нашей делегацией было установлено, что он за истекшие двое суток подвергся тщательному изучению турецкими и, возможно, американскими специалистами. Защитные щитки всех

секретных приборов самолёта были вскрыты. Вскрыты были и щитки к приборам наиболее чувствительной для нас системы боевого предупреждения «свой-чужой». Этим нашей стране был нанесён огромный технический и материальный ущерб, так как эту систему нужно было полностью и повсеместно менять. Сам же самолёт турки, не желая портить отношений с нашей страной, через несколько дней возвратили. При этом оказали помощь в погрузке самолёта на советское транспортное судно подъёмными средствами порта Трабзон.

К подобным неожиданным запросам отношу и поступившую в июне 1991 года поздним вечером телеграмму, в которой требовалось в срочном порядке сообщить о численности и социальном положении проживающей в северных районах Турции «некрасовской» общины русского казачества, покинувшей Россию ещё в петровские времена за участие в антиправительственном восстании атамана Булавина. Община к этому моменту уже была обращена в мусульманскую веру, но сохранила свою национальную культуру и национальный язык.

В перечень отведённых нашему аппарату информационных задач задача на эту тему не входила. Поэтому каких-либо материалов по ней у нас не было. Отвечать, тем не менее, на поступивший запрос было необходимо. Хорошо, что в этот поздний час на своём рабочем месте всё ещё находился руководитель аппарата КГБ полковник К. Прощёл к нему и объяснил суть возникшей проблемы. У него по ней был собран солидный материал, и он меня с ним познакомил. Через двадцать минут ответ в Москву был составлен и возникшая проблема была разрешена.

Забегая вперёд хочу сказать, что выручивший меня полковник К. был подлинным патриотом нашей страны, не принявшим горбачёвскую политику развала СССР и разрыва связей с государствами социалистического лагеря. На его плечи легла тяжёлая миссия по оказанию помощи немецким дипломатам, чьё посольство в Турции было закрыто по причине ликвидации Германской Демократиче-

ской Республики. То же самое затем случилось и с членами афганского дипломатического представительства в Анкаре. Многие из них после падения народной власти в Афганистане, опасаясь за свою жизнь и жизнь членов своих семей, вынуждены были искать убежища в СССР, и полковник К. им в этом вопросе реально помогал. Пройдя через всё это, открыто осудил предательские действия Горбачёва и, как честный человек, подал рапорт на увольнение из органов КГБ. В декабре 1992 года, уже по возвращении из командировки в Москву, я его встретил в сквере у Большого театра. Он вновь критически высказался в адрес Горбачёва и его приспешников. Особенно негодовал по поводу действий своего бывшего начальника, последнего руководителя КГБ СССР, Вадима Бакатина, передавшего послу США Джеймсу Коллинзу техническую документацию на установленные в новом здании американского посольства подслушивающие устройства. Сообщил, что работает в центральных органах Коммунистической партии Российской Федерации ответственным исполнителем по организационным и кадровым вопросам. Более меня судьба с этим человеком не сводила. Но я до сих пор восхищаюсь смелостью и принципиальностью этого настоящего русского человека.

Между тем, с началом 1990-х годов количество стоящих перед нашим аппаратом информационных задач существенно возросло. Началось с того, что по сообщениям наших источников, обнаружилась существенная активизация деятельности членов анкарского военного аппарата посольства США в охваченной политическими волнениями Грузии. На этой основе нами был сделан вывод о том, что американцами с опорой на грузинских сепаратистов в Грузии готовится военно-политический переворот с целью её вывода из состава СССР. Удивило то, что Управление информации ГРУ ГШ не сразу с этим согласилось и даже обвинило нас в допусках на этот счёт преувеличениях. Однако позже, когда события стали обретать ярко выраженный характер, к нашим сообщениям стали прислушиваться более внимательно и даже требовали утачивания

потока таких сообщений.

Интенсивность информационной деятельности нашего аппарата в Турции многократно возросла с началом региональной войны «Буря в пустыне». Случилось так, что в преддверии этой войны лидер Ирака Саддам Хусейн переоценил свои возможности и захватил военным путём приграничные, принадлежащие Кувейту, нефтеносные районы. Не было учтено то, что эти районы уже давно используются кувейтцами для добычи нефти и газа в интересах США и Великобритании. Не было учтено и то, что внутривосточная обстановка в СССР в этот момент резко ухудшилась и наша страна уже не могла оказать Ираку, ожидаемую им, союзническую помощь. Против Ирака была сформирована мощная англо-американская армейская группировка, под ударами которой иракская армия стала быстро терять свои, первоначально сильные, позиции. Весь этот процесс нашему аппарату приходилось отслеживать почти круглосуточно, и делали это мы достаточно успешно. Опирались на наши источники, в том числе – на информированных дипломатов некоторых дружественных нам восточно-европейских, азиатских и ближневосточных стран.

В результате одними из первых вскрыли предательство группы ответственных иракских генералов, вступивших в тайные переговоры с командованием англо-американских войск и не оказавших им практически никакого сопротивления в продвижении на Багдад. Нами же было установлено, что для сохранения своей военной авиации высшее командование Ирака приняло решение о её переброске в соседние дружественные государства. Такая переброска вскоре была действительно осуществлена.

Первенствовали мы и в передаче информации о тактике использования иракскими войсками переданных им советских тактико-оперативных ракет. Американцы опасались, что они будут применяться групповым способом. Иракцы же запускали их поодиночке, не нанося особого урона противнику. Иракскую войну наш аппарат освещал до самого

окончания моей служебной командировки в Турцию.

Кроме постоянной информационной работы офицеры нашего военного аппарата имели прямое отношение и ко второму очень важному пласту своих обязанностей, связанных с обеспечением официальных контактов высших военных учреждений наших двух стран. За четыре года моего пребывания в Турции мне пришлось участвовать в обслуживании трёх визитов представителей высшего командования Сухопутных войск ВС СССР и одного визита кораблей Черноморского флота во главе с его командующим вице-адмиралом Михаилом Николаевичем Хронополо.

Две делегации по линии Сухопутных войск возглавлялись первыми заместителями командующего этих войск. Одна из них решала вопросы выполнения обеими сторонами условий договора о сокращении обычных вооружений в Европе. Вторая прибыла в Анкару с культурной миссией по условиям программы культурных обменов. Работу и той и другой делегации обеспечивал военный атташе нашего посольства генерал-майор Сергей Николаевич С. Мне и моему помощнику отводилась роль сопровождающих членов обеих делегаций по музеям, театрам и историческим местам турецкой столицы.

Вторая делегация Сухопутных войск ВС СССР имела в своём составе танцевально-певческую группу Ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Александра. Эта группа дала три концерта в ведущих культурных центрах Анкары. Во всех трёх случаях залы были переполнены турецкими офицерами и членами их семей, а также рядовыми анкарцами. Оказалось, что турки знают и любят русскую культуру. Так, при исполнении песни «Катюша» зал подпевал, а от танцев, особенно танцев наших девушек, был в восторге, что выражалось длительными аплодисментами.

Была и третья, наиболее значимая, делегация в составе самого Главкомандующего Сухопутными войсками ВС СССР генерала армии Валентина Ивановича Варенникова и двух его помощников. Цель его визита состояла в проведении закрытых переговоров с командующим Сухопут-

ными силами Турции о сокращении численности войск, принимающих участие в военных учениях в приграничных районах обоих государств. Рабочие контакты нашей делегации с турецкой стороной обеспечивал, как и в первом случае, наш военный атташе. На мою долю и долю моего помощника капитана 3 ранга Александра Г. выпало сопровождение Варенникова по городским музеям и городским историческим местам. По его просьбе, побывали и в столичном музыкальном театре. Здесь турецкой стороной в честь важного советского гостя было организовано выступление представительниц молодого турецкого балета. Девушки старались изо всех сил, но их искусство все-таки сильно уступало искусству мастеров советской балетной школы.

Общаясь с Валентином Ивановичем, имел возможность убедиться в его природной скромности и доброжелательности. Он никогда своим внешним видом или речью не демонстрировал какого-либо служебного превосходства. Был прост в общении и подчёркнуто умерен в своих запросах. Даже выданные ему «командировочные деньги» в турецкой валюте потратил так, что мы об этом ничего не знали. Всё организовали и сделали для него его помощники. По турецким магазинам и базаром генерал, в отличие от многих своих коллег, не ходил и не проявлял к ним никакого интереса.

Очень переживал, когда осенью 1991 года узнал, что он, как один из сторонников ГКЧП, был арестован и подвергся тюремному заключению. Но и там он оставался верен своим взглядам и, как и его прямой начальник Министр обороны СССР маршал Дмитрий Тимофеевич Язов, прямо указал на предательские действия Михаила Горбачёва и его ближайшего окружения в лице Яковлева, Шеварднадзе и целого ряда их приспешников.

В отличие от визитов делегаций Сухопутных войск, официальный визит кораблей Краснознамённого Черноморского флота в Стамбул в составе БПЛК «Керчь» и «Комсомолец Украины» был полностью на моём и моего

помощника попечении. Это касалось встречи кораблей и обеспечения их лоцманским сопровождением; организации всех официальных контактов адмирала Хронопуло с командованием ВМС Турции и, что особенно важно – выполнения программы культурно-массовых мероприятий, в которых принимал участие хор и ансамбль пляски Черноморского флота.

Визит начался с традиционного обмена артиллерийскими салютами. Затем были проведены встречи с губернатором Стамбула Байяром, командующим 1-й полевой армией армейским генералом Гюрешем и командующим Северной военно-морской зоны адмиралом Баязитом. На следующий день для экипажей кораблей был организован сход на берег с посещением культурных центров Стамбула. Посетили знаменитый дворец султанов Долмабахче, центральную мечеть Айя София и ряд других культурных объектов древней столицы Византии, а затем и Турции.

Спустя два дня начались выступления певцов и танцоров ансамбля Черноморского флота. Первое из них прошло в актовом зале Генерального консульства СССР для его персонала и иностранных гостей. Выступление имело большой успех, о чём сообщалось в стамбульских средствах массовой информации. Последующие выступления проходили в местном офицерском клубе. Они также пользовались большим успехом и освещались прессой. По выполнении программы визита флагманский корабль «Керчь» убыл в Севастополь, а «Комсомолец Украины» последовал в Средиземное море для несения боевой службы в составе находящейся здесь советской морской корабельной группировки.

За три дня до этих событий на моё имя по каналам связи Генконсульства поступило указание из Москвы дать интервью корреспонденту газеты «Неделя» Виктору Водолажскому о себе и моей морской службе. Такое интервью было дано, а затем опубликовано в 49-м номере этой газеты за 4 декабря 1989 года. Интервью отражало мои взгляды на военную службу, на минувшие и настоящие события

моей жизни. Что касается Виктора Водолажского, то мы некоторое время поддерживали с ним письменную переписку. Затем, в бурные 1990-е, наши пути разошлись и его дальнейшая судьба мне не известна.

Третьим очень важным элементом нашей служебной деятельности оставалась и ни на день не прекращалась интенсивная протокольная деятельность в рамках ассоциации иностранных военных представителей, аккредитованных в Турции. Таковыми в конце 1980-х годов были военные представители стран Варшавского договора, ведущих стран НАТО, многих арабских и азиатских государств, включая Индию, Пакистан, Японию, Южную Корею и Бангладеш. Внутри ассоциации поддерживались активные взаимоотношения. Согласно дипломатическому этикету её возглавлял «дуайен» – тот из старших офицеров, который на текущий момент дольше всех других пребывал на территории Турции. В период моего нахождения в Турецкой Республике им был греческий бригадный генерал Николас Элиас, доброжелательный, грамотный, хорошо образованный офицер.

В рамках ассоциации проводилось большое количество приёмов, встреч и спортивных мероприятий. Они позволяли заводить полезные доверительные знакомства и на этой основе решать многие информационные и даже организационные задачи. У меня среди членов данной ассоциации было несколько хороших друзей, которые оказывали мне помощь в решении подобного рода задач, особенно по освещению войны «Буря в пустыне». От них же поступали сведения о неблагоприятном развитии внутривнутриполитических событий на нашей родине, в Советском Союзе. Наконец наступили трагические 1990-е годы. Никто не мог предположить, что они станут роковыми в судьбе нашего отечества – Союза Советских Социалистических Республик. По мнению многих хорошо информированных людей, в том числе и иностранцев, это произошло в результате хорошо спланированного антигосударственного заговора во главе с первым президентом СССР Михаилом Горбачёвым,

агентом американской и канадской разведок Александром Яковлевым, предателями Гавриилом Поповым, Эдуардом Шеварднадзе и последующими за ними Борисом Ельциным, Станиславом Шушкевичем и Леонидом Кравчуком. Удивительно, но небольшой группе людей, поддержанных ведущими западными державами, удалось обесценить все достижения и все жертвы советского народа за истекший с времён Октябрьской революции срок. Страна лишилась победных достижений Второй мировой войны. Войска враждебных нам западных государств стоят у наших границ и открыто угрожают нам.

Разрушая самодержавную Россию, Ленин объяснял свои цели революционными замыслами, которые, по его заявлениям, должны были улучшить экономическое положение русского народа. Его позиция и его мотивы более или менее ясны. Можно понять Яковлева, который, опасаясь за свою жизнь за измену родине, стремился эту родину разрушить. Можно в какой-то мере понять и Ельцина – потомка раскулаченного уральского землевладельца, для которого советская власть была врагом и которую он тайно ненавидел всю свою жизнь. Но как понять Горбачёва, которому эта власть дала всё и даже поставила его во главе советского государства?

В одном из мартовских 2024 года выпусков «Российской газеты» опубликованы комментарии на этот счёт. Держу перед собой интервью последнего министра обороны СССР, маршала Советского Союза, подлинного патриота нашей Родины Дмитрия Тимофеевича Язова, данное им журналистам «Федерального агентства новостей» по случаю 28-й годовщины неудавшейся попытки Государственного комитета чрезвычайного положения (ГКЧП) сохранить разваливающийся Советский Союз. В этом интервью Язов открыто называет Горбачёва изменником родины и перечисляет ряд совершённых им антиконституционных преступлений. Во-первых, вменяет ему в вину игнорирование результатов всенародного референдума, на котором 76% советских граждан высказались за сохранение СССР.

Во-вторых, упрекает за то, что он, назначив на пост секретаря Варшавского договора Александра Яковлева с его помощью разрушил эту исключительно важную организацию, предопределив тем самым хаотичный, ничем не оправданный исход советских войск из Германии с его огромными моральными и материальными, не взысканными с Горбачёва, потерями. В-третьих, обличает его в попустительстве сепаратистским действиям Ельцина, Кравчука и Шушкевича, провозгласивших в Беловежской пуще в декабре 1991 года упразднение Советского Союза и создание на его месте независимой Российской Федерации. И наконец, в-четвёртых, обличает в прямой поддержке представителей пятой колонны в лице Попова, Бакатина и других им подобных лиц за низложение органов советской власти и ликвидацию КПСС. Сетует на то, что никто из них не понёс за эти преступления заслуженного наказания. Все они либо укрылись за рубежом, либо, набив наворованными деньгами карманы, благополучно дожили свой век в разграбленной и поруганной ими России.

Спокойно дожил свой век и главный устроитель этой драмы – Михаил Горбачёв. В последние годы своей жизни он для самозащиты начал обвинять американское и натовское руководство в высокомерии и намеренном продвижении своих войск к границам Российской Федерации. Поддержал присоединение Крыма, осудил бомбёжки украинскими неонацистами мирного населения Донбасса и Запорожья. Не думаю, чтобы он делал это искренне. Скорее всего – это только попытка скрыть свою ответственность за развал Советского Союза и всего того, что было связано с ним. Нужно сказать, что это ему в немалой степени удалось. Прожил долгую жизнь и с незаслуженными почестями похоронен на престижном Новодевичьем кладбище рядом со своей женой антисоветчицей Раисой Горбачёвой. С их смертью закрылась ещё одна страница трудной истории России. Выйдя из состава СССР, она начала отсчёт своей новой самостоятельной жизни, будущность которой окончательно не определена и по сей день.

Но хрупкая надежда всё же сохраняется. Она будет всецело зависеть от результатов ведущейся в настоящее время на Украине Специальной военной операции. Дрогнем ли мы или устоим перед ополчившимся на нас Западным миром покажет время. Но может случиться так, что этого времени у нас и не будет. Слишком велика угроза всеобщей ядерной войны, к которой нас подвёл своими предательскими действиями в том числе и Михаил Горбачёв.

Ликвидация Советского Союза и возникновение на его месте нескольких самостоятельных независимых государств первоначально не сказались на работе нашего посольства в Анкаре. Просто 26 декабря 1991 года над ним вместо красного советского флага был поднят трёхцветный флаг Российской Федерации. Решаемые нами задачи в целом остались прежними. Надлом и беспокойство произошли в наших душах. Мы стали свидетелями гибели любимой нами страны, в которой родились, жили и на которую много лет честно трудились. Больно было наблюдать падение престижа нашего государства, пренебрежительное отношение к нему иностранных дипломатов, особенно дипломатов бывших социалистических государств, в первую очередь Польши и Чехословакии. Неприятно воспринимались их демонстративное «отпадение» от нас и показная любовь к представителям западных посольств, особенно посольства США.

Со временем эта показная любовь превратилась в постыдное лакейство, и мы по собственной инициативе прекратили с польскими и чешскими дипломатами всякие деловые контакты. К этому моменту до завершения моей служебной командировки в Турцию оставался ровно один год. Он был посвящён решению прежних и новых задач. Продолжалась и наша прежняя жизнь, наполненная отныне ранее нехарактерными для неё особенностями. Анкара, как и многие другие иностранные столицы, вдруг стала местом притяжения самого различного рода вояжёров. Особенно запомнились президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, будущий лидер ЛДПР Владимир Жириновский

и заместитель главного редактора журнала «Огонёк» Виталий Коротич. Он в Турции был совсем небольшим срок. Присутствовал на одном из приёмов в нашем посольстве, где восторженно рассуждал о совершённом Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем государственным перевороте и его последствиях. На следующее утро, видимо при поддержке работников американского посольства, не сообразуя своих действий с сотрудниками нашего консульского отдела, самолётом убыл в Америку, где благополучно и, видимо, безбедно дожил свой век.

Неофициальный визит Назарбаева в Турцию был связан в основном с начавшимся дележом советского имущества. Казахи добивались передачи им части наших зданий в Анкаре и Стамбуле. В Стамбуле такое здание при входе в Генконсульство России получили, но потом от него отказались, арендовав или купив для себя более подходящее помещение.

В один из дней в нашем посольстве с высокопоставленным казахским гостем была проведена встреча. Я видел его впервые. Он выступил перед собравшимися с краткой речью, в которой утверждал, что руководство Казахстана будет делать всё от него зависящее для сохранения с Россией теснейших межгосударственных отношений. С собой имел объёмный пакет молитвенных ковриков. В руках бывшего секретаря казахской компартии эти сувениры выглядели странно. Тем не менее, своих новых владельцев они нашли легко и быстро. Их моментально разобрали сотрудники посольства тюркского происхождения – азербайджанцы, узбеки, гагаузы и поволжские татары.

Что же касается Жириновского, то он прибыл в Турцию для проведения ранее запланированной деловой встречи с местными учёными-востоковедами. Параллельно с этим выразил желание провести беседу с дипсоставом нашего посольства. Таковую беседу провёл. Она состоялась в посольской приёмной комнате, на первом этаже, которая обычно использовалась для проведения партийных и комсомольских собраний. Присутствовали советники

посла, руководители аппаратов ГРУ и КГБ и первые секретари. Владимир Вольфович сидел, как и все мы, за широким столом, напротив нас. Был, как всегда, энергичен и абсолютно уверен в себе. Попросил задавать вопросы. Один из советников припомнил заявление Жириновского о готовности «советских солдат мыть сапоги в Индийском океане». Владимир Вольфович не стал комментировать это заявление, но с присущей ему решительностью заметил, что при необходимости наши солдаты «будут мыть сапоги не только в Индийском, но и во всех иных океанах». Затем без тени смущения повёл разговор о своей юношеской поездке в Стамбул, где он, завершая учёбу в Московском институте стран Азии и Африки, подбирал материалы для написания дипломной работы. Дело, однако, осложнилось тем, что молодой дипломник, не зная жёстких турецких законов борьбы с коммунистической пропагандой, позволил себе приколоть на лацкан пиджака значок с портретом А.С. Пушкина. Этот значок местными полицейскими был принят за образ одного из теоретиков марксизма-ленинизма. Вследствие этого Владимир Вольфович был задержан и брошен в застенки. Подвергся допросам и грубому обращению. Был вызволен работниками Советского генконсульства. При этом было применено немало стараний и дипломатических уловок. В конечном итоге всё разрешилось благополучно и наш герой был допущен к работе с библиотечными фондами Стамбульского университета. Собрал нужный ему материал, написал, а затем и защитил дипломную работу. Известно, что в последующем Жириновский стал крупным специалистом-востоковедом.

Встреча со столь интересным человеком длилась около двух часов и всем очень понравилась оригинальными политическими прогнозами, свободно льющейся речью и многочисленными шутками. Удивила присущая Владимиру Вольфовичу магия владения вниманием слушателей. Даже с нашей, далеко непростой, аудиторией он управлялся без особого труда. Свободно переходил от одной темы разговора к другой, демонстрировал огромные знания по

региональным проблемам, на основе чего предрёк скорое улучшение советско-турецких отношений и даже возможный выход Турции из блока НАТО. Поэтому политический взлёт Жириновского и создание им одной из влиятельнейших партий современной России никого из нас не удивили, но заставили на протяжении многих лет внимательно следить за уникальной карьерой этого необычного человека.

На этом визиты интересных людей в Турцию как-то сами собой постепенно прекратились, и наша жизнь вошла в своё обычное русло. Военный аппарат посольства в Анкаре продолжил выполнять стоящие перед ним многоплановые задачи, в том числе и не совсем обычные. В июне 1991 года я, по указанию руководства ГРУ, повторно со своим помощником Александром Г. выехал в Стамбул для ревизии физического состояния находящейся на финансовом балансе Министерства обороны РФ так называемой «адмиральской дачи». Эту дачу Народный комиссариат по военным и морским делам СССР получил в дар от руководителя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка во время визита советской делегации во главе с руководителем этого комиссариата Климентом Ефремовичем Ворошиловым. В тяжёлые для турок начальные 1920-е годы Советская Россия оказывала Турции значительную военную помощь в борьбе против агрессии Англии, Франции и Греции.

Несмотря на собственное бедственное положение, вызванное Гражданской войной, она снабжала турецкую армию артиллерийскими орудиями, автомобилями, стрелковым оружием и даже самолётами, которых у самой были лишь считанные единицы. Делалось это для того, чтобы иметь на своих южных границах дружественное государство. Эта цель была частично достигнута, хотя Турция не пошла, как того хотел Ленин, по пути социалистических преобразований. Ататюрк враждебно относился к коммунистическим идеям и потому ограничился лишь буржуазными преобразованиями. Провозгласив Турецкую Республику, ликвидировал не только султанскую власть, но и зарождающуюся турецкую компартию. Сделал это

решительно и крайне жёстко. С тех пор в стране действует строгий запрет на любую форму коммунистической пропаганды, от которого, как уже известно читателю, много позже пострадал и наш Владимир Жириновский.

Подаренная Ататюрком Клименту Ворошилову дача представляет собой небольшой двухэтажный особняк, размещённый на западном берегу Босфора. На даче, которая до сих пор формально именуется «дачей военноморского атташе», или «адмиральской дачей», в наше время постоянно, сменяя друг друга, проживают семьи мичманов Черноморского флота. Они выполняют функции смотрителей и охранников. Здание дачи, несмотря на свой преклонный возраст, находится в неплохом состоянии. Тем не менее, побывавшая здесь чуть ранее советская строительная комиссия нашла необходимым проведение на ней ряда ремонтных работ. Это касалось побелки стен, замены оконных и дверных проёмов, починки крыши и восстановления частично разрушенной каменной ограды, которая окружает небольшой дачный садик. В нём растут фруктовые деревья и несколько кустов душистых лавров. Ограда местами обвалилась и через образовавшиеся в ней лазы стали проникать соседские мальчишки для похищения вызревших на деревьях дачи плодов. Для борьбы с похитителями мичманские семьи были вынуждены завести крупную немецкую овчарку, которая в ночное время эту дачу и её садик начала охранять.

Моя пятидневная поездка в Стамбул имела своей целью осмотр состояния дачи для подписания документов на её ремонт в соответствии с требованиями турецкой стороны, которая добивалась того, чтобы все ремонтирующиеся здания в зоне обоих побережий Босфора сохраняли свой первоначальный вид. Планируемые нами ремонтные работы этих требований не нарушали. Поэтому все необходимые документы я незамедлительно подписал и передал в распоряжение нашего генерального консульства. Оставшиеся два дня вместе со своей женой и семьёй моего помощника Александра Г. посвятили более тщательному

ознакомлению с этим древним городом. Повторно осмотрели несколько его знаменитых мечетей, включая величественную Айя Софию. Побывали в султанских дворцах Серая и Долмабахче (дворца на насыпных землях), где познакомились с огромным количеством богатейших и редчайших по своей ценности экспонатов. Обходя многочисленные залы Долмабахче, были удивлены большому количеству в них картин нашего гениального мариниста Ивана Константиновича Айвазовского. Поразили коллекции оружия, драгоценных камней, ювелирных изделий и национальной одежды.

Посетили комнату, где в 1938 году доживал свои последние дни великий Ататюрк. В этой комнате обнаружили его кровать, небольшое количество недорогой мебели, личную одежду, а также особую металлическую трость, представляющую собой однозарядную боевую винтовку, с которой Ататюрк выходил в город и которую готов был применить против своих многочисленных врагов из числа приверженцев упразднённого им султанского режима.

Не оставили без внимания парки Стамбула, а также знаменитый понтонный мост, перекрывающий вход в Золотой Рог, в зону турецких судостроительных предприятий. Мост известен тем, что в неразведённом состоянии используется в качестве крупной торговой точки. Здесь традиционно работают небольшие магазинчики и ларьки, готовящие прямо на месте вкуснейшие блюда из свежей черноморской рыбы, кальмаров и других даров моря. Особенно хороша редкая для этих мест черноморская камбала. У северных берегов Турции её практически нет. Турецкие рыбаки ухитряются её ловить у российских берегов, нередко браконьерствуют, за что арестовываются нашими пограничниками.

Помимо Стамбула, в период исполнения мною обязанностей военно-морского атташе, мне удалось совершить три ознакомительные, согласованные с турецкими властями, поездки по стране. В 1989 году – вдоль западного побережья Турции на юг до города Каш через населённые

пункты Измит, Бандырма, Чанаккале, Маниса, Измир и Мугла. В 1990 году – по центральной части страны от Анкары до озера Ван через города Кайсери, Малатья и Муш. И наконец в 1991 году – от Анкары до Искендеруна через города Конья, Анталья, Мерсин и Адана вдоль всего турецкого средиземноморского побережья.

Территория Турции завораживает своим ландшафтным многообразием. Завораживают красоты побережья Мраморного моря, Дарданелл, южной и западной частей Эгейского и Средиземного морей, размещённых здесь, утопающих в зелени и оглашаемых шумом горных водопадов, городов и посёлков, в том числе местечка Гиссарлык, где в XIX веке в результате раскопок археолога Шлимана были найдены руины древней Трои, фундаменты её крепостных стен и редкие по изяществу золотые ювелирные изделия, часть из которых хранится и в русских музеях. Перед исторической красотой этих мест не мог устоять и посвятил им отдельное стихотворение «Троя»:

Я вижу Троию мудрого Приама
И Гектора с красавицей женой,
И жертвенный огонь языческого храма,
И бархатный закат над мирною землёй.

Ещё Парис не похищал Елены,
Ещё Ахилл не умирал в бою,
Кассандра юная не испытала плена
И участь горькую не встретила свою.

Цветут сады в долинах Илиона,
И бурно колосится в поле рожь,
И льстивые слова лукавого Синона
В душе пророчицы не вызывают дрожь.

И плещется лазоревое море,
И в синих небесах парит степной орёл,
И хитрый Одиссей своим врагам на горе
Троянского коня ещё не изобрёл.

Интересны и неповторимы районы Каппадокии с её необычной «марсианской» поверхностью и грибовидными останками выветренных известковых скал с многочисленными, вырубленными в горных породах, пещерными городами и простирающейся с запада на восток безжизненной долиной. Уникален и горный район Памуккале с его «заснеженными» солью горячих подземных источников вершинами. Эти источники вырываются из скальных пород, растекаются по склонам, образуя чаши с тёплой солёной водой, в которых с удовольствием плещутся приезжающие сюда на отдых местные жители и иностранцы.

Есть здесь и оборудованный крытый бассейн с постояннорывающимися в него и истекающими из него по отводным каналам потоками горячей солёной воды. На каменном дне бассейна в хорошо продуманном «беспорядке» размещены обломки колонн некогда стоящих здесь древнеримских дворцов и храмов. На них можно присесть или даже прилечь, наслаждаясь набегающей на тебя горячей водой. По существующей легенде, именно в этом месте в далёкие дохристианские времена любила отдыхать и принимать лечебные ванны последняя царица эллинистического Египта, жена римского полководца Антония Марка – Клеопатра.

Не менее интересен и древний Эфес – место редчайших археологических находок, в частности, останков, сожжённого Геростратом ради увековечения своего имени, храма Артемиды; полуразрушенных стен эфесской общественной библиотеки; городских ворот, рынка и роскошных бань (терм). Примечателен и находящийся рядом с Эфесом домик матери Иисуса Христа Пресвятой Богородицы. Здесь после гибели своего божественного сына она длительное время скрывалась от гонений римской языческой императорской власти. К домику проложена великолепная эвкалиптовая аллея. А возле него из скальных пород пробивается источник чистойшей, очень холодной, родниковой воды.

Совершенно изумительны всё ещё слабо освоенное

ожное средиземноморское побережье Турции и прилегающие к нему её срединные и восточные районы. На их территории сохранилось в руинированном виде большое количество построек древнегреческого и древнеримского периодов – колоннады дворцов и храмов, открытые театры, площадки стадионов и конных ристалищ, фундаменты городских жилых и общественных зданий, стены оборонительных крепостей и замков.

На одном из участков побережья между городами Анталы и Мерсин обращает на себя внимание древнее римское кладбище совершенно необычной планировки. Оно не площадное, а линейное в виде прямой, идущей с юга на север дороги длиной до 4 километров, по обеим сторонам которой тянутся полуразрушенные каменные кубообразные, прямоугольные или пирамидальные памятники, стены и склепы. Удивляет то, что некоторые из них до сих пор находятся в неплохом состоянии. Кладбище совершенно пустынно и своей северной оконечностью как бы уходит в простирающуюся за ней бесконечную долину. Вечный покой и тишина царят над этим печальным, временем хранимом, забытом людьми, местом.

При движении по средиземноморскому побережью от Анталы на восток начинаешь ощущать, что ты всё более соприкасаешься с подлинной турецкой цивилизацией. Меняется архитектура городских и поселковых зданий. Появляется всё больше людей в национальной одежде. Встречается всё большее число религиозных школ (медресе) и мечетей, в том числе и очень крупных. Такие мечети с типичными для них минаретами находятся в городах Конья, Мерсин и Искендерун. В искендерунской мечети наблюдали мусульманский молебен и танец монахов-дервишей в их белых блузах, широких белых юбках и высоких войлочных головных уборах чёрного или серого цветов. Их плавное движение по кругу при одновременном вращении вокруг собственной оси длится не менее часа и завершается, судя по внешнему виду танцоров, лёгкой нирваной, которую они принимают за духовное слияние с мусульман-

ским богом Аллахом. Мы своим присутствием при входе в мечеть никому не мешали и смогли досмотреть эту сцену до конца.

Восточная Турция – это преимущественно сельскохозяйственная часть страны с её крестьянским населением, сохранившим черты своих истинных предков турок-сельджуков, когда-то пришедших сюда с Алтая и захвативших Анатолийский полуостров. Местные жители существенно отличаются от своих западных братьев и сестёр не только по образу жизни, но и по внешнему виду. Они в массе своей смуглы, низкорослы и приземисты, особенно женщины. Многие из них крайне набожны и потому особо послушны властям. По этой причине именно в восточных районах Турции осуществляется основной набор личного состава в турецкие вооружённые силы. Турецкий солдат стоек, выдержан и смел. Его недостаток – подверженность панике при потере руководства со стороны командного состава. Если это случается, паника может приобрести массовый характер. В этом случае удержать турецкого солдата на поле боя бывает сложно или же вовсе невозможно.

В отличие от восточных, западные турки – это фактически совсем иной народ и по внешнему виду и по уровню культуры. Они имеют более высокий рост, стройны, часто светловолосы и голубоглазы. Например, вождь турецкой нации Кемаль Ататюрк был именно таким, что свидетельствует о наличии в нём или европейской, или славянской, возможно даже русской, крови. Отличие западных и восточных турок поразительно, особенно в мужской среде, где часто встречаются люди с типичными европейскими и славянскими лицами.

Местные жители объясняют это явление рабовладельческой природой Османской империи и национальным «составом» её главного отборного войска «янычар», которое на протяжении четырёх веков формировалось из мальчиков покорённых народов, главным образом албанцев, боснийцев, болгар, пленников из Австрии, Венгрии, Италии, Швейцарии и России. Современный офицерский состав

ВС Турции в значительной степени состоит из потомков янычар, институт существования которых пресёкся относительно недавно, в 1826 году, усилиями султана Махмуда III, который усмотрел в янычарском войске реальную оппозицию своему режиму.

Рабовладельческий строй Османской империи и гарнизоны янычар в бывших столичных и иных крупных городах Турции – Адрианополе, Константинополе, Бурсе и Галате способствовали появлению от смешения крови местных турчанок с представителями европейских, в том числе и славянских народов, новой западной ветви турецкой нации. На этот процесс оказало влияние и наличие в Турции большого числа рабынь из южных европейских стран, а также из Грузии, Черкесии и Армении. Они могли становиться жёнами местных турок и иметь от них общих детей. В результате этого и возник новый тип турецких мужчин и женщин. Особенно хороши женщины. На Востоке их традиционно считают первыми красавицами. При абсолютно белой коже, они сохранили жгучий чёрный цвет волос и глаз. Этот контраст при наличии стройности тела и ног делает их подлинными прелестницами. Это отмечено в бессмертных стихах поэтов Персии, Ирака, Сирии и других восточных стран. Не обошёл этой темы и великий Омар Хайям. Он в своих знаменитых четверостишьях часто отдавал дань этому типу женской красоты.

Поездки по Турции были редки, но представляли для нас большой познавательный интерес. Они давали возможность ближе познакомиться с различными слоями турецкого населения, сформировать о нём глубоко положительное мнение. Турки – замечательный народ. Им свойственны природная добросердечность, высокая степень трудолюбия и традиционная родовая сплочённость. Поразительна их бесконечная любовь к детям. Ребёнок в турецкой семье, даже не очень богатой, это всегда маленькое чудо, на которое молятся, как на божество. К воспитанию нового поколения граждан своей страны турки относятся с величайшей ответственностью. Отсюда – порядок в школах,

средних и высших учебных заведениях. Отсюда – строгий контроль за развлекательными и иными программами национальных средств массовой информации. Отсюда же – положительное влияние религиозного фактора на детей и молодых людей всех возрастов. Родители занимаются детьми постоянно и основательно. То же самое относится и к педагогическому составу младших детских учреждений.

Недалеко от дома, в котором я проживал, находилось одно из таких учреждений. Интересно было наблюдать, как дети этого учреждения выходили между занятиями в его дворик на отдых. Делалось это организованными группами под обязательным контролем воспитателей. Дети в перерывах занимались физкультурой или массовыми играми. При этом никогда не складывалось впечатления, что это им не нравится. Они, как и все дети их возраста, были веселы, радостны и шумливы. Эти сцены заставляли вспоминать межурочные перемены в наших московских школах, где наши чада всегда преданы сами себе: курят, сквернословят, дерутся и хулиганят. В турецких школах и других турецких учебных заведениях такое просто невозможно себе представить. Именно поэтому современная Турция имеет сильное, устремлённое в будущее, молодое население численностью более 80 миллионов человек. Этому населению уже тесны свои государственные границы, и оно вожделенно смотрит на территории соседних тюрко-язычных стран.

Особое влияние Турции на Азербайджан очевидно. Борьба за Казахстан, Киргизию и Туркмению ещё впереди. России всё это нужно принимать в расчёт во избежание непредвиденных неприятностей.

Между тем наступил 1992 год, последний год моего пребывания в Турции. Он для Российской Федерации был одним из самых трудных. Шла на слом созданная несколькими поколениями советских людей экономика страны, рушился её прежний политический строй. Ельцинисты растаскивали по частным углам государственные предприятия и учреждения. Рушились межрегиональные связи. Без работы осталось множество специалистов, в том числе

и высококвалифицированных. В Турции как-то одновременно появилось большое количество так называемых «челноков», занимающихся скупкой турецких товаров с целью их перепродажи на рынках России. Преимущественно это были русские женщины с высшим инженерным и педагогическим образованием. С их появлением во много раз возрос объём работы наших консульских учреждений в Анкаре и Стамбуле. Возникло множество проблем с потерей личных документов, с пропажей купленного товара, с утратой денежных средств, с дорожными и иными происшествиями. Все эти проблемы нужно было решать. В ходе этого процесса потерпевшие нередко делились своими впечатлениями о том, что творилось на нашей родине. Эти неутешительные впечатления от консульских работников быстро распространялись по посольству и другим государственным учреждениям России в Турции и сильно угнетали их персонал. Угнетали они и нас – работников военного аппарата. Мы не комментировали эти явления, но хорошо понимали, что скоро соприкоснёмся с ними, так как некоторым из нас, в том числе и мне, предстояло возвращение в Москву, в совершенно новую, неведомую нам обстановку разрухи и хаоса, в наш полуразрушенный бесчеловечными ельцинско-гайдаровскими реформами быт.

**Возвращение в Москву.
Продолжение службы
в Военно-дипломатической
академии**

В конце сентября 1992 года на моё имя от начальника 4-го Оперативного управления ГРУ ГШ поступила телеграмма, в которой сообщалось, что сроки моего пребывания в Турции подошли к концу и мне с семьёй надлежит установленным порядком убыть на родину. На сборы было отведено десять дней. За этот срок мне надлежало передать служебные дела своему преемнику, провести прощальный

банкет для членов анкарской ассоциации военных атташе, перевезти свою семью в Стамбул и отправить её поездом с местного железнодорожного вокзала в Москву, вернуться в Анкару и через двое суток из анкарского международного аэропорта вылететь самолётом вслед за ней.

В установленные сроки уложился полностью. Банкет, по рекомендации посла, был проведён в посольской зале приёмов. Присутствовали: посол Альберт Сергеевич Чернышов, его советники и первые секретари; весь состав военного аппарата и до двух десятков представителей иностранного военно-дипломатического корпуса. Пришлось произнести краткую прощальную речь на английском языке. Поблагодарил турецкую сторону за содействие в выполнении служебных обязанностей, коллегам пожелал удачи на непростом для них жизненном и служебном пути.

Остаток банкета провели за обеденным столом. Много говорили и много шутили. Всё прошло хорошо и запоминающе. Уже на следующее утро посольским микроавтобусом выехали в Стамбул. Здесь, на местном железнодорожном вокзале, загрузились в вагон советского поезда, и моя жена с сыном через всю южную Европу отправилась в Москву. Через два дня очередным рейсом «Аэрофлота» в Москву улетел и я. В аэропорту меня провожали члены нашего военного аппарата, а также хорошо знавшие меня иностранные дипломаты: югослав, болгарин, палестинец и сириец. Так закончился очередной четырёхлетний, напряжённый, но вместе с тем очень интересный и поучительный этап моей офицерской службы.

Прибыв в Москву, на следующий же день отправился в своё родное 4-е Оперативное управление. Ещё не дойдя до кабинета начальника, от дежурного по управлению получил указание в срочном порядке пройти в политотдел для получения партбилета и учётной карточки члена КПСС. В политотделе меня встретил начальник одного из его подразделений, хорошо мне знакомый по прежней службе полковник Василий Иванович П. Он посетовал на сложившуюся ситуацию, кратко расспросил меня о планах

на дальнейшую службу, вручил партбилет и карточку, в которой значились сроки моего партийного стажа и денежные взносы за четыре года служебной командировки в Турции. На душе сделалось как-то грустно от того, что так обыденно и так просто настал момент прощания с моим партийным прошлым, с тем, что составляло целую эпоху в жизни нашего государства, с тем, чем мы жили и искренне гордились многие годы. Партийный билет и учётную карточку храню у себя дома на память о прежней службе и прежней вере в идеалы так и не осуществившейся коммунистической мечты. При получении партбилета дал себе зарок никогда не связывать себя с какими-либо политическими организациями. Слишком болезненным было расставание с КПСС, в которую я в общем-то искренне верил и действия которой в течение многих лет одобрял.

После краткого общения с полковником П. направился в кабинет начальника 4-го Оперативного управления. Он встретил меня приветливо, поблагодарил за работу и вручил мне орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР», которым я был награждён ещё в августе 1991 года. Далее состоялся разговор о перспективах моей дальнейшей службы. Учитывая то, что её сроки подходили к концу и я стоял на пороге своего пятидесятилетия, выразил пожелание вернуться на преподавательскую работу в Военно-дипломатическую академию, если не на офицерскую, то хотя бы на гражданскую должность. Мой собеседник с этим согласился, но тут же порекомендовал не спешить снимать погоны. При этом выразил намерение ходатайствовать перед вышестоящим начальством о продлении сроков моей офицерской службы ещё на пять лет. Это намерение он выполнил, и я, вернувшись в академию, прослужил в ней как офицер до 55 лет, то есть до октября 1997 года. В течение этого периода исполнял обязанности руководителя учебной группы и руководителя курсового преподавательского коллектива. В этом качестве занимался планированием текущего учебного процесса и контролем за его исполнением всеми подчинёнными мне преподава-

телями. Таковых обычно насчитывалось до шести человек.

Помимо этого, активно включился в кафедральную научно-исследовательскую работу. Участвовал в разработке учебников, учебных пособий и научных статей. Взял на себя руководство двумя соискателями учёной степени кандидата военных наук. В декабре 1993 года стал доцентом и занял доцентскую должность. Спустя полтора года, за активное участие в кафедральной и общеакадемической научной работе, был назначен на должность профессора. На этой должности проработал до последнего дня моей офицерской службы.

В октябре 1997 года был уволен в запас, а ещё спустя пять лет – вышел в отставку. И в запасе и в отставке продолжал работу в академии. С декабря 1997 по ноябрь 2007 года занимал должность доцента 1-й кафедры ВДА. С ноября 2007 по май 2017 года исполнял обязанности заведующего учебным кабинетом той же кафедры. Находясь на должности доцента занимался привычной для себя педагогической работой. Как заведующий учебным кабинетом обеспечивал совместно с подчинёнными мне лаборантами деятельность преподавателей и слушателей в ходе проведения ими плановых учебных занятий.

Работа в академии мне всегда нравилась по целому ряду важных причин. Во-первых, меня окружали замечательные, опытнейшие люди, отличные оперативные офицеры и вдумчивые педагоги. Во-вторых, я любил работу с молодёжью. При этом исходил из постулата древних греков о том, что «уча мы учимся сами». В военную разведку традиционно набираются талантливые и способные молодые офицеры практически из всех видов и родов войск. Они всегда выступают носителями глубоких профессиональных знаний. С ними интересно и полезно общаться. Интересно было работать и с членами их семей. Все жёны офицеров обучались при Академии на специализированных курсах. Изучали иностранные языки, знакомились с правилами дипломатического этикета, приобретали знания по решению некоторых несложных оперативных задач. Контроль за их

учебной деятельностью также возлагался на руководителей учебных групп, и мы этот контроль охотно осуществляли.

Работа со слушателями и их жёнами не ограничивалась только учебными занятиями. Для них в академии политотделом и подчинёнными ему клубными работниками организовывались различные познавательноразвивающие мероприятия: поездки по историческому Подмосковию, посещение московских музеев и выставок, встречи с известными представителями науки и искусства, спортивные состязания и т.п. Во всех этих мероприятиях самое активное участие принимали и мы – руководители учебных групп. Нет лучшего способа изучения людей, чем наблюдать их в живом действии и живом общении. Мне такое наблюдение всегда нравилось. Узнавалось многое, и это многое затем использовалось в педагогической деятельности. Поэтому почти всех своих бывших учеников помню до сих пор. А их у меня за годы педагогической работы насчитывалось более 60 человек. Все они достойно прошли свой служебный путь и почти все, как и я, стали уже военными пенсионерами.

Возвратившись в академию, в первое время не заметил каких-либо серьёзных изменений в её работе. Прекратил существовать политотдел, но на его месте появилась служба по воспитательной работе, которая повторила все его основные функции. Всё же остальное продолжало работать в прежнем режиме. Правда, всё чаще возникали задержки в выплате офицерских окладов. Резкие изменения произошли в середине 1993 года. Они были связаны с попыткой Ельцина абсолютизировать свою президентскую власть и назначить в качестве председателя кабинета министров Егора Гайдара. С этого момента начался тотальный никем не контролируемый переход народного хозяйства страны на рыночные рельсы. Разграблялось и разворовывалось всё подряд. Люди массово стали терять работу и заработок. Наметился острый политический, грозящий новой гражданской войной, кризис. Апогей этого кризиса пришёлся на период с 21 сентября по 5 октября 1993 года, когда в от-

вет на указ Ельцина о роспуске Верховного Совета РФ, его председатель Руслан Хасбулатов обратился к гражданам России с воззванием:

Соотечественники!

Бывший президент Ельцин растоптал Конституцию, объявил свою личную диктатуру и поставил себя вне закона. Никакой поддержки клятвопреступнику! Законны только решения Верховного Совета, Съезда народных депутатов, Конституционного суда и исполняющего обязанности президента РФ Александра Руцкого.

Сейчас, как никогда, спасение и возрождение России зависит от сохранения и укрепления власти Советов.

Спокойствие! Бдительность! Рабочая обстановка!

Судьба Отечества в наших руках.

Москва. 21 сентября 1993 г.

Действия Ельцина и его сторонников имели выраженный антиконституционный характер. Он не имел права распускать Верховный Совет и абсолютизировать свою власть. Но он пошёл по этому пути. В ответ Верховный Совет принял решение вынести Ельцину своё недоверие (импичмент). Военная власть колебалась. Но в конечном итоге и Министерство обороны и Министерство внутренних дел выступили на стороне ельцинских сил. В Белом доме забаррикадировались его защитники. К дому подтянулись толпы равнодушных людей с намерением сохранить последний островок советской власти. Защитники парламента были вооружены несколькими десятками автоматов. Пришедшие к нему люди вообще не имели при себе никакого оружия. Против них выдвинулись регулярные, в том числе и бронетанковые, подразделения двух главных российских силовых ведомств, которыми руководили генералы Павел Грачёв и Анатолий Романов.

По их команде из танковых орудий начался обстрел верхних этажей Белого дома. Пулемёты бронированных

машин пехоты обрушили ураганный огонь по безоружной толпе. Уже в первые часы вооружённого противостояния погибло около тысячи ни в чём не повинных людей. В последующие часы у Останкинского телецентра и у Белого дома, по подсчётам различных исследовательских организаций, было убито ещё от полутора до пяти тысяч человек. Их изуродованные тела тайно вывозили из Москвы железнодорожным, автомобильным и речным транспортом, а затем сжигали в крематориях или хоронили на закрытых территориях воинских частей. Подлинное число жертв кровавого октября 1993 года не установлено, так как сведения о них до сих пор хранятся в строжайшей тайне.

Министр обороны РФ Павел Грачёв позднее пытался отречься от участия своих войск в расстреле Белого дома, указывая на то, что в нём (в расстреле) «участвовало всего четыре танка, которые стреляли по окнам пустующих кабинетов болванками с целью вынудить заговорщиков покинуть здание Дома Советов». Спустя некоторое время другими участниками этих событий уже сообщалось, что из орудий этих четырёх танков на самом деле было выпущено до 64 снарядов, часть из которых имела фугасноосколочное снаряжение большой разрушительной силы. Это изобличает Грачёва в явной лжи. Министерство обороны принимало участие в расстреле здания парламента и, видимо, нанесло ему немалые разрушения. Однако главный урон этому зданию был причинён бронетанковыми частями Министерства внутренних дел, которыми руководил их командующий генерал Романов. В средствах массовой информации он длительное время позиционировался как герой России, ведущий непримиримую борьбу с чеченскими сепаратистами. Его «героические дела» у Дома Советов тщательно замалчивались. О них и о личности генерала Романова я подробно узнал лишь в 1996 году, находясь на лечении в военном госпитале имени Н.Н. Бурденко. Вместе со мной в лечебной палате лежал участник Карибского кризиса, хорошо информированный по ряду военных вопросов, полковник в отставке Николай Ф. Однажды мы

стояли с ним на балконе, а внизу по дорожке два солдата срочной службы на инвалидной коляске везли человека в повседневной генеральской форме. Эту процедуру мы наблюдали почти каждое утро до начала врачебного обхода. Этот человек уже очень длительное время находился на госпитальном лечении, и к нему все присмотрелись и привыкли. Мой сосед, глядя на коляску и сидящего в ней генерала, неожиданно спросил: «Ты знаешь этого человека?» Я ответил: «Это генерал Романов, получивший тяжёлую контузию в ходе боевых действий в Чечне». С минуту помолчав, мой собеседник негромко произнёс: «Ты видишь перед собой главного расстрельщика Белого дома, который сознательно совершил это преступление ради обещанной ему Ельциным быстрой военной карьеры. Зверствовал он и зверствовали его подчинённые, особенно из состава отрядов милиции особого назначения (ОМОНа). Именно они из своих танков и бронемашин нанесли главные разрушения этому многострадальному зданию. Именно они гусеницами танков давили лежащих на асфальте людей, именно они безжалостно расстреливали загнанных за ограду стадиона «Красная Пресня» безоружных граждан, включая детей и молодёжь. Именно они ещё накануне октябрьских событий запугивали защитников Дома Советов тем, что будут их убивать и резать, что потом делали со звериной злобой и фашистским садизмом. В этом повинны все подразделения ОМОНа, согнанные в Москву из разных городов, но особенно зверствовал Свердловский ОМОН. Ему приписывают карательные действия в районе станции метро «Краснопресненская», где в подъездах близлежащих домов было найдено большое количество обезображенных трупов, в том числе и женских. Ему же ставят в вину затопление подвалов Белого дома в районе 8-го подъезда, где пряталось большое количество людей. Их залили кипятком отопительной системы и они были в этом кипятке заживо сварены. Позднее в этом подвале было обнаружено множество плавающих мёртвых тел».

Все эти факты собрал в своей обличительной книге

«Жертвы чёрного октября» кандидат исторических наук Валерий Анатольевич Шевченко. Как автор он исходил из того, что фактическое число убитых и искалеченных у Белого дома людей могло быть гораздо больше тех цифр, которые сообщала официальная статистика. Он же допускает мысль о том, что к расстрелу российских граждан могли быть привлечены снайперы США и Великобритании, которые умышленно провоцировали масштабы и ожесточённость возникшего у Белого дома кровопролития.

В связи со сказанным возникает вопрос: «Откуда взялись эти омовцы? Как они могли появиться в органах безопасности ещё во времена существования СССР? Кто и для чего их готовил? И почему они были столь бесчеловечны к своим соотечественникам, выступая против них как лютые звери, как отпетые садисты?» Прошло более 30 лет с тех кровавых событий, но на эти вопросы до сих пор нет внятных ответов. И их не будет пока сведения о них будут находиться под строгим государственным секретом.

Но пострадавшие в кровавом месиве октября 1993 года люди момента раскрытия подлинной сущности этих секретов не хотели ждать. Уже с 1994 года в периодической прессе стали появляться заметки о таинственном исчезновении ряда представителей внутренних войск, которые были причастны к убийствам и насилию в Останкино и у Белого дома. Видимо, таким образом неизвестные нам граждане совершали акты мщения и за себя и за своих пострадавших родственников. Сообщалось также и о том, что подобная охота велась и на генерала Романова, который за учинённый им расстрел парламента был повышен в звании до генерал-полковника, награждён золотой медалью Героя России, и во спасение от мстителей убран из Москвы с назначением на должность командующего Объединённой группировки федеральных войск в Чечне. Ранее ему был вручён орден «За личное мужество», проявленное при выполнении спецзадания в условиях, сопряжённых с риском для жизни.

Удалённость от Москвы не спасла. В Чечне в октябре

1995 года генерала настигло возмездие. На него неизвестными лицами было совершено покушение. Он подорвался на mine на пути следования по городу Грозный в бронированной машине пехоты. Взрывом генерала подбросило вверх, и он ударился головой о крышку люка. Результат – перелом костей основания черепа, потеря речи и неспособность самостоятельно двигаться. Чеченская сторона покушение на генерала на себя не взяла. До сих пор не известно, кто его организовал и провёл. Теперь, с учётом физического состояния генерала Анатолия Романова, устанавливать данный факт уже, наверное, не имеет смысла. За минувший с того момента 30-летний срок генерал долгое время лечился в Главном клиническом военном госпитале Н.Н. Бурденко и в Госпитале Министерства внутренних дел. Имеются сведения, что он до сих пор жив и до сих пор страдает от постигших его в Чечне последствий взрыва.

События, связанные с окончательным переходом власти в России от Верховного Совета в руки Ельцина и последующая за этим «Чеченская война», грозившая распадом самой Российской Федерации, офицерами нашей службы переживалась крайне тяжело, ибо мы знали на примерах других стран, чем это может грозить. 4 октября 1993 года, в день расстрела Белого дома, все служащие ВДА находились на своих рабочих местах и занимались учебным процессом. Приблизительно в полдень по внутренней академической радиосвязи прозвучало указание начальника академии о временном запрещении выхода в город. Запрещение действовало до позднего вечера, пока не подверглись аресту Хасбулатов, Руцкой и ряд других защитников Белого дома.

Наступила эра ельцинистов, сразу же названная в народе «второй смутой», при которой, как и при первой (1611-1612 годов), правящие круги России позволили управлять собой и русским народом иностранным политикам. Россия, как и во времена Василия Шуйского, на некоторое время потеряла свою самостоятельность. Во все, даже в самые чувствительные, органы государственного управления про-

никли американские и английские советники. Наша родина столкнулась с невиданным для неё ранее национальным позором и унижением. В сложившихся условиях многие честные люди не выдерживали и добровольно уходили из жизни. Многие погибали, потеряв постоянную работу и постоянный заработок. Отдельные состоятельные семьи стали массово покидать Россию. Ельцин и его бездарный экономист Егор Гайдар бросили страну и её народ на произвол судьбы. Бесстрастно наблюдать возникший хаос и кровавую войну на Кавказе становилось невозможным. Народ пребывал в растерянности, страхе и молчаливом бездействии. Возникло сомнение в его способности постоять за себя. Это сомнение породило протестный стих «Русскому человеку»:

Мы – жалкие рабы. Печален наш удел.
Живём по-глупому и глупо умираем,
Своей истории не помним и не знаем,
Вершим родной земли разбойный передел.

Мы – племя низкое. Убог наш падший дух.
Ещё мы мечемся, ещё вопим и воем
И, словно Чингиз-хан с ордою верных слуг,
Свои же города берём с кровавым боем.

Всевидаец Бог! Он русских невзлюбил
За их к падению всечасную готовность,
За трусость их и рабскую покорность
Он их спокойствия и разума лишил.

К великому огорчению, переживаемые нашей страной бедствия не могли не сказаться на судьбе наших слушателей. Рушилось и разворачивалось всё. Гражданским людям и всем категориям военнослужащих, почти повсеместно прекратили выплату денежных средств. Слушательские семьи, не имеющие иных источников доходов, кроме офицерских окладов, оказались в крайне затруднительном

положении. Если преподавательский состав ещё имел некоторые возможности как-то пережить эту драму за счёт имеющихся семейных накоплений, то слушатели оказались в совершенно отчаянном состоянии. В поисках выхода из него почти все они стали искать себе дополнительную работу. Имеющие личные автомобили, занялись пассажирским извозом. Не имеющие таковых – пошли в наём грузчиками на железнодорожные станции и овощные базы. Некоторые устроились в городские больницы в качестве уборщиков больничных территорий. Многие, работая по ночам и по выходным дням, не выдерживали таких перегрузок и начинали отставать в освоении сложных академических учебных программ. Были случаи, когда некоторые из слушателей из-за хронической переутомлённости и недоедания на занятиях падали в голодный обморок. Сложилась невыносимая ситуация, с которой нужно было что-то срочно делать. В этих условиях начальник академии адмирал Василий Семёнович Ткачёв принял решение обратиться за помощью к Министру обороны Российской Федерации генералу армии Грачёву. Состоялась встреча, в ходе которой министру было доложено о бедственном, совершенно нетерпимом положении слушательского состава Военно-дипломатической академии. В результате, во имя спасения трёх очередных слушательских выпусков, было принято решение о переводе переменного состава академии с обычного офицерского на более калорийный «лётный паёк». С этого момента каждый слушатель стал получать сытный, состоящий из трёх блюд, каждодневный обед. Семьям стали выдавать месячные продуктовые наборы, включающие мясные и молочные консервы, сливочное и подсолнечное масло, свежий картофель, крупы и мучные изделия.

Положение слушательского состава постепенно стабилизировалось. Восстановился учебный процесс. Жизнь вновь вошла в более или менее привычное русло. Особое продовольственное обеспечение академии продолжалось до оставления Грачёвым в 1996 году своего министерского

поста. После этого оно перешло на обычные нормы продуктового снабжения. К 1999 году восстановились регулярные месячные выплаты денежных офицерских окладов. Несколько смягчился и ельцинский режим. Народ присмотрелся и частично приспособился к нему. Он сумел хорошо рассмотреть и оценить самого Ельцина. Тот то падал в реку с букетом цветов с моста; то в полупьяном состоянии размахивал руками, управляя в Берлине немецким оркестром; то мочился под колёса президентского самолёта на виду у встречающих его иностранцев; то потрясая беспальным кулаком правой руки, призывал Бога хранить досточтимую Америку. За всё это в народе его всё чаще стали называть «безумным Борисом», давались ему и иные почти матерные имена. Они формировались из начальных букв его фамилии, имени и отчества – Е, Б, Н. Авторитет самозваного руководителя России стал катастрофически падать. К концу 1999 года он достиг своего минимума, о чём свидетельствовали все проводимые в это время опросные рейтинги. По рекомендации ряда влиятельных «кремлёвских советников» и лидеров умеренных оппозиционных группировок, а также Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Ельцин совершенно неожиданно вечером 31 декабря 1999 года сделал российскому народу драгоценный новогодний подарок. Он добровольно отказался от президентской власти, передав её Председателю Правительства Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, который в тот момент всё ещё разделял взгляды своего высокопоставленного патрона и его идеологических сторонников: Собчака, Гайдара, Чубайса и ряда других подобных им лиц. Поэтому на первом этапе своего президентства, как и все они, придерживался курса на безграничное сближение с Западом. Ввиду этого оппозиционные этому курсу силы в лице КПРФ и народников-патриотов вменяли ему в вину целый ряд, противоречащих интересам России, деяний: заявленную им просьбу о вступлении Российской Федерации в блок НАТО; почти полный разрыв дружественных связей с Кубой; отказ от военно-морской базы во Вьетнаме; зато-

пление под нажимом американцев в водах Тихого океана ещё работоспособной космической станции «Мир»; передачу части морской, богатой рыбными ресурсами, акватории Баренцева моря под контроль Норвегии; готовность передать Японии в обмен за подписание мирного договора стратегически важные острова Южной Курильской гряды; оставление под нажимом экономиста-либерала Алексея Кудрина в банках западных государств финансовых активов Российской Федерации, которые теперь эти государства пытаются использовать на содержание вооружённых сил воюющей с нами Украины; назначение на пост министра обороны РФ отпетого хама и вора Анатолия Сердюкова, целью которого, по его собственным словам, было проведение таких военных реформ, которые бы завершились увольнением из рядов Российской армии «всех служащих в ней советских офицеров». О незавидных делах Сердюкова в октябре 2012 года в «Комсомольской правде» появилась острая критическая статья Александра Минкина, в которой раскрывалась вся суть преступных действий этого человека. В результате этих действий пострадали сотни высококвалифицированных военных специалистов. Серьёзный урон понёс офицерский состав Оперативного управления Военно-морского флота, который был категорически против передачи флотских управленческих функций командованию Сухопутных войск. Ведущаяся в наше время Специальная военная операция доказала, что такая передача была абсолютно ошибочной, так как вносила серьёзные затруднения в процесс управления силами флота и сухопутных войск.

Как видим, современный президент Путин – это результат постоянного и вынужденного эволюционирования. Из сторонника Ельцина и Собчака он превратился в признанного руководителя России в процессе трудной учёбы на собственных ошибках. Учило его и отношение западных лидеров к нему самому и возглавляемой им России. Часто это отношение, особенно американских и британских руководителей, было насмешливым и пренебрежительным. Всё это заставило Владимира Владимиро-

вича в ходе второго и третьего сроков своего президентства внутренне преобразиться и встать на чётко обозначенный патриотический путь. На этот путь с помощью здоровых российских сил он направил и саму Россию. Свершилось великое, считавшееся почти невозможным, чудо. У руля государства оказался наученный трудным опытом, умный, волевой, национально ориентированный лидер. При активной поддержке всех здоровых национальных сил он наконец-то сделал наше отечество суверенным, мало зависимым от западных стран, государством. Мы наконец почувствовали себя возродившейся нацией, окрылились надеждой на достойное существование в семье других независимых народов мира.

Что же касается Ельцина, то он ещё некоторое время пытался вмешиваться в дела своего молодого преемника. Долго потворствовал членам своей семьи, особенно дочери и её мужу, в обогащении за счёт присвоения государственного предприятия «Аэрофлот». Был подозреваем в мздоимстве за помощь близким ему чиновникам в обретенных доходных должностных постов. Обо всём этом писала оппозиционная ельцинскому режиму пресса. Абсолютно верить этим сведениям не приходится. Хотя, как говорится в народе: «Нет дыма без огня».

Прожив бурную и не совсем здоровую жизнь хронического алкоголика, 23 апреля 2007 года в возрасте 77 лет Ельцин скончался от остановки сердца. Покойному воздали незаслуженные почести по высшему государственному разряду. Отпели в присутствии всех членов правительства в первопрестольном храме Христа Спасителя. Похоронили в центре престижного Новодевичьего кладбища, выделив для могилы часть неприкасаемой ранее торжественной поминальной площадки. Позднее над могилой, во избежание надругательств со стороны озлобленных сограждан, возложили тяжёлую бетонную плиту в виде флага Российской Федерации. Факт оказания столь значимых почестей столь ничтожному человеку породил протестные чувства. Спонтанно возникли строки стихотворения «На смерть демократа»:

Воздали почести мерзавцу из мерзавцев,
Похоронили с помпой, как мудрого вождя,
С августовой ухмылкой святотатства
Отпели в храме, ладаном кадя.

Причислили к великим и всеильным,
К отцам Отечества, к хранителям земли,
Пигмею жалкому с его умом дебильным
Роль реформатора лакейски отвели.

Шуту, развратнику, пьянчуге, дебоширу
Роняли в гроб цветы с печалью заказной,
И снова тем явили «русскость» миру
В её обличье девки площадной.

Так закончилась противоречивая, во многом трагичная, чуть ли не погибельная для нашего народа, ельцинская эпоха. Началась новая, долгожданная для всех нас эра возрождения. После жесточайших испытаний, которые бы не выдержал ни один европейский народ, Россия вновь начала жить в рамках свойственных только ей, цивилизационных ценностей, то есть: государственности, народности и конституционного равноправия. Хочется верить, что с этого пути она уже никогда не свернёт.

Досуговые увлечения и пристрастия. Изучение достопримечательностей Москвы

Как уже знает читатель, в период с 1997 по 2007, а затем с 2007 по 2017 годы я продолжил службу в Военно-дипломатической академии, но уже в гражданском статусе в качестве доцента, а затем – заведующего учебным кабинетом 1-й кафедры. За двадцать лет педагогической и научной деятельности был награждён орденом «Почёта» и получил

звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Своей работой был доволен. Продолжал тесное сотрудничество и дружбу с коллегами, прошедшими со мной к этому моменту под знамёнами ВДА в общей сложности более тридцати лет.

Заняв должность заведующего учебным кабинетом и отойдя от строго регламентированного графика учебно-педагогической деятельности, стал уделять больше внимания своим давнишним увлечениям – изучению московской городской среды и экскурсионным познавательным поездкам по Подмосковию и городам Центральной России. По настойчивым рекомендациям близкого друга Александра Егоровича Мачехина существенно активизировал свою литературную деятельность и подготовил к изданию несколько поэтических сборников. Но об этом речь пойдёт чуть позже. Сейчас же обращу внимание на Москву, Подмосковию и некоторые особо значимые с исторической точки зрения города и населённые пункты Центральной России.

Москва была и остаётся одним из красивейших городов не только нашей страны, но и всей Европы. Она богата музейными и художественными выставками, театральными постановками, а также красивейшим архитектурным наследием. После возвращения из Турции взял за правило посещать все подобные выставки и постановки, планомерно изучать исторические районы столицы с последующей фиксацией полученных впечатлений в своих дневниковых тетрадах. А таких тетрадей накопилось уже немало. Они стали для меня надёжным подспорьем в писательском труде, уводя мысли в минувшее время и возвращая память к пережитым мною наблюдениям.

В Москве на многие годы постоянными местами моего посещения стали Пушкинский музей, Третьяковская галерея, сменные выставки картин в Царицынском дворце, Манеже, в зале нижней церкви храма Христа Спасителя и Школе акварели Сергея Андрияки. В них на протяжении многих лет ведётся показ работ выдающихся русских и советских художников. Стараясь не пропускать ни одну

из подобных выставок, пришёл к твёрдому убеждению, что русская художественная школа всегда была и остаётся одной из лучших мировых школ и потому, наряду с итальянской, может смело претендовать на свой особый цивилизационный статус. У остального Запада, особенно современного, впавшего в разврат и мракобесие, нам, похоже, уже учиться нечему.

То же самое могу сказать и про наше национальное архитектурное наследие. Изучал его по справочной литературе, а затем в ходе хорошо спланированных прогулок по городу. Начал этот увлекательный процесс с Кремля – красивейшего архитектурного и исторического памятника нашей столицы. На основании полученных впечатлений могу утверждать, что ни одно подлинно русское сердце не может оставаться равнодушным при виде кремлёвских крепостных стен, колокольни Ивана Великого, зданий Арсенала, Сената и Грановитой палаты – свидетелей жизнедеятельности нескольких поколений самодержавных русских царей. Уникальная красота и неповторимое изящество этих построек невольно воскрешают в памяти слова великого Гёте, назвавшего творения архитектуры «застывшей в камне музыкой». Кремль и его внутренние здания – это звучание именно такой замечательной музыки. Все её оттенки и аккорды бесподобно красивы и величественны.

Замечательно и внешнее окружение Кремля, его семнадцать сторожевых башен, особенно проездные – Спасская, Троицкая, Боровицкая и угловые Тайницкая (Москворецкая) и Арсенальная. Существенный интерес представляет разбитый над замурованным в землю руслом реки Неглинная, названный в честь императора Александра I и его полководцев, величественный Александровский сад, а также прилегающие к нему здания Манежа и факультета журналистики Московского университета.

По-особому хороши сохранившиеся части оборонительной стены Китай-города, некогда защищавшие земли знатных московских бояр и ремесленного делового люда столицы. Эта, возведённая во времена царицы Елены

Глинской, стена тянулась от Красной площади и церкви Василия Блаженного до ныне несуществующих Варварских ворот. Здесь она резко поворачивала влево, направляясь в сторону Старой, Новой и Лубянской площадей. От Лубянской площади, параллельно Никольской улице, вновь резко уходила влево и упиралась в угловую Арсенальную башню Кремля. За многовековую историю китай-городская оборонительная стена многократно перестраивалась и, уступая новым городским застройкам, частично ликвидировалась. Особенно пострадала та её часть, которая выходила к Старой и Новой площадям. Сохранились лишь её южные и северо-западные участки.

За этими участками размещены исторические московские улицы Никольская и Ильинка, связанные между собой старинными переулками: Игнатьевским, Никольским, Рыбным, Хрустальным, Богоявленским и Ветошным. Наряду с территорией Кремля все эти улицы и переулки считаются административным, деловым и торговым центром исторической Москвы.

На Никольской улице размещены хорошо сохранившиеся здания Заиконоспасского монастыря и Славяно-греко-латинской академии, в которой учился прибывший с рыбным обозом из Холмогор будущий великий учёный и просветитель России Михайло Васильевич Ломоносов. Здесь же некогда размещался первый «государев печатный двор», о чём свидетельствует памятник его работнику, искусному мастеру печатного дела Ивану Фёдорову на холме у Лубянской площади.

Не менее интересна и улица Ильинка, названная так по находящейся на ней церкви Ильи Пророка. На ней размещены хорошо сохранившиеся здания подворий Троице-Сергиевой лавры и Иосифа-Волоколамского монастыря, старого Гостиного двора и Московской фондовой биржи.

За Ильинской, соседствуя с Зарядьем, находится знаменитая своими строениями улица Варварка. Она носит это имя в честь размещённой на ней церкви Варвары Велико-мученицы. На этой улице, идущей над обрывом, на разном

уровне тянутся подаренные Иваном Грозным в 1556 году английскому двору так называемые «Английские палаты», древние храмы и дома богатых московских бояр, в том числе и Никиты Романова – деда первого царя романовской династии Михаила Фёдоровича Романова, близкого родственника первой жены Ивана Грозного – Анастасии Романовой. Этот дом по адресу улица Варварка № 10 сохранился. После реставрационных работ 1980 года в нём открыт музей рода бояр Романовых.

На примыкающей к улицам Никольской и Варварки территории Китай-города находится большое количество замечательных старинных церквей, государевых построек и усадеб богатых русских сановных лиц, в частности – князей Одоевских и Черкасских, некогда роднившихся с царской семьёй. Эта часть Китай-города примыкает к Ильинскому скверу, Славянской площади и заложенной в конце XIV века Дмитрием Донским церкви Всех Святых на Кулишках (на лесных вырубках) в честь павших на Куликовом поле русских воинов. Часть из них при возвращении русского войска с этого поля в Москву была захоронена в Коломне, часть – в Московском Симоновом монастыре, небольшая часть – на землях этой церкви.

Этот район знаменит и тем, что вблизи него находится величественное здание Политехнического музея, известного своими техническими экспозициями и Первым корпусом с его актовым залом, где на протяжении нескольких десятилетий выступали поэты Серебряного века, а затем и советские поэты. К этому району относятся также здания Большого и Малого театров, залы Государственного исторического и подземного Археологического музеев.

Центр Москвы, окружённый роскошным Бульварным кольцом, замечателен во всех своих отношениях как в архитектурном, так и в историческом. Здесь размещены неповторимые по своему изяществу здания Московского университета и Российской государственной библиотеки, Дом П.Е. Пашкова и Художественная галерея А.М. Шилова.

Великолепно и само, разделённое на отдельные отрезки,

Бульварное кольцо с его зелёными, засаженными декоративными деревьями и кустарниками аллеями, с идущими вдоль них старинными двух- и трёхэтажными дворянскими, наделёнными особой архитектурной красотой, усадьбами. Бульварное кольцо – это живой, постоянно совершенствующийся, любимый москвичами участок столицы. На его территории традиционно размещались и продолжают размещаться памятники выдающимся людям нашего отечества: Пушкину, Гоголю, Грибоедову, Тимирязеву, Есенину, Рахманинову, Твардовскому, Высоцкому, Шолохову, Гамзатову и другим представителям русской национальной культуры.

Не менее интересны и все иные, примыкающие к внешней границе Бульварного кольца районы Москвы – Белого и Земляного городов, а также Замоскворечья, лежащих в пределах современного московского Садового кольца. Любому любящему Москву человеку будет небезынтересно побывать на Ивановской горке, где размещены белокаменный храм Равноапостольного князя Владимира и высокие стены Ивановского монастыря, использовавшегося в годы советской власти органами ОГПУ и КГБ в качестве тюремного застенка для ведения следственных дел так называемых «врагов народа», часто совершенно невинных людей.

За монастырём расположен хорошо сохранившийся район старинных дворянских усадеб и старинных церквей. За ним следует знаменитая, талантливо описанная московским писателем В.А. Гиляровским, «Хитровка» – место воровской торговли, ночлежек и пьяных притонов нескольких поколений московских воров и разбойников. На одном из местных жилых домов можно отыскать памятную таблицу, извещающую о том, что своё название Хитровка получила по фамилии градоначальника Москвы генерала Н.З. Хитрово́ (1779-1826), много лет безуспешно боровшегося с этим разбойным гнездом.

От Бульварного кольца в сторону его более позднего побратима – Садового, радиально разбегаются в разные сто-

роны знаменитые московские улицы: Маросейка, Покровка, Мясницкая, Большая Лубянка, Рождественка, Неглинная, Петровка, Дмитровка, Большая и Малая Никитские, Воздвиженка. Каждая из перечисленных улиц знаменита своей историей. Маросейка – это место размещения подворий украинских (малороссийских) гетманов и атаманов. Покровка – улочка, на которой местным торговым людом была возведена красивая церковь Покрова Пресвятой Богородицы; Мясницкая – некогда изобилующая лавками поставщиков мяса и мясных продуктов, шумная торговая улица. Большая Лубянка – небольшой участок бывших угодий боярина Кучки, непримиримого противника владимирского князя Андрея Боголюбского, заселённый проживающими на нём заготовителями «лубка» – липовой древесины для изготовления досок под иконы.

За Большой Лубянкой до Садового кольца пролегла улица Сретенка. Своё название получила по встрече (сретению) иконы Божией Матери Владимирской, которую в 1397 году доставили из Владимира для защиты Москвы от подходящих к ней полчищ хана Тамерлана. На этой же улице, в её срединной части, находится знаменитый Сретенский монастырь, его главный храм и семинария. На ней же, не доходя Сухаревской площади, размещена старинная белокаменная церковь Живоначальной Троицы в Листах, считающаяся церковью русских моряков по расположенной здесь когда-то Сухаревской башне, где действовала созданная Петром I первая морская навигационная школа.

Параллельная Сретенке, улица Рождественка обязана своим названием ныне восстановленному и переданному Русской Православной церкви Рождественскому женскому монастырю и бывшей Рождественской слободке звонарей. На территории монастыря действует его главный храм Николы Чудотворца в Звонарях, монашеская школа и здание монашеского общежития.

Следующая за Рождественкой улица Неглинная носит своё название по замураванной под ней одноимённой реке. Неглинная – это место знаменитых московских бань, в том

числе и действующей по сей день «Сандуновской». Она же считается центром нескольких ремесленных слобод, преобразованных позднее в московский торгово-промышленный центр.

За Неглинной идёт знаменитая Петровка с её Высокопетровским мужским монастырём, превращённым в советские годы в музей археологии. Экспонаты музея рассказывают о жизни нескольких поколений москвичей. Его экспозиционные выставки богаты найденными в земле изразцами, монетами, предметами домашнего быта, эксплирами холодного оружия и изящными женскими украшениями. На Петровке охотно селились семьи ремесленников, а затем и дворян. Здесь в разное время проживали близкий друг А.С. Пушкина философ П.Я. Чаадаев, писатели А.П. Чехов и В.А. Гиляровский.

Не менее знаменита лежащая слева от Петровки улица Большая Дмитровка. Она названа так по размещению вдоль неё жилых и торговых строений выходцев из города Дмитрова. Это улица богатых доходных домов, усадеб московских купцов и торговцев. Она же – одно из первых мест возникновения московской театральной жизни.

Улицы Большая и Малая Никитские и находящаяся недалеко от них – Воздвиженка получили свои названия по некогда расположенным на них Никитскому и Крестовоздвиженскому монастырям. Эти названия им дали селившиеся в этих местах переселенцы из Великого Устюга и Новгорода. На Большой и Малой Никитских улицах размещены храмы Большого и Малого Вознесения Христа. В трапезной храма Большое Вознесение в 1831 году венчались А.С. Пушкин и его молодая невеста Н.Н. Гончарова. Рядом с этим храмом расположены дома-музеи писателей Алексея Толстого и Максима Горького, а также двухэтажный особняк отца великого русского полководца А.В. Суворова. Недалеко от этого особняка, в самом начале Никитских улиц, красуется небольшая, но очень уютная церковь Иконы Смоленской Божией Матери. Её прихожанином долгие годы был Александр Васильевич Суворов.

Он, навещая своего отца, охотно ходил в эту церковь, пел псалмы и каноны на её клиросе вместе с другими участниками церковного хора.

Слева, при следовании от этой церкви в сторону Садового кольца, простирается не менее замечательная Поварская улица. Своё название берёт от некогда размещённых на ней «Кормовых слобод», снабжавших продуктами питания Кремль и иные богатые районы столицы. На Поварской находится дворец князей Долгоруких, известный по историческому роману Л.Н. Толстого «Война и мир» как хлебосольный дом Ростовых. Сейчас в нём работает правление Союза писателей России. В нём же размещён знаменитый зал, где в двадцатые годы прошлого столетия читали свои стихи многие поэты Серебряного века, в том числе и Александр Блок.

На этой же улице, в её срединной части, возвышается величественный бронзовый памятник выдающемуся русскому поэту, лауреату Нобелевской премии Ивану Алексеевичу Бунину. В сотне метров от памятника, в Борисоглебском переулке, находится Дом-квартира поэтессы Марины Цветаевой. В ней она проживала с сентября 1914 по май 1922 года перед выездом в Берлин, Прагу, а затем – в Париж на долгие семнадцать лет трудной эмигрантской жизни.

При выходе с Поварской улицы налево, на Садовое кольцо, открываются Арбатская площадь и улица Старый Арбат. Своё название берут от тюркского слова «арба», обозначающего телегу для перевозки тяжёлых грузов. Производство таких телег осуществлялось в здешних местах, именуемых Колымажной слободой. Здесь, по адресу Старый Арбат № 53-55, размещён Дом-музей поэта и писателя Андрея Белого. В нём он родился и жил. Здесь проводились заседания членов московского клуба символистов, на которых с речами и чтением стихов выступали многие члены этой организации, в том числе – В. Брюсов и К. Бальмонт.

Вторая половина дома, под номером 53, является также музеем, но музеем посвящённом А.С. Пушкину. Здесь в

январе 1831 года, после венчания с Натальей Гончаровой, он проживал несколько десятков дней. Занимаемое молодой четой помещение ныне превращено в Мемориальную квартиру. Её материалы и экспонаты раскрывают особый, крайне волнительный, период семейной жизни нашего великого соотечественника и его молодой супруги.

На противоположной стороне Старого Арбата размещено здание Московского театра имени Евгения Вахтангова, прославленного именами выдающихся русских актёров: Николая Гриценко, Михаила Ульянова, Василия Ланового, Ирины Купченко и многих других представителей этого замечательного вида искусства. Перед входом в театр красуется горящий золотом памятник молодым, только что начавшим семейную жизнь Александру и Наталье Пушкиным. Глядя на этот памятник, я в июле 2001 года всего за полчаса написал стихотворение «На Арбате у дома № 53». Вот строки этого стихотворения:

Воспетая в стихах великого поэта,
Москва хранит его священные следы,
Следы его друзей, их вещи, их приметы,
Усадьбы их и тихие сады.
Пречистенкой иду и по Тверской спускаюсь,
Никитской прохожу и на Арбат спешу,
Здесь воздухом эпохи той дышу
И той эпохою всё более пленяюсь.
А вот и Пушкин! Рядом Натали!
Он радостен, она чуть-чуть печальна,
На нём – английский фрак, сидящий идеально,
На ней – искристый шёлк, бегущий до земли.
Он что-то говорит, она ему внимает,
Но смысл его речей едва ли понимает.
В себя она, в себя погружена,
И мысль её бежит, как вольная волна,
Всегда изменчива, всегда неуловима,
Всегда другою мыслию безудержно гонима.
Она идёт, слегка потупив взор,

В плену девичьих грёз: вся – трепет, вся – волнение,
Не чувствуя земного притяженья,
Презрев душой придворных сплетен вздор.
Чета идёт, а ветер озорной
Играет локоном невесты молодой.

Под стать Арбату и проходящая рядом с ним небольшая по длине, но насыщенная историческими и архитектурными памятниками улица Волхонка. Её название проистекает от фамилии князей Волконских – прежних владельцев этих земель. Улицу украшают совершенный по красоте и мощи главный храм России – храм Христа Спасителя, уникальные здания Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, художественная мастерская В.А. Тропинина. Волхонка – это живое сердце столицы, олицетворение её никогда не увядающей красоты и славы.

То же можно сказать и про улицу Пречистенку, ведущую к Пречистой деве, то есть к Новодевичьему монастырю. На ней размещены: Государственный музей А.С. Пушкина с богатейшей коллекцией вещей, картин и печатных материалов той, теперь уже далёкой от нас эпохи; Дом учёных – место отдыха представителей московских научных кругов и рядовых москвичей, он же – дворец бывшего военного губернатора Москвы И.П. Архарова, чьим именем «архаровцы» назывались подчинённые ему чины полицейского полка за их грубое обращение с жителями столицы; резиденция патриарха Русской Православной церкви святейшего архиепископа Кирилла.

Параллельно Пречистенке пролегает одна из самых красивых улиц центральной части Москвы – улица Остоженка, которую, рисовавший с неё этюды молодой художник В.И. Суриков называл «ласковой улицей». Своё название получила по расстилавшимся здесь когда-то лугам, на которых накашивали траву для стожков. Остожье, место покрытое стожками, занимало довольно большую площадь и тянулось до Крымского брода, то есть до самого мелководья Москвы-реки. Сейчас на этом месте стоит знаменитый

Крымский мост. На Остоженке в разное время помимо Сурикова проживали художники А.Е. Архипов и С.В. Иванов. На ней же размещён знаменитый, основанный царём Фёдором Ивановичем и его супругой Ириной Фёдоровной, почитаемый москвичами, Святозачатьевский монастырь. В наше время этот монастырь восстановлен и действует, являясь местом паломничества молодых женщин, испытывающих трудности с обретением ребёнка.

На этой же улице находится уютный деревянный дом матери великого русского писателя И.С. Тургенева, который он описал в повести «Му-му». В наше время в этом доме размещён Музей семьи писателя. Его сотрудники с удовольствием расскажут о том, что главного героя повести «Му-му» звали вовсе не Герасимом, а Андреем. Что он после гибели любимой собачки не покинул своей хозяйки, а верно служил ей до самой её кончины, то есть до 1851 года.

Хороши по-своему неповторимые и все иные районы и улицы Первопрестольной: район Красной Пресни с его знаменитыми прудами, зоопарком и остатками дворца грузинских царей и Грузинскими улицами; с мастерской и музеем изящных искусств Зураба Церетели. Замечателен и район Пироговки с прилегающими к нему Девичьим полем и улицей Плющиха, на которой когда-то располагался дом поэта Афанасия Фета, а по соседству с ним стояло пятиэтажное здание под номером 31, где наездами, а в конце жизни, постоянно проживала гражданская жена адмирала А.В. Колчака Анна Васильевна Тимирёва-Книпер, удивительно стойкая, перенёсшая 34 года тюрем, лагерей и ссылок русская женщина.

Рядом с Девичьим полем соседствуют Хамовники, на территории которых расположена московская усадьба Л.Н. Толстого. В ней с семьёй в зимнее время года он проживал в течение 19 лет. Здесь им написано несколько фундаментальных литературных трудов, в том числе и знаменитый роман «Воскресение». Типажи героев этого романа во многих случаях списаны с рабочих и работниц местного промышленного предприятия, находящегося за воротами

усадьбы. Со многими из этих рабочих и работниц Лев Николаевич был лично знаком и потому хорошо знал их проблемы и образ жизни, которые затем умело отразил на страницах своего бессмертного литературного творения.

Для человека, предметно изучающего Москву, очень интересными могут показаться и те её районы, которые тянутся вдоль берегов Москвы-реки. Летом 2014 года я пешком в несколько приёмов обошёл их все. Начал с Беседенского моста, где за Окружной дорогой размещён посёлок Беседы. Его земля, именуемая в народе «царской вотчиной», некоторое время принадлежала князю Дмитрию Донскому. Здесь были его охотничьи угодья. Здесь же он общался (беседовал) со своими воеводами и союзными князьями в ходе решения различных государственных проблем. Одна из таких бесед состоялась накануне Куликовской битвы. Здесь был составлен план похода русских войск через Коломну к месту предстоящего сражения. Место проведения подобных бесед – посёлок Беседы ныне представляет собой современный дачный городок. Его украшает построенный во время сына Ивана Грозного Фёдора Иоанновича красивейший храм Рождества Христова. В богоборческие 1930-е годы храм закрывался и использовался в качестве овощехранилища. К счастью, в наши дни он восстановлен и действует по своему прямому назначению.

Замечательна вся прибрежная зона Москвы-реки, но её жемчужиной в этих местах были и остаются царские угодья в Коломенском с их действующими храмами Святителя Николая Угодника и Усекновения Главы Иоанна Предтечи; деревянным домиком Петра I; музеефицированными частями деревянного дворца царей рода Романовых и царскими, до ныне плодоносящими, садами.

Не оставляют равнодушными тянущиеся вдоль берега Москвы-реки зелёные территории парка имени М. Горького, церковные здания Андреевского, Симонова и Новоспасского монастырей, а также Крутицкого подворья, где во времена царствования Алексея Михайловича Романова в подвалах Воскресенского храма содержался в заключе-

нии старообрядец протопоп Аввакум, а в рядом стоящем одноэтажном, возведённом во время Николая I, кирпичном здании военной комендатуры велось следствие над революционным демократом Александром Герциным перед его высылкой из России в Париж.

Не менее интересна история и нижней подвальной церкви Новоспасского монастыря Спаса Преображения, где находятся захоронения представителей рода бояр Романовых, в том числе – убитого в 1905 году террористом Иваном Каляевым губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича Романова – родного дяди последнего русского императора Николая II, человека, которому мы обязаны превращением Бородинского поля в заповедное, охраняемое государством место.

Изумительно хороши Кремлёвская набережная, прибрежные районы Крылатского и Мневников, а также Строгинская пойма с её искусно оборудованными пляжами и иными местами общественного отдыха москвичей. Хороши и прилегающие к Москве-реке районы Троице-Лыкова с его старинными церквями Троицы Живоначальной и Успения Богородицы. Первая из этих церквей в стиле барокко построена в конце XVII века стольником М.К. Нарышкиным, близким родственником матери Петра I Натальи Нарышкиной. Вторая, в русско-византийском стиле, возведена в начале 1850-х годов на средства местных купцов. В 1930-е годы закрывалась и затем использовалась под Суворовское музыкальное училище. С марта 1990 года вновь возобновила свою первоначальную служебную деятельность.

По-своему интересен берег Тушинского поля с хорошо просматриваемыми с противоположной стороны Москвы-реки устьем речки Сходня, причалами и кранами грузового порта. Красивы следующие за ними мост московской кольцевой дороги и начинающееся здесь, всегда загруженное автотранспортом, Волоколамское шоссе.

Особое место в московском архитектурном ландшафте занимает и ещё один обширный столичный район име-

нуемый по его местоположению Замоскворечьем. На его территории размещены хорошо известные всем москвичам улицы Большая и Малая Ордынки, Якиманка, Большая полянка, Пятницкая и Новокузнецкая. Большая и Малая Ордынки – это начало Ордынского тракта, по которому из Москвы на протяжении почти двух столетий отправлялась в орду собираемая с Московского княжества дань. На этих же улицах проживали чиновники ордынского хана, которые контролировали объёмы и качество такой дани. В наше время улица Большая Ордынка и прилегающие к ней городские кварталы являются местом сосредоточения нескольких крупных исторических памятников. К ним относятся: Марфо-Мариинская обитель сестёр милосердия; здания Третьяковской галереи; изумительные по красоте храмы: иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость; Николая Чудотворца в Пыжах; Иверской иконы Божией Матери и Екатерины Великомученицы на Всполье.

Малая Ордынка знаменита Домом-музеем великого русского драматурга и театрального деятеля Александра Николаевича Островского; большим количеством изящных дворянских особняков; зданием советской школы, в которой в послевоенные годы учился известный актёр кино Ролан Быков.

Улица Якиманка, названная так по стоящей на ней до 1970 года церкви в честь родителей Пресвятой Богородицы Иоакима и Анны, знаменита целым рядом красивейших старинных строений, в том числе великолепным по внешней и внутренней отделке особняком купца Н.В. Игумнова, переданного Московским правительством в аренду под французское посольство. Славится эта улица и построенной на ней по указанию Петра I в память о Полтавской битве церковью Иоанна Воина. Для этой церкви характерны особая строгость внешних форм и архитектурных линий.

Большая Полянка обязана своим названием размещённым здесь когда-то покосным полям. Она, в отличие от Якиманки, не может похвалиться большим количеством

архитектурных шедевров. Тем не менее, любознательный человек и на ней может отыскать ряд замечательных зданий. Одно из них – бывшая обитель Иверской общины сестёр милосердия, в которой в наши дни размещена больница детской травматологии известного на всю нашу страну доктора Леонида Рошаля. На территории больницы находится действующая, достойная нашего внимания, белокаменная церковь Иверской иконы Божией Матери. Замечательны фресковые росписи этой церкви.

Знаменита и Пятницкая улица Замоскворечья. Своё название получила от ныне не существующей, но когда-то размещённой вблизи неё, церкви Параскевы Пятницы. Улицу украшает величественный золотоглавый собор Папы Климента Римского, сосланного императором Римской державы в крымский Инкерман за активное распространение христианской веры. Собор спасён от разрушений 1930-х годов соратником И.В. Сталина бывшим Наркомом обороны, а затем Председателем Верховного Совета СССР Климентом Ворошиловым, получившим своё имя в честь святого Русской Православной церкви – епископа Климента. В соборе длительное время располагалось книгохранилище Российской государственной библиотеки. В конце 1990-х годов собор возвращён Русской Православной церкви, отреставрирован и включён в состав действующих.

По-своему хороша и последняя из названных крупных улиц Замоскворечья – улица Новокузнецкая. Её название происходит от размещённых на ней ремесленных кузнечных слобод, которые возникли в этих местах ещё в допетровские времена. На базе этих слобод здесь позднее появилась крупная община торгово-промышленного сословия, представителями которой было построено несколько промышленных предприятий, в том числе – ряд фабрик по производству шоколадных конфет. В советское время эти фабрики были объединены в производственное, известное на весь мир, предприятие «Рот-Фронт». Улица Новокузнецкая славится также несколькими, размещён-

ными на ней старинными зданиями и изящным храмом Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе. На ней же находится большое количество уютных ресторанов и кафе, что делает эту улицу одной из излюбленных зон отдыха москвичей. Москва прекрасна и неповторима, но описать её всю в деталях не представляется возможным. На очереди города и городские посёлки не менее прекрасного Подмосковья и Центральной России.

Подмосковье, его исторические ландшафтные и архитектурные памятники

Подмосковье, как и Москва, изобилует историческими ландшафтными и архитектурными памятниками. Все они по их текущему состоянию могут быть поделены на три категории: хорошо сохранившиеся и активно поддерживаемые государством; сохранившиеся, но слабо поддерживаемые государством; плохо сохранившиеся, не поддерживаемые или брошенные государством.

К первой категории можно отнести целый ряд замечательных подмосковных ландшафтно-архитектурных объектов, в том числе музей под открытым небом, всем хорошо известное по событиям войны 1812 года Бородинское поле. Его обустройством царские власти занялись сразу же по окончании той войны. В нём приняли участие многие герои тех драматических и славных событий, в том числе – партизанский вождь и поэт генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов. Результатами их работы постоянно интересовался император Николай I. Под его непосредственным кураторством к 1839 году первый, наиболее трудный, этап этих работ был завершён. После этого все преобразования на Бородинском поле уже контролировал сын Николая I будущий император Александр II. С конца 1800-х годов эти обязанности были возложены на военного губернатора Москвы. В 1891-1905 годах им был Великий

князь, командующий московским военным округом Сергей Александрович Романов. При нём и при его прямом участии в 1903 году был открыт местный военный музей. Он же был инициатором разработки программы подготовки Бородинского поля к празднованию столетнего юбилея Бородинской битвы. При нём же было начато возведение на Бородинском поле большого числа памятников и памятных знаков в честь сражавшихся здесь частей Русской армии. Среди них был и установленный на высоком холме, увенчанный взлетающим степным орлом величественный памятник Главнокомандующему русскими войсками Михаилу Илларионовичу Кутузову. К 1912 году Бородинское поле было приведено в полный порядок и оставалось таковым до начала 1920-х годов. В ходе Гражданской войны было осквернено опьянёнными революционной большевистской пропагандой местными партийными активистами и красноармейцами. Они нанесли этому священному месту и находящимся на нём памятникам существенный урон. Были разорены и разграблены все местные монастыри и церкви, уничтожена значительная часть обелисков и памятных знаков сражавшимся здесь в 1812 году русским полкам и дивизиям. Надругательству подверглась и могила блистательного полководца, любимого ученика А.В. Суворова, командующего 2-й Русской армией генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона. Его могилу взорвали, а хранящийся в ней с 1839 года прах безжалостно уничтожили.

К счастью, в предвоенные 1930-е годы, готовясь к войне с фашистской Германией, сталинское руководство СССР вернулось к идеям русского национализма. Музейный статус Бородинскому полю был возвращён. У подножия главного обелиска этого поля, на территории знаменитой батареи Раевского, вновь появилось обрамлённое изящной металлической оградой захоронение (теперь уже условное) П.И. Багратиона. В эти же годы заработал, восстановленный специалистами, военный Музей Бородинской битвы. В нём я бывал неоднократно. Однажды, рассматривая со-

бранные в его залах военные реликвии – знамёна, оружие и одежду бойцов обеих сражавшихся армий, обратил внимание на одну из полок, где лежал боевой пистолет с осколочной отметиной на стволе. Посвятил ему отдельное стихотворение:

Старинный пистолет: затвор, цевьё и ложа,
Пороховой заряд и пуля из свинца,
Судьба его на жизнь бойца похожа,
Что, честь свою храня, сражался до конца.

Он был участником событий под Бреслау,
Разил захватчиков во дни Бородина,
Он, как солдат, живой оваян славой,
Осколочным рубцом легла на ствол она.

Теперь он дремлет на музейной полке
И видит в снах дела времён былых,
И дремлют рядом с ним мундир и треуголка
Того, кому служил он в схватках боевых.

Существенный урон Бородинскому полю был нанесён и в годы Великой Отечественной войны, так как на нём вновь велись боевые действия. В ходе этих действий подверглись разрушению некоторые старые могильные плиты и памятники. Часть из них утеряна навсегда и не подлежит восстановлению. Ужасно также и кощунственное обращение с этим священным для всех нас полем поселковой Бородинской управы в начале 1990-х годов. Соблазнившись лёгкой наживой, эта управа позволила какой-то местной женщине распродавать бородинские земли под коттеджную застройку. И такая застройка велась, нанося огромный ущерб ландшафтной архитектонике и извлекаемым из земли ценным археологическим находкам. А таких находок, судя по заявлениям учёных, было немало. Все они разошлись по рукам нахлынувших сюда чернокопателей. К счастью, настойчивые выступления по этому поводу ряда крупных

учёных страны и их поддержка широкой общественностью, положили конец этому варварскому преступлению. Коттеджные постройки были снесены. Виновные понесли заслуженное наказание. Теперь территорию Бородинского поля можно вновь считать благополучной.

Возвращаясь к одному из наиболее крупных строителей этого поля Великому князю Сергею Александровичу Романову, необходимо вспомнить и то, что он был ещё и инициатором идеи музеефикации вотчины царя Бориса Годунова, а затем князей Голицыных в Больших Вязёмах, по которой после Бородинского сражения к Москве отходила русская армия, а за ней по пятам следовали войска Наполеона. Музеефикации, по мнению Сергея Александровича, должны были подлежать парковая зона Больших Вязём, все его дворцовые и служебные здания, особенно – гостевая зала главного дворца, где на некоторое время останавливался Кутузов, а затем – Наполеон.

Вязёмы – это древние великокняжеские, а затем и царские земли. Во времена царствования сына Ивана Грозного Фёдора Ивановича они были дарованы Борису Годунову. После смерти Годунова вновь перешли к царской семье. В эпоху Петра I были переданы во владение любимому воспитателю и наставнику, родному дяде царя по материнской линии, боярину Борису Алексеевичу Голицыну. Он развернул на подаренных ему землях большое строительство: заложил главный дворец и подверг ремонту оставленный Борисом Годуновым величественный двухъярусный храм Живоначальной Троицы, со стоящей рядом с ним шестиарочной звонницей в северорусском архитектурном стиле. Об этих работах знал Пётр I. Он дважды навещал своего уже стареющего дядю и даже давал ему на счёт введущихся в Вязёмах строительных работ кое-какие советы, в частности – по поводу капитального ремонта находящейся рядом с Можайским трактом построенной ещё Годуновым каменной плотины.

Работы начались, но их завершение удалось осуществить лишь правнуку Бориса Алексеевича Николаю Михайлови-

чу Голицыну. Именно он на рубеже 1780-х годов на месте обветшалого годуновского дворца и других деревянных построек выстроил в Больших Вязёмах двухэтажный белокаменный усадебный со смотровой башенкой дворец, северный гостевой и южный кухонный каменные флигеля, а также здания конюшенного двора. Именно такими, хорошо отстроенными и хорошо содержащимися эти постройки предстали перед глазами командующих русской и французской армиями Кутузова и Наполеона.

В наше время Большие Вязёмы – это образец благополучного тщательно охраняемого государством дворцово-ландшафтного музейного комплекса. В его основных зданиях размещены богатые экспозиции картин, мебели, оружия, личных вещей владельцев Вязём. По-особому, с исторической точностью, оформлена гостевая зала – временное место проживания Кутузова и Наполеона. Замечательна парковая зона этого музейного сокровища. На берегу Большого пруда, у правой боковой стены главного дворца, размещён огромный гранитный валун с бронзовой табличкой, текст которой раскрывает суть событий, в которые на краткое время были вовлечены две враждующие армии. Перед фасадом дворца, на одной из аллей правильного вязёмского парка возвышается бронзовый побюстный памятник А.С. Пушкину, который бывал в этих местах многократно ещё с детских лет.

Дело в том, что в эти годы будущий великий русский поэт проживал со своей бабушкой Марией Алексеевной Ганнибал (Пушкиной) в небольшом дворянском имении Захарово, которое находилось в двух верстах от Больших Вязём, слева по Можайскому тракту. Сельцо Захарово в 1804 году было приобретено бабушкой поэта как место летнего отдыха всего пушкинского семейства. Здесь первые шесть лет своей жизни провёл её любимый внук Александр. Здесь он вдохнул в себя подлинно русский дух, так как сама Мария Алексеевна и все окружающие её дворовые люди источали подлинную русскость речи и русскость бытовых манер поведения. Мария Алексеевна являлась

примером чистокровной русской дворянки, любила всё русское, в совершенстве владела русским языком, умело пользовалась им. Возможно именно от неё будущий поэт узнал все красоты богатой на смысловые оттенки русской речи.

Большое влияние на него оказали и приставленные к нему в качестве воспитателей няня Арина Родионовна Яковлева и дядька Никита Тимофеевич Козлов. С ними он проводил значительную часть свободного времени и от них, особенно от Арины Родионовны, слышал множество старинных народных былин и сказок. Никита Тимофеевич, будучи грамотным крестьянином, обладал в молодости весёлым нравом, под игру на гитаре напевал ребёнку различные народные песни. Всё это в совокупности с целенаправленным обучением школьной грамоте давало нужный эффект. Будущий поэт с молодых лет рос подлинно русским человеком, с подлинно русской, отзывчивой на народные запросы душой. Уроки Захарова, по словам самого А.С. Пушкина, оставили в его сердце неизгладимый след народности и правильного восприятия русской действительности.

Характерна и любовь крестьян Захарова к своей хозяйке и членам её семьи. Марией Алексеевной Ганнибал Арине Родионовне по достижению ею 50 лет была предоставлена вольная, но она от неё категорически отказалась и до конца своих дней прожила в семье Пушкиных. Никита Тимофеевич вольную получил, но также остался в этой семье в качестве камердинера и личного секретаря Александра Сергеевича. После дуэльной драмы на Чёрной речке он внёс обессиленное тело своего любимца с улицы в дом на Мойке № 12. Он же в феврале 1837 года сопровождал тело поэта в Святогорский монастырь и присутствовал при его захоронении.

В 1811 году, после поступления внука в Царскосельский лицей, Мария Алексеевна сельцо Захарово продала одной из своих родственниц. В 1830 году, накануне женитьбы, Александр Сергеевич в последний раз посетил это место,

но был разочарован царящим здесь упадком. Порадовала лишь встреча с дочерью Арины Родионовны Марьей, которая как местная крестьянка оставалась здесь жить. По её воспоминаниям, поэт навестил её, отобедал у неё яичницей и долго беседовал с ней, проявив прежнюю приветливость, любовь и уважение.

Во всей этой истории немаловажно и то, что Голицыны и Пушкины были между собою в дальнем родстве. Мария Алексеевна приходилась матери хозяина Вязём Бориса Владимировича Голицына 93-летней Наталье Петровне четвероюродной сестрой. По этой причине Мария Алексеевна и её внук Александр были вхожи в дом Голицыных, хорошо знали его владельцев и бытовые особенности их жизни. Поэтому совсем не случайно, что и Наталья Петровна и её сын Борис стали прообразами героев замечательных пушкинских произведений «Пиковая дама» и «Евгений Онегин». Наталья Петровна, прожившая долгую и бурную светскую жизнь, предстала перед нами ворчливой, капризной, хранящей много личных тайн, в том числе и картёжных, «пиковой дамой», а Борис Голицын – редкий красавец, в 28-летнем возрасте возведённый в чин генерал-лейтенанта, серьёзно контуженный в Бородинском сражении, явился нам в образе Владимира Ленского, тоже красавца и тоже «с кудрями длинными до плеч».

Современная усадьба Захарово – это приведённое в идеальное состояние ландшафтно-архитектурное заповедное место. Здесь всё, благодаря приведённым реставрационным работам, мило и завораживающе. Хорош барский двухэтажный деревянный дом с его прекрасной музейной экспозицией. Он удивляет своей разумной компактностью и рациональной планировкой. Радует взор размещённый рядом с домом изящный памятник «Бабушка Ганнибал с внуком Александром»; хорошо распланированная парковая зона, на одной из пешеходных дорожек которой посетителей встречает задумчивый шестилетний Саша Пушкин, сидящий на древесном пеньке; две части Захаровского пруда, образуемого реками Шарাপовкой и Пло-

щанкой; плодоносящий яблоневый сад и Павческое поле, на котором в день рождения поэта проводятся народные гуляния и исполняются народные песни. И Большие Вязёмы и Захарово относятся к благополучным, хорошо рассмотренным государством ландшафтно-архитектурным музейным зонам Подмосковья. К счастью, к таковым принадлежат и многие другие заповедные зоны, в том числе и ещё одно подаренное Петром I своему любимому дяде Борису Алексеевичу Голицыну бывшее царское владение село Дубровицы. Центр этого села размещён на месте слияния двух подмосковных рек Десна и Пахра. Здесь, как и в Больших Вязёмах, Борисом Алексеевичем было развёрнуто большое строительство. Ему за семь лет удалось возвести на этих землях великолепный княжеский белокаменный дворец, ряд хозяйственных построек и удивительный по красоте храм Знамения Пресвятой Богородицы. Этот храм знаменит своей особой формой и изумительной резьбой по камню. Помимо этого, колокольню храма, вопреки православной традиции, наряду с крестом, украшает царская корона. Из-за этого данный храм долгое время не вносился Патриархатом Русской Православной церкви в реестр действующих. Позднее это ограничение было снято. Храм многократно посещался Петром I, Екатериной II, Александром I и Николаем II. Посещался он и иностранцами. От одной из иностранных делегаций поступило предложение на приобретение этого храма с предварительной его разборкой на отдельные блоки. Предложение было вежливо отклонено. Как особо ценное памятное место, Дубровицы и находящиеся на их территории строения подвергались периодическим реставрациям. Наиболее обширная из них относится к 1848-1850 годам. В советские 1930-е богослужения храм закрывался. Службы возобновлены в 1990 году. В начале 1990-х храм подвергся очередным ремонтным работам. Восстановлению подлежали фигуры всех четырёх евангелистов и настенная резьба. В это же время был расчищен и упорядочен парк у главного голицынского дворца. В настоящее время весь этот ансамбль

превращён в идеальную парково-архитектурную зону, которая пользуется постоянным вниманием как наших, так и иностранных туристов.

Следует отметить, что голицынский род очень богат и обширен. Различным его ветвям принадлежали многие подмосковные владения. Одним из них является знаменитое Архангельское. Здесь создан удивительный по красоте архитектурно-парковый комплекс, на территории которого стараниями князей Голицыных, а затем и Юсуповых к 1830 году были возведены: главный двухэтажный просторный дворец с картинной галереей и огромнейшей библиотекой; красивейший в воронихинском стиле храмусыпальница князей Юсуповых; увеселительный дворец «Каприз»; небольшие, украшенные изящной отделкой памятные здания – «Веранда Екатерины II» и «Ворота над оврагом».

Все эти строения умело вписаны в великолепный местный пейзаж – одну из лучших, сбегających к берегу Москвы-реки, парковых зон Подмосковья. Глядя на неё с придворцовой террасы, даже такой, критически относящийся к России человек, как французский писатель маркиз Де Кюстин, вынужден был отметить особую красоту Архангельского. Посетив Москву в 1839 году, он писал: «Как богато Архангельское красотами природы, так же оно замечательно и подбором произведений искусства. Все его дворцы так ими полны, что можно подумать, что находишься в музее».

Другие его соплеменники, посещая Архангельское, в один голос именовали его «подмосковным Версалем». Уже в те далёкие времена Архангельское было признано одним из лучших мировых музейно-усадебных комплексов. Видимо, поэтому ещё до окончания Гражданской войны, стремясь прослыть среди иностранных правительств хранителем подлинных культурных ценностей, большевистское руководство провозгласило его особой заповедной музейной зоной. Таковой она остаётся и по сей день.

Отметим, что Подмосковье, как и Москва, богато и ины-

ми голицынскими дворцами и парками, но они имеют иную степень государственной присмотренности. О них мы поговорим чуть позднее. Сейчас же обратим внимание на ещё одну жемчужину Подмосковья – Царицынский историко-архитектурный музей-заповедник.

Возрождённый из руин, этот строившийся для императрицы Екатерины II и её внуков Александра и Константина дворцово-парковый комплекс по инициативе мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова в 1995 году был наконец возрождён. Были открыты великолепные парадные, выставочные и художественные залы главного дворца; наполнились историческими экспозициями малые дворцовые помещения; восстановлена и приведена в порядок парковая зона; очищены и забраны в камень обширные пруды и водоёмы. Царицыно – это ещё один пример рачительного и разумного отношения людей к важным историческим памятникам столицы. Оно, как и описанное выше Архангельское, было в конце 1990-х внесено в списки мировых музейных шедевров. Ныне это одно из самых привлекательных мест отдыха и познавательного досуга москвичей и иностранных туристов. По своей исторической ценности и степени государственного присмотра Царицыно соизмеримо с голицынскими и юсуповскими загородными домостроениями, а также с отдельными историческими памятниками самой Москвы. Этого статуса достойны и некоторые подмосковные дворцовые комплексы сановной московской знати, в частности – Остафьевский дворцовый комплекс знатного вельможи екатерининской эпохи, потомственного представителя рода Рюриковичей князя Андрея Ивановича Вяземского. Он выстроил этот богатый комплекс для своей молодой супруги ирландки Дженни Квин, с которой познакомился в Дублине и которую, по её согласию, увёз от нелюбимого ею мужа в Россию, чтобы жениться на ней. Брак был счастливым, но кратким из-за ранней смерти обоих супругов. В браке они имели единственного сына, будущего выдающегося поэта и государственного деятеля России Петра Андреевича Вяземского. Потеряв родителей,

он воспитывался в семье своей старшей, родной по отцу, но рождённой от связи отца с крестьянской девушкой, сестры Екатерины Андреевны Колывановой и её мужа знаменитого историка и писателя Николая Михайловича Карамзина. В течение 12 лет все они проживали зимой в московском доме князя А.И. Вяземского у Колымажного двора на Арбате, а летом – в Остафьево. Здесь Карамзиным было написано несколько томов его уникальной «Истории государства Российского». Им же в этот период были установлены дружеские контакты с целой плеядой известных русских литераторов, включая Жуковского, Батюшкова, Дениса Давыдова, которые вслед за собой ввели в остафьевский дом более молодых поэтов: Пушкина, Дельвига, Баратынского, Веневитинова и Грибоедова. После этого при активной поддержке жены Петра Андреевича Веры Фёдоровны Вяземской, большой любительницы культурных развлечений, Остафьево превратилось в излюбленное место их постоянных встреч, названное с лёгкой руки А.С. Пушкина «Русским Парнасом». Он чаще других бывал здесь, так как между ним и Петром Андреевичем завязалась глубокая, длившаяся всю их жизнь, сердечная дружба. В Остафьевском дворце Пушкин читал свои стихи и неоднократно участвовал в танцевальных вечерах, которые проводились в роскошном Овальном зале главного дворца. Сцены этих вечеров он перенёс на страницы своего романа в стихах «Евгений Онегин». Каждый из нас хорошо помнит описанный им балл, на котором главный герой его романа неожиданно встречается с когда-то влюблённой в него Татьяной Лариной, но не с той деревенской застенчивой девочкой, а с признанной светской красавицей – супругой почтенного генерала – героя Отечественной войны 1812 года.

В постреволюционное время Остафьево пережило не лучший период своего существования. В 1930 году оно было лишено данного ему ещё в 1903 году царским указом статуса особой культурной заповедной зоны. Пострадал главный княжеский дворец и его служебные флигеля. Из них были вывезены архивы, коллекционное оружие,

библиотека, картинная галерея, редкая мебель, посуда и другие фамильные вещи. В помещениях усадьбы длительное время размещались лечебные корпуса санатория для дипломатических, а затем и для литературных работников.

В 1988 году постановлением Совета Министров СССР Остафьевскому дворцово-усадебному комплексу был наконец возвращён его прежний музейный статус. Начались крупные восстановительные работы, приведшие к тому, что уже в 1990 году на его территории появились первые посетители. В 2002 году этот комплекс получил официальное название «Государственный музей-усадьба Остафьево – Русский Парнас». Всем его строениям возвращён первоначальный вид. Облагорожен парк, его куртины и аллеи. Отремонтированы размещённые в аллеях парка памятники Пушкину, Карамзину, Жуковскому, Петру и Павлу Вяземским – одним из последних владельцев Остафьева. Важно, что их знаменитая усадьба вновь выполняет свою благородную культурно-просветительскую функцию.

Подобную же роль играет менее роскошный, но не менее значимый для любителя русской культуры подмосковный ландшафтно-усадебный комплекс двух известнейших в России людей – писателя Сергея Тимофеевича Аксакова и промышленника-мецената Саввы Ивановича Мамонтова в селе Абрамцево. Оба гордились этим замечательным местом и оба славились широким кругом знакомств с представителями русской творческой интеллигенции – литераторами, театральными деятелями и художниками. И тот и другой очень любили свою усадьбу и приложили немало стараний по её облагораживанию. Сергей Тимофеевич написал здесь свои лучшие произведения, в том числе биографические повести; наставления по ужению рыбы и ружейной охоте; несколько детских сказок, в том числе наиболее известную из них – «Аленький цветочек». В Абрамцево он встречался со своими знаменитыми друзьями – писателями Н.В. Гоголем и И.С. Тургеневым.

В 1870 году усадьба перешла во владение крупного русского промышленника С.И. Мамонтова. Большой люби-

тель художественного искусства, он окружил себя лучшими художниками своей эпохи, создав для них при Абрамцево творческий посёлок. В этом посёлке длительное время жили и работали великие мастера русской живописи Поленов, Васнецов, Репин, Коровин, Нестеров и Врубель. По проекту В.М. Васнецова и В.Д. Поленова в глубине усадебной территории была возведена небольшая, но очень красивая, в русском стиле, церковь Спаса Нерукотворного, внешняя приалтарная часть которой стала местом захоронения родственников Саввы Мамонтова, в том числе и его рано умершей любимой дочери Веры – героини картины В.А. Серова «Девочка с персиками». На территории усадьбы оставил свой творческий след и М.А. Врубель. Он прочерчен на внутренних росписях церкви Спаса Нерукотворного и возведённой им мраморной «Беседке с сиренами», с которой открывается чудный вид на плотину реки Воря и окрестные дали, ставшие предметом авторского интереса почти всех вышеперечисленных художников. Благодаря им авторитет Абрамцево стал известен не только в России, но и за рубежом. Возможно, поэтому уже в 1920 году здесь был открыт Государственный историко-художественный музей-заповедник. В нём хранится 25 тысяч экспонатов живописи, графики, скульптуры, произведений декоративного искусства, материалов архивов бывших владельцев усадьбы, их личные вещи и мебель.

Интересен личный кабинет С.Т. Аксакова. В нём стараниями музейщиков сохранён рабочий, стоящий в простенке между окнами, стол писателя. На нём стоят: чернильный прибор, песочница с песком для просушки чернил; стопка чистых листов бумаги и фарфоровый стакан с набором гусиных перьев. Оказывается, перья, используемые для письма, вырывались только из левого крыла птицы, чтобы был обеспечен нужный наклон пера к листу бумаги. В Абрамцево всё интересно и познавательно. Оно и сейчас остаётся одним из лучших усадебных музейных комплексов Подмосковья.

Достоинно нашего внимания и подмосковное имение

двух великих русских поэтов – Фёдора Ивановича Тютчева и Евгения Абрамовича Баратынского в Мураново. Баратынскому это имение досталось вместе с невестой, как её приданое, Анастасией Энгельгард. Тютчеву оно не принадлежало, но он стал вхож в него через своего сына Ивана, женатого на внучке первого владельца имения генерала Л.Н. Энгельгарда. Фёдор Иванович никогда в Мураново не жил, но несколько раз посещал его, навещаясь в семью сына. После смерти поэта, в 1873 году, все его вещи (личный архив, книги и часть мебели) из Царского села, где он постоянно проживал, перевезли в Мураново. Так возник уникальный подмосковный музей Тютчева и Баратынского. В 1920 году, в соответствии с правительственным указом «О монументальной пропаганде», этот музей был включён в список культурных центров по увековечению имён великих русских поэтов. Ввиду этого Мураново никогда не испытывало каких-либо изъятий хранимых в нём ценностей. Более того, с самого начала оно было под пристальным присмотром вначале сына, двух внуков, и наконец – правнука Фёдора Ивановича доктора филологических наук Кирилла Пигарёва. При жизни Баратынского и после его смерти мурановское имение посещали многие писатели. В их числе: Н.В. Гоголь, С.Т. Аксаков, А.Н. Майков и Я.П. Полонский.

Усадебный дом, перестроенный и усовершенствованный Баратынским, на редкость удобен и рационален. В нём хранится богатая подборка архивных материалов, книг, фотографий, личных вещей двух поэтов и членов их семей. Прекрасна его компактная картинная галерея. Великолепны угодья, обширный пруд и местные источники чистой родниковой воды. Замечателен небольшой, очень удобный, бывший семейный, а теперь приходской, храм Спаса Нерукотворного, где ведёт службу молодой военный священник из соседнего Софринского церковного прихода и где его молитвенные речи внимательно и с благоговением слушает местная поселковая паства – преимущественно женщины, старики и дети. Мурановский музейный ком-

плекс замечателен, и каждый, кто его посетит, найдёт здесь для себя много интересного и необыкновенно трогательного. О здешних местах вслед за Пушкиным можно смело сказать: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!». Заканчивая разговор о благополучных, хорошо присмотренных государством архитектурно-ландшафтных комплексах Подмосковья, остановимся ещё на одном замечательном музейном памятнике – имении русского писателя и драматурга Антона Павловича Чехова в Мелихово.

Судьба этого имения знаменита тем, что о его сохранении в качестве ландшафтно-архитектурного музейного комплекса попросила у советского правительства местная крестьянская община, глубоко любившая Чехова за его миссионерскую врачебную и школьно-образовательную деятельность. В небогатой мелиховской усадьбе всё прекрасно: и одноэтажный главный дом; и крестьянская изба-кухня, в которой работала и жила нанятая А.П. Чеховым домашняя прислуга в лице двух молоденьких девушек – Анютки и Марьюшки, которых он вместе со своим братом и сестрой учил грамоте; и флигель-амбулатория – небольшой домик с флагштоком, по которому почти каждый день поднимался сигнальный флажок, свидетельствующий о том, что доктор Чехов готов к приёму больных. Лечил их бесплатно, так как основной доход семьи формировался его литературными трудами. Многие из них были написаны в рабочем кабинете этого флигелька. К ним, в частности, относится его знаменитая, известная на весь мир, театральная пьеса «Чайка».

Уютен и функционален барский дом. В нём проживала вся семья Чехова, его отец, мать, брат Николай и сестра Мария, профессионально занимавшиеся художественным творчеством. Их комнаты и сейчас продолжают украшать принадлежащие им этюды местных лесов и полей. Сохранился большой рабочий стол Антона Павловича с его чернильным прибором, пресс-папье, набором карандашей и ручек. У стола с зелёным покрытием стоит его рабочее кресло. По особому хороши приусадебный сад с его «дубом

у лукоморья» и «аллеей любви», по которой нередко прохаживался сам Чехов с наезжающими в его поместье московскими дамами – почитательницами его писательского таланта. Прелестен и приусадебный пруд с запущенными в него карасями и лещами. Писатель шутил, что их можно было ловить на удочку прямо из окон фасадной части усадьбы. При входе на территорию чеховского музейного комплекса и внутри её, рядом с главным усадебным домом, размещено два памятника писателю. В обоих случаях он изображён во весь рост, смотрящим вдаль на окрестные зелёные просторы полюбившегося ему Мелихова.

С Мелихова, с этого чудного места, переключим своё внимание на вторую группу ландшафтно-музейных объектов, которые формально находятся под охраной государства, но которые фактически наполовину заброшены им. Это те объекты, которые в разное время были переданы на баланс ряда небогатых дотационных российских министерств: Здравоохранения, Сельского хозяйства, Труда и социальной защиты, Науки и высшего образования. Положение этих объектов часто желает более лучшей доли.

В неприглядном состоянии находятся, например, переданные на баланс Министерства здравоохранения загородные имения некогда очень влиятельных людей России князей Долгоруких и графов Разумовских в Горенках, а также ландшафтно-дворцовый комплекс князей Воронцовых-Дашковых в Быково. Свой первоначально роскошный облик барский дворец в Горенках приобрёл во времена Кирилла Разумовского – сына влиятельного царедворца елизаветинских времён Алексея Разумовского. Он выстроил в Горенках богатый с крытыми боковыми галереями барский трёхэтажный дом. При доме разбил регулярный в английском стиле парк, поставил на местной речке плотину и образовал приусадебный огромных размеров пруд, установил несколько оранжерей, в которых выращивал редкие для московского климата растения, в том числе абрикосы, лимоны и ананасы. В советское время усадебный комплекс Разумовских был национализирован и переобо-

рудован в лечебное заведение для больных с нелёгочными формами туберкулёза «Красная роза». Фасадная часть бывшего дворца и его внутренние покои содержатся в неплохом состоянии. Что же касается тыльной стороны, то она этим похвалиться не может. Во многих местах сбита настенная лепнина, сдвинуты спускающиеся к пруду ступени парадной лестницы, отсутствует штукатурка и утеряна крыша над прогулочными галереями, обделён вниманием прилегающей к пруду парк. Так сегодня выглядит дворцовый комплекс, где когда-то велась бурная жизнь членов царской семьи, где любили бывать проживший недолгую жизнь сын несчастного Алексея Петровича Романова, молодой царь Пётр II и его сестра, будущая императрица Елизавета Петровна Романова. Так разрушается из-за хронической нехватки денежных средств одна из уникальных и красивейших дворцово-парковых зон Подмосковья, его культурный и историко-архитектурный шедевр.

Подобную же картину можно наблюдать и в Быково, в бывшей загородной усадьбе некогда очень влиятельных российских семейств князей Воронцовых и Дашковых. Усадьба и её главное дворцовое здание были спроектированы и возведены талантливейшим архитектором В.И. Баженовым. Их изначальный вид был великолепен, чего не скажешь про его теперешнее состояние. Как и в Горенках, в главном дворцовом здании размещён лечебный центр для больных туберкулёзом, но в данном случае туберкулёзом лёгочных форм. Даже при беглом осмотре этого красивого здания убеждаешься в том, что оно давно нуждается в капитальном ремонте. Ремонта требуют стены, роскошное парадное крыльцо, окна, проёмы дверей и сами двери. Расчистки и упорядочения посадок требует и сбегаящий от дворца к старому руслу реки Пахра парковая зона Быково. Сохранились старые липы, дубы, ясени и берёзы, но они заросли новой порослью, что способствует исчезновению когда-то разбитых здесь аллей и цветников. В плохом состоянии находится и украшающее усадьбу озерцо с внутренним островком и беседкой отдыха на нём. В озеро упало не-

сколько больших подгнивших деревьев. Их уборкой никто не занимается. Это вызывает у наблюдающего данную картину человека грусть и сочувствие. Мне пришлось побывать в здешних местах трижды, в том числе и в зимнее время. С реки дул сильный порывистый ветер. Его холодные струи проникали в высокие окна тыльной стороны дворцового здания и через них – в палаты туберкулёзных больных. В этих условиях они были вынуждены помещать между рамами окон старые матрацы. Наблюдать эту картину было больно и грустно. К сожалению, подобные явления далеко не единичны.

Доказательством тому служат ландшафтно-дворцовые комплексы князей Голицыных в Московских Кузьминках и подмосковном Яковлевском. В 1930-е годы они были переданы на баланс не особо богатого Министерства сельского хозяйства. Первый из них, в Кузьминках, имея великолепный главный дворец и ряд вспомогательных очень изящных служебных построек, также требует основательного ремонта. Не ухожен даже главный дворец, в котором размещена администрация, библиотека и служебные помещения известной в России и за рубежом Московской государственной ветеринарной академии имени К.И. Скрябина. Пройдите к тыльной стороне дворца и вы к своему удивлению увидите, что часть его кровли проломлена упавшим на неё несколько лет тому назад деревом. Пролом никто не ликвидирует. Поэтому дожди и тающий на крыше снег протекают во внутренние помещения, разрушая их потолки, кладку стен и паркетные полы. Срочного ремонта требуют и все другие служебные здания этой академии. Будем надеяться, что это когда-либо произойдёт.

То, что сказано о кузьминском комплексе, может быть перенесено и на подобный же ландшафтно-дворцовый комплекс князей Голицыных в Подмосковном Яковлевском. Он также передан во владение Министерства сельского хозяйства и также требует более тщательного государственного присмотра. Главный дворец комплекса – трёхэтажное здание с двумя крытыми галереями и

флигелями – служит местом размещения администрации и учебных аудиторий Московской аграрной академии. Стены здания требуют капитального ремонта и покраски. Ремонт требует и примыкающий к тыльной части дворца уголок отдыха с фонтаном и мраморными изваяниями львов по обеим сторонам лестницы, ведущей как к фонтану, так и к расставленным вокруг него каменным скамьям. Усовершенствования требует и студенческий городок, включающий в себя до десятка безликих типовых двухэтажных помещений. В лучшем уходе нуждается и старый голицынский, некогда очень красивый парк, в котором отдыхали семьи знатных вельмож столицы, в том числе и представители царской семьи.

Вышесказанное касается и ряда ландшафтно-дворцовых зон, переданных в пользование Министерства труда и социальной защиты. Остановимся на двух из них – подмосковных имениях в Середниково и Глинках. Середниково – это крупное загородное имение старинного дворянского рода Столыпиных. Его приобрёл брат бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова Дмитрий Алексеевич Столыпин. Это имение в 1820-е годы часто посещал совсем ещё молодой будущий поэт. Здесь он повстречался со своей первой любовью Катенькой Сушковой, милой дворяночкой из соседнего села Большакова. В Середниково она являлась верхом на лошадке для встречи с местной молодёжью.

В советское время этот ландшафтно-дворцовый комплекс был использован в качестве подмосковного санатория и носил название «Мцыри» в соответствии с наименованием известнейшей лермонтовской поэмы. Во дворце размещалась администрация. В четырёх стоящих перед ним двухэтажных особняках – врачебные и лечебные помещения. В шести небольших одноэтажных зданиях – комнаты отдыхающих в санатории пациентов.

Я посещал этот санаторий дважды. Последний раз – летом 2009 года. В ходе этого посещения удалось выяснить, что за год до этого бывшее столыпинское имение было передано во владение какому-то дальнему родственнику

М.Ю. Лермонтова. Он некоторое время сдавал его главные здания в аренду руководству «Мосфильма». Затем в залах главного дворца начали устраивать свадебные и иные праздничные вечера. Основные здания усадьбы содержатся в приличном состоянии. Здания, где размещались комнаты для отдыхающих, преданы процессу медленного разрушения. Уже в 2009 году они имели плачевный вид. Их стены облупились, окна были выбиты. Не присмотренными оказались и прилегающие к дворцовой части усадьбы некогда роскошные парковые зоны. Они представляют собой засаженную деревьями холмистую, прорезанную глубокими оврагами территорию. Переброшенные через овраги красивые каменные мосты с ажурными металлическими ограждениями требуют срочного обновления. Внешняя дорожная сеть усадебного городка находится в плачевном состоянии и тоже требует ремонта. Таково состояние ещё одного из красивейших ландшафтно-дворцовых комплексов Подмосковья, которое имеет большое историческое и культурно-просветительское значение для каждого из россиян.

В немного ином положении находится другой, переданный в своё время на баланс того же министерства, загородный усадебно-парковый комплекс в Глинках. Его строителем и первым владельцем был выдающийся сподвижник Петра I фельдмаршал Яков Брюс. Он родился в Москве в семье голландского офицера, перешедшего на русскую военную службу во времена отца Петра I Алексея Михайловича Романова. Получив прекрасное военное и инженерное образование, Яков Брюс возглавил в молодом возрасте одну из частей петровского «потешного войска» и всю жизнь был при царе, участвуя во всех его начинаниях и войнах. Во время Стрелецкого бунта решительно поддержал Петра, приведя свой полк под стены Сергиевой лавры, где тот укрывался от приближающихся к ней стрелецких частей, участвовал в их разгроме, а затем всячески способствовал возведению своего порфирородного друга на царский престол. Всю жизнь, по собственному признанию, был его верным слугой. В Полтавском сражении,

будучи командующим всей русской артиллерии, нанёс шведскому войску сокрушительный удар, после которого оно уже не сумело привести себя в порядок. У Петра Брюс пользовался безграничной любовью и уважением. Его советы всегда учитывались при решении важных военных и дипломатических проблем. Мирный, выгодный для России, договор со Швецией составлялся при участии Брюса. Многие положения этого договора действуют и по настоящий момент.

В Подмосковных Глинках ещё со времён царя Алексея Михайловича Романова действовало несколько оружейных и пороховых заводов, которые Яков Брюс по роду своих служебных обязанностей периодически инспектировал. Здесь ему понравился пустующий, находящийся при впадении реки Воря в реку Клязьма, участок земли. Он его приобрёл и построил на нём своё подмосковное имение, включающее удобный двухэтажный каменный с башенкой для астрономических наблюдений, главный дом; одноэтажный дом кавалергардов (Брюсу как фельдмаршалу полагалась пожизненная охрана); четыре двухэтажных, опять-таки каменных, служебных и хозяйственных здания. Всё строилось основательно, на века.

В 1725 году, после смерти Петра I, не желая, подобно Александру Даниловичу Меншикову, участвовать в дележе царской власти, подал рапорт об отставке и навсегда покинул Москву, поселившись в полюбившихся ему Глинках. Здесь занялся научными опытами: изучал звёздное небо и составлял звёздные карты; проводил химические исследования, в том числе и в фармакологических целях; создавал собственные лекарства, которые всегда проверял только на себе. От одного из них, при абсолютно хорошем здоровье, неожиданно скончался. Похоронен в Глинках, в фамильном склепе при сооружённой его племянником большой христианской церкви.

В 1920-е годы, с приходом к власти большевиков, имение Брюсов подверглось разорению. При этом пострадали все прицерковные захоронения. Могилу Брюса вскрыли. Со

скелета сняли полуистлевший, шитый золотом фельдмаршальский мундир с орденами и иными знаками отличия. Кости сложили в кучу и некоторое время хранили. Затем они при неясных обстоятельствах были утеряны. Прах племянника и других родственников петровского героя при перестройке церкви под лечебный корпус открывавшегося здесь в 1934 году санатория выбросили из гробов и сожгли вместе со строительным мусором. К сожалению, подобные сцены были почти повсеместны. Полутрамотные, обманутые большевистской атеистической пропагандой местные «партийцы» и их сообщники творили кощунственный беспредел, которому никто не мог противостоять. В этой ситуации положительным является лишь то, что имение Брюсов в Глинках стало санаторием. Это спасло его от возможного полного уничтожения.

О том, что так могло быть, свидетельствует судьба многих подмосковных барских усадеб, формально взятых под охрану государства, но фактически брошенных им. Приведём на этот счёт три показательных примера, касающихся ландшафтно-дворцовых комплексов влиятельных семейств России, потомков сподвижников Екатерины II братьев Алексея и Григория Орловых в Семёновском-Отрадном, князей Одоевских и Голицыных в Никольском-Урюпино и промышленников Демидовых в Петровском.

Основная часть усадебного комплекса семьи графов Орловых в Семёновском-Отрадном в настоящее время находится на территории санатория Федеральной службы безопасности (ФСБ). Она огорожена высоким металлическим забором, и доступ на неё посторонним лицам строго воспрещён. Вместе с тем, именно на ней размещены главный дворец Орловых и их фамильный мавзолей с венчающим его изящным круглым куполом. Из разговора со священником местной, выстроенной Орловыми, церкви Николая Угодника отцом Сергием удалось выяснить, что главный дворец для нужд санатория не используется и поэтому постепенно и уверенно разрушается. Красивейший двухэтажный с боковыми колонными верандами особняк

лишён кровли и потому сверху зарастает молодыми деревьями. В несколько лучшем состоянии находится здание мавзолея. Но оно во второй половине 1920-х годов было осквернено действиями членов местной большевистской партийной верхушки. С помощью местных, опьянённых захватом барских земель, крестьян захоронения мавзолея были вскрыты, гробы разграблены, а находящиеся в них останки выброшены и сожжены. Сами же цинковые гробы затем использовались в качестве корыт для кормления свиней. Не устояли и открытые для крестьянских детей графами Орловыми школа и сиротский приют. В красивом двухэтажном помещении, где они располагались, местные коммунары открыли швейную мастерскую. Впоследствии она сторела, и занимаемое ею здание до 2010-х годов стояло, не ремонтируясь, без крыши, окон и дверей.

Не менее горька участь и подмосковного усадебного комплекса бояр Одоевских и князей Голицыных в Никольском-Урюпино. Его строительство было начато боярином Никитой Одоевским в 1664 году с возведения охотничьего дома и ряда служебных деревянных помещений. В 1774 году усадьба перешла во владение князя Николая Алексеевича Голицына. В 1780 году он на месте старых деревянных построек возвёл каменный «Белый домик» с колоннадой для семейного загородного отдыха, «Большой» двухэтажный дом для постоянного проживания и ряд хозяйственных построек, в том числе и подвальных, для хранения продуктов. Последние захоронения членов семьи князей Голицыных на местном прицерковном кладбище отмечены 1903 годом, но фактически они жили здесь до 1917-го. После Октябрьской революции последние члены этой Голицынской родовой ветви были вынуждены покинуть Россию и перебраться в Париж.

По рассказам местных жителей, до Великой Отечественной войны в Белом и Большом голицынских домах квартировали советские воинские части. После войны оба здания были ими оставлены и без должного присмотра стали постепенно разрушаться. Белый домик в начале 2000-х годов

местные поселковые власти начали восстанавливать с намерением организовать в нём местный краеведческий музей. Большой же дом, утерев всю свою богатую лепнину, без крыши, окон и дверей, с затопленными водой глубокими подвалами, без какой-либо внешней охраны, продолжает пугать своим призрачным видом редких посетителей этих в общем-то очень красивых подмосковных мест.

Подобную судьбу переживает ещё одна некогда богатейшая подмосковная усадьба графов Шафировых и промышленников Демидовых в Петровском. Усадьба и прилегающие к ней земли после неудачного для России Прутского похода были дарованы Петром I главному переговорщику с турецкой стороной об условиях временного перемирия искусному дипломату Петру Павловичу Шафирову. Он на дарованных ему землях разместил ряд деревянных строений и возвёл красивую каменную церковь Митрополита Петра, благословившего в своё время Ивана Калиту на перенос столицы русского государства из Владимира в Москву. В начале 1780-х годов Петровское перешло во владение промышленникам Демидовым и было превращено ими в образцовое загородное поместье, где все строения, включая главный дворец, были каменными и отличались особым архитектурным изяществом.

Последующая судьба поместья печальна. После Октябрьской революции оно было национализировано и использовалось местной крестьянской общиной в административно-управленческих и хозяйственных целях. Теперь оно лежит в руинах. Все его некогда величественные постройки полуразрушены, потеряли свою богатую лепнину и штукатурку. То же касается и входных ворот. Их каменные столбы побиты транспортом, металлические покрытия сняты, боковые пристенки размываются дождевой водой.

К сожалению, Петровское – далеко не единственный пример варварского, ничем не оправданного, отношения большевистских, а затем и современных российских властей к уникальным образцам неповторимого по своей изначальной красоте дворцово-усадебного наследия

великокняжеской, а затем и царской России. Известно, что к 1917 году это наследие насчитывало более ста тысяч царских, дворянских и купеческих городских и провинциальных усадеб. К нашему времени их сохранилось только десять тысяч и это по всей территории огромной России.

Вместе с тем, именно русская усадьба сыграла в истории нашей страны наиважнейшую социальную и хозяйственно-экономическую роль. Толчком к быстрому развитию усадебной формы жизни в России послужил манифест мало правящего ею императора Петра III от 1762 года «О вольности дворянства». Следуя букве этого манифеста, многие дворяне стали оставлять обязательную для них до этого момента военную службу и перебираться на постоянное жительство в принадлежащие им поместья. В результате этого, вне городов стали возникать крупные хозяйственные, общественно-социальные и культурные центры, которые успешно существовали более ста лет. Сообществом владельцев поместий решался широкий круг экономических, управленческо-административных, социально-бытовых, учебно-воспитательных и иных общественно-значимых проблем.

После раскрепощения крестьян реформами императора Александра II многие владельцы помещичьих усадеб перешли на промышленные способы сельскохозяйственного производства, основанного на наёмном труде. В таком виде, после Октябрьской революции, они стали составлять конкуренцию сельской экономике социалистического типа, основанной на хозяйственной коллективизации. Места двум формам хозяйствования оставлено не было. Усадебное, а затем и крестьянско-общинное производство вынуждено было прекратить своё существование. Последовало повсеместное разорение некогда богатых помещичьих загородных имений.

В этом повинен весь семилетний постреволюционный ленинский период советской России. Патологически враждебное отношение вождя мирового пролетариата к русскому самодержавию и православию никогда не скрывалось.

По его воле, под лозунгами борьбы с царизмом и религиозностью народа уничтожались тысячи дворянских поместий и прекрасных церковных строений. Разгул и масштабы этих злодеяний не поддаются никакому разумному объяснению. И всё-таки отдельные детали этих преступных действий, их мелочно-мстительная и извращённая по своей сути природа не могут не поразить ум и чувства нормального человека. Приведу лишь несколько доказательных примеров. Каждый москвич хорошо знает опрятное, красивое, небольшое здание церкви Казанской Божией Матери на Красной площади. Церковь была построена на средства первого царя династии Романовых Михаила Фёдоровича в 1636 году в память об освобождении России от польской интервенции. Действовала в течение трёхсот лет. В 1936 году, по указанию кремлёвского руководства, снесена. На её месте возвели вместительный общественный туалет, выходящий своей фасадной частью к главному входу в ГУМ. В 1995 году этот туалет наконец был убран и на его месте вновь появилась, радуящая взор и сердце изящная церковь Казанской Божией Матери. Человеческий разум в очередной раз победил ленинское большевистское чёрное мракобесие.

Многим москвичам и иногородним паломникам хорошо известен и подмосковный Покровский Хотьков монастырь. В нём до скончания своих дней монашествовали святые Русской Православной церкви, родители игумена Земли Русской, её покровителя и спасителя, Сергия Радонежского Кирилла и Мария. В советское время монастырь был закрыт. В его служебных строениях разместили склады и фабричные мастерские. Внутрицерковный некрополь с мощами Кирилла и Марии разрушили. Их останки изъяли и захоронили за алтарной частью Покровского собора. Над местом захоронения, в соответствии с незыблемыми большевистскими правилами, как и следовало ожидать, соорудили отхожее место. К великой радости, в 1960 году Хотьков монастырь был признан историко-культурным памятником федерального значения. В 1990-е годы в нём

возобновились церковные службы и деятельность когда-то созданных по указу Петра I воспитательно-образовательных курсов для девочек-сирот. Поруганные мощи Кирилла и Марии были заново освящены и возвращены в некрополь на своё прежнее место. Над их временным захоронением воздвигнут памятный камень с соответствующей информационной табличкой.

Следующим примером кощунственного обращения большевиков со святыми местами нашего отечества является знаменитое поле близ города Калязина, где талантливый русский воевода князь Михаил Скопин-Шуйский наголову разгромил оккупационное польское войско гетмана Сапегы. В честь этой победы, предопределившей снятие блокады Троице-Сергиевой лавры, а затем и успешные боевые действия народного ополчения Минина и Пожарского по освобождению Москвы, благодарные калязинцы в 1630 году возвели величественный Воскресенский храм. Рядом с ним, по существующей христианской традиции, открыли небольшое прицерковное кладбище, где нашли своё упокоение в том числе и некоторые герои тех давних событий. Как водится, в 1920-х годах, с приходом к власти большевиков, прицерковное кладбище срыли, построив на нём городской стадион со всеми полагающимися ему служебными помещениями, в том числе и туалетными.

К счастью, в наши дни Воскресенский храм возобновил свою работу, а на бывшем победоносном поле, недалеко от стадиона, стараниями местной общественности и калязинского градоначальника воздвигнут гранитный, увенчанный взлетающим в небо орлом памятник воеводе Скопину-Шуйскому и его победоносному войску.

Нечто подобное имело место и в моём родном городе Омске. Здесь, как и по всей России, было уничтожено множество православных храмов. Один из них – Никольский Казачий храм, к счастью, пострадал только частично. Была разобрана его колокольня, снят позолоченный крест с купольной части, сломан иконостас, внутренние помещения переоборудованы под овощной склад, а затем – под го-

родской кинотеатр. И это при том, что храм был построен на народные деньги в память об участии воинских частей Омского гарнизона в войне с наполеоновской Францией. В нём хранились знамёна и отличительные регалии этих частей. Хранился здесь и воинский стяг сибирского казачьего войска атамана Василия Тимофеевича Оленина (Ермака), усилиями и подвигами которого началось присоединение к России огромных территорий Сибири, а затем и Дальнего Востока.

Не пощадили ничего. Храм закрыли, военные реликвии вынесли, а затем за ненадобностью уничтожили. По излюбленной традиции, вне здания храма, за его алтарной частью, возвели вместительный общественный туалет – неизменный атрибут ленинско-большевистской политики по отношению к православию и тысячелетней истории России. Это издевательское отношение продолжалось и после смерти Ленина. Оно длилось до конца 1930-х годов, пока новый руководитель Советского государства И.В. Сталин не избавился от глубоко ненавистной ему «ленинской гвардии» в лице троцких, зиновьевых, каменевых, рыковых и им подобных вдохновителей Октябрьского переворота. С этого момента началось культурное возрождение России. Она вновь сосредоточилась на своём историческом прошлом, на попытках восстановления утраченных за годы революционного безумия национальных духовных и материальных ценностей. Этот процесс охватил всю страну, но особо заметно он коснулся её центральных, наиболее пострадавших частей.

Исторические города и населённые пункты Центральной части России

Мой многолетний интерес к Москве и Подмосковию являлся лишь частью давно вынашиваемого плана по более расширенному изучению исторических территорий

центральной, то есть европейской части России. Поэтому следующим шагом на этом пути стали города и посёлки Золотого кольца и окружающих его земель. Начал изучение этих мест с Ярославского тракта. Красота и особая самобытность прилегающих к нему пространств поразительны. С огромным удовольствием несколько раз посетил Сергиев Посад, где с интересом осмотрел все, находящиеся в этом святом месте храмы и часовни. В ходе последующих экскурсионных поездок побывал в Александрове, Переславле-Залесском, Ростове Великом и наконец – в самом Ярославле. Всюду наслаждался красотами местных старинных, сохранённых временем, дворцов, крепостных сооружений, купеческих построек, монастырей и изящных дворянских особняков.

В Александрове с большим интересом осмотрел царские, выстроенные ещё отцом Ивана Грозного Великим князем Василием III белокаменные семейные хоромы и размещённые в них музейные экспозиции. Город знаменит тем, что сюда, в Александровский кремль, в 1564 году из Москвы со своей семьёй перебрался Иван Грозный с намерением начать непримиримую борьбу с враждебной ему боярской оппозицией. Инструментом этой борьбы стала специально созданная им для этой цели, подчинённая лично ему, «опричнина».

Семнадцать лет пребывания Ивана Грозного в этом городе превратили его во временную столицу русского государства. Отсюда властный царь управлял страной, здесь принимал иностранные посольства, здесь хранил государственную казну. Покинуть это место и возвратиться в Москву монарха заставила лишь семейная драма, связанная с непреднамеренным убийством им в ноябре 1581 года своего старшего сына Ивана. В гневе, находясь на женской половине царского дворца и увидев там жену сына с распущенными волосами, отругал её, а затем и вступившегося за неё сына. Не сдержав себя, ударил его металлическим жезлом в висок. Весь ужас этой сцены ярко отражён на полотне великого русского художника Ильи Репина «Иван

Грозный и сын его Иван». Экскурсантам показывают залу, где эта трагическая сцена могла иметь место. Музейный фонд Александровской слободы огромен. Здесь собраны вещи той дальней эпохи: коллекция рукописных и первых печатных книг, царские одежды, холодное оружие, женские украшения, серебряная и золотая посуда.

Помимо царской слободы город Александров знаменит ещё и тем, что здесь наездами некоторое время проживала известная русская, а затем и советская поэтесса Марина Ивановна Цветаева. Сюда она наведывалась к своей младшей сестре Анастасии, которая была замужем за Маврикием Александровичем Минцем, военным химиком, служившим в годы Первой мировой войны инженером на Александровском пороховом заводе. Проживали в небольшом одноэтажном бревенчатом доме, снятом внаём у семьи местных учителей Лебедевых по адресу: Военный переулок, № 5. Дом находился рядом с городским военным призывным пунктом. Потому район, где он располагался, именовался «военным». Здесь Марина Ивановна написала несколько замечательных стихотворений. Одно из них, ныне переложенное на музыку, «Мне нравится, что Вы больны не мной...» – посвятила Минцу; другое – «Белое солнце и низкие, низкие тучи» – наблюдаемым ею из окон своей комнаты тренировкам призывников штыковому бою; ещё одно адресовала Осипу Мандельштаму, который несколько раз приезжал к ней в Александров в 1916-1917 годах.

Следующим древним историческим городом центральной части России является небольшой, но славный своим прошлым, Переславль-Залесский. Он был построен Юрием Долгоруким в 1152 году как военная крепость на пути к его великокняжеской резиденции городу Ростову Великому. Сохранились земляные валы этой крепости и укрытый за ними местный кремль со своей Красной площадью. На территории кремля возвышается белокаменный однокупольный Спасо-Преображенский собор. Рядом с ним в 1220 году в поместном княжеском дворце родился великий

русский полководец и государственный деятель Александр Ярославович Невский. Бронзовый побюстный памятник ему установлен на свободном участке городской площади, у входа в Спасо-Преображенский собор.

Вокруг кремля, на территориях переславль-залесских земель, в течение трёх веков правящими великокняжескими, а затем и царскими родами строились многочисленные церкви и богатые монастыри, в том числе Горицкий, Фёдоровский, Даниловский и Никитский. Все они в различной степени сохранности существуют и по сей день.

Переславль-Залесский знаменит и деяниями великого реформатора России Петра I. Здесь, на Плещеевом озере, молодой царь в преддверии создания российского военно-морского флота, в 1688-1693 годах, построил первую опытную боевую флотилию. Она состояла из 100 небольших кораблей и шлюпок различных размеров и модификаций, включая несколько галер и два пушечных фрегата «Марс» и «Анна». На Плещеевом озере молодым царём решались три наиважнейшие для страны задачи: набирался и обучался персонал, способный строить военные корабли; готовились военно-морские командные кадры; оценивались ресурсы и возможности строительства корабельных верфей на севере и на юге страны, в городах Архангельске и Воронеже.

В память об этих делах на высоком берегу Плещеева озера, на месте бывшего «хозяйственного двора», где велись основные строительные работы, в 1852 году, по инициативе владимирского губернатора князя Ивана Михайловича Долгорукова, началось возведение местного музейного комплекса. Были установлены памятники молодому Петру и созданному им в этом месте экспериментальному военному флоту. Одновременно, рядом с этими памятниками на деньги владимирцев и переславцев был возведён каменный «ангар» – красивое одноэтажное здание – для хранения военного бота переславской флотилии, построенного местными мастерами из местного дуба. Бот на семь человек мог ходить под парусами и на вёслах. По сей день

находится в отличном состоянии как свидетельство высоко-го кораблестроительного мастерства русских людей. Пере-славль-Залесский был и остаётся одним из красивейших исторических городов европейской части России. За ним, в северо-восточном направлении, по тому же Ярославскому тракту, лежат земли не менее интересного города – Ростова Великого.

Этот город, как отмечалось выше, был определённое время столичным. Под его властью находились земли Ярослава, Костромы, Владимира и только что присоединённой Москвы. Вскоре, однако, князь Юрий Долгорукий пере-нёс свою столицу в построенный им более защищённый город-крепость Суздаль. С этого момента все перечислен-ные великокняжеские земли стали именоваться Северо-Восточной Русью, свободной от подчинения киевскому престолу. При сыне Юрия Долгорукого – Андрее Бого-любском – столицей молодого русского государства стал город Владимир.

Следует особо отметить, что в ходе всех этих перемен го-род Ростов Великий никогда не терял своего руководящего влияния потому, что оставался православной столицей рус-ского государства. Здесь в течение многих десятилетий раз-мещались Русский Патриархат и главный Архиерейский двор. Это положение удалось изменить лишь во времена великого княжения Ивана Калиты. Лишь ему посредством искусных дипломатических переговоров удалось убедить главу Русской Православной церкви митрополита Петра перенести свой престол из Ростова в Москву. В результате этого Москва превратилась в подлинный столичный город с двумя ветвями государственной власти – административ-ной великокняжеской и духовной митрополичьей. С тех пор ведущее положение Москвы, как управленческого центра России, где была сосредоточена административная и церковная власть, уже не менялось никогда. Менялось лишь количество российских регионов, примыкающих к нему.

В наши времена Ростов Великий продолжает оставать-

ся одним из главных исторических городов Центральной России. Сохранились его кремль, архиерейские палаты, княжеские дворцы, церковные соборы, в том числе наиболее древний из них – Успенский. Всё это входит в музейный комплекс Ростовского Кремля и самого города Ростова Великого.

Последней точкой ярославского тракта является сам город Ярославль. Основан в 1010 году Великим Киевским князем Ярославом Мудрым у селения Медвежий Угол, при впадении местной реки Которосль в более полноводную Волгу, как военный форпост для сбора дани с местного племени русичей. Вскоре случилось так, что этот благодатный участок земли превратился в промышленно-торговый центр на водном пути «из варягов в греки». В 1658 году, во времена царствования Алексея Михайловича Романова, кремлёвская часть этого центра полностью сгорела в пожаре. Уцелели лишь отдельные каменные храмы и Спасо-Преображенский монастырь, находящийся за границами ярославского кремля. В него на некоторое время переместилась городская администрация, и он стал выполнять не только церковно-служебную, но и управленческую городскую функцию. Удивительно, что этот монастырь сохранился до наших дней в своём почти первоизданном виде и ныне выполняет роль городского музея-заповедника. Именно в нём в 1800 году биографом и публицистом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным был найден летописный труд «Слово о полку Игореве». Опубликование этого труда стало мощным толчком к развитию интереса россиян к памятникам русского литературного творчества и развитию отечественного печатного дела.

Существенную роль в развитии Ярославля сыграла императрица Екатерина II. Она учредила новую планировку его городских улиц, утвердила проект новой застройки главных площадей и возведения основных административных зданий, включая губернаторский дворец. При жизни Екатерины II он не был достроен. Позднее его возвели на правой стороне главной городской площади. В наше время

это красивейшее здание со светлыми и просторными залами превращено в художественную галерею, где хранятся работы замечательных русских живописцев – братьев Брюлловых, Маковского, Айвазовского, Шишкина, Саврасова, Репина, Паленова, Коровина, Серова и Куинджи.

Ярославль – это город классической русской архитектуры. На его территории действует большое количество храмов и часовен. Прекрасны его набережные и прибрежные беседки, замечательны прямые улицы, застроенные относительно невысокими, удобными для проживания домами. Чудесен расположенный на левом берегу Волги Свято-Введенский Толгский женский монастырь. После проведённых здесь ремонтно-восстановительных работ он находится в идеальном состоянии, поражает внутренним убранством и красотой своих служебных помещений.

Помимо этого, Ярославль – это город богатого исторического прошлого. Здесь в 1612 году, во времена польской интервенции, в течение нескольких месяцев находилась столица Русского государства. Здесь на деньги местного купечества и служивого дворянства окончательно сформировалось народное ополчение Минина и Пожарского. Отсюда это ополчение двинулось на освобождение Москвы и западных территорий России.

Ярославль – крупнейший культурный центр России. В нём провёл свои детские и юношеские годы великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов. В нём же в 1750 году местным драматургом Фёдором Волковым при прямой поддержке императрицы Екатерины II был открыт первый профессиональный русский театр, где ставились пьесы русских авторов на русском языке. Ярославцы любят свой замечательный город и его центральную площадь, на которой возвышается величественный бронзовый памятник его основателю Великому князю Ярославу Мудрому. Любят и посещают этот город многочисленные туристы из самых различных уголков нашей огромной страны. Посещают его и иностранцы.

Не менее прекрасны и лежащие к северо-востоку от

Ярославля города Владимиро-Суздальского тракта. К ним относятся старинные города Покров, Владимир, Боголюбово, Суздаль, Иваново и Кострома. Покров – первый крупный населённый пункт этого экскурсионного маршрута. Своё название берёт от возведённого в нём величественного, ныне возвращённого Русской Православной церкви, храма Покрова Божией Матери. Главной примечательностью города является его краеведческий, с любовью содержащийся музей. Помимо богатой коллекции бытовой утвари, холодного и огнестрельного оружия, одежды и посуды он располагает специальным помещением, которое воспроизводит собой полицейский околоток с его главными героями – местными полицейскими и задержанными ими преступниками. Показана одежда этих людей, их зависимое друг от друга положение, типичное содержание задержанных. Наличие этого музейного околотка объясняется тем, что Покров длительное время был первым остановочным пунктом идущих из Москвы колонн арестантов. Его полицейские кадры присматривали за проводкой этих колонн на восток, в тюремные арсеналы Владимира. Случалось всякое, в том числе и побег. Сцены разбирательства подобных случаев демонстрируются в этом музейном помещении.

Для людей, впервые посетивших эти места, большой интерес может представить и скрывающийся в окрестных покровских лесах, островной Введенский женский монастырь. Ограждённый от внешнего мира водами озера, он уникален по своей задумке. На его территории действуют большой и малый христианские храмы, а при них – двухэтажное белокаменное общежитие монахинь. Их насчитывается более тридцати. На них возложены все заботы служебной и хозяйственной жизни монастыря: огородничество, хлебопечение, содержание молочной фермы в одной из близлежащих деревень. Со всеми этими делами монахини – женщины в возрасте от 20 до 45 лет успешно справляются. Выпекаемый ими хлеб, я опробовал и он оказался мне необыкновенно вкусным.

Жемчужиной Владимиро-Суздальского тракта является,

основанный в 1106 году Великим князем киевским Владимиром Мономахом город Владимир. Он стал вотчиной его сына Юрия Долгорукого, а затем и внука Андрея Боголюбского. При Боголюбском, крупном собирателе русских северо-восточных земель, Владимир превратился в один из красивейших городов России. Им был отстроен его кремль, кремлёвские соборы, в том числе главный из них – кафедральный Успенский, а также множество других храмов и церквей, которые вместе с основными дворцовыми строениями вошли в состав Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под открытым небом. Заповедник богат изумительными по красоте городскими зданиями, в том числе знаменитыми «Золотыми воротами», губернаторским дворцом с его богатыми художественными экспозициями, сохранившимися особняками известных русских людей, в том числе владимирца, великого русского мореплавателя и флотоводца Михаила Петровича Лазарева.

Большой интерес представляют и пригороды Владимира, в частности, резиденция князя Андрея Боголюбского – Боголюбово и удалённая от него на два километра изумительная по своей красоте однокупольная церковь Покрова на Нерли. Она возведена на насыпных землях при впадении реки Нерль в более крупную реку Клязьма. В наше время эта церковь возрождена и включена в состав действующих. Все экскурсионные группы обязательно посещают её.

Далее по Владимировскому тракту, но чуть севернее от него, расположен чудесный, неповторимый по своей архитектурной красоте город Суздаль. Возведённый Юрием Долгоруким как военная крепость, некоторое время был, как уже знает читатель, столицей Северо-Восточной России. В 1392 году, войдя в состав Московского княжества, потерял свою самостоятельность, но остался крупным религиозным центром, где продолжало действовать несколько известных на всю Россию монастырей. Один из них – Спасо-Евфимиев, окружённый мощными оборонительными

стенами, стал местом семейной усыпальницы суздальского княжеского рода Пожарских. В нём, у алтарной части главного монастырского храма Преображения, был захоронен и сам герой борьбы с польской интервенцией – князь Дмитрий Пожарский. Первоначально его могила была покрыта массивной каменной плитой. В 1882 году, в годовщину 270-летия изгнания поляков из Москвы, над общим захоронением Пожарских была установлена часовня. Она простояла всего 62 года. С размещением в советское время в Спасо-Евфимиевом монастыре детской исправительной колонии была полностью разрушена, так как содержала на своих плитах имена ненавидимых большевиками защитников царского самодержавия. Восстановлена лишь в 2009 году в связи с провозглашением нового праздника «Дня народного единства», в основе которого лежат события 1612 года, связанные с именем и освободительной ролью князя Пожарского.

Помимо Спасо-Евфимиева в Суздале есть ещё три монастыря: Покровский, Александровский и Ризоположенский. Первый из них – Покровский – волею судеб стал местом ссылки и пожизненного монашества многих царских жён и несостоявшихся невест, в частности: Соломонии Сабуровой – бесплодной жены Василия III, супруги убитого Иваном Грозным сына Ивана – Евдокии, жены самого Ивана Грозного – Анны Васильчаковой, жены Петра I – Евдокии Лопухиной и многих других несчастных женщин. Каждый из суздальских монастырей имеет свою музейную экспозицию и это при том, что все они, как и сам город Суздаль, были полностью разграблены в 1237 году войсками хана Батыя, а в 1612 году – польскими интервентами. При поляках от Суздаля осталось всего 78 неповреждённых зданий. Весь город лежал в руинах и затем длительное время возрождался. Возрождение началось с Суздальского Кремля, с его огромного Рождественского кафедрального собора и богатейших Архиерейских палат, знаменитых своим внутренним убранством – дорогой мебелью, изразцовыми печами, высокими стрельчатыми окнами и входной парад-

ной лестницей.

Украшением города, наряду с этими объектами, являются и его многочисленные отдельно стоящие церкви; размещённые на высоком берегу местной реки Каменка торговые палаты; торговая площадь и замечательный музей деревянного зодчества, на территории которого собрано большое количество старинных жилых и хозяйственных построек самого Суздаля и его окрестностей.

Следуя на северо-восток по Владимирскому тракту, мы приближаемся к ещё трём замечательным русским городам – Иваново, Плёсу и Костроме. Город Иваново возник на месте одноимённого села, которое в 1561 году было даровано Иваном Грозным вместе с другими местными землями родственникам его второй жены князьям Черкасским. Богатой вотчиной для них эти земли никогда не были. Зато на них в изобилии произрастал лён – природное сырьё для производства ситца – лёгкой ткани, идущей на пошив одежды практически всего малоимущего населения России. Этим воспользовались очередные владельцы Иваново – князья Шереметевы. При них, в 1742 году, в городе появилась первая льноперерабатывающая мануфактура. В первой половине XIX века город уже стал одним из крупнейших ткаческих центров, продукция которых находила спрос не только внутри России, но и за рубежом. Вследствие этого доходы от производства ситца существенно возросли не только для владельцев мануфактур, но и для работающих на них крепостных крестьян. Воспользовавшись этим, многие из них стали выкупать себя и членов своих семей из крепостной зависимости. Так в Иваново появилось богатое купеческое сословие, отдельные представители которого влились в группу владельцев ткаческих производств. К числу таковых относился один из первых владельцев ивановских мануфактур – Григорий Бутримов. Построенные им краснокирпичные производственные цеха до сих пор украшают центральную часть города.

Освободившись от крепостной зависимости, многие бывшие работники ивановских мануфактур стали селиться

в соседнем с Иваново Воскресенском посаде. В 1871 году и город и посад объединились в единый губернский центр, получивший название Иваново-Воскресенск. Таковым он оставался до прихода советской власти. В конце 1920-х годов был переименован в Иваново. Имея мощную промышленную инфраструктуру и соответствующую ей по численности рабочую наёмную силу, город в предреволюционные 1910-е годы превратился в один из крупных центров революционной борьбы. Здесь сформировался первый Совет рабочих депутатов – прообраз всех иных советских органов власти. Одним из его руководителей был Михаил Васильевич Фрунзе. Ему, как крупному государственному деятелю, полководцу, военному теоретику и создателю регулярной Красной армии, в центральном городском сквере установлен величественный бронзовый памятник.

В настоящее время Иваново – это один из крупных административных и экономических центров европейской части России. Здесь размещено несколько высших учебных заведений, успешно действуют Музей ивановского ситца, Музей промышленности и искусства имени Д.Г. Бурылина, Художественный музей и Музей первого Совета. Славится своей деятельностью Дворец искусств, где ежегодно проводится осенний Текстильный салон. Действуют городские драматический и филармонический театры. Город, несмотря на текущие экономические трудности, продолжает жить и успешно развиваться.

Прекрасны предместья Иваново – хорошо сохранившиеся малые города Плёс и Палех. Плёс – старинный русский город, основанный в 1410 году как военная крепость московским князем Василием I для защиты Костромы от возможного прорыва к ней по руслу Волги татаро-монгольских войск. Плёс имеет свой хорошо укреплённый кремль, на территории которого – Соборном холме – сохранились великолепный Успенский собор, боярские палаты, дозорная башня, с которой хорошо просматриваются подходы к городу со стороны волжских низовий.

Плёс многократно воспет в картинах великого рус-

ского художника Исаака Левитана, который, проживая здесь в 1888-1890 годах, написал несколько знаменитых плёсовских пейзажей, в том числе: «Плёт после дождя», «Над вечным покоем», «На Волге», «Вечерний звон», «Баржи», «Золотая осень» и другие. Все они хранятся в лучших картинных галереях нашей страны. Дом, в котором проживал Левитан в Плёсе, превращён в городской художественный музей его имени. Рядом с музеем установлен красивый бронзовый памятник художнику. Второй подобный памятник возвышается на ближайшем холме, с которого Левитан рисовал одну из известнейших своих картин «Над вечным покоем». Изображённая на ней Воскресенская церковь, простояв четыре столетия, в начале XX века сгорела. Теперь на её месте стоит подобная же церковь с подобным же названием. Она действует. В ней находится алтарь, развешаны иконы, горят лампы и свечи. Замечательна архитектура современного Плёса. Малоэтажные каменные изящные частные и общественные здания тянутся вдоль Волжской набережной и нагорной части города. На набережной есть речной причал, с которого на местном пассажирском катере можно совершить прогулку по Волге. На набережной же размещено множество рыбных таверн и ресторанов. В них подают вкуснейшую уху и иные рыбные блюда. Город своеобразен и чрезвычайно красив. На память о нём в местных киосках можно приобрести оригинальные сувениры, наборы фотографий и специальные художественные альбомы. Плёс любим и постоянно посещаем тысячами туристов нашей страны и иностранных государств.

Побратимом Плёса по его художественной значимости является небольшой городок Ивановской области Палех. Это уникальный и единственный в своём роде центр русской лаковой миниатюры. Выпускаемые здесь образцы картин и памятных шкатулок не имеют себе равных. Часть выпускаемой продукции традиционно уходит за границу. Постоянными покупателями предметов палехского миниатюрного искусства являются Франция, Германия

и Япония.

Палех – это правильно спланированный и аккуратно застроенный небольшими двух – и трёхэтажными зданиями городок. Среди этих зданий своей изящной архитектурой выделяются: Палехское художественное училище имени М. Горького; Художественно-производственные мастерские палехского искусства; краснокирпичное с резной отделкой строение Государственного палехского музея; дома-музеи выдающихся местных художников И.И. Голикова и П.Д. Корина. Все музейные экспозиции Палеха обладают редчайшими коллекциями местных мастеров, работавших в основном в жанре сказочных и былинных тематик.

От Иваново и его замечательных окрестностей наш путь теперь лежит к крупному поволжскому городу Костроме, основанному князем Юрием Долгоруким в 1152 году в качестве военного форпоста на волжском речном пути. Его гербом является – бело-голубой щит с изображением двухмачтового вёсельно-парусного судна под русским торговым флагом. Это указывает на роль города в организации перевозки товаров из Великого Новгорода и Пскова в порты Чёрного и Каспийского морей. С момента своего возникновения Кострома, как и другие города Центральной России, активно развивалась и к концу жизни последнего царя династии Рюриковичей Фёдора Ивановича превратилась в крупнейший торгово-экономический центр русского государства. Сюда, после избрания в феврале 1613 года новым русским царём, выехал из Москвы со своей матерью Ксенией Ивановной Шестовой первый представитель Романовской династии 16-летний Михаил Фёдорович Романов. Надёжным местом их укрытия от отрядов польских интервентов стал Костромской Ипатьевский монастырь. Претерпев все невзгоды большевистского периода, этот монастырь ныне превращён в главный городской музейно-исторический комплекс. Ежедневно его посещают тысячи российских и иностранных туристов. Центром их внимания остаются палаты бояр Романовых. Значительное внимание уделяется также территории бывшего костромского

кремля и размещённому на ней памятнику основателю города князю Юрию Долгорукому, а также возведённому в предреволюционные годы роскошному постаменту памятника спасителю царской семьи Ивану Сусанину. Постамент возвели с намерением установить на нём в 1913 году в связи с 300-летием Дома Романовых бронзовую фигуру Сусанина, но по ряду причин не сумели этого вовремя сделать. После совершения в 1917 году Октябрьского переворота на уже готовом постаменте оказалась фигура вездесущего вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. В 2013 году в связи с 400-летием Романовской династии фигуру Ленина хотели перенести на городскую площадь его имени, а памятник Сусанину воссоздать в его проектном виде. Сделали это лишь спустя несколько лет. Памятник Сусанину восстановлен. Площадь, на которой он стоит названа Сусанинской.

Кострома – это не только экономический, но и крупный музейный город России. На его территории действует Музей природы Костромской области, Музей льна и бересты, Музей братьев Третьяковых, Архитектурно-этнографический музей и Музей местного деревянного зодчества. Славится Кострома и основанным в ней в 1808 году Государственным драматическим театром имени А.Н. Островского. Великий русский драматург был тесно связан с этим городом и многое сделал для становления его молодой театральной труппы. Именно поэтому один раз в два года в Костроме проводится Всероссийский театральный фестиваль его имени. Город Кострома великолепен и, несомненно, достоин нашего благодарного внимания.

Вернёмся, однако, на Владимирский тракт и от славного города Владимира повернём вправо на двухстороннюю, идущую по очень красивым лесостепным местам, дорогу. Едем в восточном направлении к старинному городу Мурому. Город принадлежит Владимирской области, поэтому на его красно-голубом гербе красуется золотой лев. Основан в 862 году киевским князем Владимиром и передан во владение своему сыну Константину. При нём город превра-

щён в военную крепость на восточных границах русского государства. Уже при Константине Муром прославил себя активной борьбой с воинственными степняками и отрядами ордынских войск.

В XV веке Муром вошёл в состав Московского княжества и с тех пор находился под покровительством его великих князей, царей и императоров. На муромской земле в 1555 году Иван Грозный перед покорением Казанского ханства сделал последний смотр своих войск, а затем, в честь одержанной победы, воздвиг в Муроме много новых православных храмов. Один из них – Спасский – был построен на территории Спасо-Преображенского монастыря. На него царь пожертвовал личные вклады в виде золотой и серебряной церковной утвари, церковных дорогих одежд, икон и книг.

В настоящее время кроме вышеназванного мужского Спасо-Преображенского монастыря в Муроме действует мужской Благовещенский и женский Свято-Троицкий монастыри. В последнем, в единой серебряной раке (погребальном ящике), хранятся мощи святых Русской Православной церкви муромского князя Петра и его супруги – простолюдинки Февронии, своей жизнью доказавших пример безграничной супружеской верности и благочестивой любви друг к другу.

Существенный вклад в развитие города внесла и императрица Екатерина II. В 1788 году ею был утверждён новый, так называемый «линейно-прямоугольный», план городской застройки и одобрено строительство типовых жилых кварталов с домами в один-два этажа. По её указанию на месте, где некогда находилось финно-угрское поселение, а затем возвышались Муромский кремль и Рождественский собор, были проведены реставрационные работы. Вследствие этого, обветшалые деревянные стены кремля разобрали, земляные валы срыли, собор отремонтировали, площадь вокруг него расчистили. К сожалению, в 1930-е годы большевиками собор был взорван. Позднее на месте, где он стоял, был разбит городской сквер. В 1999 году

на прибрежной площадке сквера советским скульптором Вячеславом Клыковым был возведён памятник былинному герою России Илье Муромцу. Богатырь стоит на высоком постаменте с поднятым в правой руке обоюдоострым мечом, как бы давая понять врагам России, что она имеет на берегах Оки надёжную защиту. И это именно так, ибо на протяжении нескольких веков воины-муромляне в боях за родину всегда проявляли подлинный героизм. В 1552 году муромская рать отличилась в битве под Казанью. В 1611-1612 годах участвовала в освобождении Москвы от поляков. Героические дела муромлян были продолжены в многочисленных русско-турецких войнах, в сражениях с войсками Наполеона, в боях Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Илья Муромец – реальная личность, жившая во времена крестителя Руси киевского князя Владимира Красное Солнышко. Служил воином в его дружине, защищал русскую землю от её внешних врагов. Родился под Муромом в селе Карачарово, которое в наше время является одним из жилых районов города. Это место холмисто, имеет два источника чистой родниковой воды и несколько древних церквей. В боях Илья Муромец был ранен в область сердца, после чего был вынужден уйти в монахи. Как один из первых христиан, причислен к лику святых. Его мощи хранятся в Киево-Печерской лавре и особо почитаются Русской Православной церковью.

Муром славен и своими культурными ценностями. На его территории работают богатый экспонатами Историко-художественный музей, Музей деревянной архитектуры, а также Художественная галерея, в которой демонстрируются работы выдающихся живописцев России. Негласным гимном Муромца является известная народная песня «На муромской дорожке». Муромляне любят эту песню. Её можно часто услышать в исполнении местных певцов в городских ресторанах и кафе.

Теперь с Владимирского тракта переместимся на знаменитое Рязанское шоссе, уводящее нас от Москвы в юго-вос-

точные районы европейской части России. На нём лежат старинные русские города Коломна и Рязань, а также всем известное село Константиново, где родился и провёл свои юные годы великий поэт России – Сергей Александрович Есенин.

Коломна, как второй по величине город Рязанского княжества, упоминается во временных летописях с 1177 года. Своё название получил от славянского слова «коло», то есть «солнце». В результате длительного московско-рязанского военного противостояния в 1300 году присоединён к Московскому княжеству в качестве мощного военного форпоста по защите Москвы от крымчан и других народов степного юго-востока. Именно здесь в 1380 году московский князь Дмитрий Донской собрал объединённое русское войско для Куликовской битвы. Он любил этот город, венчался в нём в соборе Воскресения Христова с суздальской княжной Евдокией, много сделал для его укрепления и обустройства. Взамен деревянных оборонительных стен начал воздвигать каменные. Эта работа была завершена в силу ряда неблагоприятных обстоятельств лишь в 1525-1531 годах, во времена княжения Василия III. Длина возведённой им крепостной стены высотой 19 метров при 17 оборонительных башнях составила более двух километров. За ней разместился Коломенский кремль, на территории которого оказалось несколько ранее построенных церквей, в том числе Успенская церковь и Крестовоздвиженский кафедральный собор.

В наше время значительную часть Кремля занимает действующий на его территории Ново-Голутвин Свято-Троицкий женский монастырь, в котором проживает до 80 монашествующих женщин, имеющих в своём большинстве высшее гуманитарное образование. Все они несут постоянную молитвенную службу и участвуют в общем сестринском труде.

Внутри кремля привлекают к себе внимание здание местного краеведческого музея с богатой коллекцией археологических находок и домашней утвари; опрятные де-

ревянные и каменные домики горожан; башни оборонительных стен, в том числе и «Маринкина башня», где сохранилась и, возможно, была убита жена двух Лжедмитриев польская авантюристка Марина Мнишек.

Вне кремля обращает на себя внимание величественный памятник победителю Куликовской битвы князю Дмитрию Донскому. Он изображён сидящим на коне в боевых доспехах при сабле и палице. На постаменте значатся слова: «Великому князю Дмитрию Донскому в честь победы русских войск на Куликовом поле в 1380 году».

Для посетителей Коломны представляет немалый интерес и прочный каменный дом коренного коломчанина, участника войны 1812 года, писателя Ивана Ивановича Лажечникова, автора ряда исторических романов, в том числе романа «Ледяной дом» о царствовании племянницы Петра I Анны Иоанновны и о заведённой ею унижительной для русских людей бироновщине. В доме Лажечникова действует Мемориальный музей его имени. В нём собраны предметы и материалы, рассказывающие о жизни и творческом пути этого замечательного человека: его архивы, личные вещи, подборки фотографий горожан и уличных застроек Коломны начала и середины XIX века.

Южнее коломенских земель простираются земли извечно непокорной Рязани – древнего русского города, граничащего с «полем», то есть со степными районами, где хозяйничали воинственные кочевые племена, наносившие своими набегами большой урон русскому приграничью. В 1237 году Рязанское княжество первым из всех других русских княжеств было разорено войском хана Батые. Его столица – город Рязань – была сожжена до тла. На прежнем месте не восстанавливалась, а была заново отстроена в 60 километрах от прежнего месторасположения, на берегу реки Трубезь, в двух километрах от её впадения в реку Оку. Её новый кремль, обнесённый деревянной, а затем – каменной стеной, расположился на высоком холме, прикрытом с двух сторон реками, а с третьей – искусственным насыпным валом и заполняемым водой рвом. Такой новая Рязань

была во времена княжения в ней Олега Ивановича Рязанского. Находясь в сложном положении между ордынцами и Москвой, не зная, чем закончится Куликовская битва, в ней участия не принял, за что был причислен к недругам московских князей и имел с ними несколько вооружённых столкновений. После утраты ряда северных земель Рязань стала ослабевать и при рязанском князе Фёдоре Васильевиче вынуждена была начать переговоры о вхождении в Московское княжество. Окончательно присоединена к нему в 1520 году.

Рязанский кремль очень красив. На его территории находится величественная Христорождественская церковь – место захоронения рязанских князей: Федора Олеговича – 1427 г., Иоанна Фёдоровича – 1456 г., Василия Ивановича – 1483 г. и Фёдора Васильевича – 1503 г. Поражает своим величием и трёхъярусный каменный летний храм Успения Богородицы. При пяти главах он имеет единое внутреннее пространство. Главы поддерживаются отдельными колоннами. У основания толщина стен храма составляет два метра. Он настолько высок, что виден за двадцать километров от места своего расположения.

В бывших княжеских палатах кремля – в большом трёхэтажном здании – находится богатейший Рязанский краеведческий художественный музей. Его экспозиция включает материалы археологических раскопок, коллекции оружия и ювелирных изделий нескольких поколений рязанских мастеров. Экспозиционные залы музея огромны. Чтобы их осмотреть требуется до трёх-четырёх часов неторопливого и внимательного обхода.

Интересна площадь перед входом в кремль. На ней возвышается бронзовая конная фигура князя Олега Ивановича Рязанского работы Зураба Церетели и изящная часовня с памятными настенными плитами, на которых изложена краткая история города. Достойны внимания и некоторые исторические объекты Рязанской области. Это прежде всего Солотчинский округ и размещённый на его территории действующий Свято-Иоанно-Богословский монастырь,

строительство которого благословил игумен земли Русской Сергей Радонежский. При монастыре действует мужская семинария с монашеской общиной численностью до 50 человек. Вся территория монастыря и его церковные здания находятся в отличном состоянии. Иконостас главного из них выполнен из цветной керамики и представляет собой редкую художественную ценность. При одной из церквей есть небольшой монастырский погост, где среди усопших упоминаются и женские имена, из чего можно сделать вывод, что монастырь мог быть когда-то и женским.

Расположенный в приокской долине Солотчинский округ славится уникальной красотой своих мест, трудолюбием и отзывчивой душой её жителей. Хорошо знавший эти места, русский писатель Константин Паустовский восхищался ими и называл их «страной талантливых людей». Недалеко от этой «страны» находится знаменитое село Константиново, где родился и провёл юные годы гениальный поэт России Сергей Александрович Есенин. Константиново – относительно небольшое, в одну улицу село, протянувшееся вдоль высокого берега реки Ока. Отсюда открывается чудесный вид на речную пойму и заливные дуга, уходящие вдаль, до самого горизонта. Это именно то, что можно смело назвать подлинной Россией. Поэт любил эти места и до конца своей жизни посещал их.

На берегу Оки возвышается красивейший храм Казанской Иконы Божией Матери, где Сергей Есенин был крещён и где от служителя храма и одновременно школьного преподавателя «Закона Божьего» протоиерея Ивана Смирнова получил благословение на поэтическое творчество. Справа от храма, но на некотором удалении от него, находится усадебный дом местной помещицы Лидии Ивановны Кашиной, ставшей прообразом главной героини есенинской поэмы «Анна Снегина». Лидия Ивановна большевиками из своего дома была изгнана, но из России не уезжала. Поселилась в Москве. Её дом после национализации в 1918 году использовался в качестве сельской амбулатории, затем – общежития для учителей местной

школы. В 1969 году решением Советского правительства он был превращён в Литературный музей Сергея Есенина. Лидия Ивановна об этом уже знать не могла. Длительно проработав машинисткой и переводчицей в ряде советских учреждений, она в 1937 году на 51 году жизни скончалась. Похоронена на Московском Ваганьковском кладбище, участок № 11, могила № 108.

Есенинский деревянный дом на подклете в 1922 году сгорел. Нынешний его аналог – это не совсем точно воспроизведённый новодел не на подклете, а на каменном фундаменте. Внутри он повторяет ту обстановку, которая была при Есенине, когда во взрослом возрасте он приезжал к своим родителям. В доме две печи, одна – на кухне, другая – в светёлке, где стоит письменный стол, за которым поэт работал над текстом своих знаменитых стихов. Дом чист и уютен. Три его фронтальных окна смотрят в сторону храма. За домом, находящимся в самом центре села, сохрaнён вишнёвый сад и небольшой приусадебный огород с амбаром для зерна. В нём в летнее время любил ночевать Сергей Есенин.

На одной из аллей сада установлено белораморное изображение поэта, подобное тому, что размещено на Московском Ваганьковском кладбище. Константиново и сейчас является уникальным архитектурным и ландшафтным памятником Рязанщины. Плохо лишь то, что при попустительстве местных властей на его территории, прямо в центре села, появилось несколько особняков богатых нуворишей, современных хозяев русской жизни. Эти особняки портят вид села и являются безусловным вызовом здравому смыслу. Тем не менее, село Константиново и имеющиеся у меня многочисленные детские и юношеские фотографии поэта побудили меня написать о нём следующее пятистрочное стихотворение:

Светловолосый, в ситцевой рубахе,
По поясу охвачен ремешком,
Стоишь ты данником на шаткой, скользкой плахе,
И песнь свою поёшь приглушённым баском.

Поёшь про ширь полей, про белые берёзы,
Про рыжий клён, что грезит под окном,
Про деревенский быт, про радости и слёзы,
Про сердцу дорогой, родной отцовский дом.

Ты много претерпел. Ты буйствовал немало.
Встречал зарю на окских берегах.
Душа твоя и пела, и страдала,
И плавилась в лирических стихах.

А жизнь неслась, как резвый жеребёнок,
Что силился догнать «железного коня»,
Не выдержав тех сумасшедших гонок,
Угасла на ветру, как слабый свет огня.

Угасла, словно луч далёкого светила,
Что некогда сиял над грешною землёй,
Угасла лишь на миг, чтоб вспыхнуть с новой силой
Теперь уже бессмертную строкой.

Далее наш путь проляжет от Москвы строго на юг по благодатным тульским землям через города Чехов, Серпухов, Тулу и прилегающие к ним районы, связанные с именами двух больших русских писателей – А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, а также через святые для всех нас заповедные места Куликова поля, где в 1380 году решалась судьба русского православного государства.

Город Чехов – небольшой провинциальный город Московской области, до 1954 года – Лопасня. Переименован в честь А.П. Чехова, чей усадебный дом находится совсем рядом, в селении Мелихово. В годы Великой Отечественной войны, как прифронтовой населённый пункт, сильно пострадал от немецкой авиации. Каких-либо значимых архитектурных памятников не сохранил. Интересен правильной планировкой своих улиц и городских скверов. Имеет добротный дом культуры, небольшую художествен-

ную галерею, несколько клубов местных промышленных предприятий, тесно связанных как с Москвой, так и с соседним Серпуховом.

Последний известен по временным летописям с 1339 года. Расположен на высоком берегу реки Нара при её впадении в реку Оку. Всегда принадлежал ближайшим родственникам московских великих князей и царей. Выполнял важную оборонительную функцию по защите столицы от ордынских войск и войск воинственной Литвы. Особо значима роль серпуховской рати в битве на Куликовом поле. Ею командовал двоюродный брат Дмитрия Донского серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый. Его дружина составила главную часть запасного полка, который в решающий момент битвы совместно с отрядом воеводы Боброка неожиданно атаковал левый фланг ордынского войска и обратил его в бегство. Судьба сражения после этого решилась в пользу русских ратников.

В XVI веке в Серпухове был сооружён белокаменный кремль с пятью основными и тремя вспомогательными оборонительными башнями. В советское время стены и башни кремля разобрали. Его блочные камни использовали затем при строительстве станции метро «Комсомольская». Осталось лишь несколько фрагментов этих стен с характерными для них арочными углублениями и бойницами. Внутри кремля, на его Соборной горе, сохранился величественный Троицкий храм. В нём размещён богатый экспозициями Серпуховской исторический музей. В нём демонстрируются редкие предметы старины: древние выдолбленные из дуба лады; каменные, бронзовые и железные орудия труда; наконечники стрел, мечи и обожжённая огнём глиняная посуда. На территории Кремля и вблизи от него сохранилось несколько старинных, ныне действующих, церквей. В нижней части города, на улице Чехова, находится Государственный Серпуховской художественный музей. В его Русском отделе размещена картинная галерея, украшенная работами К.Е. Маковского, А.К. Саврасова, И.И. Шишкина и многих других выдающихся представи-

телей русской художественной школы.

В Отделе западноевропейского искусства привлекают внимание мраморные, искусно выполненные статуэтки: «Ева с сыновьями Авелем и Каином на колениях», «Аполлон», «Флора», «Фауна» и воинственный «Марс». Здесь же есть редкие образцы женских украшений, старинная посуда и отдельные предметы старинной мебели. Музей замечателен, но старинное здание, в котором он размещён, давно требует капитального ремонта. Кое-где протекает крыша, подтёки воды видны на стенах некоторых вспомогательных помещений. Служащие музея объясняют это положение хроническим недофинансированием музея Министерством культуры РФ. Нечто подобное можно наблюдать и на улицах города. Очень многие, формально находящиеся под охраной государства старинные здания бывших местных дворян и купцов пребывают в крайне неприглядном виде. Такие здания можно встретить и на окраинах и в самом центре Серпухова, в том числе и на его главной улице – Московской. Хочется верить, что это положение когда-либо кардинально изменится к лучшему.

От Серпухова переместимся на юг к славному старинному русскому городу Туле. Он известен с 1146 года. Своё название получил по имени местной реки Тулица – правом притоке реки Упы, на берегах которой и стоит. В 1503 году Тула вошла в состав Московского княжества и превратилась в сильную крепость, окружённую мощной каменной оборонительной стеной с угловыми и срединными башнями для защиты центральных и северных земель Руси от набегов крымских татар. За всю свою историю лишь дважды подвергалась захвату врагов: в 1605 году – войсками Лжедмитрия I и в 1607 году – отрядами крестьянского вожака Ивана Болотникова. В обоих случаях ратниками Москвы была освобождена. Отряды Болотникова были заблокированы в кремле, а затем подтоплены водами Упы, на которой в этих целях была сооружена специальная плотина. Болотников был вынужден сдаться. Последовали его арест и ссылка в Каргополь, где

он был казнён.

На тульских землях ещё задолго до этих событий были открыты залежи железной руды и развёрнуто металлургическое производство. В 1695 году был построен оружейный завод Никиты Демидова – близкого сподвижника Петра I. В 1714 году на его основе создан знаменитый, не прекращавший своей работы по сей день, Государственный Тульский оружейный завод. Он производил и производит многие виды стрелкового оружия и иной боевой техники.

Прекрасен обнесённый высокой каменной стеной Тульский кремль, на территории которого размещены величественные Успенский и Богоявленский соборы. Успенский собор действующий. В стенах Богоявленского собора находится известный на весь мир Музей тульского оружия. Его экспозиция огромна – от сабель и бердышей до современных винтовок, автоматов и пулемётов.

На Центральной площади города красуются замечательные памятники Петру I (стоит у наковальни с молотом в руках); Никите Демидову – основателю оружейного дела в Туле; мастеру Левше, подковавшему английскую блоху; жителю Тульской губернии писателю Льву Николаевичу Толстому; героям Великой Отечественной войны, отстоявшим город и недопустившим его захвата рвавшимися к Москве немецкими полчищами. Есть ещё один памятник – памятник выдающемуся русскому конструктору стрелкового оружия Сергею Ивановичу Мосину и его знаменитой «мосинской винтовке», принятой на вооружение в 1891 году и прослужившей в русских войсках до окончания Великой Отечественной войны, то есть более полувека.

Тула – это город производства тульских, особо красивых, самоваров. Вне кремля, недалеко от его главного входа, расположен Музей этого вида бытовых предметов. В нём представлено множество самых различных по форме и отделке самоваров и самоварчиков, среди которых есть и отличающийся особой красотой подарочный позолоченный набор разнообъёмных самоваров для семьи императора

Николая II.

В Туле есть и ещё один, пользующийся особым вниманием посетителей города музей – Музей русской гармоники. Её изобрёл и усовершенствовал местный специалист музыкального дела Николай Иванович Белобородов. Он же организовал первый в России «гармонический оркестр», состоящий из тульских рабочих, не имевших музыкального образования, но имевших хороший слух. Оркестр исполнял не только народную музыку, но и классические произведения. Его выступления приветствовали Москва и другие большие русские города.

Тула знаменита также и прилегающими к ней территориями, на которых находится целый ряд исторических дворцовых и ландшафтно-природных заповедников. Часть из них связана с именем великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Это – его имение Ясная Поляна; местная железнодорожная станция «Козлова Засека»; фамильное захоронение Толстых и Волконских – Кочаково; Оптина пустынь и женский монастырь в Шамордино, где более 20 лет иночествовала родная сестра писателя Мария Николаевна Толстая.

Ясная Поляна, где родился и прожил большую часть своей жизни гениальный писатель и мыслитель Л.Н. Толстой ныне представляет собой Государственный мемориальный комплекс его имени. Он начал работать с июня 1921 года. Первым его директором была жена писателя Софья Андреевна Толстая. Сохранены и превращены в музейные помещения каменные двухэтажные флигеля бывшей толстовской усадьбы и её служебные строения. Приведены в порядок приусадебный обширный пруд и парковая зона.

В прекрасном состоянии находится местная железнодорожная станция «Козлова Засека». Своё имя станция получила от имени некогда служившего здесь воеводы Ивана Козлова, который с помощью засек создавал в этих местах непроходимые лесоповалы на пути прорывающихся к Москве крымцев и степняков. Станция – это изящное

деревянное одноэтажное здание, все залы которого оформлены под «старину», под то время, когда ей пользовался Лев Толстой. При станции есть небольшой музей, в котором экспонируются старинные телеграф, телефон, фонари и флажки железнодорожных смотрителей толстовского времени. «Козлова Засека» – это та станция, с которой Толстой тайно бежал в октябре 1910 года из Ясной Поляны и на которую был привезён гроб с его телом из Астапово, где он в ноябре того же года скончался от крупозного воспаления лёгких.

Кочаковский некрополь расположен в 12 километрах от Ясной Поляны в селе Кочаково. Это место захоронения ближайших родственников писателя: отца Николая Ильича Толстого, матери Марии Николаевны Толстой (Волконской) и брата Дмитрия. Все они захоронены в фамильном склепе, за алтарной частью кладбищенской церкви Николая Чудотворца. Вне склепа захоронены: дед писателя – генерал от инфантерии Николай Сергеевич Волконский – прообраз отца Андрея Болконского – одного из главных героев романа «Война и мир»; жена писателя – Софья Андреевна Толстая; две родные тётки Льва Николаевича; сестра Софии Андреевны – Татьяна; внучка писателя – Софья Толстая-Есенина и пятеро детей семейной четы, умерших в детском возрасте. Сам писатель, будучи отлучённым от церкви за нападки на православное учение, на Кочаковском погосте не мог быть похоронен. Своё упокоение нашёл в берёзовой роще своего яснополянского имения, там, где в детстве вместе с братом Николаем искал «зелёную палочку счастья». Над его прахом возвышется простой бугорок земли без каких-либо памятных знаков, в том числе и без православного креста.

С именем писателя связаны и недалеко лежащие от Ясной Поляны земли Оптиной пустыни и Шамординского женского монастыря. В Оптиной Лев Николаевич поддерживал отношения с некоторыми из местных наиболее авторитетных старцев, в частности – с отцом Амвросием. Бывал в обители не менее пяти раз. В последний раз – в

октябре 1910 года, после бегства из Ясной Поляны. Прибыл на поезде в Козельск, затем – на извозчике добрался до Оптиной. Прошёл к скиту старцев, остановился у входных ворот, взялся за кольцо входной калитки, но на территорию скита так и не вошёл, не смог преодолеть себя и признать своих религиозных заблуждений. Из Оптиной пустыни направился в соседний женский Шамординский монастырь на встречу со своей сестрой Марией Николаевной. С ней длительно о чём-то советовался и якобы обещал остаться в этих местах. Однако уже на следующий день из Козельска на поезде выехал в Ростов-на-Дону. Куда он фактически ехал осталось тайной. Некоторые исследователи утверждают, что конечной целью его путешествия могла быть Палестина.

В пути неожиданно заболел и был вынужден высадиться на ближайшей железнодорожной станции. Ею оказалась Астапово. Больного разместили в доме станционного смотрителя. Болезнь активно прогрессировала. Предчувствуя смертельный исход, Лев Николаевич распорядился направить в Оптину пустынь срочную телеграмму с просьбой направить к нему на беседу одного из её старцев. Таковой прибыл, но его к писателю не допустили «толстовцы», возглавляемые Чертковым. Старец же был уверен, что Лев Николаевич намеревался раскаяться в своих антицерковных деяниях и просить снять с него наложенную ранее анафему. Этого, однако, не случилось из-за наступившей смерти писателя. Что же касается его сестры, то она пережила своего знаменитого брата на два года. Умерла и похоронена на кладбище Шамординского монастыря. Над её могилой возвышается простой, окрашенный белой краской, деревянный крест с табличкой. Текст таблички гласит о том, что под крестом покоится Мария Николаевна Толстая, ушедшая из жизни в 1912 году.

На тульской земле есть немало и иных важных русскому сердцу исторических памятников. Наиболее значимым из них является находящееся при впадении местной реки Непрядвы в реку Дон Куликово поле. На нём в 1380 году со-

стоялась одна из самых кровопролитных битв средневековья между сводными полками московского князя Дмитрия Донского и полчищами ордынского хана Мамаю. Битва длилась целый день и завершилась блестящей победой русского воинства. Потери с обеих сторон составили более 200 тысяч человек. Русские войска при начальной численности в 150 тысяч человек потеряли убитыми и ранеными более ста тысяч. Почти все из убитых захоронены на поле боя, в районе ставки Дмитрия Донского. Часть – на монастырских и церковных кладбищах в Коломне и Москве.

Над захоронениями Куликова поля в 1875-1884 годах в память о героях сражения возведена величественная каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы и установлены поминальные плиты с перечнем сражавшихся здесь русских воинских формирований: Серпуховского засадного полка; ратников Пскова и Полоцка; Владимирцев, Ярославцев и Коломенцев; дружине воеводы Вельяминова; полкам князей Белозёрских, павшим на поле Куликовом. В начале поминальной аллеи стоит бронзовая фигура Донского со скорбно склонённой головой над прахом погибших за честь и свободу России его боевых товарищей. Победа на Куликовом поле была абсолютной. Враг был обращён в паническое бегство. Русская конница преследовала и истребляла его на протяжении всей последующей ночи. К утру следующего дня остатки мамаевских полчищ растворились в бескрайней степи. К сожалению, эта кровавая битва была не последней. Набеги ордынцев, а затем и крымцев на Русь длились после этого ещё многие годы. Окончательно им был положен конец лишь во времена княжения Ивана III и его внука Ивана IV Грозного.

Куликово поле украшено и ещё одним величественным памятником – высокой золотоглавой колонной на месте бывшей ставки Мамаю. С высоты этого места хорошо просматривается вся ближайшая окрестность, в том числе и берёзовая роща, в которой до решающего момента Куликовской битвы скрывался засадный полк серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго. Недалеко от этого

места находится и ещё один памятник тем славным событиям – величественный храм вдохновителя Куликовской битвы, великого святого Русской Православной церкви, Преподобного Сергия Радонежского. В нём размещён филиал Тульского краеведческого музея с богатой экспозицией раскопок Куликова поля.

Ознакомившись с историческими тульскими землями, отправимся от Москвы по знаменитому Калужскому тракту к славным городам Малоярославцу и Калуге. Малоярославец – небольшой районный центр Калужской области. Под его стенами в октябре 1812 года корпуса русских генералов Д.С. Дохтурова и Н.И. Раевского в жесточайшем сражении добились победы над авангардом наполеоновской армии и заставили его отступать от Москвы не по богатым продовольствием землям Калужской губернии, а по разорённой французами Старой смоленской дороге. Гениальный план фельдмаршала М.И. Кутузова был исполнен полностью. Французская армия двинулась по сгубившему её роковому пути. Из всех вторгшихся в Россию шестиста тысяч сводных франко-европейских войск маршалу Нею удалось вывести из неё через реку Березину не более 30 тысяч уже небоеспособных, преимущественно французских разрозненных частей и подразделений. В боевом строю вслед за бежавшим в Париж Наполеоном ушла лишь Старая гвардия, но и она понесла определённый урон в живой силе из-за косивших её болезней и морозов зимы 1812 года. В Малоярославце интерес представляют его многочисленные старинные постройки, памятники героям победоносного Малоярославского сражения и другие объекты культуры этого замечательного русского города.

Что же касается города Калуги, то он лежит чуть южнее, на живописных берегах реки Оки. Известен с 1389 года. До XVII столетия играл роль оборонительного форпоста в борьбе с Литвой и крымскими татарами. Традиционная житница Центральной России. Всегда был богат хлебом и товарами животноводства. В годы Великой Отечественной войны сильно пострадал от немецких оккупационных во-

йск. В Калуге бывал трижды. Особо запомнилась экскурсионная поездка в составе членов профсоюзной организации Военно-дипломатической академии. Посетили местный краеведческий музей – красивейшее здание с богатейшей экспозицией предметов местной домашней утвари и завозных иностранных изделий: изящных статуэток, женских украшений, бронзовых канделябров и картин.

Прошлись по центральным городским улицам. По арочному мосту пересекли глубокий, превращённый в городской сквер, овраг. Побывали у бывшего дворца губернатора города Н.М. Смирнова, супругой которого была известная красавица, фрейлина жены Николая I, Александра Осиповна Россет, хорошая знакомая двух великих поэтов России – А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Ныне прах этой незаурядной женщины покоится на кладбище Донского монастыря в Москве. Над её могилой установлен небольшой мраморный православный крест. На постаменте под ним высечены имя и сроки жизни покойной.

Зашли также в величественный однокупольный бесколонный калужский кафедральный собор Иконы Калужской Божией Матери. Проехали к домику и могиле великого русского учёного и конструктора К.Э. Циолковского. С удовольствием познакомились с уникальной экспозицией этого домика и находящимся недалеко от него Музеем советской космонавтики. На автобусе объехали пригороды Калуги, этого замечательного русского города, ближайшего соседа и надёжного экономического партнёра Москвы.

Ознакомившись с Калугой, направились строго на запад по знаменитой Смоленской дороге, которая привела нас к лежащим на ней старинным городам Можайску, Вязьме и Смоленску. Ближайший из них – Можайск. Это небольшой районный центр Московской области. В летописях упоминается с 1231 года. В 1303 году вошёл в состав Московского княжества и с тех пор выполнял роль хорошо укреплённой оборонительной крепости. В 1812 году под Можайском произошло знаменитое Бородинское сражение. В период Великой Отечественной войны в этих местах вновь велись

ожесточённые оборонительные бои. В январе 1942 года от Можайска началось изгнание фашистских войск с русской земли.

В Можайск ездил затем ещё раз, но теперь самостоятельно на электричке в марте 2013 года. Город размещён на холмистой местности. На одном из холмов, примыкающем к пойменной части Москвы-реки, находятся возвращённые Русской церкви огромные по размерам Никольский и Петропавловский соборы. Оба нуждаются в капитальном ремонте. Никольский собор не подключён к городскому отоплению и обогревается печами. Требуют срочного восстановления его полы и росписи стен.

В гораздо лучшем состоянии находятся церковные строения загородного Лужецкого монастыря. Чтобы попасть в него нужно спуститься к руслу реки Можайка, пересечь её, подняться на противоположный берег и, ориентируясь на главы монастырских церквей, пройти вдоль дачного посёлка по просёлочной дороге около двух километров. Потраченные усилия и время вознаграждаются встречей с прекрасно содержащимися монастырскими строениями. Особенно хорош возведённый ещё в 1524-1547 годах храм Рождества Пресвятой Богородицы. Зашёл в него и ознакомился с его красивым внутренним убранством. Под звонницей храма обнаружил захоронения трёх местных купцов – бывших жертвователей денежных средств на содержание монастыря. На обратном пути, добравшись тем же путём до центра города, побывал в его Художественной галерее, посвящённой Бородинской битве. Вслед за этим обошёл памятники сражавшимся за город советским воинам. Обратил внимание на бронзового солдата и стоящую рядом с ним боевую технику. Город многократно страдал от боевых действий, поэтому каких-либо старинных общественных зданий в нём не сохранилось. Не сохранилась и каменная оборонительная стена местного кремля. И кремль и остатки стены были полностью разрушены в ходе Великой Отечественной войны.

Подобную же участь пережил районный центр Смолен-

ской области город Вязьма. Он стоит на берегах одноимённой реки. Известен с IX-X веков как крупный пограничный форпост и торговый центр. Бывшая удельная вотчина князей Вяземских. В XIII веке вошёл в состав Московского княжества и с тех пор возглавлялся представителями великокняжеской семьи. В октябре-ноябре 1812 года под Вязьмой войсками генерала М.А. Милорадовича был разгромлен арьергард отступающей французской армии, и она была вынуждена оставить этот город. В январе-феврале 1942 года под Вязьмой был впервые выброшен десятитысячный советский воздушный десант, который своими действиями сковал наступление пяти фашистских дивизий. Это позволило советскому командованию укрепить Можайскую линию обороны и подготовить начало победоносного контрнаступления под Москвой. Во время немецкой оккупации город существенно пострадал. В нём практически не сохранилось старинных зданий. Обладает стандартным набором музейных, театральных и иных культурно-значимых объектов. На территории Вязьмы установлены памятники сражавшимся здесь в 1812 и 1942 годах частям русской и советской армий.

Конечной целью нашего движения по Смоленской дороге являлся славный город Смоленск. Известен с 863 года как поселение племени кривичей. С 882 года – в составе Киевской Руси. В XII веке выступает как отдельное самостоятельное княжество. Был таковым до начала XV века. С 1404 года в течение 110 лет принадлежал Литве. В 1514 году освобождён войсками московского князя Ивана III. Превращён им и его преемниками в мощную оборонительную крепость на западных рубежах русского государства. В 1611 году захвачен оккупационными войсками Польши. Возвращён России в 1667 году по Андрусовскому мирному договору, скреплённому подписью царя Алексея Михайловича Романова.

Под Смоленском в августе 1812 года произошло соединение 1-й и 2-й русских армий Барклая-де-Толли и Багратиона и тогда же было дано первое крупное сражение

наполеоновским войскам. Смоленский гарнизон в 20 тысяч человек под прикрытием крепостных стен отразил натиск 180 тысяч французов. При этом французские войска потеряли 20 тысяч человек, русский гарнизон – 10 тысяч. После этого русская армия отошла на Бородинские позиции, где, при выгодных для себя условиях, дала французам генеральное сражение. В годы Великой Отечественной войны Смоленск вновь стал ареной кровопролитных боёв. Здесь в июле-сентябре 1941 года войсками Западного и Резервного фронтов был сорван фашистский план молниеносного захвата Москвы.

Несмотря на ожесточённость пронёсшихся над Смоленском военных действий, в городе сохранилось немало ценных памятников архитектуры. Это – возведённые в конце XVI века стены и башни Смоленского кремля, старинные Петропавловская церковь и церковь Иоанна Богослова, Кафедральный Успенский собор, здание Дворянского собрания. Площади города украшают памятники выдающимся русским военачальникам и деятелям культуры, в том числе Михаилу Ивановичу Глинке – уроженцу Смоленщины. Смоленск – это город промышленного производства, науки, высших и средних учебных заведений, музеев и дворцов культуры.

Позднее, находясь в служебной поездке в Калининградскую область, я имел возможность на несколько часов ещё раз остановиться в этом замечательном городе. Осмотрел целый ряд его архитектурных памятников и музеев. Посетил Смоленский кремль, где с разрешения служителя одной из его церквей, взобрался на колокольню, с которой осмотрел весь город и берега верхнего Днепра, на которых он стоит.

Возвращался из Калининградской области по дороге, пролегающей северо-западнее Смоленского тракта, через города Ржев и Волоколамск. Остановливался на некоторое время в них. И тот и другой имеют богатое историческое прошлое. Ржев является одним из районных центров Тверской области. Размещён на правом берегу Волги. Известен

с 1216 года как удельный город Смоленского княжества. В XV и XVI веках подвергался неоднократным нападениям со стороны Литвы. В 1610 году был захвачен польскими интервентами. Освобождён в 1613 году. В ходе Великой Отечественной войны выполнял важную роль по обороне подступов к Москве. Осенью 1941 года оккупирован противником и превращён им в сильно укреплённую военную цитадель. В 1942 году Советскими войсками была предпринята неудачная попытка освобождения Ржева. Из-за нехватки танков и артиллерии советские, преимущественно стрелковые дивизии, понесли большие потери и были вынуждены отступить к Волоколамску. В ходе этих и последующих в марте 1943 года боев город Ржев был сильно разрушен. Старых зданий в нём, за исключением нескольких церквей, практически не осталось. Интересен своей новой застройкой, памятниками советским воинам, Историческим музеем и иными общественно-культурными объектами.

В определённой степени судьбу Ржева разделил лежащий в 120 километрах от него к востоку старинный город Волоколамск. Известен с 1135 года как крепость на подступах к Москве. В XIV-XVII веках неоднократно осаждался литовцами и поляками. В 1382 году, спустя два года после Куликовской битвы, под Волоколамском было разгромлено рвавшееся к Москве войско ордынского хана Тохтамыша. Стоит на берегах реки Ламы, где осуществлялась переброска торговых судов волоком в более полноводные местные судоходные реки. Волок осуществлялся вручную на специальных деревянных катках и занимал для каждого судна по несколько часов. Поэтому для экономии времени работали бригадным способом, перемещая сразу несколько судов.

Современный Волоколамск – чистый, уютный, преимущественно низкоэтажный город. Расположен на холмах. Несмотря на активные боевые действия, сохранил свой исторический центр в виде кремля, обнесённого земляным валом. Внутри кремля размещено несколько церковных

и общественно-служебных зданий. С холма, на котором находится кремль, открывается вид на весь город с его прямыми, очень красивыми улицами.

Несомненным украшением прилегающих к Волоколамску земель являются находящиеся недалеко от него фамильные усадьбы Загряжских и графов Чернышёвых. Первая из названных усадеб, расположенная в 15 километрах от Волоколамска в селе Ярополец, принадлежала Наталье Ивановне Гончаровой (в девичестве Загряжской) – матери супруги А.С. Пушкина Натальи Гончаровой. В период сватовства поэт навещал эти места дважды – при поездке в кавказскую армию и при возвращении из отцовского имения Болдино в Москву. В память об этих событиях во дворе усадьбы ему установлен небольшой побюстный памятник. Усадьба находится в хорошем состоянии. В ней размещён местный научно-архивный центр.

Усадьба графов Чернышёвых первоначально принадлежала фельдмаршалу русской армии Захару Григорьевичу Чернышёву, захватившему в 1760 году в ходе очередной европейской войны Берлин. При усадьбе её владельцами построена прекрасная с двумя звонницами церковь Казанской Божией Матери с изящной колоннадой при входе. И усадьба и церковь нуждаются в срочном капитальном ремонте.

При всём этом Волоколамск и его окрестности были и остаются красивейшими местами европейской части России, местами её боевой славы. Здесь, под Дубосеково, прославила себя 316 стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова. Здесь же героически воевали сибирские дивизии генерала А.И. Белобородова. Об этом свидетельствуют установленные им памятники и памятные знаки на местах бывших, теперь уже исторических, сражений.

На значительном удалении от этих героических мест, чуть северо-западнее от них, простираются земли старинного русского города Пскова. Он стоит на берегах рек Великая и Псковá. Имеет свой кремль с мощными, окружающими его со всех сторон крепостными стенами и башнями.

Внутри кремля, возвышаясь над центральной частью города, стоит величественный, огромный по размерам белокаменный, построенный в конце XII века Троицкий собор. Его появление, как и появление самого Пскова, предсказала уроженка этих мест Великая княгиня Ольга. На часовне, открытой в её честь в 2000 году, есть памятная плита с произнесёнными ею словами: «На этом месте будет храм Пресвятой Троицы и град великий здесь основан будет». Предсказание прозвучало за три сотни лет до фактического возникновения города. Во временных летописях Псков впервые упомянут в 903 году.

Псков – это прославленный оборонительный форпост России в борьбе против её западных противников. Во время Ливонской войны 1581-1582 годов он выдержал пятимесячную осаду, чем предотвратил запланированное наступление польско-литовского войска на Москву. На месте боёв в память об этих событиях в 1881 году был установлен памятный крест. Он стоит на пригорке, на берегу реки Великой, недалеко от угловой, наиболее пострадавшей в этих боях, башни. Город и его бывшие посады обнесены оборонительной стеной. Многие её фрагменты и сейчас находятся в хорошем состоянии.

Город знаменит большим количеством старинных, особенно псковского стиля с арочными звонницами, церквей. Многие из них переданы Русской Православной церкви и вошли в состав действующих. Действует и основанный в 1156 году левобережный мужской Спасо-Преображенский Мирожский монастырь. Знаменит Псков и своими уникальными музеями, в частности палатами купца-мecenата Поганкина, где собрана замечательная коллекция старинных икон, оружия и картин. Картинная галерея включает в себя работы известных русских художников: Айвазовского, Брюллова, Щедрина, Тропинина, Боровиковского, Левитана, Куиджи, Шишкина, Семирадского и Репина. Все эти работы относятся к произведениям самого высокого художественного уровня.

В городе много замечательных памятников, в том числе:

княгине Ольге, Александру Пушкину и его няне Арине Родионовне Яковлевой. Есть много памятных настенных знаков героям Гражданской и Великой Отечественной войн. Имеется памятник псковским героям-десантникам, погибшим в Чечне уже в наше беспокойное время. Город Псков – приграничный город и потому, как и прежде, продолжает стоять на охране северо-западных рубежей нашего отечества. Псковщина богата и рядом других, размещённых на ней исторических мест. Это прежде всего – старинный город-крепость Остров; легендарная вотчина одного из первых Рюриковичей – Трувора – город Изборск; и наконец неповторимое по своей значимости для каждого русского человека – Пушкиногорье.

Город Остров – это небольшая военная крепость на острове, омываемом водами реки Великой, которая всегда играла важную роль в обороне псковских земель от нападения немецких рыцарей и войск воинственного Польско-литовского княжества. Его глава – польский король Стефан Баторий отмечал в своих записях несомненную стратегическую важность этого места, указывая на то, что «замок Острова большой и каменный. И имеет каменные стены и башни». Теперь, к сожалению, всего этого нет, но на острове сохранились остатки старой крепостной стены и старинная Николаевская церковь постройки 1542 года.

Вне островной зоны, на правом берегу реки Великой сохранён и действует великолепный Троицкий собор, церковь Жён Мироносиц, а также – военно-исторический музей. Здесь же в полуруинированном состоянии находится красивое здание бывшего польского костёла и обезглавленная немецкая кирха.

На левом берегу реки Великой, в границах городской черты, размещено и ещё одно из красивейших зданий города – дом-усадьба купцов Валуевых. Несмотря на ряд перестроек, этот дом и в наше время сохраняет свою былую величественность. Сохранены его колонны, стрельчатые окна и верхние надстройки. Существует мнение, что этот дом в дни открытия первого в России подвесного моста,

соединяющего остров с обоими берегами, омывающей его реки Великой, посетал император Николай I. Он якобы дал высокую оценку автору проекта моста генералу инженерных войск М.Я. Краснопольскому. Мост, состоящий из двух частей, действительно уникален. Он висит на кованых металлических стержнях, прикреплённых к огромным, кованым же, металлическим полудугам, опирающимся на береговые гранитные столбы. Всё это строение выглядит почти воздушным и, несомненно, является подлинным украшением города.

Таким же украшением является и возрождённый из руин в 2003-2005 годах местный Спасо-Казанский женский монастырь. Существующий с 1897 года, он был закрыт в 1917 году. Все его внутренние строения подверглись запустению и медленному разрушению. Его восстановление по благословию Митрополита Псковского и Великолукского Евсевия было поручено матушке Маркелле, которая уже имела опыт подобных работ на Камчатке. Громадную помощь ей оказали дислоцирующиеся вокруг Острова воинские части. С помощью военнослужащих была очищена территория монастыря, а затем восстановлены его основные строения. Сейчас в нём действуют практически заново отстроенные каменный храм Спаса Нерукотворного Образа и деревянная церковь Праведного Иоанна Кронштадского. Монастырь возрождён к жизни его сестринской общиной, которая занята молитвенным делом и общинным созидательным трудом. Возрождена хозяйственная деятельность монастыря, открыта его детская воскресная школа. В жизнь Острова постепенно, с большим трудом, возвращается русский, столь нам нужный христианский дух. Не устыжусь признаться, что находясь в Острове, в гостях у своей сестры Галины в августе 2004 года, повстречался с матушкой Маркеллой и по её благословию принимал участие в расчистке площадки у входных ворот монастыря. Матушка оставила о себе впечатление умной, деловой, глубоко верующей в дела Церкви женщиной.

Руины бывших крепостных стен города Острова и его

вновь отстроенный женский монастырь находятся на берегу порожистой и потому всегда очень шумливой в этих местах реки Великой. Любил посещать их в предвечерние часы. Плеск и быстротечное движение вод всегда настраивали на поэтический лад. В один из июльских вечеров 2004 года как-то сам собой родился стих «Вечное движение» – философское восприятие окружающего меня в тот момент мира:

Старинный рavelин на берегу Великой,
Руины грозные прославленных времён,
Стоите вы, бросая тень на склон,
Увитый резедой и тонкой повиликой.

Течёт река. Шумит прибрежный плёс,
Вода прозрачная меж валунов струится...
Мгновение! Куда оно стремится?
Куда уходит время? – вот вопрос.

И жизнь течёт. И всё меняет лик:
И города, и буйная природа,
И увлекающая нас причудливая мода,
И покоряющий сердца крылатый стих.

Таков закон! Душа ж иным живёт,
Чужда ей суeta земного прозяbanья,
Скупы её запросы и желанья,
Она с прошедшим новой встречи ждёт.

Да, встречи ждёт! Ей тягостна разлука
Со всем, что минуло, с тобою, милый друг,
Как много новых лиц встречаю я вокруг,
Но жить средь них, поверь – томительная мука.

Шумит прибрежный плёс игривою волной,
В закатном свете облако дымится,
Вода прозрачная меж валунов струится,
Дни жизни унося куда-то за собой.

Что же касается Изборска, то в нём я бывал только один раз в спланированной заранее поездке на автомашине мужа моей племянницы, также проживающих в Острове. Осмотрели старинную крепость с её пятью мощными оборонительными башнями; находящийся в ней действующий храм; источник святой, постоянно истекающей широким потоком из расщелин местных сланцевых плит, воды; нагорное кладбище и пустующую кладбищенскую церковь, у алтарной части которой возвышается древний, покрытый лишайником, каменный крест якобы над могилой упомянутого нами варяга Трувора. Местные жители искренне верят в этот факт, хотя он вряд ли соответствует реальной действительности. За год до нашей поездки в Изборск эти места посещал президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Работники местного музея сообщили нам, что он, помимо осмотра достопримечательностей города, посетил Святые источники и купался в них.

Особым вниманием на псковской земле, конечно же, пользуются знаменитые пушкинские места. Это прежде всего – имения Ганнибалов в Михайловском и Петровском, а также усадьба хороших знакомых А.С. Пушкина в Тригорском. Бывал в этих местах многократно. До Пушкиногорья из Острова добирался рейсовым пассажирским автобусом. От него по местным лесным дорогам ездил к перечисленным достопримечательностям либо на маршрутных маленьких автобусах, либо добирался до них пешком. Был молод и находил в этом большое удовольствие.

Осмотр Пушкиногорья всякий раз начинал с Научно-просветительского центра, посвящённого жизнедеятельности поэта на своих родовых псковских землях. Бывал на лекциях и кинопросмотрах этого центра, любовался его картинной галереей, задерживался у книжного киоска, где приобрёл несколько замечательных книг первого директора Пушкинского заповедника фронтовика Семёна Степановича Гейченко и его друзей-писателей, предметно

занимавшихся пушкинской темой.

В Михайловском осмотрел все его строения: стоящий над рекой Сороти помещичий дом; дом няни поэта Арины Родионовны; домик супругов Гейченко со стоящим перед ним ветвистым «дубом у лукоморья»; крылатую мельницу на берегу местного озера; все служебные и хозяйственные постройки, а также зелёный парк, с его ажурными мостами и знаменитой аллеей Анны Керн.

В Петровском проделывал то же самое. Хорошо знаком с его барским домом, где размещена богатая экспозиция вещей и документов той, теперь далёкой от нас, эпохи; с правильным старинным парком и его главной липовой аллеей, ведущей к озеру, где размещена смотровая площадка, с которой хорошо просматриваются противоположный берег озера и стоящие на нём строения Михайловского.

С особым интересом посещал Тригорское – усадьбу хороших друзей А.С. Пушкина, где в период ссылки он часто бывал, проводя интересные вечера с членами семьи Осиповых-Вульфов, влюбив в себя всех дочерей хозяйки Прасковьи Александровны Осиповой, её саму, а также её родственницу по первому мужу – Анну Петровну Керн. Вместе с Пушкиным в этой компании бывали и его столичные друзья – поэты Антон Дельвиг и Николай Языков, оставившие об этих встречах свои воспоминания. Дом Прасковьи Александровны велик, но прост. Это большое под единой крышей одноэтажное деревянное здание, стоящее над тремя прибрежными соротинскими холмами. В советское время этот дом превращён в музей с богатой коллекцией книг, документов и вещей пушкинской эпохи. Сохранена и содержится в хорошем состоянии та его часть, где могли проходить встречи Пушкина и его друзей с хозяйкой дома и её родственниками. За домом по-прежнему плещутся воды большого приусадебного пруда. На берегу реки Сороти, под сенью старинных лип, белеется изящная деревянная скамья, на которой якобы отдыхали герои пушкинской поэмы

«Евгений Онегин».

От дома Осиповых-Вульфов, спустившись по отлогой деревянной лестнице в соседней глубокий овраг, а затем поднявшись по его противоположной стороне наверх, оказываешься на погосте соседнего села Вороничи. Под стенами его деревянной церкви Святого Георгия находятся захоронения Прасковьи Александровны Осиповой и её сына от первого брака Алексея Вульфа; четы супругов Гейченко и известного поклонника старины историка и публициста Саввы Ямщикова. Постояв некоторое время у их могил, по сложившейся традиции местным маршрутным автобусом возвращался в Святогорье, входил в монастырские ворота и по крутой каменной лестнице поднимался к храму. Он, как и сам монастырь, в первой половине 1990 годов был передан Русской Православной церкви и с тех пор управляется немногочисленной монашеской общиной. Бывшие музейные работники, которым до этого момента принадлежало Святогорье, подобным управлением крайне недовольны и жалуются на нерадивое отношение монахов к священным реликвиям этой старинной обители. Занимаясь хозяйственной деятельностью, автотранспортом повредили арочный свод монашеского общежития; ликвидировали комнату, где перед захоронением стоял гроб с прахом Пушкина; небрежно относятся к архиепископскому двухэтажному дворцу, где до сих пор хранятся редкие по ценности монастырские документы. Есть претензии и к содержанию древнего прицерковного кладбища.

Как всегда, находясь внутри монастыря, останавливался за алтарной частью храма, у беломраморного надмогильного памятника поэту. При выходе из монастыря на некоторое время задерживался у бронзового, искусно исполненного изваяния Пушкину работы советского скульптора Е.Ф. Балашовой. Как всегда, Александр Сергеевич своей лёгкой рукой благословлял меня и стоящих рядом со мной людей на житейское благополучие и человеческое счастье. В августе 2016 года на этом месте как-то сами собой написались стихи о Пушкине и о его бессмертном таланте:

Святогорье укрылось лесами,
Лунный свет по посёлку разлит,
Посмотри, чуть вдали, над холмами,
Белый храм лёгкой птицей парит.
В этом храме свершилось прощанье
С величайшим поэтом страны,
Дух его, как трактует преданье,
Дарит людям счастливые сны.
Его гений во всём благодатен,
Его имя у всех на устах,
Вечно юн наш поэт, вечно статен,
Вечно жив в своих мудрых стихах.

Завершив путешествие по исторической Псковщине, направим из Москвы свой дальнейший путь ещё северо-западнее через замечательные русские города Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочёк и Валдай. Конечной точкой этого пути является древний русский город Великий Новгород. Бегло опишем достоинства всех этих интереснейших городов.

Город Клин возник в XIII веке как военная крепость на торговом пути от Москвы в северные, тогда ещё самостоятельные, русские удельные княжества. Получил название по внешнему виду крепости, очертания стен которой напоминали клинообразный треугольник. Город Клин в годы Великой Отечественной войны сильно пострадал от боевых действий. Застроен в основном типовыми невысокими зданиями послевоенного времени. Знаменит тем, что в нём находится, превращённый в музей, усадебный дом великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Он жил в Клину в 1882-1893 годы, и многие его музыкальные шедевры навеяны красотами этого старинного русского города и его лесных предместий. В Клину в довоенное время на съёмной квартире проживал и хорошо известный советский писатель Аркадий Гайдар. Его книгами о Гражданской войне и о советских детях зачитывалась вся страна.

Отсюда он добровольцем ушёл на фронт и уже в августе 1941 года, будучи спецкором «Комсомольской правды», погиб в бою. В доме, где он проживал, организована музейная выставка. Демонстрируются рабочий стол писателя, его личные вещи, архивы, черновики и книги.

За Клином следует стоящий на берегах реки Тверца областной город Тверь. Во временных летописях упоминается с первых десятилетий XII, а как центр отдельного Тверского княжества – с середины XIII века. Таковым, постоянно соперничая с Москвой, оставался до 1485 года. Претендовал на первую роль в русском государстве, но, в силу неблагоприятных обстоятельств, в конечном итоге вынужден был влиться в более мощное Московское княжество.

В годы Великой Отечественной войны город Тверь (тогда Калинин) был сильно разрушен вражескими бомбёжками. Сохранилось несколько старинных церквей, путевой дворец Екатерины II работы архитектора М.Ф. Казакова, несколько десятков домов местной знати и купечества. Всё остальное застроено типовыми пятиэтажками послевоенного времени. В городе действуют областной краеведческий музей, картинная галерея, драматический театр и филармония. Впечатляют памятники тверскому князю Михаилу, баснописцу Крылову и купцу Афанасию Никитину, по своей инициативе предпринявшему путешествие по Волге и Каспийскому морю в Иран и далёкую Индию, связав их торговлей с Россией.

Строго на север от Твери лежит единственный в своём роде замечательный город Торжок. Он известен с 1015 года как небольшая военная крепость и торговый центр на границах Новгородского и Тверского княжеств. Своё название получил от слова «торг». Ранее именовался подобно Новгороду, в чьи владения некоторое время входил, Новоторгом. Стоит на той же, что и Тверь, реке Тверца. Служил пунктом доставки зерна и хлеба в Новгородчину из суздальского «ополья» (черноземья). Этому препятствовали враждующие с Новгородом тверские князья. Ими Торжок многократно разорялся. Особо большой урон ему был на-

несён тверским князем Михаилом. Он Торжок сжёг дотла, а его население почти полностью истребил. После убийства князя Михаила в Золотой Орде, куда он ездил за ярлыком на управление Тверью, тверское княжество сильно ослабло и было вынуждено, как уже было сказано выше, вместе с завоеванным им Торжком подчиниться московскому «державному государю» Ивану III. С 1478 года и Тверь и Торжок стали частью общего русского государства.

Расположенный на высоких речных берегах Торжок необычайно красив и может по этому свойству смело соперничать с Суздалем и даже с Владимиром. Его украшают великолепные строения Борисоглебского мужского и Воскресенского женского монастырей; роскошный губернаторский дворец; ряд отдельно стоящих златоглавых церквей; предместье Грузины – собственность помещиков Полторацких, родственников Анны Керн и хороших друзей А.С. Пушкина. Их имение получило название по иконе Грузинской Божией Матери, которую глава семейства привёз из Грузии и для которой на своих землях построил часовню. Пушкин любил эти места и часто здесь бывал. Бывали здесь и многие другие русские писатели: Радищев, Белинский, Гоголь, Аксаков, Жуковский и Тургенев. Александр Сергеевич не только сам охотно ездил в Торжок, но и всем своим друзьям рекомендовал посетить его хотя бы ради того, чтобы в местной гостинице купца Д.Е. Пожарского отпробовать отменно вкусные куриные котлеты.

В Торжке Пушкин был вхож в дом крупного петербургского сановника президента Российской академии художеств Алексея Николаевича Оленина, его сына Петра и дочери Анны, к которой он в молодые годы сватался, но от родителей которой получил отказ, из-за того что находился под следствием за написание и выпуск в свет крамольной поэмы «Гаврилиада». Ныне в доме Олениных работает музей имени А.С. Пушкина. Он располагает богатой коллекцией мебели и посуды тех времён, книг и иных письменных документов, в том числе и самого Пушкина с его воспоминаниями о поездках по Петербургу-

скому тракту. Из этих воспоминаний, например, следует, что фамилию главного героя поэмы «Евгений Онегин» он случайно прочёл на местном кладбище, на могильном камне купца Онегина. Она понравилась ему своим звучанием, и он оживил её в своём бессмертном литературном творении.

В девяти километрах от Торжка есть ещё одно памятное место. Это – Прутнинский погост, где нашла своё упокоение хорошая знакомая поэта – красавица Анна Керн. Погребена на приобретённом её родственниками участке кладбища, слева при входе на его территорию, недалеко от алтарной части кладбищенского храма Христова Воскресения. Могила ухожена и легко узнаваема. На ней установлен гранитный, увенчанный крестом, валун с пояснительной табличкой, на которой значатся фамилия, имя и отчество покойной, а также сроки её жизни (1800-1879). Рядом с валуном в начале 2000 годов стояла мраморная плита с бессмертными пушкинскими строками:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Сейчас этой плиты нет.

Анна Петровна прожила нелёгкую, полную трудных испытаний, жизнь. Оставила о себе и о своём времени несколько письменных воспоминаний, два из которых посвятила А.С. Пушкину и его друзьям. Умерла в Москве на 79-м году жизни от «паралича сердца». Похоронена сыном Александром и родственниками Полторацкими в близлежащей от места их проживания Прутне. Есть в России места, где сконцентрирована вся её духовная суть. Торжок – несомненно, одно из таких замечательных мест. Всякий русский человек должен хотя бы раз посетить его. Ну, а наш путь теперь проляжет ещё далее на северо-запад к старинным русским городам Вышний Волочёк, Валдай и Вели-

кий Новгород.

Вышний Волочёк – районный центр современной Тверской области. Расположен на той же реке Тверца при её впадении в более крупную реку Мета. Здесь в XIII веке располагался «волоок», по которому грузовые и торговые суда вручную перетаскивались из одной из названных рек в другую. Известен как крупный торговый центр европейской части России. В начале XVIII столетия по инициативе местного купца гидротехника-самоучки Михаила Ивановича Сердюкова в Вышнем Волочке была построена одна из первых в Европе система междуречных обходных каналов. Она существует и по сей день, хотя её значение, как обходного водного пути, было утрачено ещё в середине XIX века.

Современный Вышний Волочёк известен своими краеведческим музеем, картинной галереей, действующим женским Успенским монастырём, памятниками Петру I, Екатерине II и художнику А.Г. Венецианову, который некоторое время жил в окрестностях Волочка и написал здесь ряд своих замечательных картин на крестьянскую тему. Славен Вышний Волочёк и великолепными каменными постройками екатерининских времён. К огромному сожалению, многие из этих построек в наше время находятся в заброшенном полуразрушенном состоянии. В 2014 году этот город представлял собой, при всей его сохраняющейся внешней красоте, крайне унылое зрелище. Многие его районы были покинуты жителями и пустовали. Создавалось впечатление об абсолютной неспособности местных властей спасти и возродить этот прекрасный русский город.

Следующим крупным городом на этом туристическом направлении является также богатый водными ресурсами знаменитый Валдай. Он размещён на берегах огромного одноимённого озера, на самом высоком месте обширной, очень живописной Валдайской возвышенности. В летописях упоминается с конца XV века. Озеро, на берегах которого он стоит, имеет 12 островов. На самом большом из них стараниями известного своим властолюбием патриарха Никона возведён великолепный, защищённый вода-

ми озера и каменными стенами, монастырь Иконы Иверской Божией Матери. Он находится в хорошем состоянии, действует и имеет монашескую общину численностью до 60 человек. Главный храм монастыря украшен богатым иконостасом и настенными росписями. Монашествующие проводят в нём регулярные молитвенные службы и охотно знакомят туристов с историей и традициями монастырской жизни.

Город Валдай известен и своими традиционными кустарными производствами – золотошитьём и изготовлением мелодично звучащих колоколов и поддужных ямщицких колокольчиков. Ими пользовался весь российский ямщицкий тракт от западных до восточных границ огромной Российской империи. Звон поддужных колокольчиков вошёл в стихи многих русских поэтов. Особенно он часто звучал в стихах А.С. Пушкина и его ближайшего друга П.А. Вяземского. На территории Валдая работают местный краеведческий музей и Валдайский музей колоколов, размещённый в здании бывшей церкви Святой Екатерины. Экспозиции обоих музеев великолепны. В одной из них приобрёл небольшой бронзовый колокольчик. Он и сейчас хранится в моей домашней коллекции, напоминая мне о свидании с замечательным городом Валдаем.

В отличие от небольшого по размерам Валдая, областной центр, к которому он принадлежит, – город Великий Новгород отличается своими огромными размерами и богатством сосредоточенных на его территории исторических памятников. С IX века известен как крупный торгово-промышленный центр северных районов России. В XII веке стал Новгородской республикой, в которой власть принадлежала Народному вече. На нём свободные граждане выбирали лидеров своей республики; решали проблемы местного самоуправления; нанимали воинские княжеские дружины для обороны города и его земель. Великий Новгород всегда играл большую роль в обороне северо-западных границ Русского государства. В 1240-1242 годах новгородцы под руководством князя Александра Невского при мень-

шей численности войск наголову разгромили шведских и немецких захватчиков, что положительно сказалось на благополучии города. В короткие сроки Новгород превратился в один из крупных культурных и образовательных центров России. Здесь получило дальнейшее развитие монастырское летописание и распространено повсеместное школьное обучение. Население города, все его сословия, в отличие от населения многих центральных русских и западноевропейских городов, было почти сплошь грамотным. Об этом свидетельствует найденная археологами «берестяная переписка» горожан по всем касающимся их бытовым вопросам. Как народно-демократическое государство, Новгород длительно враждовал с самодержавной Москвой. В 1478 году, во времена княжения Иоанна III, был осаждён московскими войсками и подчинён Московскому княжеству.

Стоит на берегах реки Волхов и глубоководного озера Ильмень. Имеет свой кремль, на территории которого размещена великая святыня Русской Православной церкви – знаменитый Софийский собор. Здесь же находятся Владычьи палаты, Исторический городской музей с его роскошными экспозициями редких икон, ювелирных изделий и домашней утвари. Центральную площадь кремля украшает замечательный памятник скульптора М.О. Микешина «Тысячелетие России». Был установлен в 1862 году. Пострадал в годы Великой Отечественной войны. Снимался с пьедестала и вместе с вечевым колоколом Софийского собора укрывался в водах Ильменя. Возвращён на место в послевоенные годы. Сам Великий Новгород при оккупации немцами был почти полностью разрушен. Взорвано много древних церквей. Из жилого фонда города осталось только 40 домов. Заново восстановлен в 1945-1953 годах. Украшен новыми высотными зданиями. На набережной реки Волхов появилась бронзовая фигура князя Александра Невского – защитника и покровителя Новгородских земель. Город был и остаётся исторической святыней северо-западной части нашего отечества, её передовой крепостью на границах с

современной, вновь нам враждебной, Европой.

Бегло ознакомившись с Великим Новгородом, отправимся теперь от Москвы строго на север в сторону старинного русского города Дмитров и лежащему от него в полутора сотнях километров северо-восточнее городу Углич. Город Дмитров основан в 1154 году князем Юрием Долгоруким, как передовая военная крепость. Назван в честь новорождённого сына Дмитрия. В городе сохранился обнесённый высоким земляным валом небольшой по размерам кремль. Перед кремлём, на свободной площадке, возвышается каменная фигура основателя города князя Юрия Долгорукого. Внутри кремля находятся Кафедральный Успенский собор, Малая церковь, ряд служебных зданий и церковная школа. Слева от входа во внушительный по размерам Успенский собор красуется бронзовый памятник просветителям России, братьям Кириллу и Мефодию Солунским – греческим религиозным деятелям и учёным.

При выходе из кремля размещён опрятный, хорошо ухоженный городской сквер, на главной аллее которого установлены изящные бронзовые фигуры дмитровчан разных эпох и разных сословий: городская барышня, ямщик, дворовая девушка, чета представителей местного дворянства. В конце аллеи возвышается памятник известному теоретику анархизма князю Петру Алексеевичу Кропоткину. Памятник стоит перед входом в одноэтажный деревянный дом, в котором Кропоткин долгое время жил и работал над своими научными трактатами.

Отдельное место в городе занимает знаменитый Борисоглебский мужской монастырь с общинной братией в 50 человек, Борисоглебским собором и всегда открытой часовней Святого Духа. Здесь же, подле часовни, к услугам посетителей действует колодец Святой воды. Вода вкусна, чиста и прохладна. Её приятно испить и омыть ею лицо. На выходе из монастыря, за одной из его белокаменных стен, размещены бронзовые фигуры предательски убитых киевским князем Святополком-окаянным братьев Бориса и Глеба. Оба внесены в список Святых Русской Православной

церкви, как страстотерпцы за христианскую веру.

Северо-восточнее Дмитрова, на землях Ярославской области, находится ещё один прекрасный город Центральной России – старинный Углич. Возник на месте одного из древних славянских поселений. В летописях упоминается с 1148 года. В первой половине XIV века вошёл в состав Московского княжества. Со времён Дмитрия Донского – удел московских великих князей, а затем и царей. В 1446 году в эту небогатую великокняжескую вотчину был сослан ослеплённый своими противниками Московский великий князь Василий II Тёмный. На берегу реки Волги им был построен княжеский дворец и сооружён кремль, который окружали земляной вал и водяной ров. В последующем, с возвращением Василия II Тёмного в Москву, Углич перешёл в наследие его сыновьям и внукам. Они превратили город в один из культурных центров европейской части России, украсив его большим количеством каменных церквей, общественных и жилых зданий.

В 1583 году Углич был завещан Иваном Грозным своему новорождённому сыну Дмитрию. По смерти царя, в 1584 году, царевич со своей матерью и слугами по не совсем ясным причинам был отправлен в Углич на постоянное проживание. Здесь его начали готовить к занятию царского престола, так как у его старшего брата Фёдора Ивановича не было своих детей. Углическое затворничество царевича длилось семь лет. 15 мая 1591 года его нашли во дворе великокняжеского дворца с перерезанным горлом. Ударили в набат. На Соборной площади собрался народ, который обвинил в смерти наследника престола людей Бориса Годунова. Все обвиняемые были схвачены, забиты камнями и брошены в городской ров. В связи с этими событиями была создана государственная следственная комиссия во главе с влиятельным царедворцем князем Василием Шуйским. Она установила, что восьмилетний отрок нанёс себе смертельный удар сам во время игры «в тычки», связанной с бросанием ножей поочерёдно несколькими мальчиками. Это якобы произошло потому, что царевич страдал врож-

дённой эпилепсией и в момент игры не управлял своими действиями. Выводы комиссии были подвергнуты сомнению. Даже сам Шуйский в последующие годы неоднократно сомневался в их достоверности. Сама же углическая трагедия имела для Углича и России в целом тяжелейшие последствия. Углич навечно остался городом народной скорби. Даже сейчас, при произнесении имени этого города, невольно вспоминается разразившаяся в нём драма. Для России эта драма обернулась гибелью двух царских династий – рюриковической и годуновской, длительной оккупацией Москвы и ряда московских земель польскими интервентами и их ставленниками двумя Лжедмитриями.

В Угличе молчаливыми свидетелями этих драматических событий остаются: территория Углического кремля; размещённый на ней двухэтажный великокняжеский дворец; Церковь царевича Дмитрия на крови, расписанная фресками с изображением сцены его трагической гибели. В трапезной этой церкви демонстрируется старинный углический вечевой колокол, собравший на Соборную площадь разъярённую толпу, которая растерзала, как выяснилось следствием, многих неповинных в смерти царевича людей. За это колокол был сечён плетью, лишён «языка» и отправлен на вечную ссылку в Тобольск. Случайно сохранившись, возвращён в Углич в качестве бесценной исторической реликвии, которую можно не только осмотреть, но и потрогать рукой. За пределами кремля сохранились и действуют красивейшая Успенская (Дивная) церковь и церковный ансамбль Воскресенского монастыря.

В Угличе есть и ещё одна историческая реликвия – Музей русской водки. Именно в этом городе местным купцом Григорием Смирновым было открыто промышленное производство этого известного на весь мир горячительного напитка. Демонстрируются образцы посуды для разлива и хранения водки: бутылы, бутылки и бутылочки всевозможных форм и размеров от маленьких «шкаликов» до огромных «трёхлитровок», а также графины, стаканы, стопки и рюмки. Своих посетителей музейщики угощают

тридцатью граммами брусничной, очень приятной на вкус, водочной настойки. При музее работает винный магазин, где можно приобрести одну-две бутылки местной водки или вина.

Углич, названный так по резкому, почти 90-градусному, прибрежному угловому изгибу русла реки Волги, на берегах которой он стоит, – небольшой, но очень чистый и аккуратный провинциальный город. Он застроен преимущественно традиционными для этих мест опрятными одно- и двухэтажными зданиями. В новых районах есть и стандартные пятиэтажки. Угличане искренне любят свой город и, несмотря на трудные 90-е, из него не уезжали. На вопрос о том, почему они этого не делали, обычно отвечают: «Не имеем такой привычки».

Итак, нами обследованы и кратко описаны почти все примыкающие к Москве города центральной части России. При этом, конечно же, осталась та часть из них, которая оказалась не охваченной нашим вниманием не потому, что они его недостойны, а потому, что всё в равной степени охватить невозможно. Тем не менее, о части из них мы бегло, накоротке, всё-таки упомянем. Речь пойдёт о городах и посёлках, в которых бывал и которые знаю, а также о тех, в которых очень хотел побывать, но до которых по тем или иным причинам до сего момента не добрался. К первой группе отношу города Боровск, Богородицк, приокскую Тарусу с недалеко лежащими от них Поленово, Гусь-Хрустальным и посёлком Полотняный Завод. К непознанным мною, но очень желанным моему взору, причисляю пушкинское Болдино, лермонтовские Тарханы, тютчевский Овстуг и рубцовскую Вологду. Начитан об этих местах, но, к сожалению, не видел их.

Провинциальный город Боровск может быть интересен нашему читателю своими ландшафтными красотами, рождением в нём сподвижника Ф.Ф. Ушакова, героя знаменитых победоносных морских баталий адмирала Дмитрия Николаевича Синявина; проживанием и учительствованием здесь в течение нескольких лет Константина Эдуардо-

вича Циолковского; мученичеством и смертью в местном женском монастыре известной староверки боярыни Федосии Морозовой, главной героини одноимённой картины художника Василия Сурикова.

Город Богородицк, в отличие от Боровска, известен личностью лишь одного человека – владельца местных земель внебрачного сына императрицы Екатерины II – Алексея Григорьевича Бобринского. Императрица купила эти земли у местного помещика, построила на них дворец своему сыну и на базе обветшавших старинных построек спроектировала новый город с лучеобразно расходящимися в разные стороны улицами. Город сохранил своё прежнее имя. Фамилию же сыну дали по особенностям здешних озёрных и речных мест, изобилующих семействами бобров. Он стал графом Бобринским. После смерти Екатерины II её старший сын Павел I признал в Бобринском своего родного брата, сохранил за ним графство и обеспечил его, как члена императорской семьи, пожизненным денежным содержанием. Алексей Григорьевич большими заслугами перед русским государством не отметился. Был заядлым картёжником и любителем лёгкой жизни. Однако его потомки, в отличие от прородителя, занимали в российской государственной системе крупные должностные посты. Были губернаторами ряда городов, ответственными чиновниками и военными деятелями.

Что же касается Тарусы и её окрестностей, то они известны тем, что в них длительное время проживали члены семьи поэтессы Марины Цветаевой и замечательного русского писателя Константина Паустовского. Марина Цветаева хотела быть похороненной в Тарусе, но нашла своё упокоение в безымянной могиле в Елабуге. Константин же Паустовский завещал себя похоронить и был похоронен на местном тарусском кладбище. На его могиле лежит огромный валун и стоит простой деревянный крест.

Находящееся рядом с Тарусой Поленово знаменито домом, служебными постройками и парковой зоной имени выдающегося русского и советского художника Василия

Поленова. Имение превращено в идеально обустроенный дворцово-ландшафтный музейный комплекс. В нём всё замечательно, всё восторгает и умиляет взор.

По особому хороши также города Дулёво и Гусь-Хрустальный. Они влекут к себе своими богатыми музейными ценностями. Здесь изготавливается и хранится известная на весь мир расписная керамическая и стеклянная цветная посуда. Отдельные образцы этой посуды признаны подлинными шедеврами прикладного искусства. На многих международных выставках они получали и продолжают получать почётные призы.

Интересен и Полотняный Завод – родовое имение семьи Гончаровых. Основанное Афанасием Абрамовичем Гончаровым на реке Суходрев, оно было превращено им в доходное предприятие по производству льнотканых изделий и высококачественной бумаги. В петровские времена, по настоянию монарха, предприятие переключилось на производство корабельной парусины. Под ней ходил не только русский, но и весь английский военный флот. Это принесло Афанасию Абрамовичу баснословные доходы. Своё дело он передал сыну. Позднее оно перешло в руки его внуков и правнуков, в числе которых был отец Натальи Николаевны Гончаровой Николай Афанасьевич Гончаров. С его смертью имение Гончаровых, завод и бумагоделательная фабрика стали достоянием его сыновей Дмитрия, Ивана и Сергея – родных братьев Натальи Николаевны и двух её сестёр Александры и Екатерины. Согласно семейному договору, новые владельцы имения были обязаны выделять сёстрам определённую пожизненную денежную ренту. Известно, что Александр Сергеевич пользовался этой возможностью и получал вместо денег из Полотняного Завода стопки отличной меловой бумаги для печатания своих книг. Наталья же Николаевна получила от своих братьев несколько чистокровных лошадей для городской коляски и занятия конным спортом.

Огромный каменный трёхэтажный дом Гончаровых в Полотняном Заводе знаменит тем, что в нём в период

войны с Наполеоном в течение нескольких дней находился штаб командующего русской армией М.И. Кутузова. В этом же доме за много лет до этих событий на несколько дней останавливалась Екатерина II. Её комната выходит окнами на берег реки Суходрев и, как особая музейная ценность, приведена в идеальное состояние. Сам музейный фонд дома небогат, ввиду того, что все его вещи были утрачены в годы Великой Отечественной войны. Тогда внутренняя часть дома полностью выгорела от охватившего её пожара. В послевоенное время дом был восстановлен и превращён в городской музей. От старого производства остался лишь один из цехов литья бумаги. Он работает и по сей день, выпуская великолепную бумагу для чертёжных мастерских и студенческих сообществ.

Возвращаясь к Болдино, Тарханам, Овстугу и Вологде, повторяю ещё раз, что искренне сожалею, что не нашёл времени посетить их. Знаю эти места по книжным описаниям, кинорепортажам и фотографиям. Этого, однако, конечно же, недостаточно. Необходимо личное знакомство с ними. В связи с этим возникает закономерный вопрос: «А нужно ли стремиться к этому? Нужно ли посещать эти, как и другие подобные им памятные места?» Считаю, что несомненно нужно, особенно людям творческих профессий, в первую очередь писателям и поэтам. Напомню нашему читателю о том, что подлинными мастера русской литературы постоянно подпитывали свой талант путешествиями по русской земле. По подсчётам пушкиноведов, в поисках новых впечатлений, заведений новых знакомств и сбора материалов для новых литературных произведений, А.С. Пушкин из 37 лет своей жизни провёл в поездках около 8 лет. Такими же страстными путешественниками были Лев Толстой, Иван Тургенев, Константин Бальмонт, Николай Гумилёв, Владимир Маяковский и вечный скиталец – Николай Рубцов.

Родная земля придаёт людям литературного труда особую силу. Утрата её гасит их талант. Это отметила, жившая в эмиграции 17 лет, гениальная русская поэтесса Марина

Цветаева. Наблюдая за деятельностью целого ряда покинувших Россию талантливейших русских писателей и поэтов, она была вынуждена констатировать, что многие из них вне своей страны не смогли устоять на прежних литературных позициях. Даже Иван Бунин, ставший лауреатом Нобелевской премии, получил её в основном за стихи доэмиграционного периода. Заблестал лишь один из них – Георгий Иванов и то только потому, что избрал основной темой своего поэтического творчества плач об утерянной им, глубоко любимой Родине.

В связи с этим возникает ещё один закономерный вопрос: «А хорошо ли мы знаем Россию? Хорошо ли изучаем её?» Ответ очевиден: «В большинстве своём – не особенно хорошо». Это произошло и происходит от того, что на протяжении длительного времени мы пренебрегали настоятельными советами русских учёных и просветителей ставить на первое место в обучении и воспитании молодого поколения – свою Родину, её историю, её возможности и текущее состояние. Один из таких людей – выдающийся русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский считал, что русская педагогическая школа должна быть глубоко народной. В качестве её основного предмета, по его мнению, должно было стать «Родиноведение». Изучение этого предмета, в зависимости от возраста и направленности получаемого образования, предлагалось проводить по постепенно расширяющейся круговой схеме – от места, где родился человек, то есть от деревни, села или города, до района, края и наконец – до всей России в целом. Ушинский не был ретроградом и не отрицал значимости знания других стран, но ставил их всё-таки на второй план, полагая, что русский человек должен о них иметь добротное, но лишь общее представление.

Что же касается меня, то я изучать свою родину и путешествовать по ней люблю до самозабвения. Особенно люблю экскурсионные поездки в автобусах, электричках и пассажирских поездах. Это – особый самодвижущийся мир, к свиданию с которым заранее готовишься, а затем по-

особому вживаешься в него. Это новые знакомства, новые наблюдения и новые переживания, которые подталкивают творческого человека к продуктивной поисковой деятельности. У меня много путевых, рождённых в автобусах или в купе вагонов, стихов. Одно из них, написанное при поездке в родной для меня Омск, предоставляю уважаемому читателю. Пусть он на миг почувствует себя пассажиром, мчащегося по территории нашей огромной страны, поезда:

Стучат колёса. Поезд мчится.
Свет дальних звёзд пронзает мглу.
Свирепый ветер воет, злится,
А я сижу в своём углу.

Читаю строки Окуджавы,
В окно подмёрзшее гляжу.
И, как всегда, о Боже правый,
По миру мыслями брожу.

Деревня, поле, перелесок,
Поляна снежная, за ней –
Заиндевелых арабесок –
Узор на кружеве ветвей.

Мы мчимся в ночь. Огни мерцают
У привокзальных площадей...
Мои соседи засыпают,
Для них нет выбора мудрей.

И я ложусь. Колёса бьются,
Качает плавно колея,
А мысли бешено несутся
По лабиринтам бытия.

Завершая раздел книги о путешествиях по городам столь милых для меня Москвы, Подмосковья и европейской части России, не могу не сказать и о некоторых груст-

ных сторонах своих наблюдений. Если в этих городах уже почти не осталось разрушенных богоборческим временем церковных строений, то на пути между ними всё ещё можно их встретить. Больно смотреть на обезображенные людьми и временем церковные здания. Известно, что до октября 1917 года на территории России было около 78 тысяч храмов и церквей. В Москве их насчитывалось вместе с часовнями 610. С принятием 20 января 1918 года «Декрета СНК об отделении церкви от государства» патологическими богоненавистниками – Лениным и его ближайшими соратниками Свердловым (Гаухманом), Каменевым (Розенфельдом), Зиновьевым (Апфельбауманом), Володарским (Коганом), Ярославским (Губельманом) и другими им подобными персоналиями – было инициировано разграбление и разрушение огромного числа этих храмов, церквей и часовен. Из ранее имеющихся городских и поселковых культовых строений в числе сохранившихся к концу 1920-х годов осталось не более одной трети. В Москве – всего половина, то есть около трёхсот. Чтобы понять, почему это произошло в традиционно православной стране с преимущественно христианским населением, нужно ещё раз обратить внимание на личность Ленина и всех его ближайших соратников. Поэтому на некоторое время обратимся к этой скорбной и очень непростой теме.

Известно, что после распада Советского Союза, уже в начале 1990-х годов, по требованию ряда общественных организаций страны, специальным постановлением президента Российской Федерации Бориса Ельцина был открыт доступ к части ранее засекреченных архивов КПСС. Неожиданно для россиян во многих отечественных печатных органах появились совершенно необычные статьи и корреспондентские заметки об эротических откровениях сторонницы полиамории (любовного многообразия) пламенной революционерки и дипломата Александры Коллонтай; о резких, пронизанных личной ненавистью, обвинениях в адрес Сталина бежавшего в 1938 году во Францию заместителя руководителя Реввоенсовета СССР по морским делам, а

затем Полномочного посла в Болгарии Фёдора Раскольников; о материалах следственных дел репрессированных и затем расстрелянных крупных советских военачальников: Тухачевского, Блюхера, Егорова, Уборевича, Якира и др.

В потоке этих уникальных публикаций оказалось и секретное письмо шведских коммунистов, которое было передано ими Хрущёву во время его официального визита в Стокгольм в июне 1964 года. Это письмо содержало сведения о генеалогических (родословных) особенностях членов семьи Ульяновых-Бланков. Оказалось, что в самом «русском из всех русских» людей Владимире Ильиче Ленине не было ни одной капли русской крови. Зато присутствовало пять других: еврейская, немецкая и шведская – по линии матери, калмыцкая и чувашская – по линии отца. В материнской ветви доминировала еврейская кровь. Её мать Ленина унаследовала от своего деда Мойше Бланка, мещанина, торговца спиртными напитками. У него от брака с чистокровной еврейкой было три дочери и два сына – Абель и Израиль. Отношения отца с сыновьями не сложились из-за ряда семейных обстоятельств, и они, вопреки воле отца, в интересах своей будущности приняли решение перейти из иудейской веры в православную. Это уравнивало их в правах со всеми другими подданными Российской империи и позволяло получить качественное специальное образование. В процессе перехода в христианство братья получили русские имена. Абель стал Дмитрием, а Израиль – Александром. Оба получили отчества – Дмитриевичи. Александр Бланк закончил московскую Медико-хирургическую академию и уже через короткий срок в Казани, где стал жить, приобрёл авторитет талантливого и искусного врача-акушера. Разбогатев, под Казанью приобрёл большой, в 503 гектара, участок земли с деревней и 39 крестьянскими крепостными душами. Став известным медиком и помещиком, был жалован российским правительством званием дворянина. Был женат на полуеврейке и полунемке Анне Гроссшопф. В семье родилась дочь Мария, которая получила отличное домашнее и гимназическое

образование, вследствие чего отлично музицировала, прекрасно знала русскую и немецкую литературу, в совершенстве владела русским и немецким языками. Оба языка были в постоянном семейном обиходе. Поэтому Марию с самого малолетства все окружающие её люди считали не еврейкой, а обрусевшей немкой. Она то и стала, выйдя замуж за преуспевающего педагога Илью Николаевича Ульянова, матерью будущего вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

Дворянского звания удостоился и отец Ленина – Илья Николаевич. Он получил его за успешное исполнение обязанностей директора народных училищ Симбирской губернии. Молодой Володя Ульянов искренне гордился этим обстоятельством и во всех, исходящих от него документах неизменно именовал себя «потомственным дворянином». При этом хорошо знал о своём полуеврейском происхождении, но не афишировал его. Всегда и почти всеми людьми считался русским человеком. Русскими считались и его младший брат и сёстры – Дмитрий, Анна и Мария.

Обнародование национальных корней рода Ульяновых-Бланков не только привлекло к себе широкое общественное внимание, но и заставило целый ряд лениноведов, историков и представителей журналистского сообщества заново оценить политическую деятельность вождя мирового пролетариата, но теперь уже под углом его возможных национальных приоритетов. Им захотелось узнать, для чего и для кого эта деятельность с таким неистовством и жестокостью осуществлялась.

Исходили из того, что Ленин никогда не был русским националистом. Возрождение России и её прежних границ и мощи его никогда глубоко не волновало. И если он её в прежнем имперском составе и прежних границах всё-таки восстановил, то только для того, чтобы она служила огромным плацдармом для реализации вынашиваемой им идеи всемирной пролетарской революции. В достижении этой цели был неистов и крайне безжалостен. Люди для него, по словам историка Николая Сванидзе, «были ничто,

песок, средство для достижения поставленной цели... Заботился только о ближайших соратниках, которые, как и он сам, были преданы идее торжества социализма».

Критическую переоценку политической деятельности вождя мирового пролетариата многие исследователи начали с загадочной фразы, которую тот произнёс ещё в юношеские годы перед сидящей в трауре по поводу казни старшего сына Александра матерью. Известно, что эта фраза звучала следующим образом: «Мы пойдём другим путём». В ней, несомненно, скрывалась определённая загадка, так как о самом этом пути не было сказано ни одного слова. Раскрытие этой загадки привело к пониманию того, что этот путь вёл гимназиста Ульянова к трудам теоретика сионизма и революционного социализма Моисея Гесса и его учеников К. Маркса и Ф. Энгельса. Согласно научным изысканиям этих близких друг другу людей, главной целью сионизма становилось подчинение всех народов мира «богом избранному еврейству». Революционному же социализму отводилась роль создателя условий для решения этой многосложной задачи. По мнению Гесса и его учеников, в пламени социалистических революций и гражданских войн должны были исчезнуть все препятствующие распространению идей сионизма государства, в первую очередь промышленно-развитые европейские с большим количеством пролетариата. К ним относились: Великобритания, Франция, Германия и Россия. Накануне в ходе Первой мировой войны во всех этих странах международными подрывными силами классовая борьба была развязана. В Англии и Франции она ограничилась рабочими забастовками и манифестациями. В Германии – ликвидацией кайзеровского имперского режима и возникновением Веймарской буржуазной республики. В России – исчезновением многовекового самодержавного строя и созданием на его основе первой в мире социалистической республики.

Это означало, что одна шестая часть земного шара – Россия, по замыслу российских последователей Гесса, как

бы уже начала переходить под власть мирового сионизма. Необходимо было лишь ликвидировать все противостоящие этому процессу внутренние силы: царствующий Дом Романовых, сохранившую этому Дому преданность аристократию, офицерство, национально-ориентированную буржуазию и купечество, а также – служителей Русской Православной церкви.

За ними должны были последовать тысячи членов оппозиционных большевизму партий: Конституционные демократы (кадеты), Социалисты-революционеры (эсеры) и меньшевики. В годы Гражданской войны все эти люди были действительно почти полностью истреблены.

Следует сказать, что критиками ленинизма эти ужасные деяния никогда не оценивались в обязательной увязке с глобальными задачами сионизма. Считалось, что вождь мирового пролетариата был движим марксовской идеей «освобождения труда» и марксовыми же воинственными призывами «Коммунистического манифеста». Ради их реализации он, по словам того же Сванидзе, «поставил на кон и свою жизнь, и жизнь миллионов людей, и целую страну. Россия и её народ интересовали его только как средство достижения цели всемирной революции». Для этого он и совершил Октябрьский переворот. Для этого же спасал созданное им детище в ходе кровавой Гражданской войны, а затем – в жесточайших условиях разрухи и голода начала 1920-х годов*.

Во втором случае для изъятия у крестьян Центральной России и Сибири продовольствия употребил насильственную, подрывающую их хозяйственную жизнь, продразвёрстку. Позднее использовал более мягкую Новую экономическую политику (НЭП). С её помощью на некоторое время возвратил неэффективную, ещё неустоявшуюся,

* Статья Н. Сванидзе «Злодей» в Литературной газете за апрель 2020 года. Выпущена в связи со 150-летием со дня рождения В.И. Ленина.

социалистическую экономику на старый капиталистический путь.

К весне 1919 года исполнил свою давнишнюю мечту и при поддержке лидеров европейских коммунистических и рабочих партий воссоздал Коммунистический интернационал (Коминтерн). С его помощью пытался на примере России организовать рабочее движение в отдельных европейских и азиатских странах. Провёл учредительный 1919 года и три рабочих 1920, 1921 и 1922 годов конгресса этой международной организации. На всех четырёх выступал с пламенными речами, в которых учил представителей иностранных делегаций методам борьбы за пролетарскую власть, за развёртывание революционных действий на территории их государств. В эти же труднейшие годы не оставлял без внимания и свою страну. В начале 1920-х годов из её западных регионов организовал поход Красной армии в Польшу и Германию на помощь ожидаемых в них восстаний рабочих*.

Все эти факты при оценке личности Ленина, конечно же, принимались во внимание, но при этом сохранялось подозрение, что он мог иметь тайные связи не только с революционными силами ряда коминтерновских стран, но и с размещёнными на их территориях подпольными ячейками сионистских организаций. Это подозрение усилилось при изучении действий вождя мирового пролетариата по формированию органов власти созданного им первого социалистического государства.

Свет на эту проблему пролил ещё в 1918 году длительно работавший в Петрограде, пророссийски настроенный, корреспондент английской газеты «Таймс» Роберт Виль-

* По ряду неблагоприятных обстоятельств поход оказался крайне неудачным и сопровождался большой потерей личного состава Красной армии. Только количество пленных превысило 80 тысяч человек. Почти все они погибли в Польше от голода и физических издевательств.

тон. Ему удалось со стопроцентной точностью установить, что кадровый состав этих органов почти полностью состоял из представителей еврейской нации.

Вот состав первого советского правительства – Совета Народных комиссаров (СНК). Он включал 22 человека: председателя В.И. Ленина и 21 народного комиссара, ответственных за деятельность такого же числа комиссариатов по различным государственным вопросам, от обороны до земледелия. Национальность всех этих людей такова: три полуеврея (Ленин, Чичерин, Луначарский), один грузин (Сталин), один армянин (Протиан). Остальные 17 человек – чистокровные евреи.

Приблизительно такая же картина наблюдалась и в Центральном исполнительном комитете (ВЦИКе). Его кадровые структуры включали председателя (еврей Яков Свердлов) и 61 сотрудника. Из них два полуеврея (Ленин и Луначарский), четыре русских (Бухарин, Крыленко, Цюруппа и Тележкин), шестеро латышей, один немец, один чех, два армянина, два грузина и сорок три еврея.

То же самое касалось и Всероссийской Чрезвычайной комиссии – центрального карательного органа Советской Республики (ВЧК). Комиссия имела в своих руководящих органах 36 спецработников: председателя Ф. Дзержинского – сына польского еврея и 35 сотрудников различных уровней. Из них: русских – два, немцев – один, латышей – девять, евреев – двадцать три.

Итак, в центральных наиболее влиятельных правительственных органах советского государства в начальные годы его существования было задействовано 120 работников. Из них чистокровных евреев и полуевреев – восемьдесят три, то есть около 70 процентов. Это доминирование бросалось в глаза и было очевидным. При Ленине Россией управляло еврейство. Русских в составе центральных государственных органов насчитывалось всего шесть человек, и они не всегда занимали в них влиятельные посты. Такое положение дел, безусловно, отвечало интересам мирового сионизма, позволяло ему посредством советской России распростра-

нять своё влияние во всемирных масштабах. Такой точки зрения придерживаются хорошо информированные аналитики Национально-патриотического фронта «Память». Их позиция по этому вопросу основывается и ещё на трёх аргументированных доводах.

Во-первых, они указывают на абсолютную идентичность масштабов сионистских устремлений и ленинских взглядов на размах мирового революционного процесса. Эти масштабы всепланетарны.

Во-вторых, они раскрывают суть ряда весьма странных обстоятельств, проявившихся в ходе ликвидации членов царской семьи в июне 1918 года в доме екатеринбургского инженера Н. Ипатьева. Суть этих обстоятельств состоит в том, что ещё перед расстрелом царствующих страстотерпцев к Ипатьевскому дому подъехал автомобиль, в котором находился человек еврейской внешности в чёрной строго покроя одежде и с чёрной же, как смоль, бородой. С ним была вооружённая охрана. В своих действиях этот человек был абсолютно свободен. В дом к месту расстрела проник после убийства царской семьи, выноса мёртвых тел и ухода расстрельщиков – в основном евреев и латышей.

В полуподвальном помещении, где состоялась казнь, пробыл около полчаса. После оставления им этого помещения на обоях стен были обнаружены каббалистические знаки в виде четырёх букв греческого, древнееврейского и самаритянского алфавита; две группы цифр: 148467878 и 8788, а также фраза на немецком языке из поэмы Г. Гейне «Валтасар»: «Валтасар был здесь убит своими слугами». Всё было начертано тёмными чернилами, толстыми линиями и одним почерком. Впоследствии смысл каббалистических знаков был расшифрован. Они содержали в себе следующее сообщение: «Здесь по приказу тёмных сил царь был принесён в жертву для разрушения государства. Об этом извещаются все народы».

В 1919 году, когда Екатеринбург находился под контролем колчаковских войск, все перечисленные настенные надписи продолжали существовать. Их тщательно изучил

и зарисовал следователь по особо важным делам при колчаковском правительстве Николай Алексеевич Соколов. Он же предметно интересовался таинственным чернорабочим евреем. Но его следов установить не удалось. После расстрела царской семьи его никто и никогда больше не видел. Есть основание предполагать, что этот еврей мог принадлежать к сионистскому подполью, базирующемуся в одном из городов Германии. Из этого города он мог по заданию своего руководства выехать поездом в Москву, а затем – в Екатеринбург. В Екатеринбурге для выполнения поставленного задания мог получить от местных советских властей автомобиль и охрану. Выполнив свою миссию, этим же путём мог возвратиться назад.

Во всей этой истории поражают не только конкретные действия бородатого еврея, но и его абсолютная осведомлённость в сроках и месте предстоящей казни царских мучеников. Сведения об этом он или его руководители могли получить только от людей, близких к Ленину и Свердлову. Кроме них никто этими сведениями не располагал. Даже третий человек в советском руководстве – Лев Троцкий – с ними не был ознакомлен. Из этого следует, что тесно связанные с Германией Ленин и его правая рука – Свердлов могли иметь на её территории связи с теми или иными сионистскими кругами и даже выполнять задания этих кругов. Бородатый же еврей (или иные евреи) могли выполнять лишь определённые контрольные функции.

И, наконец, в-третьих. Вывод о возможном тайном сотрудничестве Ленина и Свердлова с иностранными сионистскими организациями может быть подтверждён неистовством действий этих людей по уничтожению в России её главной идеологической и морально-нравственной скрепы – Русской Православной церкви и её священничества. В этом кощунственном действе вновь усматривается сильнейшее влияние Гесса на ум и поступки уже полностью идеологически сложившегося Ульянова-Ленина.

Известно, что Гесс, как и его ученики Маркс и Энгельс, был ярким богоборцем и потому настойчиво проводил

мысль о том, что во всех европейских странах с верой в христианского бога нужно покончить раз и навсегда. Естественно, что для России он желал того же самого. К тому же он рассматривал Россию в качестве главного полигона по отработке своих сионистских и соцреволюционных взглядов. Предусматривая уничтожение русского самодержавия, стремился опираться на своих русских сторонников, к которым относил анархистов Михаила Бакунина и Петра Кропоткина, а также умеренного марксиста Георгия Плеханова, которые разделяли некоторые гессовские взгляды на цели и задачи пролетарских революций.

Для этого же изучал труды талантливого прусского военного теоретика Карла Клаузевица. Разделяя его мнения о том, что Россию можно победить только посредством «её собственной слабости или действия внутренних раздоров», прибавил к этому и ещё одно условие – ликвидацию в России русского православия. Ленин на протяжении всей своей сознательной жизни был самым фанатичным исполнителем этого гессовского завещания. Борьбу с русской Церковью начал ещё в отроческие годы, когда, по совету своего старшего брата Александра, снял с себя христианский крестик и бросил его в мусор. Это произошло, когда он учился в пятом классе гимназии. Особо ярим богоненавистником стал с момента захвата власти. Был в этом деле фанатически неистов и садистски изобретателен. Посвятил богоборчеству всю свою кипучую энергию и, судя по всему, умер с мыслью о продлении этого кощунственного действия и за гранями земного бытия. В борьбе с церковью, как впрочем и с другими идеологическими противниками, был, по словам отдельных русских церковников, «истинным зверем».

Уже 26 октября 1917 года, на второй день после Октябрьского переворота, на одном из первых заседаний советского правительства им было инициировано постановление об изъятии государством церковных и монастырских земель. Тогда же Ленин призвал исполнительные органы этого правительства «провести беспощадный массовый террор против попов». В последующем, в ходе исполнения «Де-

крета СНК об отделении церкви от государства и лишения её всей принадлежащей ей раннее собственности» было физически уничтожено более восьми тысяч священников и монахов, которые оказали этим действиям протестное сопротивление. Из имеющихся же на момент Октябрьского переворота 100 тысяч священнослужителей к концу жизни Ленина осталось только сорок тысяч. Их первоначальное количество за данный период не пополнялось, так как были закрыты все учебные религиозные заведения.

В число исчезнувших 60 тысяч вошли уничтоженные в 1917-1918 годах восемь тысяч уже упомянутых нами жертв большевистского террора и около семи тысяч умерших своей смертью клириков. Остальные были этим террором физически уничтожены. Проявленная к ним жестокость не имела мировых аналогов. По свидетельству очевидцев: «Этих людей после ареста зверски пытали, массово расстреливали на закрытых воинских полигонах, бросали в проруби и колодцы, сжигали на кострах, заживо погребали, сажали на кол, топили в общественных туалетах, распиливали двуручными пилами и распинали на крестах». При этом над всем этим кошмаром и человеческой жутью носился дух «самого гуманного», «самого доброго», «самого человеческого и самого живого из всех живых» Владимира Ленина. Именно под его зловещим воззванием: «Религия – есть опиум для народа» начался и продолжался все шесть с небольшим лет его последующей жизни процесс уничтожения всех ведущих сословий бывшей самодержавной России, но особенно он был жесток по отношению к представителям Русской Православной церкви. Даже, уже будучи наполовину парализованным, в конце 1922 года, временно обретя способность мыслить, инициировал постановление ЦК РКП(б) «О создании комиссии по антирелигиозной пропаганде». С помощью этой комиссии он стремился окончательно добить оставшуюся часть русского священничества.

За годы правления этого человека наша страна, как уже упоминалось ранее, потеряла более 15 миллионов своих

граждан. Они пали на полях междоусобной Гражданской войны; вследствие голода 1921-1922 годов; от массовых репрессий, а также – от вынужденного бегства многих лучших русских людей за границу. Но Ленин и на этом не остановился. Его разгорячённый идеей всемирной революции ум грезил об участии в ней почти всего русского народа. Об этом свидетельствует обронённая им в эти годы фраза: «Пусть девяносто процентов русского народа погибнет, лишь бы десять дожили до мировой революции».

Возникает естественный вопрос: «Кому и чему на самом деле служил вождь мирового пролетариата вечно молодой Ленин-Ульянов-Бланк?» Только не исторической тысячелетней России! Он её варварски обезобразил и почти полностью добил. А судя по личным высказываниям, и ненавидел, именуя её и её народ крайне уничижительными словами. Он, несомненно, служил революционному Коминтерну; временному попугачику и разрушителю Российской империи Германскому империализму; изобретённому сионистом Моисеем Гессом и его учениками Марксом и Энгельсом абсолютно утопичной, никогда не способной реализоваться, идее коммунизма, а также – с очень высокой степенью вероятности – мировому сионизму и мировому масонству.

Кем же на самом деле был этот, всё ещё остающийся для многих людей ложным, но всё-таки влекущим за собой ориентиром, человек? Ульянов-Ленин-Бланк – это, несомненно, до конца неопознанный фантом, но фантом всё ещё действующий, всё ещё оказывающий на многих людей своё агрессивное сатанинское побудительное влияние. Об этом красноречиво свидетельствуют заявления проживающих в США ненавистников нашей страны Ходарковского, Каспарова, Чичваркина и других им подобных лиц, о том, что они с огромным интересом изучают ленинскую методологию разрушения русского государства посредством внутренних антиправительственных заговоров и народных волнений. На этой методологии строится и вся современная политика западных стран по организации теперь уже не социалисти-

ческих, а «цветных революций» во всех регионах мира, в том числе и в России. В этом отношении Ленин действительно и по сей день остаётся «живее всех живых».

Конечно, ленинскому курсу уже в самом начале его существования противостояли очень многие здоровые, патриотически настроенные, силы. К ним принадлежали выехавшие за границу русские философы, учёные и литераторы. Особенно резко в адрес Ленина и его убийственной национальной политики высказывался бескомпромиссный Иван Бунин. В 1924 году он писал: «Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба, населённый могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освещённый благочестием и памятью о прошлом, дом. Планетарный злодей, осенённый знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству... Ленин явил миру в разгар своей деятельности нечто чудовищное. Он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня всё ещё спорят: благодетель он человечества или нет?».

Резко отрицательно отзывались на ленинский разрушительный политический курс и некоторые церковные лидеры, среди них – Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин). Он направил в адрес Совета народных комиссаров послание, в котором открыто обвинил большевиков в узурпировании государственной власти, в разорении и распродаже Родины, в невиданном ранее насилии над всеми представителями русского народа. В ответ на это Патриарх Тихон был провозглашён врагом советской власти и по личному указанию Ленина в мае 1922 года привлечён к судебной ответственности.

Будучи брошенным в тюремной застенке, подвергся унижительным допросам и издевательствам. Под давлением православной общественности, в том числе и зарубежной, всё-таки был выпущен на свободу. Но в каком виде? Вот как описывают этот трагический момент сторонники церкви: «После долгого ожидания раскрылись ворота тюрьмы, и показался Патриарх. Длинные включенные

седые волосы, спутанная борода, глубоко впавшие глаза на осунувшемся лице, ветхая солдатская шинель, надетая на голое тело. Патриарх был бос. Потрясённая многотысячная толпа, как один человек, опустилась на колени и пала ниц». Надломленный тюремными испытаниями и последующими преследованиями, в том числе и попыткой убийства на территории Московского Донского монастыря, Патриарх Тихон в марте 1925 года скончался. Его смерть – это ещё одно преступление «великого гуманиста» Владимира Ленина, безжалостнейшего человека, которым одарила Россию её трагическая предреволюционная судьба.

В связи со сказанным возникает ещё один законный вопрос: «А строил ли Ленин в России обещанные им народу социализм и коммунизм?» Судя по его биографическим данным, в этом строительстве он никакого активного участия не принимал. С октября 1917 по октябрь 1922 года, как глава советского правительства, занимался вопросами Гражданской войны и обороны находящегося в окружении белых армий, советского государства. Следует признать, что он делал это, благодаря жесточайшим дисциплинарным мерам и искусной пропагандистской работе, довольно успешно. Гражданская война завершилась разгромом всех белогвардейских армий; подавлением повстанческих банд Закавказья и Средней Азии, изгнанием интервентов из северных и дальневосточных районов страны. Это было достигнуто к октябрю 1922 года.

Огромные физические и моральные нагрузки всех этих лет, а также всё ещё дающие о себе знать последствия покушения на его жизнь в августе 1918 года сказались на здоровье пролетарского вождя. Осенью 1922 года он пережил парализацию правой руки и правой ноги, а также расстройство речи и потому был вынужден постепенно отходить от государственных дел. В марте 1923 года, после очередного подобного приступа потерял способность мыслить и превратился в беспомощного безумца. В январе 1924 в страшных физических муках ушёл из жизни. Поэтому реальный социализм в Советской России строили

совсем другие люди, люди новой уже сталинской эпохи. Делали они это, сообразуясь с внутренней обстановкой в стране, на начальном этапе – жёстко и насильственно, но своих целей добились. Россия вновь возродилась и обрела традиционные для неё имперские черты.

Уже в предвоенные годы накал большевистского экстремизма стал постепенно ослабевать. Была разгромлена ненавистная сталинскому режиму «ленинская гвардия»; взята под строгий контроль внутренняя обстановка в стране; проведено несколько крупных партийных и кадровых чисток. Накануне войны в СССР уже свободно действовало патриаршество, вновь открылись духовные академии и поместные семинарии. В это же время были возвращены имена великих полководцев России, а в годы войны – офицерские погоны и некоторые виды офицерской формы.

Жестоко расправляясь с «ленинской гвардией», Сталин сознательно очищал партию и руководящие органы страны от пригретых в них многочисленных еврейских групп. С самим же Лениным у него до самого окончания Гражданской войны сохранялись хорошие взаимоотношения. Он всегда считал его безусловным лидером партии, поддерживал все его действия, был одним из самых верных исполнителей его воли.

Первая размолвка между ними, не получившая, впрочем, широкой огласки, произошла лишь во второй половине 1921 года, во время начавшихся партийных дискуссий по поводу создания на территории бывшей Российской империи объединённого социалистического государства. Сталин, ранее занимавший пост Наркома по делам национальностей, вынужден был принять в этих дискуссиях самое активное участие. По главному вопросу, связанному с формой управления национальными территориями этого государства, он высказывался за прежнюю, проверенную временем «имперскую управленческую систему», при которой этими территориями управляли люди, назначаемые центральными органами власти.

Им же было предложено начать формирование Со-

юза Советских Социалистических республик с их коллективного вхождения в качестве автономных национальных образований в состав существующей с октября 1917 года Российской Советской Федеративной Республики (РСФСР). На начало 1922 года таковыми были Белоруссия, Украина и республики Закавказской федерации, прежде всего Азербайджан, Армения и Грузия. Предполагалось, что в состав РСФСР они войдут добровольно, навечно, без права свободного выхода из неё. Россия, по его замыслу, вновь становилась главной образующей силой нового государственного объединения.

Ленин не принял этих предложений и в ходе партийных дискуссий 1921-1922 годов выдвинул в качестве альтернативы свою федеративно-республиканскую форму территориально-административного устройства единой страны. Стремясь включить в неё как можно большее число желающих он создал для них ряд привилегий. Все они получили республиканский статус, свои национальные правительства и право свободного выхода из состава единого государства, если того потребуют проживающие на их территории народы.

Особо сложные проблемы возникли с Украиной. Её большевистская верхушка стремилась придать своей республике полноценный государственный статус. Для этого потребовала от Ленина присоединения к ней ряда обширных исконно русских земель. В результате этого на востоке и юге украинской республики возникла широкая буферная зона в составе Харьковской, Луганской, Запорожской, Херсонской, Одесской и Николаевской областей. Россия в очередной раз была вынуждена принести себя в жертву за счёт утраты ряда своих промышленно развитых, заселённых преимущественно русскими людьми, территорий.

Авторитет Ленина был непререкаем, поэтому все его предложения были безоговорочно приняты делегатами состоявшегося в декабре 1922 года 1-го Всесоюзного съезда Советов. 30 декабря 1922 года этим съездом было провозглашено создание Советского Союза (СССР).

Сталин был вынужден перейти на ленинские позиции и более открыто против них не выступал. Вместе с тем, он отлично понимал потенциальную опасность ленинских нововведений. Верил, что они потеряют свою силу и будут сведены к нулю общей государственной революционной дисциплиной. Так оно и было до начала 1990-х годов. С ослаблением государственной власти все союзные республики воспользовались своим правом и вышли из состава СССР.

Более ранимым оказался для Сталина второй инцидент, связанный с тем, что ему решением Политбюро ВКП(б) в 1922-1923 годах было поручено следить за соблюдением Лениным режима лечения от постигшей его тяжёлой болезни. Врачами больному было категорически запрещено возвращаться к работе. Он же, после того как ему немного полегчало*, начал заваливать членов Политбюро многочисленными письменными рекомендациями, касающимися вопросов внутрипартийной жизни и социалистического строительства.

Состоялся нелюбезный разговор Сталина с Крупской, в ходе которого он проявил по отношению к ней (по её словам) свойственные для него категоричность и грубость. При этом якобы заявил, что если она не прекратит своих потакательств, то партия найдёт для её мужа иную сиделку. В качестве таковой будто бы назвал Елену Стасову – хроническую туберкулёзницу, прожившую, тем не менее, очень долгую жизнь.

Сталин никогда открыто не высказывался против Ленина, но своего неприязненного отношения к членам его семьи никогда не скрывал. Недолюбливал младшего брата Владимира Ильича – Дмитрия и его сестёр Анну и Марию за их свободомыслие и систематическое нарушение партий-

* Облегчение наступило после извлечения из левого подскулья вождя пули, которая оставалась в этом месте со времени его ранения на московском заводе Михельсона в августе 1918 года.

ной дисциплины. К Крупской за её назойливые просьбы по спасению приговорённых к расстрелу в 1936 году сподвижников её мужа Зиновьева и Рыкова, был в телефонных разговорах откровенно нетерпим. В 1939 году, когда Крупская страдала острым аппендицитом, не дал своевременного указания оказать ей срочную медицинскую помощь. Вследствие этого операция была задержана на девять часов. Последовали гнойный перитонит и мучительная смерть. На её похоронах Сталин якобы не присутствовал.

Первая ссора Сталина с Крупской вызвала у Ленина отрицательную реакцию. Поэтому он, ранее благоволящий к нему и выдвигавший его на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б), а затем – и на пост лидера советского государства, резко изменил своё мнение о нём. Это мнение было изложено им в письме членам Президиума ЦК ВКП(б). В нём Ленин предложил освободить Сталина от должности Генерального секретаря и назначить на это место другого человека. В том же письме, поясняя свою позицию, отмечал: «Сталин слишком груб и этот недостаток, вполне терпимый в среде коммунистов и в общении между ними, становится нетерпимым в должности Генсека». Текст письма был доведён до делегатов XIII съезда партии, который состоялся в мае 1924 года, когда Ленина уже не было в живых. Его предложения не были приняты потому, что внутри партии назрел и стал открыто проявляться раскол между её левой (ленинской) и правой (национально ориентированной) фракциями. В борьбе с оппозицией требовалась «твёрдая рука». Ею могли стать только Сталин и сблизившиеся с ним его одногодки и более молодые партийцы: Калинин, Ворошилов, Фрунзе, Молотов, Киров, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Микоян, Жданов.

К чести Сталина следует сказать, что он после доведения ленинского письма до делегатов XIII съезда дважды подавал заявление с просьбой об уходе с поста Генерального секретаря. В обоих случаях ему в этой просьбе было отказано. После этого он возглавил и довёл до конца борьбу со всей, пронизанной сионистским духом, оппозицией.

Вся она во второй половине 1930-х годов была судима, а затем истреблена. В августе 1940 года в Мексике агентом советских спецслужб испанским коммунистом Рамоном Меркадером был убит последний и самый опасный оппозиционер – Лев Троцкий.

Здесь следует обратить внимание на последние два года жизни Ленина. Наученный печальным опытом Советско-Польской войны 1920 года, он наконец осознал, что выполнить свою мечту о победе мировой пролетарской революции ему не суждено. Поэтому стал уделять больше внимания своей стране, в частности – принятым ещё в 1919-1920-х годах планам восстановления её крупной промышленности и её электрификации; возрождению транспортной системы; реализации новой программы народного образования; развитию национальной культуры и музейного дела. Кое-что удалось совершить за счёт организации многочисленных народных субботников и денежных вложений нэпманов. Однако масштабы этих свершений в ленинские, охваченные Гражданской войной и экономической разрухой, годы были незначительными. Сознывая это, в конце своей жизни Ленин всячески стремился укрепить созданное им социалистическое государство, особенно его управленческую и исполнительную систему. Для этого, несмотря на нездоровье, приступил к разработке целого ряда рекомендательных статей. Так в феврале-марте 1923 года одна за другой появилась серия его небольших работ: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше да лучше».

Все эти рекомендательные работы, конечно же, принимались в расчёт, но сам Ленин, в силу состояния своего здоровья, прямого и активного участия в их реализации принять уже не мог. Его время подходило к концу. Поэтому реальный социализм в России, как указывалось ранее, строили уже совсем другие люди – люди из окружения Иосифа Виссарионовича Сталина. Уже к концу 1925 года ими был в основном завершён самый трудный восстанови-

тельный период, возвращено к жизни более 400 крупных предприятий, отстроено по плану ГОЭЛРО около десяти электростанций. Объем производства различных видов продукции достиг почти 3/4 уровня довоенного, наиболее успешного, 1913 года. К концу 1930-х годов советская Россия уже во всем мире считалась индустриально-развитой страной. Социалистический строй укрепился и был признан российским народом.

Волею судьбы мне в мои детские, юношеские и лучшие взрослые годы довелось жить при 5 руководителях Советского Союза: Сталине (1942-1953), Хрущёве (1953-1964), Брежнев (1964-1982), Андропове (1982-1984) и наконец – Горбачёве (1985-1991). При каждом из них наш отечественный социализм, оставаясь незыблемым в своей идеологической основе, обретал собственные, только ему свойственные черты.

От воинственного, пропитанного идеей мировой пролетарской революции ленинского социализма, сталинский уже был в своей основе национально-ориентированным и выраженно созидательным. Шла речь о строительстве социализма не во всём мире, а только в нашей, отдельно взятой стране. Он перекинулся на другие страны не потому, что это входило в сталинские планы, а потому, что Советскому Союзу западными державами была навязана Вторая мировая война. Неожиданно для них СССР эту войну победоносно выиграл и, как победитель, продиктовал свою волю. Все освобождённые им восточно-европейские страны стали социалистическими. Такой разворот событий был воспринят советским народом положительно.

В отличие от сталинского типа социализма, рационально-жесткого, хорошо спланированного, глубоко продуманного и умело проводимого в жизнь, Хрущёвский социализм был в значительной мере иным. Ему были свойственны как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным сторонам относилось то, что при Хрущёве в полной мере стали действовать конституционные законы страны. Было полностью обеспечено право граждан на труд, на по-

лучение среднего и высшего образования, на медицинское бесплатное обеспечение и отдых. В связи с проведённой кампанией по разоблачению культа Сталина были исключены массовые репрессии. Импонировали людям осуществляемая Хрущёвым политика в области освоения космического пространства, его личная причастность к запуску первых спутников земли и первых полётов человека в космос.

В целом положительно воспринималась и воскрешённая им ленинская политика революционных экспансий, но теперь уже под знамёнами национально-освободительных движений народов Африки, Азии и Латинской Америки. Первоначально поддерживались и его инициативы по превращению сельского хозяйства страны в устойчивый источник сельскохозяйственной продукции за счёт освоения целинных земель; расширения посевных площадей кукурузы в ранее неиспользованных для этого районах; увеличения посевных угодий посредством осушения болот и разворота течения рек.

Не была безразлична для населения страны и провозглашённая Хрущёвым в 1961 году на XXII Съезде партии программа построения в СССР коммунистического общества. Особенно положительно воспринималась уже проводимая в жизнь программа жилищного строительства, люди начали реально перебираться из бараков в небольшие, но благоустроенные городские и поселковые квартиры.

Отношение к Хрущёву стало меняться после того, как он подчинил себе две основные ветви власти, став первым секретарём КПСС и председателем Совета Министров СССР. Вслед за этим его безоглядное увлечение международным национально-освободительным движением привело нашу страну и весь мир к чреватому третьей мировой войной Карибскому кризису. К этому же времени стали оборачиваться своей отрицательной стороной все его начинания в области сельского хозяйства. Результатом освоения целинных земель стало почти полное выветривание вспаханной, но не прикрытой лесозащитными полосами, плодородной почвы.

Посадки кукурузы в северных районах Центральной части России и Сибири также оказались нерентабельными, и от них пришлось отказаться. Посевные площади вновь переместились в свойственные для выращивания этой культуры южные районы страны.

Провальной оказалась и активно осуществляемая программа осушения болот и разворота течения рек. В результате этих действий многие реки европейской части России и Сибири существенно обмелели. Полностью исчезло ранее полноводное Аральское море. Вместо ожидаемого роста экономики наметилось замедление темпов её развития. Вместо увеличения объёмов продукции сельского хозяйства – наступил её спад. Наметился рост цен на продуктовые товары. Это вызвало в ряде районов страны протестные выступления людей. В 1962 году в Новочеркасске такие выступления пришлось подавлять военной силой.

Но и в этих крайне усложнившихся условиях обладающий неукротимой энергией Хрущёв продолжил искать срочный выход из сложившегося положения. Для этого, не считаясь с мнением высшего военного командования страны, в короткие сроки провёл сокращение личного состава вооружённых сил страны на 2,5 миллиона человек. Уничтожил или бесплатно передал за границу огромное количество вооружения и боевой техники, в том числе – танков, артиллерии и кораблей ВМФ.

Одновременно с этим начал реализовывать план создания совхозных объединений по промышленно-заводскому типу. Для этого в такие совхозные объединения начало сгоняться население отдельных сёл и деревень. Разорялось их личное крестьянское хозяйство, уничтожался скот и приусадебные участки.

В это же время неистовый «кремлёвский фантаст» вдруг вновь обратился к уже полузабытой ленинской политике борьбы с церковью. Несмотря на протесты общественности, за несколько последующих лет закрыл, а где-то и уничтожил ещё около 20 тысяч церковных заведений, с деятельностью которых было связано более 30 тысяч пред-

ставителей духовенства.

Свои политические и иные управленческие промахи от населения скрывал. Многие достижения минувшей сталинской эпохи приписывал себе. А эти достижения оказались столь значимыми, что выдержали безграмотный авантюризм и зазнайство даже такого человека, как Хрущёв.

Его бесконечные эксперименты стали обходиться денежной казне государства очень дорого, и более их терпеть стало уже невозможно. В октябре 1964 года, когда Хрущёв находился на отдыхе в Крыму, ему было предложено срочно прибыть в Москву. Здесь на последующих друг за другом заседаниях Президиума, а затем и Пленума ЦК КПСС он был лишён всех своих должностей. Главными инициаторами этих решений выступили ведущие члены высших партийных органов: Суслов, Шелепин, Подгорный и Брежнев. Их поддержали министр иностранных дел Громыко, министр обороны Малиновский и все прибывшие на Пленум ЦК КПСС секретари областных обкомов партии. Решение было единогласным. Хрущёв был вынужден уйти в отставку. Репрессиям не подвергся. Спокойно дожил свой век в качестве пенсионера. Похоронен на Московском Новодевичьем кладбище. Над его могилой установлен необычный побюстный памятник работы скульптора Эрнста Неизвестного. Он изготовлен из двух кусков мрамора – белого и чёрного, что указывает на неоднозначность личности этого человека.

В результате всех этих перемен к политической власти в стране в качестве Первого секретаря КПСС пришёл ещё достаточно молодой Леонид Ильич Брежнев. Председателем Совета министров СССР стал талантливый политический деятель, экономист и хозяйственник Алексей Николаевич Косыгин. Начался новый, самый спокойный и, возможно, самый человечный этап развития социализма в нашей стране. Этот тип социализма также опирался на достижения сталинского периода. Но в нём уже почти полностью отсутствовала репрессивная политика по отношению к собственным гражданам. Велась борьба против отдельно взятых диссидентов, например, против семьи академика

Сахарова, которая встала на путь злостного очернения советской действительности, проповедования чуждых советским людям западных ценностей.

При Брежневе планомерно и довольно успешно развивалась экономика. Стараниями Косыгина расширилась торговля промышленными товарами и продуктами питания. Никакого, выдуманного диссидентами, «экономического застоя» не было и в помине. СССР уверенно занимал второе место в мире по своему промышленному потенциалу и военной мощи. Были допущены две роковые ошибки: СССР позволил втянуть себя в дорогостоящую гонку вооружений и в Афганскую войну. Но и в этих условиях экономика страны не была подорвана. Появились антивоенные настроения и подпольные протестные движения. В этих условиях необходимо было лишь вернуть некоторые сталинские, испытанные временем и себя оправдавшие, методы государственного управления, предполагающие возрождение общественной дисциплины, порядка и гражданской ответственности. За это дело с энтузиазмом взялся следующий руководитель страны – Юрий Андропов – бывший Председатель КГБ. Он пришёл к власти в 1982 году, после смерти Брежнева. К сожалению, к этому времени он, как и его предшественник, был тяжело больным человеком и, не доведя своих начинаний до конца, через два года также ушёл из жизни.

С 1984 по 1985 год страной управляло коалиционное правительство стареющих членов Политбюро КПСС во главе с опять же глубоко больным и немощным Константином Черненко. В 1985 году, после его смерти, власть в стране была передана последнему Генеральному секретарю КПСС, партийному карьеристу и предателю Родины Михаилу Горбачеву. Он стал реальным могильщиком советского социалистического строя, всех его прежних промежуточных форм. Горбачев бросил под ноги Западу все достижения нашей страны, в том числе и те, которые были добыты в ходе невероятно тяжёлой, унёсшей жизни 27 миллионов наших граждан Великой Отечественной войны. Об этом человеке

мы уже говорили на страницах этой книги ранее. История вынесет ему свой справедливый, несомненно, жёсткий приговор. Сейчас же вернёмся к более благополучным, всё ещё социалистическим хрущёвским, брежневским и андроповским временам. Это был благодатный период, когда воинственный ленинский социализм уже был в значительной мере советским народом пережит. Построенный в СССР социалистический строй стал, как тогда говорили, постепенно и неизменно «очеловечиваться», «становиться народным и подлинно желанным». Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе всенародного референдума 1991 года за него, как и за сохранение Советского Союза, проголосовало 76% взрослого населения страны. Отмечая это явление, замечательный русский писатель Валентин Распутин охарактеризовал его так: «Россия (имеется в виду вся советская страна) наконец-то переварила коммунизм и поставила его на службу своей государственности». Вторя ему, высоко информированный автор книги «Гибель империи. Русский урок», бывший наместник Московского Сретенского монастыря Митрополит Тихон (Шевкунов) также справедливо заметил: «Россия, уже советская, сумела воспрянуть и, воспользовавшись частью великого наследия России имперской, взялась за дело государственного строительства». Очень жаль, что это дело было прервано предателями и изменниками Родины: Горбачёвым, Ельциным и их приспешниками в лице яковлевых, гайдаров, чубайсов и иных подобных им людей. Не случись организованной ими контрреволюции 1990-х годов, мы бы теперь жили в совсем иной социалистической, сосредоточенной на своих внутренних проблемах, стране. Я в такой стране жил с 1942 по 1991 год. Благодарен ей за всё, что она сделала для меня, для всех моих друзей и знакомых. Продолжаю и сейчас мысленно в ней жить. Руководствуюсь её законами и высокочеловеческими принципами. Духовно подпитываюсь её высочайшей культурой. Мечтаю о её возрождении в прежней государственной мощи и прежних государственных границах. Недостатки хрущёвского и брежневского периодов были, но они не были фатальными.

Их, при умелом руководстве страной, можно было бы легко преодолеть, тем более, что абсолютное большинство советского народа этого искренне желало. К сожалению, в начале 1990-х годов таких руководящих сил в стране не нашлось. Победили ельцинизм и безграмотная гайдаровщина. Беспомощной оказалась и хваленая коммунистическая партия СССР, наполовину наполненная случайными людьми, трусами и карьеристами.

Увлечение литературным творчеством

Как уже знает читатель, любовь к чтению книг привили мне моя мать и моя бабушка Антонина Павловна и Александра Артамоновна Бычковы. За первые семь лет обучения в школе перечитал почти всех русских писателей. Особенно увлекался повестями и рассказами Тургенева, Толстого, Чехова, Куприна, Станюкевича и Лескова. Из поэтов с самого начала предпочтение отдавал Пушкину, Лермонтову, Тютчеву и Фету. Став старше, влюбился в Баратынского за его философизм и глубокий пророческий дар. Из советских писателей выделял Каверина, Гайдара, Шолохова и мариниста Новикова-Прибоя. С удовольствием читал стихи Симонова, Исаковского и Суркова. Как и многие мои сверстники, зачитывался есенинскими стихотворениями. В старших классах изучал западноевропейскую и американскую прозу. Некоторое время увлекался творчеством литераторов Германской Демократической Республики, писавших о кровавых реалиях Первой и Второй мировых войн, о доле немецкого солдата на полях сражений Восточного фронта.

Уже на этом этапе начал приглядываться к их писательской и поэтической речи, способности творить из простых слов сложную картину мира. Мысленно переносил себя на их место. В чём-то по-доброму завидовал им. Хотел повторить их путь, сознавая тот факт, что многие из них пришли в литературу из простого народа и укрепились в

ней, благодаря своей работоспособности и огромной тяге к знаниям. Своё умение точно и правильно отражать мысли начал с формулировок дневниковых записей. Стремился кратко, но ёмко и содержательно отразить в них всё пережитое, увиденное и услышанное. Это тренировало ум и первоначальные навыки писательского труда. Делал это преднамеренно ради красоты текста, который бы радовал глаз. Затем это стало потребностью и обязательной составляющей частью любой моей письменной работы. Следил за грамотностью речи. Заново, но более предметно, изучил теорию русского языка. Обложил себя многочисленными словарями и справочниками.

К стихотворчеству подходил медленно, длительно не веря в свои способности проявить себя в нём. Тем не менее, под влиянием лучших отечественных, западноевропейских и восточных поэтов, в конце 1960-х годов чисто спонтанно, без особых усилий, за очень короткое время, написал несколько стихов о природе и флотской офицерской службе. Часть этих стихов стала известна замполиту нашего торпедного дивизиона. Он предложил мне помещать их в настенной еженедельной дивизионной газете «Катерник». Стихи в основном касались военно-морской тематики и государственных праздничных событий. Спустя полгода этот же замполит свёл меня со своим товарищем, работником литературного отдела газеты Черноморского флота «Флаг Родины». Тот отобрал три или четыре моих стихотворения, обещая отдать их в печать. Возможно, они были напечатаны в литературном приложении к газете (в самой газете увидеть их мне не удалось). Тем не менее, этот факт помог мне уверовать в свои силы, подтолкнул к постоянному и заинтересованному стихотворчеству.

С этого момента писал стихи постоянно вплоть до 1984 года. К этому сроку их накопилось уже более трёхсот. С этими стихами я познакомил своего сослуживца по Военно-дипломатической академии, талантливого журналиста и писателя, автора серии антологий «Мудрость тысячелетий» и «В поисках смысла» Александра Егоровича

Мачехина. Прочитав эти стихи и частично отредактировав их, он настоятельно рекомендовал мне их незамедлительно опубликовать. Так был составлен первый сборник этих стихов под названием «Душевный разговор». Он был выпущен небольшим тиражом издательством «Педагогика» в 2003 году. Все его экземпляры за последующие полгода разошлись в среде моих сослуживцев, друзей и хороших знакомых. В том же году этот сборник тем же издательством был переиздан.

Затем на базе уже написанных и совершенно новых стихов (а их оказалось уже более семи сотен) были опубликованы сборники: «Серебряная струна» (2005), «Золотой листопад» (2007), «Заречные дали» (2009) и «На крыльях летучего времени» (2011). Каждый из них, как и первый, содержал в себе в среднем по 160-170 стихотворений. Они располагались либо по хронологическому, либо по тематическому принципу. Это были стихи о родине, её природе и людях; о библейских и исторических событиях; о любовных отношениях между мужчиной и женщиной; о различных видах искусства, в том числе музыкального и художественного. В тематику сборников широким потоком влились стихи о русской литературе и русских поэтах, об их произведениях и их жизненных судьбах. Не остались без внимания путевые заметки и наблюдения, радость встреч и грусть расставаний с родными и близкими людьми, их уход в иной мир. Из своего опыта могу сказать, что для пытливого, не теряющего интереса к жизни, поэта или писателя не может быть никаких запретных тем, в том числе и вызванных какой-либо житейской сценкой или созерцанием художественного полотна. Всё достойно его реакции, непосредственного живого восприятия и личного сопереживательного чувства.

Вслед за пятью поэтическими сборниками последовало издание двухтомника избранных стихотворений «В мире ритмов, созвучий и песен». В него вошло 675 ранее опубликованных и новых стихов. Двухтомник выпущен в свет в 2013 году издательством «У Никитских ворот» тиражом в 300 экземпляров. Его полный электронный аналог можно

найти на литературных сайтах интернета.

В последующем мною было издано ещё четыре полноценные книги, но уже смешанного поэтико-прозаического формата: «Мозаика русской жизни» (2016), «В начале было слово» (2019), «В строю немеркнущих светил» (2020) и «Слово о русской поэзии» (2023). Книга «Мозаика русской жизни» издана тиражом в 300 экземпляров и включает в себя подборку из 53 совершенно новых стихотворений и биографические повести о поэтессе Марине Ивановне Цветаеве и бывшем Верховном правителе России адмирале Александре Васильевиче Колчаке.

Книга «В начале было слово» посвящена выдающемуся русскому лексикографу, создателю «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимиру Ивановичу Далю, человеку удивительной судьбы, крупному государственно-му чиновнику, участнику двух крупных войн и одного военного похода, военному моряку, искусному врачу, писателю, одному из инициаторов создания авторитетного во всём мире Российского географического общества, ответственным попечителем которого в настоящий момент является президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Прозаическую часть этой книги сопровождает подобранное по тематическому принципу семейство стихов. Их чуть более ста. Посвящены России, русским поэтам, чувству любви, военным событиям, природе и её сезонным изменениям.

Следующая книга «В строю немеркнущих светил» издана в 2020 году в Москве небольшим тиражом и посвящена моему хорошему товарищу, сослуживцу по Военно-дипломатической академии, уже ранее неоднократно упомянутому Александру Егоровичу Мачехину. Описаны этапы его непростой, но славной жизни. Оценено богатое литературное наследие. Проанализированы его объёмные, энциклопедические по содержанию, антологии по проблемам смысла и содержания человеческой жизни. Книгу сопровождают посвящённые ему стихи его друзей-поэтов, часть из которых, к сожалению, увы, прощальные. Александр Егорович после

тяжёлой болезни в марте 2012 года покинул этот мир.

Изданная в 2023 году книга из серии поэтико-прозаических «Слово о русской поэзии» написана мною за двухлетний срок и посвящена истории возникновения и развития русского стихосложения. Показаны все основные этапы этого процесса. Рассмотрены все наиболее значимые русские поэтические течения и школы. Проанализировано творчество всех наиболее талантливых поэтов царского и советского периодов. Описано крайне тяжёлое положение современной русской поэзии, обусловленное снисходительно-презрительным отношением к ней ельцинско-чубайсовской да и современной буржуазно-компрадорской власти России. Прозаическая часть книги препровождена стихами. Их в ней 112. Помещены в хронологическом порядке по срокам их реального написания. Они посвящены множеству касающихся современного русского человека проблем, в том числе и братоубийственной русско-украинской войне, спровоцированной из-за рубежа и преследующей цель истребления славянского населения планеты.

Общаясь с читателями, неоднократно слышал вопрос о том, как рождаются и как пишутся подобные стихи. На этот счёт есть большое количество уже известных авторитетных рекомендаций. При этом, однако, исходя из личного опыта, могу уверенно сказать, что ни по одной из них хороший стих написать невозможно. Он всегда рождается сам собой, своевольно и независимо от наших намерений. При этом его появлению во всех случаях предшествует какая-то причина: наблюдение какого-то необычного явления; переживание какой-то ситуации; восприятие чего-то увиденного или услышанного; воспоминание о чём-то. В своей практике за все пять десятилетий поэтической деятельности по заказу написал только два стихотворения. Заказчиком в обоих случаях было руководство Западно-сибирского землячества, членом которого я некоторое время был. Это касалось стихотворений в память о знаменитых сибиряках – певце Юрии Гуляеве и первооткрывателе сибирского газа и нефти Фармане Салманове. Всё осталь-

ное всегда появлялось неожиданно, самостоятельно, в самых непредвиденных обстоятельствах, по большей части в моменты засыпания или полудрёмы. Удивительно, но в большинстве случаев стих приходил в полном виде и его нужно было только записать. Правда, затем, по утрам, требовалась его авторская правка и уточняющее редактирование. Так возникали все мои стихи. Форму, ритмику и мелодику своих стихотворений я также никогда заранее не подбирал. Они появлялись сами, возможно, под влиянием каждодневно читаемых мною работ других поэтов, как отечественных, так и иностранных. Пером поэта всегда водит чья-то иная, возможно, – неземная рука.

Что вызывает появление стиха? По моему мнению, – множество разнообразных причин. К ним, по своему опыту, отнюдь: восприятие родины, она всегда, как и любовь матери, внутри нас; наблюдение за явлениями природы в самых различных их вариациях подённо и посезонно; реакция на других людей, на их отношения, чувства и переживания; душевный отзыв на какое-либо событие окружающей жизни; оценка творчества других поэтов, любование их поэтическим словом и поэтическими находками; восхищение мастерством актёров, музыкантов и художников, а также жертвенностью человеческих сердец во имя наивысших идеалов земного бытия. Мною названо лишь несколько возможных побудительных источников к написанию стихотворения. На самом деле их гораздо больше, а может быть, и бесконечно больше потому, что стих может родиться моментально в непредвиденной обстановке, спонтанно.

Часто у читателя возникает вопрос: «С чего он начинается?» На мой взгляд – с возникновения чувства по поводу какого-то явления, с первой строки описания этого явления. Потом появляются новые строки, формирующие стихотворный рассказ об этом явлении. Так бывает часто, но не всегда. Крупные русские поэты Марина Цветаева и Михаил Кузмин нередко начинали мысленное написание стиха, как отмечала Цветаева, с «предсказующего, первичного, неизменного и незаменимого стиха, чаще всего

последнего двустипия, к которому затем прирастает всё остальное». Как видим, по этой схеме поэт, зная о том, что он должен сказать текстом стихотворения, выстраивает его структуру снизу вверх, используя последнее двустипие как основание для всего остального. Я в своей практике к такой схеме никогда не прибегал и не пытался её освоить. Для меня законодательной и главной всегда была первая, всё начинающая и всё определяющая строка. За ней следовало всё остальное, в том числе, развитие сюжетной линии и её логическая концовка. Своё отношение к этому процессу я изложил в стихотворении 2013 года «Как пишутся стихи»:

Полночный час. Дождь с силой бьёт в стекло,
Грохочет гром. Мглу молнии пронзают.
Над дальним полем тучи нависают.
При всполохах в саду, как летним днём, светло.

Бессонница! Но мозг включён в работу:
Беру перо. Набрасываю стих.
Сварливый шум дождя на краткий миг утих –
Ум ищет нужную для новой песни ноту.

Перо скользит вслед за потоком слов,
Слова вплетаются в живую ткань эклоги,
Рисуется пейзаж: размытые дороги,
Речушка узкая, извивы берегов.

А чуть вдали – цветущий куст жасмина
И столь знакомый взору палисад...
Слова, как воины, встают послушно в ряд –
Земной идиллии рисуется картина.

И снова дождь упорно в стёкла бьёт,
Под шум его работу завершаю...
Но как явился стих? Поверьте мне, не знаю,
Он вызрел сам, как райских кущей плод.

Подобным же образом родились и многие иные стихи,

в частности – о Родине. Приведу два из них: «Спросите у ветра» и «Декорации жизни».

Первое:

Спросите у ветра: «Где жизнь полнокровней?
Где счастье под каждой крышей живёт?
Где море шумливей? Где дали привольней?
Где сердце о будущем гимны поёт?»

Спросите: «Где поле гречишное краше?
Где небо лазурью ласкает глаза?»
Вам ветер прошепчет: «На Родине вашей,
Где сосны стройнее, где гибче лоза».

Спросите без лишней назойливой страсти:
«В чём тайная сила родимой земли?»
И он вам ответит: «Ей чуждо всевластье,
Она – свет добра, что сияет вдали».

Россия! Отчизна любезная наша!
Опора! Надежда! Разумная мать!
Во всём Поднебесье тебя нету краше,
Ты вечно живая любви благодать!

Тяжело, с душевной болью, воспринималась преданная и поруганная кучкой мерзавцев Россия 1990-х годов. Её хотелось защищать и делами и словом. Это чувство вызывало к жизни совершенно иные по содержанию строки. В них польхало негодование. Вот стих всё ещё трудного 2003 года:

Декорации жизни меняются быстро:
От партийных призывов до порнокино...
Только солнечный свет льётся с неба лучисто,
Этот свет погасить никому не дано.

Вновь Иуда пред Чистой Правдой лукавит,
Вновь распутство и мерзость ползут на экран.

Только наша душа Правду чистую славит,
Ненавидя, как прежде, подлог и обман.

Горбачёвы и ельцины где-то маячат,
Похваляясь пред миром бесстыдством своим,
О делах их поганных народы судачат,
Посылая проклятия смертные им.

Декорации жизни меняются быстро:
От партийных призывов до порнокино...
Только солнечный свет льётся с неба лучисто,
Этот свет погасить никому не дано.

Текущее состояние родины напрямую ассоциировалось с состоянием её природы. В стихах всех русских поэтов природа всегда радуется и страдает вместе со своей землёй. Есть подобные стихотворения и у меня. Вот одно из них:

Шумит, бушует непогода:
Холодный ветер, мокрый снег,
Свинцовых туч неспешный бег
По зыбким хлябям небосвода.

Ноябрь диктует свой устав,
Свои негласные законы,
Плывут тягучей меди звоны
Поверх убранств церковных глав.

Им неуютно на земле.
Они стремятся в выси, к свету,
К теплу, к исчезнувшему лету...
Но тонут в необъятной мгле.

Огромно влияние на творчество поэта окружающих его людей, их образа жизни, переживаний счастливых дней и дней скорби. Особенно поражает их уход в небытие. Всегда не верится, что человека, с которым ты вчера беседовал

на ту или иную тему, сегодня уже нет в живых. Таких стихов у меня тоже немало. Вот два из них, посвящённые умершей в 2014 году моей жене Валентине и ушедшему в 2018 году в мир иной хорошему другу, поэту, бывшему подводнику Леониду Брагину. Стихотворения так и именуются: «Жене» и «Памяти Леонида Брагина». Вот строки этих стихотворений:

«Жене»

Отшумели дожди, оттремели весенние грозы,
Над землёю сквозит тихий утренний свет,
Наклонились к пруду в вечной скорби берёзы...
Где ты, друг мой? Скажи. На земле тебя солнечной нет.

Где жилище твоё, что назвал я воздушным чертогом?
Где те тропы, что к высям небесным ведут?
Тишина... Лишь в порядке торжественно-строгом
Облака, словно тени, неспешно плывут.

Всё исчезло, как дым, в зыбких сумерках сада.
Солнце катится вниз. Угасает полуденный свет.
Тишина и покой – долгожданная сердцу награда.
Нет иной, и надежды увидеться – нет.

«Памяти Леонида Брагина»

Ушёл мой друг в просторы неземные
И просиял там яркою звездой,
Глядят с небес глаза его живые,
Глядят на мир, на жизнь, на нас с тобой.

И видит он сиреневые дали,
Кудрявый лес и сеть степных дорог,
Разливы рек из серебра и стали
И сердцу дорогой родительский порог.

Пред ним лежат заснеженные горы,
Встаёт пред взором круг былых друзей,

И северных зарниц искристые узоры,
И золотистый знак полуденных полей.

Всё это видит он, объемля мыслью землю,
И из груди исходит слабый стон,
И слышим мы: «Я смерти не приемлю,
Я жить хочу. Мне чужд могильный сон».

Несомненное воздействие на творчество любого поэта оказывают работы других поэтов, как представителей старших поколений, так и современников. Даже Пушкин и Лермонтов признавали влияние на себя романтизма Джорджа Байрона и Виктора Гюго. Марина Цветаева вообще считала себя «множеством поэтов» и открыто говорила о подчинённости своего пера воздействию творчества Бальмонта, Пастернака, Маяковского, Блока и Рильке. Моими любимыми поэтами всегда были и остаются Пушкин, Баратынский, Вяземский, Тютчев, Фет, Есенин и Рубцов. У них учусь смысловому содержанию, форме, ритмике и мелодике стиха. Это лучшие учителя, которые дают всё. Их пример заразителен и вечен. Многим из русских поэтов посвящал и посвящаю свои стихотворения. Вот стих «Читаю Пушкина»:

Читаю Пушкина...
Как стих его прекрасен!
Как речь чиста,
Как свеж и мудр язык,
Как мысль остра,
Как смысл сюжета ясен,
Как ярк и правдив,
Очерченный им миг.
Невольно думаю:
Россия не умрёт,
Пока поэт её живописует,
Пока душа его надеждами живёт,
И, вечность перейдя,
О Родине тоскует.

Уважая большой талант и незаслуженно трудную судьбу Петра Андреевича Вяземского, связанную в том числе и с потерей им семерых из восьми рождённых в семье детей, написал стих, в котором поэт предстаёт перед нами уже старцем. Вот строки этого стиха:

«Я пережил и многое и многих», –
Сказал поэт на склоне лет своих,
Подвёл в душе минувшего итоги
И головою гордою поник.

Нет Баратынского, нет Пушкина, нет Греча,
Забрало Небо семерых детей...
Надежды нет. Свет лучших дней далече.
И сил уж больше нет. И близких нет друзей.

И возроптал на Господа с укором,
Протест свой гневный Богу предъявил,
Но, в вечность уходя, окинул Землю взором
И бранным возгласом Небес не возмутил.

Моим вниманием не оставлен практически ни один русский поэт, взошедший на заслуженный пьедестал великой русской поэзии. В моих стихах, помимо уже названных поэтов, упоминаются Анненский, Бунин, Цветаева, Ахматова, Брюсов, Бальмонт, Есенин, Надсон, Карамзин, Симонов, Окуджава, Исаковский, Рубцов и многие другие выдающиеся русские стихотворцы. К творчеству некоторых из них я обращался в своих стихах по несколько раз. Это касается, в частности, Пушкина, Баратынского и Фета.

В Баратынском поражают его пророческий дар и самоуничтожительное отношение к своему выдающемуся поэтическому таланту. Не будучи способным обойти это уникальное личностное свойство, в 2016 году написал стихотворение «Евгению Баратынскому»:

Ты называл свой дар презренным и убогим,
Мертворождённым дух именовал

И потому, владея нравом строгим,
Своим стихам хвалы не воздавал.

Но подлинный талант сарказмом не убить,
Презрением не смыть, усмешкой не изгладить,
Великому дано великим быть,
Дано себя бессмертием прославить.

Афанасий Фет всегда покорял меня глубокой философичностью и лиричностью своих стихов, их необычной мелодичностью и особой красотой употреблённого поэтического слова. Ему и его творчеству я посвятил до десятка своих стихов. В 1980 году, по очередному прочтению сборника его стихотворений, отреагировал следующим образом:

Я фетовских стихов открыл случайно том,
И в душу полились волнующие строки
О призрачной любви, о деве синеокой,
О лёгких облаках в просторе голубом.

И погружаясь в мир, навеянный мечтой,
Я долго созерцал волшебных слов движенье,
И всё казалось мне, что где-то за спиной
Сам Афанасий Фет читал стихотворенье.

На страницы моих поэтических сборников неоднократно проникали и имена великих иностранных поэтов. Из числа западных к ним относятся Виктор Гюго, Генрих Гейне, Уильям Вордсворт и Иоганн Гёте. К кругу любимых восточных поэтов, которым также посвятил ряд своих стихов, отношу бессмертных Омара Хайяма и Дехлеви Хосрова. В своих стихотворениях нередко использую оригинальную форму их стихосложения – четверостишия (рубаи) и двухстишия (бейт).

Мощным стимулом к стихотворчеству является также чувство любви в общем смысле этого слова и конкретно к определённым людям. Охваченный подобным чувством к

любимой женщине, мужчина-поэт наделяет свою избранницу свойствами необычной красоты и нежности. Это мы можем наблюдать в стихах всех больших русских поэтов: Пушкина, Тютчева, Фета, Лермонтова, Блока, Есенина и многих других. В качестве примера приведу лишь любовный шедевр Фёдора Ивановича Тютчева, адресованный его юной любви, которую он встретил вновь уже на закате своей долгой жизни:

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас.

Так, весь овеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне –
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Тему любовного чувства не может обойти ни один поэт. У меня ему отведено также немало стихотворений. Вот одно из них под названием «Дверь распахнулась»:

Дверь распахнулась и в солнечном свете
Вдруг появилась нечаянно ты,
Словно парящая в небе комета,
Радостью тихой блеснув с высоты.

Юная, стройная, в белом сиянии,
С талией тонкой и чёрной косой –
Ты, как богиня, с вершин мироздания
К нам опустилась горящей звездой.

Милая женщина! Светлая фея!
Трепетный луч предрассветной зари,
Грусть Афродиты – живая Психея!
Тихою радостью вечно гори.
Пусть всё хорошее сбудется, станется
В жизни твоей, мой бесценный кумир,
Пусть всё пройдёт, но с тобою останется
Этот волшебный, чарующий мир.

Второе стихотворение под названием «Образ», как и у Тютчева, является отзывом на юные чувства, на любование молодой девушкой, которую я когда-то наблюдал за чтением стихов Пушкина:

Я деву юную увидел у окна,
В своих ладонях бережно она
Раскрытый томик Пушкина держала
И Тани Лариной письмо в который раз читала.

Вдруг лёгкий, утренний, прохладный ветерок
Встревожил локонов её бегущий с плеч поток
И обнажил черты невинные, простые
И чудные глаза, как небо, голубые.

Прошло уж много лет, но всё ещё порою
Я вижу образ тот, стоящий предо мною.
С забытой радостью я на него гляжу
И тени прошлого в своей душе бужу.

Известно, что всё европейское, в том числе и русское искусство, все его направления и жанры всегда опирались на легенды и повествования о языческом многобожии, а затем и о божественной личности Иисуса Христа. О них любознательный поэт также не может не говорить. Не может он не говорить и о работах выдающихся мастеров музыкального и художественного искусства. Сила их воздействия на творческого человека также всегда огромна. В России нет ни одного крупного поэта, который бы так или иначе не отозвался бы на творения великих композиторов или художников. У меня есть также немало таких стихов. Один из них именуется «Перед портретом Евдокии Голицыной». Он написан практически моментально при посещении картинной галереи имения князей Голицыных в московских Кузьминках:

Смотрю на портрет Евдокии Голицыной:
Прекрасны лицо, и глаза, и ресницы,
И лёгкий румянец атласной щеки,
И плавный изгиб обнажённой руки.
Чёрные волосы в локоны вьются,
Алые губы лукаво смеются,
Будто в Диане, богине ночной,
Всё в ней чарует своей красотой.

С портрета на меня действительно смотрела женщина необычайной красоты и величественной женственности. Ею была, как уже знает читатель, Евдокия Ивановна Голицына, в которую, несмотря на большое различие в возрасте, в царскосельские годы влюблялся девятнадцатилетний Александр Пушкин. Ей он посвятил одно из своих стихотворений, в котором есть такие строки:

Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?.. Слабый человек!..
Свободу потеряв навек,

Неволю сердцем обожаю.

Евдокию Голицыну в светских кругах именовали «ночной княгиней» за то, что она, имея свой литературный салон, проводила в нём со своими гостями: Жуковским, Вяземским, Одоевским, Грибоедовым и Верстовским долгие поэтические вечера. Грибоедов в этом салоне впервые прочитал своё знаменитое «Горе от ума».

А вот моя реакция на концертную музыку в зале Московской консерватории:

Иду в концертный зал, и светлый и просторный,
Иду с волнением, как в древний божий храм,
Иду с надеждою, как шёл тропой нагорной
К земле своих отцов библейский Авраам.
Иду и слушаю... Уж скрипок хор чудесный
Звучит восторженно в безмолвной тишине,
То – «Вальс цветов», и томный и прелестный,
Своей мелодией ласкает сердце мне.

И забываются печали и страданья,
И все нелепости земного бытия,
И вот уж я лечу на крыльях ликованья,
Закрыв глаза, дыханье затая.
Лечу, лишившись чувств, утратив разуменье,
Лечу, мелодией волшебною объят...
Столетия прессуются в мгновенья
И звёздами с небес на сонный мир глядят.

О музыка! О огненная сила!
Ты – шумный шквал, ты – струн волшебных звон,
Ты – пенье соловья, ты – выюги зов унылый,
Ты – всплеск морской волны, ты – бури снежной стон.
Пари же, музыка, над нами лёгкой тенью,
Волнуй и радуй прелестью своей,
Храни собою мир от гибели и тленья,
Надежды тихий свет в сердца людей пролей.

А вот ответный стих на картину Ивана Айвазовского «Чёрное море»:

Зловеще ты, Чёрное море, бываешь
Осенней ненастной порой,
Свободою дышишь, валами играешь
Под мертвенно-бледной луной.

То бьёшься упрямо в прибрежные скалы,
То роешь упорно песок,
То воешь, как демон, то стонешь устало,
То в небо швыряешь челнок.

И нет на земле такой дерзостной силы,
Чтоб страсти твои обуздать,
Причина тому – твой характер строптивый,
Твоя горделивая стать.

О Чёрный море! В минуту ненастья,
Ты душу ласкаешь мою.
Бурливое море! Стихия всевластья!
Тебя я с восторгом пою.

Вообще, созерцание картин больших мастеров художественного искусства – это всегда источник вдохновения для пытливого поэта и писателя. Картина – это всегда сгусток жизни, конкретная сцена бытия. Я в своих стихах неоднократно повторял содержание таких картин, но не в красках, а в вязе поэтических слов. К таким стихам, в частности, относятся словесные реакции на картины Семирадского «Фрина на празднике в честь Посейдона», Коржева – «Изгнание из рая», Поленова и Репина – «Воскрешение дочери Иаира». Последний случай особый. И Поленов и Репин в ходе учёбы в Российской академии художеств представили в качестве дипломных работ картины на одну и ту же тему и оба получили за них Золотые медали. Я видел эти картины в их авторском исполнении на выездных выставках работ обоих

художников в Москве. Они породили во мне ответную реакцию. Так возникло стихотворение о сотворённом Иисусом Христом очередном чуде, о воскрешении им дочери Иаира:

Сказал девице: «Встань!.. Пора!..»
И та от слов затрепетала,
Приподнялась и тихо встала
Живой со смертного одра.
А Он ей знак подал рукой
И жестом в круг семьи направил,
Отца Небесного восславил
Молитвой краткой и простой:
«Отец Державный, в высях сущий,
Будь нам светильником во мгле,
И всем живущим на земле
Подай по нуждам хлеб насущный.
Пусть царствие Твоё придёт,
И силой Духа укрепитя,
Пусть род людской в веках продлится
И путь к бессмертию найдёт».
И вновь народ пришёл в смятенье...
Кто Он – Мессия иль Пророк?
Христос же вышел за порог
И заспешил на край селенья.
И там мгновенно растворился
В толпе своих учеников,
Лишь лик Его средь облаков
На краткий миг изобразился.

Спровоцировать рождение стиха могут самые разнообразные жизненные обстоятельства, а также предметы окружающего нас мира: деревенская изба, полевая дорога, одинокий стожок, река и даже могильный камень и надпись на нём. В этом смысле пределов для творческой мысли поэта или писателя нет и быть не может. Их задача состоит в том, чтобы все эти предметы оживить ярким поэтическим или писательским словом. Я в этом процессе

всегда находил большое удовольствие, но поэтическому слову отдавал предпочтение за свойственные ему универсализм и смысловую объёмность. Малым числом слов можно охватить сложнейшую проблему жизни. Именно эти качества поэтического слова побуждали многих русских поэтов ставить поэзию на первое место в перечне других видов человеческой деятельности. Об этом прямо заявлял Николай Гумилёв. Ему вторили, видевшие в поэзии огромную жизненную силу, Анна Ахматова и Георгий Иванов. Такую же позицию занимали Валерий Брюсов, Марина Цветаева, Владислав Ходасевич, Константин Бальмонт и многие другие замечательные русские поэты. Об этом же говорят сцены ухода из жизни многих великих русских литераторов: Пушкин за несколько минут до кончины прощался с книгами своей обширной домашней библиотеки; Чехов перед смертью сожалел о расставании с писательским трудом и за него пожелал выпить бокал шампанского; Лев Толстой, находясь на смертном одре без сознания, до последнего вздоха кистью правой руки продолжал что-то писать; последними предсмертными словами Валерия Брюсова, как уже знает читатель, были слова: «Мои стихи...»; Константин Бальмонт поддерживал слабеющее сознание чтением близких ему по духу русских поэтов; Александр Блок, стремясь очистить палитру своей поэзии от революционных наваждений требовал от окружающих его смертное ложе людей собрать и уничтожить все экземпляры крамольной, написанной ещё в 1918 году поэмы «Двенадцать».

Все они прошли тяжелейший путь жизненных испытаний, были удивительными тружениками и каждый, в силу своих внутренних установок, стремился верно и жертвенно служить любимой ими России. Вслед за ними, как и вслед за Валерием Брюсовым, признаю главным смыслом и содержанием человеческой жизни созидательный, в том числе и литературный труд в интересах окружающего меня, родного мне по духу, российского народа. Хочу видеть его счастливым, независимым и сильным. Своими публи-

кациями стремлюсь приблизить долгожданный момент возрождения изувеченной и поруганной революциями 1917 года и антиконституционным переворотом начала 1990-х годов нашей исторической, по своей сути всегда имперской, включающей в свой состав множество братских народов, Родины.

Вместо эпилога

Моя жизнь, шагнув в девятое десятилетие, подходит к своему естественному завершению. На этом этапе, подобно Петру Андреевичу Вяземскому, редкому долгожителю своей бурной эпохи, можно было бы с грустью сказать: «Я жить устал – я прозябать хочу». Нет, как это ни странно, подобного говорить не хочется. Жизнь по-прежнему интересна и притягательна. Она всегда насыщена захватывающими ум и сердце событиями. Такой жизнью, несмотря на возраст, живу я и живут все мои друзья, родившиеся в годы Великой Отечественной войны и пережившие трудный период восстановления разрушенной этой войной родины.

Счастлив тем, что всегда относился с уважением и любовью к этому восстановительному, очень тяжёлому труду. С юных лет, приобщившись к нему, находил в нём надёжный способ реализации своих личных качеств и духовных возможностей. Впитал их от своих ближайших родственников и окружающих меня советских людей. Являясь представителями военной и послевоенной эпохи, эти люди отличались особыми индивидуальными свойствами. Пройдя через тяжелейшие испытания, они сохранили в себе черты подлинного русского человека, добросердечного и жертвенного.

При их непосредственном участии и поддержке прошёл сложный путь гражданского становления: этапы школьного и профессионально-технического образования; работы в больших производственных коллективах; длительной

военной службы и более чем 30-летний срок педагогической деятельности в прославленной Военно-дипломатической академии Вооружённых сил СССР и Российской Федерации. За это время обрёл бесценный опыт тесного сотрудничества с множеством замечательных, талантливых, высокообразованных людей. Всем им глубоко благодарен за доброе отношение к себе, за уроки и мудрые советы, которые от них получал. Помню и продолжаю любить каждого из своих бывших друзей и сослуживцев.

Все этапы моей жизни не были лёгкими, но всегда были интересными и поучительными. На каждом из них преодолевал себя. Иного варианта жизненного пути ни для меня, ни для моих ближайших товарищей просто не существовало. Все мы с юношеских лет целенаправленно стремились влиться в трудовую жизнь своей страны. Делали это, как показали результаты нашей жизни, неплохо. Абсолютное большинство моих школьных друзей стали мастерами промышленных производств, инженерами, строителями, врачами и педагогами. Многие связали себя со службой в Вооружённых силах и Органах безопасности СССР, а затем и РФ. Часть из них принимала участие в региональных войнах. При этом все они верно служили своему отечеству, желая видеть его сильным, успешным, всецело сосредоточенным на своих национальных проблемах.

Пережив безумие 1990-х годов, убедился в бессмысленности и пагубности всех русских революций и контрреволюций, в необходимости поиска хорошо просчитанного и продуманного пути эволюционного развития государства, в правильной передаче и трансформации высшей государственной власти. Допущение к ней авантюристов, мракобесов и тем более – предателей недопустимо. Оно смертельно опасно и для России позорно.

Счастлив тем, что всегда искренне и самозабвенно любил свою страну, стремился глубоко и всесторонне изучать её. Это касалось истории и текущего состояния всех регионов нашей родины, где мне волею судьбы приходилось бывать. Особенно тщательно обследовал европейскую часть

России. Считаю, что ничего прекраснее её на планете Земля просто не существует.

Счастлив также и тем, что не был обделён некоторым писательским и поэтическим дарованием, имел потребность в выражении своих мыслей и чувств художественным словом. Теперь, по окончании военной службы и с выходом на пенсию, этот вид деятельности стал для меня основным. В нём нахожу не только способ самовыражения, но и эффективное средство спасения от жизненных и бытовых неурядиц. Продолжаю учиться у всех талантливых представителей национальной литературной школы. Им и всем любителям русской изящной словесности кланяюсь в пояс, желаю личного благополучия и существования в ладу со своими страстями, стремлениями и земными заботами. Всё остальное приложится. Русский человек одолеет всё.

**ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ
СЕМЕЙНЫХ АЛЬБОМОВ**

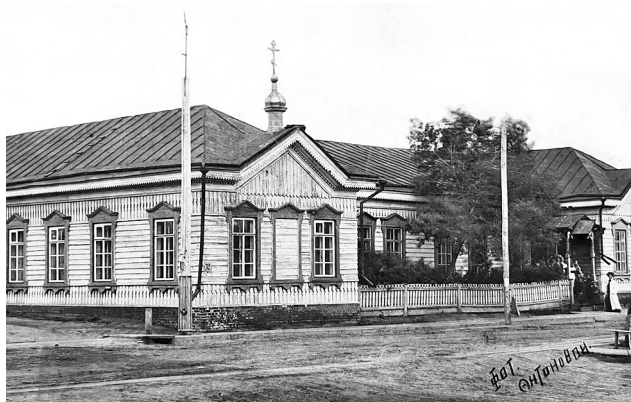
*Семья прадеда и прабабушки Артамона Яковлевича
и Прасковии Ивановны Бычковых.
Сидят: Артамон Яковлевич и Прасковия Ивановна,
воспитанница Груша и сноха Елизавета;
стоят: дочь Александра, сыновья Пётр и Павел.
Омск, 1913 год*

*Солдаты штабной охранной роты.
Павел Бычков с другом. Уссурийск, 1916 год*

*Солдат запасного Лейб-гвардии Литовского полка
Пётр Бычков. Петроград, 1917 год*

*Омская женская профессиональная школа.
С 1945 года – Омская начальная школа № 4.
Омск, 1896 год*

*Семья Прасковии Ивановны и Александры Артамоновны
Бычковых в период их работы и проживания
в Омской женской профессиональной школе.
Сидят взрослые члены семьи. Стоят воспитанницы
Лена, Груша и моя будущая мать
восьмилетняя Тоня. Омск, 1925 год*

*Прадед и дед по отцовской линии Михаил Егорович
и Семён Михайлович Харюшины. Омск, 1911 год*

*Дети Семёна Михайловича Харюшина. Стоят: дочери
Тамара и Надежда, между ними – муж Надежды – Пётр.
Сидят: сыновья Николай и Ананий, между ними –
моя будущая мать Антонина. Омск, 1937 год*

*Мои отец и мать Ананий Семёнович Харюшин
и Антонина Павловна Бычкова. Омск, 1938 год*

Село Большое Сорokino, 2025 год

*Христорождественский (бывший Успенский)
кафедральный собор. Омск, 2025 год*

Будущее села Большое Сорokino, 2025 год

*Перекрёсток улиц Красный путь и Красногвардейская.
Трёхэтажное здание бывшей детской поликлиники.
Омск, 2025 год*

*В возрасте трёх лет.
Село Большое Сорokino, 1945 год*

*Старшая группа детского сада «Водников».
Омск, 1947 год*

*Танцевальная группа детского сада «Водников».
Омск, 1948 год*

*С бабушкой Александрой Артамоновной.
Омск, 1949 год*

*Второй класс Омской начальной школы № 4
с учительницей Марией Николаевной Суторминой.
Омск, 1951 год*

*Восьмой класс Омской средней школы № 21.
В центре сидят учителя физики и литературы
Е.П. Козлухин и З.Л. Латышева. Омск, 1958 год*

В столярном цеху Профессионально-технического училища № 21. Омск, 1959 год

*Столярная группа ПТУ № 21
на городском субботнике. Омск, 1960 год*

*Тихоокеанское Высшее Военно-морское училище
имени С.О. Макарова. Владивосток, 1963 год*

*Учебная рота Минно-торпедного факультета ТОВВМУ
со своим командиром капитаном 3 ранга А.Е. Чеховым
на училищном плацу. Владивосток, 1964 год*

*Учебная рота Минно-торпедного факультета
с командным составом ТОВВМУ.
Владивосток, 9 мая 1965 года*

*Выпускник Минно-торпедного факультета ТОВВМУ.
Владивосток, 1968 год*

*Командир торпедного катера «Т-3».
Севастополь, 1969 год*

*В боевом дежурстве.
Посёлок Черноморское, 1970 год*

*С женой Валентиной и дочерью Наташей
у памятника адмиралу П.С. Нахимову.
Севастополь, 1972 год*

*С командой торпедного катера проекта «206»
у здания Петродворца. Петергоф, 1972 год*

А К Т

31

г. Таллин

14 мая 1973 года.

Настоящий акт составлен в том, что после хранения объекта зав. № 107 с октября 1972 года по май 1973 года на Прибалтийской базе (б. Копли-Южная) он передан личному составу, в/ч 10763-Л представителями завода п/я А-7333 в следующем состоянии:

1. Все механизмы, оружие и системы законсервированы, кроме вспомогательных двигателей ДГ К- 459М № 109580 и ДГ К- 464 № 106045 электронасосов ЗСН-II П42М № 382253; № 389142 системы вентиляции, камбуза, системы пресной воды. (Расконсервация и запуск механизмов производилась представителями завода п/я А-7333. Вышеуказанные механизмы и системы приняты личным составом в/ч 10763-Л в исправном состоянии).
2. Внутренние и служебные помещения, наружная часть корпуса, за исключением днища объекта окрашены.
3. Винты сняты и погружены на борт объекта,
4. для нужд перехода с объектом передано 10 т топлива марки ДС
5. На объект принята незакрытая документация в полном количестве (Перечень отчетно эксплуатационной технической документации № 205-050-105 части I и II)
6. Закрытая документация проверена согласно вышеуказанного перечня (части I и II) и подготовлена для отправки спецпочтой.
7. Зип и имущество приняты полностью согласно ведомости снабжения инвентарным имуществом, инструментом и запасными частями объекта зав. № 107 205-050-106 раздел I, пункт А.
8. На объект принято буксирное устройство по чертежу 205-111 а также маскировка по чертежу 6084.

НАЧАЛЬНИК СДАТОЧНОЙ БАЗЫ
п/я А-7333

КОМАНДИР В/Ч 10763- Л

(ПАЛАМАРЬ)

(ХАРОШИН)

Акт передачи судостроительным заводом п/я А-7333 торпедного катера проекта «206» севастопольскому приёмному экипажу в/ч 10763-Л. Таллин, 1973 год

*Ракетный катер проекта «205» на переходе морем.
Балтика, 1973 год*

*Слушатель 1-го курса Военно-дипломатической академии.
Москва, 1973 год*

*Полномочный посол СССР в Республике Кипр
С.Т. Аставин с представителями военного аппарата
Посольства. Никосия, 1978 год*

*С членами ассоциации военных атташе
в Республике Кипр. Никосия, 1979 год*

*На улицах Лимассола.
Республика Кипр, 1980 год*

*С дочерью Наташей у входа в «Купальню Афродиты».
Республика Кипр, 1980 год*

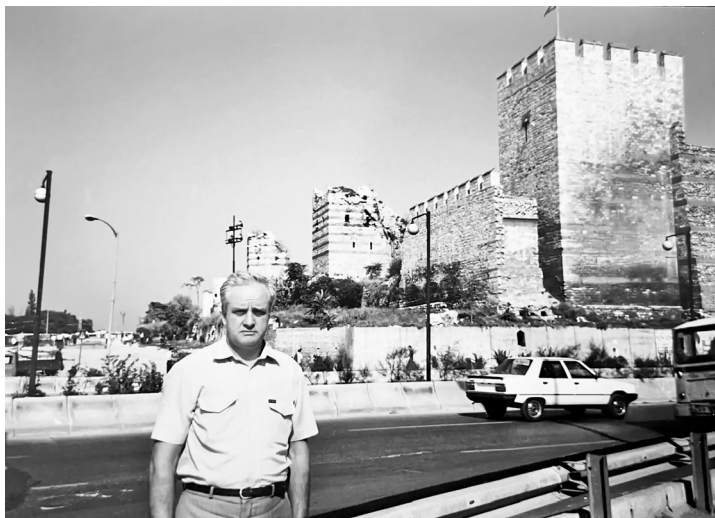
*Служебная командировка в Штаб Черноморского флота.
Встреча с бывшими сослуживцами Богдановым,
Никовым и Пилипенко на аллее боевой славы
41-ой севастопольской бригады ракетных
и торпедных катеров. Севастополь, 1989 год*

*Полномочный посол СССР в Турецкой Республике
А.С. Чернышов с руководителями военного аппарата
Посольства и турецким адмиралом Т. Аксом
на официальном приеме по случаю Дня Советской Армии.
Анкара, 1990 год*

На приеме в Югославском посольстве. Анкара, 1991 год

*У крепостных стен Стамбула.
Стамбул, 1992 год*

*На центральной улице древнего Эфеса.
Турецкая Республика, Эфес, 1992 год*

Турецкий ландшафт. Пригороды Анкары, 1993 год

Коллектив 1-ой Кафедры ВДА. Москва, 2006 год

*С группой ветеранов 1-ой Кафедры ВДА.
Москва, 2009 год*

На Куликовом поле, 2010 год

*В гостях у Любви и Александра Блоков.
Село Тараканово, 2012 год*

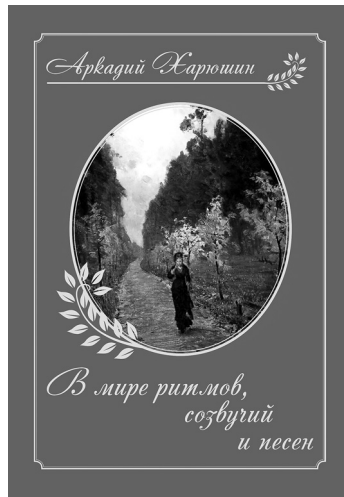
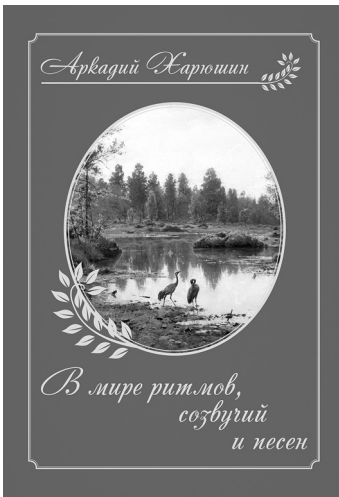
*В толстовских местах. Железнодорожная станция
«Козлова Засека», 2012 год*

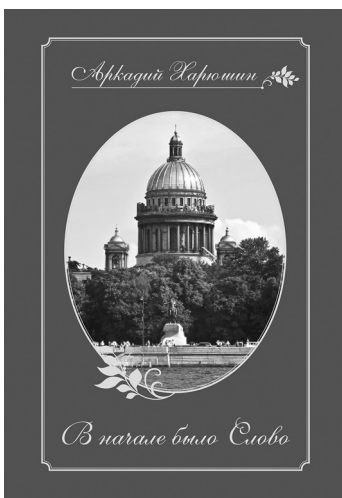
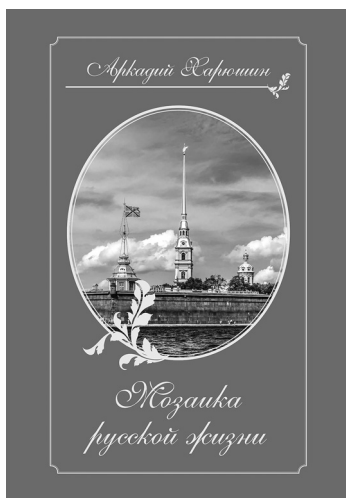
*В чеховском Мелихове с актрисой местной
театральной труппы. Мелихово, 2013 год*

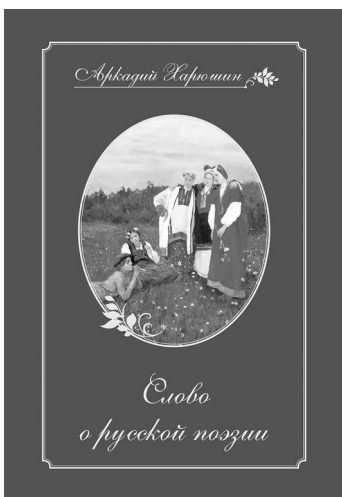
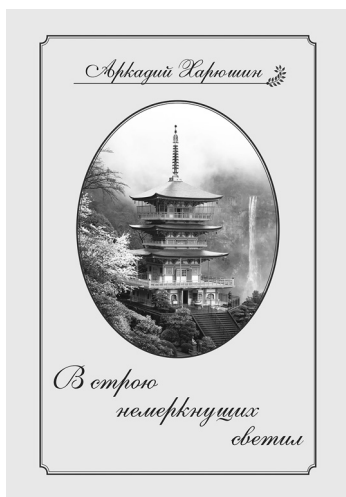
*У псковских сторожевых башен.
Псков, 2014 год*

Двухтомник стихов «В мире ритмов,
созвучий и песен». Москва, 2013 год

Книги «Мозаика русской жизни»
и «В начале было слово». Москва, 2016 и 2019 годы

Книги «В строю немеркнущих светил»
и «Слово о русской поэзии». Москва, 2020 и 2023 годы

*Встреча с юными читателями.
Село Большое Сорokino, 2008 год*

*Душевный разговор со взрослыми любителями
русской поэзии. Село Большое Сорokino, 2010 год*

*Благодарственное письмо от земляков.
Село Большое Сорокино, 2008 год*

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ДИПЛОМ

ИМЕНИ И.А. БУНИНА
«За верность
отечественной литературе»
с вручением медали
«И.А. Бунин (1870–1953)»

награждается

Карюшин
Аркадий
Анальевич

Председатель РОО МГО Союза писателей России *В.Г. Бояринов* В.Г. Бояринов

Диплом Союза писателей России
«За верность отечественной литературе».
Москва, 2007 год

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ДИПЛОМ

2014

За верное служение
отечественной литературе
с вручением медали
«60 лет Московской
городской организации
Союза писателей
России: 1954-2014»

Харюшину
Аркадию Анацьевичу

Председатель Президиума
МГО СП России

В.И. Гусев

Председатель Правления
МГО СП России

В.Г. Бояринов

Диплом Союза писателей России
«За верное служение отечественной литературе».
Москва, 2014 год

*Встреча бывших студентов Омского сельскохозяйственного
института выпускников военного 1941 года у памятника
интернационалисту Карою Лигети в омском сквере
«На стрелке». Омск, 1991 год*

Список литературы

1. Афанасьев Д. Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, 1857.
2. Жандром А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, 1857.
3. Валуев А.П. Севастополь и его прошлое, 1858.
4. Зверев Б.И. Севастопольская оборона (1854-1855), 1858.
5. Зайончковский А. Последний смотр императором Николаем I Черноморского флота в 1852 году. Потопление судов на Севастопольском рейде в 1854 году. Оборона Севастополя. Подвиги защитников, 1904.
6. Лебединцев А.Г. Из дневника священника в осаждённом Севастополе, 1908.
7. Сингалевич С.П. Старая и новая Казань. Казань: «Татнаркомпрос», 1927.
8. Евгеньев Г.Е. По водным путям Северо-Запада. Ленинград: «Речной транспорт», 1956.
9. Шевцов И.М. Под флагом Советской родины. М.: «Молодая гвардия», 1956.
10. Ястржембский Л.А., Сорокина В.В. Памятники литературной Москвы. М.: «Советская Россия», 1957.
11. Олинский М.Я., Шляпошников В.И. Крым. Путеводитель-справочник. Симферополь: «Крымиздат», 1959.
12. Ильин М.Ф. Подмосковье. М.: «Искусство», 1966.
13. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Новосибирск: «Западно-сибирское издательство», 1970.
14. Черенцовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М.: «Мысль», 1970.
15. Шебек Н.В. Панорама обороны Севастополя. 1854-1855. Симферополь: «Крым», 1970.

16. Белавин Н.И. Боевые катера. М.: «Воениздат», 1971.
17. Косенко П.П. Иртыш и Нева. Алма-Ата: 1971.
18. Томбер Т. Таллин. М.: «АПН», 1971.
19. Кошелев А.В. Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова. Владивосток: «Боевая вахта», 1976.
20. Маркова Н.Т., Свирская К.В. Атлас автомобильных дорог СССР. М.: «Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР», 1978.
21. Воронина Л.М., Сергеева С.И. Атлас мира. Азия. М.: «Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР», 1984.
22. Кунин В.В. Друзья Пушкина. М.: «Правда», 1984.
23. Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. М.: «Искусство», 1986.
24. Кунина Е.М., Кожевников Р.Ф. Рукотворная память Москвы. М.: «Московский рабочий», 1987.
25. Медведев Рой. Н.С. Хрущёв. Год 1964-й – неожиданное смещение. Газета «Аргументы и факты», № 27, 1988.
26. Водолажский В. Военно-морской аташе. Газета «Неделя», № 49, 1989.
27. Девятьярова И.Г., Селюк В.И. Прогулки по старому Омску. Омск: «Омская правда», 1991.
28. Журавлёв М.П. Путеводитель по Омску. Омск: «Амфора», 1992.
29. Горелова Н.А., Поникарова Н.М. Лики Москвы. М.: «Мирос», 1995.
30. Форд Генри. Сионские протоколы. М.: «Витязь», 1996.
31. Гейфман А. Революционный террор в России. М.: «Крон-Пресс», 1997.
32. Вильтон Р. Последние дни Романовых. М.: «Память», 1998.
33. Ваксберг А.И. Валькирия революции. Смоленск: «Русич», 1998.
34. Мачехин А.Е. В поисках смысла. Мудрость тысячелетий. М.: «Книжная палата», 1998.

35. Чапнин С.В. Православная Москва. М.: «Братство Святителя Тихона», 1999.
36. Сапрыкин В.М., Нечаев В.А., Фарбер А.В. Севастопольская ордена Нахимого 1-ой степени бригада ракетных катеров. Калуга: «Экономика и жизнь», 1999.
37. Митрополит Иоанн. Русский узел (статьи, беседы, обращения). С.-Петербург: «Царское дело», 2000.
38. Лебедева Н.И., Рыженко В.Г. Омск – город на границе государства российского. Омск: «СПб», 2001.
39. Оболенский Г.Л. Век Екатерины Великой. Время героев и героических дел, М.: «Русское слово», 2001.
40. Коллективное авторство. Сорокинский район в XX веке. Ишим: «ТИД», 2004.
41. Карпов В.В. Генералиссимус. Оренбург: Издательский дом «Вече», 2004.
42. Удалов Р.М. Сказание о славном городе Омске. Омск: «Амфора», 2005.
43. Сопельняк Б.Н. Три покушения на Ленина. М.: «Молодая гвардия», 2005.
44. Пензер Н. Гарем (история, традиции, нормы). М.: «Центрполиграф», 2005.
45. Кочергин И. Тюменская область (путеводитель). М.: «Аякс-Пресс», 2007.
46. Дворцов В.В. Ермак. М.: 2007.
47. Молева Н.М. Подмосковные тайны. М.: «Алгоритм», 2007.
48. Иванов Ю.Г. Русские усадьбы-музеи. М.: «Русич», 2008.
49. Гутель Н.А. Сорокино наше всегда молодое. Ишим: «Тюменский издательский дом», 2009.
50. Сычѳв В.И. Анна Керн. М.: «Молодая гвардия», 2009.
51. Шигин В.В. Герои забытых побед. М.: «Вече», 2010.
52. Коккинофтас К. Святой ставропигиальный монастырь Махера. Никосия: «Махера», 2011.
53. Данилова Г.А., Шаиян Н.Г. Маринин дом. М.: «Дом-музей Марины Цветаевой», 2011.
54. Минкин Александр. За красивые глаза. «Комсомольская правда», 8 октября 2012 года.

55. Соколов Б.В. Тухачевский. Расстрелянный маршал. М.: «Вече», 2013.

56. Шевченко В.А. Жертвы чёрного октября М.: «Алгоритм», 2013.

57. Шигин В.В. Лжегерои русского флота. М.: «Вече», 2015.

58. Труайя Анри. Фёдор Достоевский. С.-Петербург: «Амфора», 2015.

59. Аверин А.Н. История Сорокинской земли. М.: «Printsmile», 2015.

60. Хоменко О и Л. Православный Крым (путеводитель). Симферополь: «Crimea Orthodoxy», 2016.

61. Разумов Вадим. Попытки новой жизни. Статья в журнале «Московское наследие» № 4. М.: 2018.

62. Нешевиц Михаил. Гражданская война закончилась в 60-х. Газета «Россия», 6 сентября 2018 года.

63. Вакинзер М. Пою моё Отечество. М.: «У Никитских ворот», 2019.

64. Харюшин А.А. В строю немеркнувших светил. М.: «У Никитских ворот», 2020.

65. Сайты интернета, 2020-й год:

- Главное разведывательное управление (ГРУ) – спецслужба, орган внешней разведки Министерства обороны СССР, центральный орган управления военной разведкой (история, структура, функции, руководители);

- Хозяева Хорошевки. Кто и как руководил военной разведкой России;

- В/ч 35576 – Военная академия Советской Армии (начальники, структура, функции);

- Военно-дипломатическая академия ГРУ. Подбор и подготовка офицеров-разведчиков (структура академии, психология отбора слушателей, испытательные тесты, учебные дисциплины).

66. Любимов Михаил, Спицын Евгений, Сванидзе Николай, Кургинян Сергей. Время, начинаю про Ленина рассказ... К 150-летию со дня рождения вождя мирового пролетариата. «Литературная газета», 22 апреля 2020 года.

67. Зубов Михаил. В 1991 году Ельцин боялся пролить кровь. М.: «Метро», 2021.

68. Бовт Георгий. Архитектор перестройки. М.: «Вечерняя Москва» № 35, 8-15 сентября 2022 года.

69. Ныркова М.С. Карта города Омска, его центра и окрестностей. Омск: «Роскартография», 2023.

70. Дюрягина Л.И. Я в глубь веков с волнением гляжу. Тюмень: «Тюменский дом печати», 2023.

71. Митрополит Тихон (Шевкунов). Гибель империи. Российский урок. М.: «Вольный странник», 2024.

Содержание

<i>От автора</i>	3
Моя Малая родина и её историческое прошлое	7
Мои родители и ближайшие родственники	17
Ранние детские годы	27
Начальные школьные годы	39
Продолжение школьной учёбы	50
Отрочество. Увлечения и игры отроческих лет. Родная улица.	62
Старшие школьные годы. Очередная смена места жительства	74
Учёба в Омском профессионально-техническом училище № 21 и Омской школе рабочей молодёжи № 2. Работа на военном заводе «Почтовый ящик № 7»	88
Учёба в Тихоокеанском высшем военно-морском училище имени С.О. Макарова (ТОВВМУ)	97
Служба в 1-м Отдельном дивизионе торпедных катеров 41-й Севастопольской бригады Краснознамённого Черноморского флота	110
Служба в Отдельном 73-м приёмо-передаточном дивизионе 41-й Севастопольской бригады Краснознамённого Черноморского флота	124
Подвиги русского воинства в первой героической 1854-1855 годов обороне Севастополя.	142
Поступление в Военно-дипломатическую академию и учёба в ней	168
Служебная командировка на Кипр.	177
Учёба в Адъюнктуре. Начало самостоятельной педагогической деятельности	192

Служебная командировка в Турцию. Особенности работы в анкарском военном аппарате	203
Возвращение в Москву. Продолжение службы в Военно-дипломатической академии	231
Досуговые увлечения и пристрастия. Изучение достопримечательностей Москвы	246
Подмосковье, его исторические ландшафтные и архитектурные памятники.	262
Исторические города и населённые пункты Центральной части России	289
Увлечение литературным творчеством	374
Вместо эпилога.	394
Листая страницы семейных альбомов	397
Список литературы	441

Литературно-художественное издание

Харюшин Аркадий Ананьевич

Дорогами жизни

Фото – *Е. Коловрат*
Корректор – *С.В. Крусман*
Дизайн-макет – *У.Д. Иващенко*

Подписано в печать 27.02.2026
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84х108/₃₂
Гарнитура «Palatino Linotype». Усл. печ. л. 14
Тираж 150 экз. Заказ № 3417

ISBN 978-5-00246-600-9

Издательство «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1
тел.: +7 (495) 690-67-19
www.uniki.ru